

ОДЕССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

210-летию Одессы посвящается

Дом князя Гагарина

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Выпуск 3

Часть вторая

Одесса
ЗАО «ПЛАСКЕ»
2004

ББК 83.3 (4Укр-4Оде-2Оде) Л6

Д 66

УДК 069.02:8 (477.74-25)

Дім князя Гагаріна: Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. — Вип. 3. Частина друга. — Одеса: ЗАТ «ПЛАСКЕ», 2004. — 368 с., іл.
ISBN 966-8692-01-2

В сборнике представлен широкий спектр материалов об истории литературной жизни Одессы XIX—XX веков — научные статьи, биографические очерки, описания раритетных экспонатов, первые публикации материалов, хранящихся в фондах Одесского литературного музея.

Книга адресована исследователям, научным сотрудникам музеев и архивов, краеведам и всем, кто интересуется литературной и культурной историей Одессы.

У збірнику представлено широкий спектр матеріалів з історії літературного життя Одеси XIX—XX століть — наукові статті, біографічні нариси, описи раритетних експонатів, перші публікації матеріалів, що зберігаються у фондах Одеського літературного музею.

Книга призначена дослідникам, науковим співробітникам музеїв та архівів, краєзнавцям і загалом всім, кого цікавить літературна та культурна історія Одеси.

Редакційна колегія:

Ліптуга Тетяна Іванівна, директор ОЛМ;

Семикіна Галина Георгіївна, завідувача відділом науково-дослідницької та експозиційної роботи ОЛМ;

Яворська Олена Леонідівна,
заступник директора з наукової роботи ОЛМ

Д 4603010000
2004

© Одеський літературний музей, 2004
© ЗАТ «Пласке», 2004

*А дом князя Гагарина!
Тот дом, в котором открыл свою деятельность
одесский Литературно-художественный клуб!*

А. М. Дерибас

ОГЛАВЛЕНИЕ

Статьи

<i>Е. Д. Толстая.</i> Деготь или мед. Алексей Толстой в 1917—1919 гг. (неизвестные тексты и материалы).....	5
<i>И. Г. Саерасова.</i> Нестационарные звезды	130
<i>Е. М. Голубовский.</i> Звезда Иерусалима	140
<i>А. Л. Яворская.</i> Материалы к биографии Семена Гехта.....	157
<i>А. И. Ильф.</i> Фазини: Одесса — Париж.....	258
<i>А. Н. Полторацкая.</i> Жорж Сименон — поклонник Одессы.....	301
<i>Т. Ф. Фоогд-Стойнова.</i> Письма Владимира Алексеевича Пяста.....	314
<i>Л. А. Мельниченко.</i> «Мишка вернулся в Одессу»	328
<i>Н. Е. Михайлова.</i> Биография в письмах. Пять писем Б. А. Лавренева одесскому адресату.....	350

Публикации

<i>А. Н. Толстой.</i> Пусть они не ошибутся	92
Диалоги.....	96
«На святках суженый».....	101
<i>Тэффи.</i> Автор.....	137
<i>Георгий Шенгели.</i> Еврейские поэмы	142
Письма <i>Семена Гехта</i> в фондах ОЛМ	216
Письма <i>Фазини</i>	265
Письма <i>Бориса Лавренева</i> Любви Кармалиной.....	355
Коротко об авторах	365
Издания Одесского литературного музея	366

Е. Д. Толстая

ДЕГОТЬ ИЛИ МЕД

Алексей Толстой в 1917—1919 гг.

(неизвестные тексты и материалы)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первые месяцы революционного 1917 года Толстой записал: «Литература — чистое искусство — это отстоявшееся вино жизни. А что же я поделаю, когда вино взбаламучено и бродит, когда сам черт не разберет, что это — деготь или мед...»¹

Мы двигаемся с нашим героем в потоке истории вслепую, никогда не зная заранее, а только гадая: что это — деготь или мед, спасение или гибель, правда или ложь? Нам и постфактум трудно найти однозначный ответ: деготь всегда смешан с медом. И мы, вместе с нашим героем, мало-помалу отказываемся от прямых суждений, обретаем двойное зрение, сплетаем обе правды в один голос.

Картина литературного процесса первой четверти прошлого века благодаря исследованиям и публикациям последних двух десятилетий совершенно изменилась. Лучшие авторы были возвращены читателем.

Однако отдельные фрагменты этой картины все еще остаются мутными и нерасчищенными. Это касается и Алексея Толстого, как, впрочем, и некоторых других фигур советского «первого ряда», которые — наверное, по справедливости — вызывают сейчас отталкивание. Тем более, что они сами, и Алексей Толстой, может быть, больше всех, участвовали в искажении и фальсификации собственной своей литературной биографии.

Елена Толстая любезно предоставила для нашего сборника обширные фрагменты из своей новой книги «Деготь или мед», готовящейся к печати: часть 8-й главы («Дантон в Одессе») и главы 9—11 — «Начало распыления — Одесса», «Одесская журналистика: статьи из газет» и «Рассказы 1919 года». К сожалению, объем сборника не позволяет опубликовать весь этот, чрезвычайно интересный, материал, поэтому пришлось ограничиться частью 8-й главы, 9-й и тремя характерными отрывками из 10-й. — *Прим. ред.*

Заинтригованная несходством между первой и второй половиной литературного пути Толстого и нежно благодарная ему за то, что на томах его собрания — на ранних и эмигрантских его вещах — я выучилась читать, я предприняла попытку восстановить досоветского Алексея Толстого. Наибольшего внимания требовали зияния в его литературной биографии: самыми неисследованными оказались 1918–1920 годы, когда Толстой сотрудничал в антибольшевистской прессе. Статьи того периода до сих пор неизвестны читателю. Художественные же произведения той поры он впоследствии подверг жесточайшей цензуре, многократно переписывая их до полной неузнаваемости — настолько что, читая их в подлинниках, укрепляешься в мысли, что Алексей Толстой — неизвестный писатель.

Опорные точки «новой» концепции Толстого, выяснившиеся в процессе написания этой книги, таковы: Толстой — человек современного, прагматичного склада, обдуманно строивший свой публичный имидж и тонко угадывавший «литературный заказ» ближайшего будущего. Эти его таланты были замечены такими современниками, как Бунин, который писал о них иронически в «Третьем Толстом», и как Ветлугин, который оценил сложность его игры и ее эффективность.

Доминантной чертой оказывается двойственность, иногда многозначность толстовских решений. Гр. Толстой расшифровывается для одних как граф, для других — как гражданин. Татарин оборачивается римским патрицием, ленивый барин — энергичным мешочником, «дворянство» — бутафорией и стилизацией.

В литературе то же свойство выражалось как способность быть внятным для многих. Толстой строил свою литературную нишу на грани элитной и массовой литературы, популяризируя элитные идеи в произведениях, всегда снабженных захватывающим мелодраматическим сюжетом. Эстетический смысл такой прозы — в создании языка — общепонятного, но способного рассказывать ярко и просто о сложном. Такой язык — доброкачественный и чистый, старый и одновременно новый, прихотливый, субъективный и гибко передающий «чужое слово» — и был сферой «изобретения» Толстого, чье присутствие в литературе уже как образца для других ощутимо в прозе 1918-го — начала 20-х годов.

А. Н. Толстой. Портрет работы Ю. Анненкова

В политике амбивалентность также была всегда ему присуща. Гипотезу о его кровожадном антибольшевизме Толстому, о котором вспоминает пристрастный Бунин, пришлось отвергнуть — ничто в собственных толстовских текстах ее не подтверждает.

Зато совершенно естественным в этом свете выглядит его сменовеховство. Толстой сознательно строит двойственный «право-левый» образ — как летом 1917 года, в статье о Государственном со-

вещании, так и летом 1918-го, когда, несмотря на террор, он заявляет, что Россия жива и выйдет из всех передрыг великой, а большевики ее только укрепят; той же осенью он пишет, что кризис только на поверхности России, а в глубине ее — живые соки, делающие страну единым целым. Великодержавные надежды Толстого и его упрямая вера в то, что Россия переболеет большевизмом и укрепитя, сохраняются в самые тяжелые минуты, — похоже, что он был «сменовеховцем до сменовеховства».

Неизвестные тексты Толстого: московские статьи, первый фрагмент из романа о революции (будущее начало «Восемнадцатого года»), статьи из одесской периодики и интервью, как и хроника его одесской деятельности — все подтверждает впечатление о серьезном, ответственном авторе, перерабатывающем элитарнейшие представления в тексты для широкого читателя. В текстах этих слышны отзвуки статей революционных лет Бер-

дяева, Булгакова, Вячеслава Иванова, следы теософских и антропософских построений, новейших европейских исторических теорий. Они запоминались: эхо интонации Толстого сохраняет даже Мандельштам в «Четвертой прозе», в «Белой гвардии» слышатся цитаты из толстовского «Милосердия!», реминисценции оттуда, похоже, сохранились даже в «Мастере и Маргарите».

Неожиданно для исследователя дореволюционный Толстой оказался автором, делающим основную ставку на театр, упорно пробивающимся на сцену. И весь революционный год — с весны и до конца 1918-го — посвящен переделке бюхнеровской «Смерти Дантона», которую Толстой переписал полностью и которая стала главным его проектом того времени. Но пьесу Толстого, которую поставили и в Москве и в Одессе, постигла неудача — стечение разнообразных обстоятельств: от политических и военных до случайных и личных. И тем не менее пьеса — в чтении — воспринималась на ура.

Принято было считать, что в Одессе постановка «Дантона» не была доведена до конца. Но спектакль шел в Одессе и освещался в печати больше, чем любая другая пьеса того года.

Последняя часть книги посвящена отражениям революционного периода в эмигрантских вещах Толстого. Я пытаюсь восстановить первоначальное звучание романа в его журнальной версии, подчеркиваю те акценты, которые убирал Толстой при переделках.

Одна из стержневых тем книги — отношения Толстого с Эренбургом, данные через взаимодействие их текстов; других следов их реальных конфликтов не сохранилось.

Эта монография выросла из исследовательского проекта «Серебряный век Алексея Толстого», работа над которым велась при поддержке гранта Фонда фундаментальных исследований Национальной академии наук Израиля.

Я благодарю всех, кто помогал мне в этой работе: Мирона Петровского и Александра Галушкина — за неоценимую помощь в поиске материалов. Особенную признательность хочу выразить одесским историкам Григорию Демьяновичу Зленко, помогшему мне ориентироваться в одесской периодике, и Сергею Зеноновичу Лушкику, открывшему передо мной все картотеки. Никогда не забуду, как щедро помогали мне сотрудики

Одесского литературного музея, прежде всего Алена Яворская, и работники отдела искусств Одесской государственной научной библиотеки имени А. М. Горького во главе с Ольгой Барковской. И, наконец, я навсегда в долгу у Романа Тименчика, помогавшего мне бесценными советами на всех этапах работы.

ДАНТОН В ОДЕССЕ

Тема Великой Французской революции в «культурно-просветительной работе» 1917–1918 годов казалась необыкновенно актуальной. Ориентация на французские образцы захватывала не только терминологию; иногда речь шла о воссоздании, пусть даже игровом, целых пластов эпохи. Ср. газетную заметку лета 1917 года:

«Опубликовано сообщение о том, что Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов устраивает в первой половине сентября в Летнем саду в пользу русских военнопленных грандиозное гулянье — зрелище, посвященное эпохе Великой Французской революции.

Будет построен бутафорский городок, изображающий Париж того времени. На подмостках будут выступать актеры, изображающие художественно-артистическую богему конца XVIII столетия.

Режиссерской частью заведует Н. Н. Евреинов, историко-литературной — Ю. Л. Слезкин. Художественная часть поручена Ю. П. Анненкову.

Гулянье должно было продолжаться три дня»

(«Вечернее время», Петроград, 18 (31) авг. 1917).²

Одной из ярких черт эпохи были замечательные лекции о Великой революции знаменитого журналиста Власа Дорошевича, начавшего их читать в 1918 году в Москве и затем объехавшего с ними весь юг России — Харьков, Екатеринослав, Киев и Одессу. В Одессе он читал 30 (17) января в Городском театре на тему «Великая Французская революция: ее журналисты»³. Вторая лекция была о Наполеоне. Панегирик лектору мы находим в статье Ст. Радзинского, пламенного постоянного фельетониста «Одесского листка»:

«И с грустной, мудрой, познавшей улыбкой, в которой было что-то от пифии и от жрецов Будды, [он] заключил — „Хорошо жить в такой стране, где уже была революция“»⁴.

Екатеринославский «Приднепровский край» писал:

«По отзывам харьковских газет, в лекциях В. М. Дорошевича перед слушателями воскресают картины великого и мрачного прошлого, до ужаса сходные с кошмаром наших дней.

Ярко и красочно обрисованы те дни террора, когда равная для всех гильотина всевластно царил в Париже, — когда издавались даже специальные листки под циничным названием „Тиражи лотереи св. Гильотины”»⁵.

(Вспомним, что Дорошевич коллекционировал афиши и листки времен Французской революции.)

Надо заметить, что тема судеб Французской революции в весьма оригинальном преломлении решалась историком Г. Ленотром — он описывал человеческие судьбы, прослеживал историю домов, драгоценных предметов, мебельных гарнитуров, и т. п. Очерки Ленотра публиковались в журнале «Объединение» в переводе Александра Кипена: в первом номере напечатан был его очерк «Мебель господина Бертелеми. (Из четвертой серии очерков «Старинные дома и документы»)»⁶. Бунин позднее использовал очерки Ленотра для своего цикла «Окаянные дни».

Одесский историк и журналист Ал. Инович (псевдоним К. Бархина) писал в середине октября 1918 года в статье «Юбилей «Мышеловки». 1793–1918»: «В старой Франции было две замечательные тюрьмы: милая, оклеветанная толпой Бастилия и лабиринт омерзительных гноилок, известный в народе под фигуральным названием „Мышеловки”»⁷. Автор отмечал мягкий режим Бастилии, куда брали с собой прислугу и где можно было принимать гостей и закатывать пиры.

Тема гильотины была актуальной: в то же самое время в Киеве, а потом в Одессе выступал знаменитый режиссер Н. Н. Евреинов с лекцией-диспутом «Театр и эшафот» (в театре «Гротеск»), из которой впоследствии выросла его книга о театральности в жизни: церковные, судебные, пенитенциарные ритуалы описывались им как театральные зрелища. Но мало кто догадывается, что, как явствует из газетных заметок непосредственных свидетелей этой лекции, первоначально «Театр и эшафот» был пародией на лекцию и зрители умирали со смеху.

С самого приезда Толстого в Одессу тема будущей постановки «Смерти Дантона» часто обсуждается в прессе, например:

«...произведение Ал. Толстого «Смерть Дантона», принятое к постановке одесским Драматическим театром, следует понимать как новый прием освещения революции. В ней изображен, так сказать, «перевал революции». Пьеса будит в зрителе свежие впечатления недавно пережитого бурного периода русской истории»⁸.

В тот же день, 14 сентября 1918 года (накануне отъезда в концертное турне по городам Украины), Толстой читал пьесу вслух. Г. Треплев (псевдоним А. Смирнова), московский театральный критик, расхваливший пьесу после чтения ее актером в Москве, тоже оказался в Одессе и перепечатал здесь свою московскую рецензию, применив ее к новой обстановке: «В Драматическом театре в скором времени будет поставлена трагедия Бюхнера «Смерть Дантона», бывшая под цензурным запретом»⁹ — и далее по уже цитированному тексту.

Кулисы.

Драма.

— Выясняется, что в труппе драматического театра нарушено 9 контрактов, и самой большой убылью является отсутствие г. Борисова и г-жи Токаревой.

— С. Т. Варский выехал для переговоров с артистом г. Кузнецовым, который выразил согласие выступить в труппу на оклад в 5⁰⁰⁰ рубл.

— Макеты готовящейся к постановке пьесы «Адриенна Лесувьер» уже стали художникам.

— На сессии, шедшей в Драм. театре, читали пьесу Ал. Толстого «Смерть Дантона» автор ознакомил артистов со своей трактовкой пьесы. Эта пьеса, между прочим, родилась из предложения Московск. театра Корня перевести пьесу Бюхнера. Но Ал. Толстой, отказавшись от перевода, взял ее как литературную предпосылку и написал пьесу, писал он говорить, «на тему французск. революции»; избрав те моменты, которые особенно иллюстрируют русское общество. Эти моменты, если их взять даже во истинной исторической обстановке, производят жуткое впечатление. Главная роль в пьесе по совпадению необходимых данных у артиста П. Г. Бартола.

Пока артистка цыганка ходила для. В среднем на круг приходится по 5400 р спектакль.

На толстовскую работу «возлагались усиленные надежды»: «В драматическом театре сейчас усиленно готовятся к постановке новой пьесы А. Толстого «Смерть Дантона».

На эту новинку антрепризой возлагаются усиленные надежды.

Она должна вознаградить театр за все материальные неудачи, которые он понес до сих пор.

Страшная игра случая.

Смерть Дантона послужила некогда гибели французской революции.

А теперь смерть великого трибуна является якорем надежды и спасения нашего театра»¹⁰.

А театральный журнал «Фигаро» после чтения писал:

«Пока антреприза довольна ходом дела. В среднем на круг приходится по 5400 р. спектакль»¹¹.

Режиссером предполагался И. Ф. Шмидт, ставивший пьесы Толстого в Москве, ближайший друг его дома. Премьера в Одесском драматическом театре, так называемом театре Сибирякова (на улице Херсонской, нынешней Пастера, недалеко от университета и публичной библиотеки — теперь в его здании вот уже 70 лет размещается Украинский театр), намечалась на годовщину Французской революции. 23 ноября театральный журнал «Мельпомена» объявляет о предстоящих 25–28 ноября спектаклях «Смерти Дантона».

Первоначально предполагалось, что Дантона сыграет сам знаменитый Николай Собольщикова-Самарин. Впоследствии он был заменен актером П. Баратовым.

Однако Толстого подстерегали разнообразные сюрпризы. В конце сентября было объявлено о болезни и отъезде И. Ф. Шмидта. Незнакомец (Б. Д. Флит) писал ехидно:

«Упаси Бог, чтобы я не верил действительности недуга маститого режиссера.

Я доверчив, и верю даже в настоящую болезнь Ллойд-Джорджа.

Я просто радуюсь, что человек вовремя заболел.

Вы подумайте только:

— Сезон бледен, как барышня, пожирающая лимоны, анемичен и сер.

Быть может, г. Шмидт меньше всего виноват — нет трушпы, нет новых пьес, трудно работать и все такое. Но

ведь обвинять будут главного режиссера, — если ему повезло, он заболел чуть ли не в начале сезона — как же тут не поздравить его.

Я знаю г. Шмидта еще по Москве. Режиссер он больше г-жи Полевицкой, чем всего театра. Он все свое внимание уделяет тому, чтобы чудесно обставить спектакль г-жи Полевицкой. Артистка заслуживает такого внимания, бесспорно, но чем же публика и театр виноваты?

<...> И вот — волею врачей и медицины — наш театр в начале сезона остается без главного режиссера, без руля и ветрил.

Что же это? Развал? Анархия? Русский фронт? <...>¹²

В следующем номере «Фигаро» звучит тревога за судьбу Драматического театра: Шмидт ушел, режиссера нет, Собольщиков-Самарин, опытный режиссер, приглашен лишь в качестве актера, не позвали и Озаровского: «У нас давно не было такого вялого, такого скучного театрального сезона», — замечает журнал¹³.

Взялся ставить пьесу опытный московский режиссер Главацкий.

Но премьера «Дантона» совпала с входом в Одессу петлюровцев. Положение Одессы постоянно ухудшалось, и 28 ноября они взяли город без боя. 29 ноября В. А. Муромцева-Бунина записала в дневнике:

«Мы в республике. Петлюровские войска вошли беспрепятственно в город <...> Поведение союзников непонятно <...> Сегодня, вместе с политическими, выпущено из тюрьмы много уголовных. Вероятно, большевицкое движение начнется, если десанта не будет»¹⁴.

На улицах Одессы вечером стреляли и раздевали. Света не было. Люди боялись после пяти часов выходить.

1 (14) декабря 1918 года «Одесский листок» поместил объявление, которое, как нам представляется, должно было радикально отразиться на театральной жизни:

«Мобилизация»

На усиление Добровольческой армии для борьбы с большевизмом и анархией призываются:

посл. [едних] трех лет — артисты Гос. театров;

посл. [едних] пяти лет — арт. Гор. театра;

сезона 1918—1919 — арт. Драм. театра;

допризывники – арт. Гротеска;
предельного возраста и веса – арт. Фарса.
Сборный пункт – Русский театр.
Время: 5 дек. н[ового] с[тиля]».

Все эти передраги весьма ощутимо сказались на премьере «Смерти Дантона», которая состоялась накануне самого вторжения петлюровцев в город, когда в городе царил страх и участились перебои с электричеством, из-за чего была сорвана генеральная репетиция.

Газеты выступили с резкой критикой пьесы еще до премьеры. К проекту Толстого с самого начала отнесся враждебно главный редактор «Одесских новостей» Израиль Моисеевич Хейфец. Еще осенью Толстой писал в Киев Андрею Соболю:

«<...> есть такой Израиль Моисеевич – писательник – ядовитая личность, который, кажется, собирается меня утопить вместе с Дантоном»¹⁵.

Видимо, Хейфецу не по нраву пришлась толстовская модернизация истории, поскольку пьеса была дискредитирована, так сказать, авансом: накануне премьеры, 24 ноября, «Одесские новости» дали большую, весьма неодобрительную статью одного из ведущих авторов, Ар. Мурова, издателя-редактора «Фигаро», написанную под впечатлением генеральной репетиции:

«...он растворил [историческую правду] в той правде, какую мы обрели в горниле наших современных испытаний. Красота и величие прошлого как бы потускнели в нашей горечи, герои как бы сошли с пьедестала и чары, которые нас гипнотизировали на протяжении многих десятилетий, потеряли свой былой блеск и силу.

Ал. Толстой даже не захотел изменить своей привычной манере письма. К большим людям и большим событиям он подошел [со] своим необыкновенно простым и добротным языком и охватил их так, будто он с ними непосредственно столкнулся.

Оттого-то и весь идейный стержень трагедии оказался вынутым из истории, или вернее будет сказать, что в революционные события, в которых участвовал французский народ, оказалось вложенным то, что мучительно стянуло в кошмаре потрясенное ужасами большевистской гильотины наше сознание. <...>

Заключительные слова обезумевшей от горя Люси: «Да здравствует король!» несомненно взяты из пьесы Бюхнера с намерением довести до логического конца режим гильотины. Ведь и мы теперь подобным образом пророчествуем, когда взвешиваем разнузданный террор советской власти. Тем не менее я бы не сказал, что финал пьесы кого-нибудь из нас порадует. Он неприятен уж тем, что как будто что-то подчеркивает... <...>

Не подлежит никакому спору, что гр. Ал. Толстому представилась полная возможность высказать свой взгляд на революцию и ею он, конечно, воспользовался. И легко понять подобный взгляд и подобное настроение, когда видишь картину, как санкюлоты собираются повесить «франта»: «У него носовой платок — значит, белоручка. На фонарь его!» И у нас так ловили и ловят «буржуев» и интеллигентов. Но в этом ли только революция?¹⁶

На следующий день, 25 ноября, во время спектакля в театре погас свет, и премьера была практически сорвана.

Газеты писали об этом юмористически:

«Первое представление «Смерти Дантона» вышло «КОМОМ».

Недостаточно переделать хорошую пьесу — нужно поставить ее еще в удачное время.

Свет погас как раз в тот момент, когда на фонаре вешали буржуя. Впрочем, публика могла думать, что просто фонарь испортился. Затем уже заседание конвента шло при одной свече. Слышно было, как т. Аркадьев — Робеспьер кричал: — Террор, террор!!

Но так как ничего не было видно, то публика стала спрашивать друг у друга:

— Что, уже большевики пришли?

Появились в ложах свечечки, засверкали спички. Было шумно, весело и — непонятно.

— Публика может получить обратно деньги, но если в зале останется хоть один человек, мы будем продолжать играть.

Но все же — играть не продолжали.

Публика бросилась к вешалкам, занавес тихо опустился.

Было мучительно больно за гр. Ал. Н. Толстого, вероятно, чувствовавшего большую обиду от нелепостей случая.

Спектакль был разбит, разрушен...
Французские буржуа на этот раз были спасены»¹⁷.

На следующий день все было в порядке, и премьера состоялась. Рецензии в газетах были взволнованно-неодобрительные — однако очень длинные. По количеству отведенного ей в прессе места «Смерть Дантона» оказывалась самым значительным драматическим спектаклем. Рецензии отразили политическое несогласие с неприкрыто антибольшевистской пьесой Толстого, изображающей Великую Французскую революцию вовсе не в героическом духе. Толстому не повезло и в том, что пьесы Бюхнера, в которой такое переосмысление уже было, никто не знал. Неподготовленная публика обиделась вдвойне, приписав Толстому радикальную ревизию Французской революции, в то время как это сделал еще Бюхнер.

Разумеется, положение города отразилось на восприятии пьесы: пассивность и безразличие Дантона сравнивал с равнодушием защитников Одессы ведущий театральный критик Одессы, авторитетный Лоренцо (Б. Я. Генис):

«Тяжелые, мрачные картины. Кровавый туман, окутывающий рельефы прошлого, жжет глаза, оседает на губах липкой и страшной слизью. Да полно, — прошлое ли это, или самое неподдельное, неприкрашенное настоящее? Тени минувшего встают воскресшими в кошмарном ужасе наших дней. Нет, они бледнеют и стыдливо жмутся в сторону перед страшными виденьями, которые ежедневно слетают со столбцов утренних газет. И самый газетный лист кажется весь закрашенным в одну кровавую красную краску.

В этом безумном кошмаре наших дней есть нечто еще более страшное, чем самый кошмар. Страшнее всего, что страшное перестает быть страшным. Что кровавый поток в конце концов рождает в нас равнодушные, отупение. Не то еще главная беда, что революция начинает нам казаться, как одному из персонажей Толстого, «просто мясной лавкой», а то, что это застает нас усталыми, уже не способными к новой борьбе»¹⁸.

Лоренцо отмечает апатию, охватившую зрителей:

«Равнодушные публики к пьесе — это только лишнее доказательство нашей усталости и равнодушия ко всему, что будит в нас гражданское чувство, что пытается вернуть к

общественной жизни, пробудить от спячки наших маленьких дантонов»¹⁹.

Публика, очевидно, не готова была пробудиться к новым революционным восторгам, и еще менее того — к ревизии Французской революции, на поклонении которой воспитывались несколько поколений русской интеллигенции. По тем же соображениям пьеса не понравилась и большинству одесских традиционно либеральных журналистов, которым неприятно было видеть на сцене развенчание старых святынь. Лоренцо писал:

«Трагедия не в том, что прекраснейшие, святейшие знамена человечества лежат затопленные в море крови, а в том, что эти опозоренные знамена перестают казаться нам прекрасными и священными, что не только исчезли силы снова поднять их, но исчезает и желание».

Удивительно, что Лоренцо из только что увиденной им пьесы Толстого, где автор попытался по-иному, по-новому переставить акценты, делает такие выводы, как если бы с тех пор ничего не случилось. Виновато их — или наше — душевное разложение, и поделом им — или нам:

«Все опустошено. Осталось только отвращение к крови и ненависть к политике. Осталась только жажда покоя, тишины и мира. Осталась жажда личного счастья — грубая, эгоистическая жажда наслаждений и радостей жизни. И в этом вся наша трагедия, в этом вся бездонная правда, весь неисчерпаемый ужас нашего падения.

Я не знаю, хороша ли пьеса А. Толстого или плоха. В ней очень много недостатков, и роковых недостатков. Но цель, которую он поставил себе, им достигнута. Трагедия наших дней воплощена им в образе давно минувшего с большой глубиной и силой. Я даже не знаю, в какой мере это была трагедия Франция. Это именно наша русская, наша нынешняя трагедия. Дантон — сердце и мозг Французской революции — Дантон, уставший от крови и ушедший в личную жизнь, утонувший в жажде наслаждений, — какой это верный, какой точный символ наших теперешних русских переживаний. Дантон гибнет в огне революции, падает жертвой бессмысленного террора, но как творческая личность он погиб уже раньше. Погиб в тот день, когда почувствовал себя равнодушным и усталым, изверившимся в правде революции, и потянулся к вину, к женским ласкам,

возмечтал об уединении и покое. Душевное разложение Дантона как нельзя вернее и ближе воплощает собой наше внутреннее разложение, и его материальная смерть – это трагический символ нашей смерти.

Такова, несомненно, идея пьесы, идея волнующая и значительная. Самая значительная, какую только можно себе представить в наши тяжелые дни. Борьба Дантона с Робеспьером представлена автором как столкновение деспотической и бесстрастной, бессердечной государственности, доведшей до бессмысленного предела свою извечную систему устрашения, и личности, изверившейся во всеосвящающей правде государственности. Робеспьер заносит нож гильотины над головой Дантона не потому, что видит в нем опасного вождя контрреволюции. Он казнит его как разложившуюся личность, потерявшую инстинкт общественности»²⁰.

В целом Лоренцо относится к позиции Робеспьера с пониманием, ведь Дантон для него – символ общего «разложения» интеллигенции, ее отхода от революции, заслуживающего кары. Идеи пьесы Толстого он так и не понял. Тот же Лоренцо высказал предположение, что, возможно, лучше было поставить пьесу самого Бюхнера (с которой он, напоминаю, не был знаком – ведь ее в 1905 году задержала цензура).

Действительно, в октябре 1918 года журналы сообщали, что знаменитая группа Макса Рейнхардта собирается привезти бюхнеровскую «Смерть Дантона» на Украину – гастроли предполагались с 1 по 20 января²¹. Не узнал ли об этом Шмидт раньше других? Не повлиял ли на его исчезновение и московский скандал с «Дантоном»?

Л. М. Камышников, яркий одесский театральный и художественный деятель и критик, констатируя крушение идеалов, позволил себе все же больше вольнодумства, чем остальные одесситы, компенсировав это удвоенной враждебностью к пьесе Толстого и спектаклю в целом:

«Наше преклонение пред завоеваниями свободы было так велико, что даже исключительная по демонической жестокости личность Робеспьера вызывала к себе с нашей стороны внимание, граничащее с преклонением. Но это было.

А теперь что? Теперь мы думаем и чувствуем иначе. Теперь мы освещаем красную эмблему революции холодным светом ненависти, пустого, лишённого всякой романтики

сердца, или, как говорит Толстой в предисловии к «Смерти Дантона» — в образах прошлого мы переживаем еще более кровавое настоящее. <...>

Ал. Н. Толстой революцию ненавидит. Ненавистью к революции проникнута вся пьеса от начала до конца, надо удивляться, как еще в Совдепии не догадались предать ее сожжению, ибо там собираются, кажется, ставить на сцене.

Пафос современности, вдохновляющий Толстого — это пафос негодования против революционного начала. „Революция, — говорит Геро в пьесе, — завершила круг, как змея, и ужалила сама себя в брюхо”²².

Рецензент возражает даже против жанрового обозначения пьесы как трагедии:

«При таком последовательном и вполне понятном для Толстого отращении к кровавому разгулу современности, становится несколько понятней название его пьесы «трагедией».

Если считать революцию трагедией современности, то в пьесе отсутствует элемент, ее переживающий. Для кого «Смерть Дантона» является трагедией?»

В итоге, писал Камышников, Толстой ненавидит своих героев и «только отрицает»: поэтому все скучно, сухо и мертво:

«Ни личность Дантона, ни сухость Робеспьера, ни грандиозность событий не захватила автора так сильно, как увлекла его современность наша, как обуяла его нелюбовь к революции вообще, французской или русской — все едино. И пафос Толстого — это только пафос отрицания, отталкивания, даже отвращения <...> И не будь в пьесе отражения нашей современности, она была бы еще более бесцветной и незначительной <...> Его [Толстого] равнодушие, его холодная нелюбовь к теме не отразила в пьесе даже обычного для этого талантливого писателя образного языка и блеска литературной формы.

Поставлена пьеса г. Шмидтом²³ так же холодно и беспасфосно, как и написана автором».

Даже язык показался Камышникову неинтересным — у других рецензентов все-таки хотя бы признается, что язык пьесы прекрасный.

Может быть, дело было в том, что Одесса еще не почувствовала прелестей террора на своей шкуре?

Хочется вспомнить здесь наивный оптимизм самого Толстого, его призыв в статье лета 1917 года помнить, что вблизи трудно увидеть подлинный лик революции, нужна дистанция. Рецензент Ар. Муров писал о «Смерти Дантона» буквально то же самое:

«Мы в конце революции, и нам трудно отойти от нее на расстояние, чтобы найти необходимую перспективу».

Похоже, что у Толстого после страшного московского терпора уже не оставалось проблем с перспективой.

Итак, успеха вроде бы не было:

«Приходится признать, что «Смерть Дантона» Ал. Толстого, о которой так много писалось в местной прессе, успеха не имеет. Исполнение — неровное. Лучше всех играл актер Харламов, темпераментом своим затмевавший Дантона — Баратова, что никак не соответствовало замыслу автора»²⁴.

О постановке все отзывались сдержанно — но из чтения этих заметок можно понять, что она была не так плоха. Рецензент Н. А. Пересветов с неудовольствием отмечал скромность средств, которыми располагал театр, сетуя, что «Дантон» не развернулся в массовую постановочную драму. Для нас это драгоценное свидетельство того, что спектакль носил авангардный характер, непривычный и раздражающий:

«Необходимость в возможно кратчайший срок предъявить двенадцать картин — свела обстановку мировых событий к интимным улочкам, закоулкам и миниатюрным намекам.

Дороговизна холста отождествила Пале-Рояль с парижским бульваром.

Недостаток костюмов превратил толпу определенной эпохи в маскарад.

Бедность в смысле интеллигентных сотрудников не дала возможности вышколить ту же самую толпу и сделать ее достаточно многочисленной...

Правда, режиссеры потратили много изобретательности для обхода поставленных им судьбою затруднений. Например, недостаток места и «народа» они в восьмой картине маскируют путем помещения публики трибунала ниже поля зрения присутствующих в зале, а в двенадцатой весь сценический план сводят к закоулочку, в котором заключена толпа.

Конечно, это остроумно и, пожалуй, хорошо, но не надо же быть несправедливыми, а потому отдадим должное также тому безвестному изобретателю провинции, который заменил отсутствующих воинов доской со шлемами, проносимой за кулисами с таким расчетом, чтобы зрители видели только эти шлемы несуществующих носителей их»²⁵.

В сходном тоне оценивает режиссерскую работу и Лоренцо. Из его оговорок можно понять, что в спектакле было много новаторских решений:

«Сам по себе режиссерский план постановки, выдержанный в тонах мрачного рембрандтовского освещения, надо признать прекрасным. Тут были проявлены и блестящая выдумка, и много режиссерского знания и умения. Некоторые разрешения сценических задач, как, например, в сцене революционного трибунала, поражали оригинальностью и смелостью замысла. Но осуществления получились значительно ниже художественных замыслов. Сценический аппарат оказался не на высоте задачи, и толпа кричала, шумела, но мало жила, мало переживала»²⁶.

Однако, критикуя постановку, рецензенты все же расшаркиваются перед драматургом. Несмотря на эскизность, Пересветов все-таки счел «Смерть Дантона»

«...очень интересным произведением на нашей бесплодной драматической почве. Литературный, прекрасный язык, эффектность со вкусом выбранных положений, точность исторической трактовки событий — все останавливает на новинке внимание читателя».

Лоренцо, нашедший столько недостатков и в пьесе, и в постановке, и в игре, под конец также оценивал весь спектакль высоко:

«И все-таки спектакль значительный и ценный <...> наконец, спектакль настоящих образов и настоящих театральных волнений. Спектакль, заслуживающий внимательного и серьезного отношения публики».

Налицо была явная непоследовательность, влияние. Зато решительно в пользу «Дантона» выступил издатель-редактор «Мельпомены» Евг. Я. Генис (Альцест). Можно только поражаться такому диапазону мнений: выясняется, что спектакль был увлекательным!

«В чисто сценическом отношении «Смерть Дантона» сделана довольно искусно и умело. Почти все 12 картин пьесы смотрятся с огромным, жутким, неостывающим интересом, который, по мере развития действия, усиливается и крепнет. Впечатление это еще более усугублялось интересно задуманной и талантливо выполненной постановкой пьесы. Играли «Смерть Дантона» очень недурно, и некоторые картины, как, например, 5-я у Робеспьера, 10-я в трибунале и 11-я в тюрьме, несомненно захватили и взволновали зрителей»²⁷.

Хотя большие газеты не выразили по поводу «Дантона» большого энтузиазма, театральные журналы, не озабоченные идеологической правотоверностью, хвалили спектакль: катастрофы не было. «Дантон» после четырех спектаклей был повторен 2 декабря, затем прошла страшная неделя боев в городе. Но «Дантон» все же шел еще раз 10 декабря — уже по обычным (то есть не бенефисным) ценам. Если верить «Фигаро» от 13 декабря 1918 года, «Дантон» 15 (2) декабря прошел по обычным ценам еще раз.

«Мельпомена» объявила в конце сезона, что зимний сезон в Драмтеатре, по заявлению его антрепренера М. П. Ливского, закончен без убытков²⁸.

Б. Варнеке, сетуя на отсутствие оригинальных новых пьес, теперь вспоминал «Дантона»... как удачу:

«Как ни удачны прошедшие на одесской сцене переделки из Дантона и Александра I Мережковского, все-таки они несомненные дочери того Фомы, который только на безлюдье может слыть за дворянина»²⁹.

Итак, судьба пьесы Толстого о Дантоне — главного его проекта 1918 года, на который потрачено было больше всего сил и времени, сложилась неудачно: в Москве, где публика была более подготовлена к восприятию пьесы, пьеса была снята, затем возвращена в искаженном цензурой виде, а одесская постановка имела весьма сдержанный успех — и не только в силу форс-мажорных обстоятельств, но и из-за догматизма одесской интеллигенции, не готовой к переоценке ценностей даже на грани гибели.

Дальнейшие переделки «Смерти Дантона» все же не сделали звучание пьесы достаточно приемлемым. Ни в одной из версий она больше на театре не ставилась.

Можно сравнить толстовскую пьесу с фильмом Анджея Вайды «Дантон», где также Французская революция реконструируется в свете тоталитарного опыта. Растерянная реакция на этот фильм во Франции сравнима с резонансом толстовской пьесы в Одессе.

Сам Толстой, очевидно, пережил случившееся как большой личный провал.

Может быть, дело было лишь в том, что, несмотря на все усилия Толстого, многострадальная пьеса так и осталась «пьесой для чтения»? Рецензии критиков, слышавших ее в авторском чтении накануне спектакля, звучали гораздо более одобрительно, чем отклики на спектакль. Так, Вальбе подчеркивал, что в чтении пьеса производит гуманное, доброе впечатление — постановка же, напротив, поразила всех мрачной безысходностью. Вальбе писал:

«О сценичности толстовской пьесы подробно будет писать после постановки и наш театральный рецензент. Но в чтении пьесы Толстого держит нас во власти хороших переживаний.

Гуманной мечтой о победе красоты и добра над жестокой нивелировкой человеческой личности, тихой, мудрой скорбью о незавершенном и не достигнутом в вековых полетах человеческого идеала отмечены некоторые яркие сцены толстовской пьесы.

И оттого она злободневна. И далекие отзвуки Великой Французской революции сплетаются с рыданиями и надрывами бушующей современности.

Остро и близко чувствует Толстой самую современности.

И при хорошей актерской игре, нам думается, пьеса Толстого может освежить нашу притупляющуюся эмоциональность в восприятии тех трагических дел и дней, которые так обильно выпали на долю нашего поколения»³⁰.

Возможно, текст, игравшийся на театре, сильно отклонился от текста, который Толстой читал актерам: Камышников дает свидетельство того, что пьеса в постановке игралась с несколько другим текстом, нежели печатный:

«А в конце, в самом финале пьесы, жена Камилла Демулена вскакивает на стол и кричит:

— Будь проклята революция, да здравствует король!

Впрочем, это только в постановке, на нашей сцене, а в оригинале, который лежит передо мной, финал пьесы другой. Там нет фразы о проклятии революции, но так как автор при постановке был, то, очевидно, новая редакция сделана с его согласия»³¹.

И в рецензии Валентина Катаева на чтение пьесы указывается на запомнившиеся ему места, которых нет в печатном тексте: например, Робеспьер говорит:

«Мне последнее время часто снится сон, будто я пишу длинный список тех, кто должен быть казнен, в конце списка ставлю — Максимилиан Робеспьер. И рука моя не может остановиться. И в холодном поту я просыпаюсь»³².

Кроме того, в авторском чтении Дантон кричал в тюрьме: «Слышите ли вы, революция сошла с ума! Поймите же, революция сошла с ума!»³³ — и этой реплики нет ни в одной версии толстовского текста.

В тот же день, когда вышли рецензии на злосчастную премьеру «Дантона» — 30 ноября, — «Мельпомена» сообщала:

«В Гор<одской> Аудитории приступили к репетициям новой пьесы гр. А. Н. Толстого «Ракета». В этом спектакле примет участие артистка Е. Т. Жихарева»³⁴.

Но больше об этом спектакле не писали — видимо, ответ неудачи «Дантона» упал и на «Ракету». Толстой в декабре мало появляется на публике. Он делает логическое умозаключение: драма не удалась, пусть будет проза. 25 (12) декабря, на «Среде», он читает рассказ «В бреде» — по всем признакам, главу из романа.

Напрасно театральные журнальчики хихикали, как «Мельпомена»:

«Граф А. Н. Толстой после успеха «Смерти Дантона», написанного в сотрудничестве с Бюхнером, ищет нового талантливого покойника в соавторы для следующей новинки»³⁵.

Следующие три месяца он отходит от драматического театра, ограничиваясь участием в разнообразных праздниках, организацией кабре и т. д.

И только 12 марта 1919 года он выносит на суд публики, на «Среду», новую комедию «Любовь — книга золотая».

Пьеса «Смерть Дантона» выходит отдельной книжкой в конце зимы — начале весны 1919 года в Одессе, в издании Юж-

но-Русского общества печатного дела. Как и на многие другие книги, вышедшие перед самым приходом большевиков, рецензии на нее появились лишь через полгода, когда добровольческие войска вновь заняли Одессу и свободной прессе было даровано еще полгода жизни перед окончательным распространением советской власти на юг России. Ожил и «Одесский листок», и 28 сентября К. В. Мочульский опубликовал в нем рецензию на пьесу Толстого:

«Трагедия усталости

(по поводу пьесы гр. Ал. Толстого «Смерть Дантона»)

После революций наступают эпохи скепсиса и пессимизма, после динамики действия — статика размышления. Почему самые благородные идеи надевают подчас оскаленные звериные маски, почему мечта о золотом веке, пронзив землю, заставляет ее истекать кровью, почему свобода вырождается в рабство, а братство — в братоубийство? <...>

И вот переживших революцию, вернее — уцелевших от нее, охватывает сомнение. Оно заливают весь мир, отравляет каждую мысль и каждое чувство, сковывает движение. После эпохи безграничной веры — наступает время столь же безграничного недоверия. <...>

Памятником завершившейся эпохи «изживания революции» является недавно вышедшая в печати трагедия гр. Алексея Н. Толстого «Смерть Дантона» (издание Южно-Русского об-ва печатного дела. Одесса. 1919).

Странная трагедия — в ней отсутствует и драматическое действие, и трагический пафос. Правда, в предисловии автор заявляет, что «пафосом пьесы было переживание в образах давно минувшей эпохи нашей еще более кровавой и страшной революции». Однако в изображении А. Толстого революция ни страшна, ни кровава: она просто нелепа и скучна.

<...> Автору не удастся убедить зрителя, что такой миролюбивый, трогательно-добродушный буржуа — кровавый Дантон, виновник сентябрьской резни. Трагедия строится на теме усталости и разочарованности; естественно, что на этой выжженной почве трагическое действие вырасти не может <...>.

Таков пафос трагедии и вместе с ним пафос революции. А. Толстой не поднимается над кровавым туманом

1918 года — и сквозь его пелену события 1793 года представляются ему сплошной «грязью» и «мерзостью». «Революция должна кончиться, — говорит одно из действующих лиц, — и наконец-то мы перестанем навязывать друг другу каждый свою глупость. Никто не должен мешать другому жить. Оставьте человечество в покое». «Государственное устройство должно быть прочной, но легкой одеждой: а на нас хотя бы напялить власяницу Кастрата. Я протестую».

И вся пьеса есть протест индивидуалиста против насилия государства. Грубая власть, вторгающаяся в семейный быт, в личную жизнь человека, регламентирующая его существование, контролирующая его мысли, посягающая на свободу его духа, — эта власть отождествляется здесь с государством, и борьба с ней приобретает характер анархический. Пьеса Ал. Толстого — любопытный документ пережитой и завершенной индивидуалистической эпохи. Мы вышли из нее под знаком Великой единой России, и путь наш лежит от анархии к новой форме государственности³⁶.

В этом забавнейшем тексте Толстой со своим Дантоном оказываются носителями якобы неуместного в «новой русской государственности» Деникина индивидуально-анархического начала. Видно, большевистская интермедия лета 1919 года заставила население по контрасту оценить нормальные государственные устои и почувствовать, насколько хрупки они и нуждаются в консолидированной поддержке. Возможно и другое: Дантон выступает против «плохого» государства, но это не распространяется на существующий строй. Скорее всего, Мочульский защищает пьесу от обвинений в революционности, вполне возможных (вспомним монолог из «Хмурого утра»).

Как бы там ни было, рецензия Мочульского, дрожащего над деникинской «государственностью», напоминает о Лоренцо, не одоббившем Дантона — «личность, изверившуюся во всеосвящающей правде государственности». Толстой, утверждавший устами Дантона священные права личности, оказался и у него под подозрением.

Итак, «Смерть Дантона» вспомнили еще раз в освобожденной Одессе осенью 1919 года, когда печать обсуждала культурные вехи прошлого сезона, насильственно и внезапно оборванного, и в числе прочих — пьесу Толстого.

Резюмируя, можно сказать: «Смерть Дантона» была не самым ярким театральным событием сезона 1918—1919 годов. Самые восторженные и развернутые театральные рецензии посвящались актрисам — Е. Полевицкой и Е. Рожиной-Инсаровой. И все же толстовский проект получил неизмеримо больше внимания, чем любая другая пьеса сезона. На него отреагировали все газеты длинными, подробными рецензиями. Чувства были смешанные, но все признавали важность этого спектакля и, не соглашаясь со многим, все же относили его к лучшему, что дал сезон.

НАЧАЛО РАСПЫЛЕНИЯ — ОДЕССА

Хроника пребывания Толстого в Одессе

1918

н. ст. / ст. ст.

24/11 августа	В. Бунина отмечает приезд в Одессу Н. В. Крандиевской с детьми.
25/12 августа	Объявление об участии Толстого в совете театральной студии Тезавровского.
27/14 августа	Вечер Толстого и Н. В. Крандиевской.
31/18 августа	В. Бунина записывает в дневнике: «Приехал Толстой».
Двадцатые числа сентября — начало октября	Поездка по городам юга России: Харьков, Екатеринослав, Херсон, Ростов, Николаев.
27—28/14—15 сентября	Вечера Толстого и А. М. Федорова в Харькове.
5 октября/22 сентября и 12 октября/29 сентября	«Между небом и землей. Очерки литературной Москвы» I и II в газете «Южный край», Харьков.
9 октября/27 сентября	Премьера «Смерти Дантона» в Москве в театре «Новый Корш».
24/11 октября	Ст. «То, что надо знать» в газете «Одесские новости», № 10824
27/14 октября	Ст. «Левиафан» в газете «Одесский листок», № 227.
30/17 октября	Выступление, вместе с Н. В. Крандиевской, на «интимном вечере» студенческого литературно-художественного кружка.

- 10 ноября/
28 октября Ст. «Разговор у окна книжной лавки» в «Одесском листке», № 240.
- 14/1 ноября У Цетлиных. Керенский.
- 22/9 ноября Ст. «Не я, но ты» в «Одесском листке», № 251.
- 25—28/12—15 ноября Премьера «Смерти Дантона» в Драматическом театре.
- 28/15 ноября Войска Директории входят в Одессу без боя.
- 29/16 ноября Картина пятая «Смерти Дантона» в газете «Театральный день», № 184, с. 4—7.
- 1 декабря/
18 ноября Французы в Одессе.
- 3 декабря/
20 ноября Отменен вечер Толстого и Крандиевской в Киеве.
- 7 декабря/
24 ноября Ст. «Об одном человеке, попавшем в беду» в «Одесском листке» № 264
- 11 декабря/
24 ноября Ст. «Пусть они не ошибутся» в «Одесском листке» № 268.
- 18—19/5—6 декабря Бои за Одессу.
- 20/7 декабря В Одессе добровольческая власть.
- 24/11 декабря На «Среде» Толстой читает сказку «Олена многосемейная» и рассказ «В бреду»; М. О. Цетлин (Амари) — стихи и поэму «Декабристы».
- 29/16 декабря Ст. «Диалоги» в «Одесском листке», № 286.

1919

н. ст./ ст. ст.

- 1 января 1919/
19 декабря 1918 Сказка «Олена многосемейная» в «Одесском листке» № 1, 1919.
- 8 января 1919/
26 декабря 1918 Глава из рассказа «День Петра» в «Одесских новостях» № 10884. Толстой читает рассказ «День Петра» («Петр I») в зале кинематографа «Урания».
- 22/9 января «Среда». Толстой участвует в обсуждении фарса К. М. Миклашевского «Четыре сердцееда».
- 24/11 января Ст. «На святках суженый» в газете «Вечерний час», № 1.
- 28/15 января Рассказ «Набат» в журнале «Москвич», № 1.
- 1 февраля/
19 января Ст. «Мысли по поводу» в «Вечернем часе», № 8. Участвует в «Вечере одесской печати».

2 февраля/ 20 января	Участвует в вечере «Татьянин день» в «Союзе москвичей». Ст. «По поводу Принцевых островов» в «Одесском листке», № 29.
15/2 февраля 17/4 февраля	Ст. «Гибель искусства» в «Одесском листке», № 42. Организует художественное кабаре (будущий «Весенний театр») с Ю. Э. Озаровским.
19/6 февраля	«Среда». Слушает М. Волошина, говорит о всемирном значении его революционных стихов.
21/8 февраля	Выступает на вечере художников-беженцев.
26/13 февраля 12 марта/ 27 февраля	Участвует в «Устной газете». «Среда». Слушает В. Катаева, Э. Багрицкого.
18/5 марта	Открывается «Весенний театр» Озаровского и Толстого.
24/11 марта	Участвует в открытом письме писателей в защиту Е. Ю. Кузьминой-Караваевой в «Одесском листке».
25/12 марта 28/15 марта	«Среда». Читает пьесу «Любовь — книга золотая». Толстой участвует в вечере «Зеленой лампы» (читает рассказ).
4 апреля/ 22 марта	Эвакуация из Одессы в Константинополь на пароходе «Кавказ»
28 сентября/ 11 октября	Развернутая рецензия К. В. Мочульского «Трагедия усталости» по поводу пьесы гр. Ал. Толстого «Смерть Дантона» (Одесса, 1919) в «Одесском листке» № 30.
3/16 ноября ³⁷	Развернутая рецензия К. В. Мочульского на рассказ «День Петра» в сборнике А. Н. Толстого «Наваждение» (Одесса, 1919) в «Одесском листке» № 166.
5/18 декабря	Развернутая рецензия Б. Вальбе на сборник рассказов А. Н. Толстого «Наваждение» в «Одесском листке» № 198.
7 января 1920/ 25 декабря 1919	Первые главы «Хождения по мукам» в «Одесском листке» № 228.

В значительной мере в этой главе реконструируется уникальная историко-культурная ситуация Одессы. Толстой возвращается в одесский контекст и делается попытка прочесть его одесские произведения на этом фоне.

Именно этим раздвоенным интересом — не только к «Толстому в Одессе», но и к Одессе в неслыханной роли первой от Парижа до Берлина столицы русской диаспоры — объясняется

хроникальный характер этой главы. Здесь отчасти и сентиментальное стремление сохранить атмосферу старых заголовков, но также и чувство, что Одесса столкнула всех со всеми, перемешала города, акценты и стили, эпохи и поколения, и что важнее всего — смешала иерархии; здесь все сравнивалось со всем, все подвергалось переоценке. Именно здесь был котел, в котором варилась новая русская литература, театр и кино.

Здесь укрупнился человеческий масштаб. После Одессы становится великим писателем Бунин; Толстой подготовил здесь свой первый крупный роман; Евреинов приехал со «Школой этуалей», а вернувшись, написал «Самое главное». В Одессе происходит первое слушание и канонизация революционных стихов Волошина. После карнавала в Одессе — этой лучшей литературной академии — заявляют о себе всерьез молодые писатели южнорусской школы.

Одесская сцена представляет собой уникальное явление. На ней перетасованы прима-балерины Мариинского и Большого театра Воронцова-Ленни и Лидия Джонсон с одесскими персонажами вроде юмориста Александра Франка, «автора-куплетиста». Оперные примадонны мирового класса — великие Лидия Липковская или Вера Кошиц — выступают рядом с кинодивами Верой Холодной и Верой Коралли; местные одесские артистки стоят в этих списках бок о бок с великой драматической актрисой начала века — Екатериной Рощиной-Инсаровой (которая была кумиром еще матери Толстого³⁸), исполнительница цыганских романсов Надежда Плевицкая — со знаменитой драматической актрисой Еленой Полевицкой. Нам хотелось проиллюстрировать тему невероятного богатства и немислимой разнородности одесской культурной сцены. Поэтому мы сохранили документальный «фондовый» материал — например, списки участников благотворительных концертов, где Бунин с бароном Врангелем по пути в Крым и с Ф. Благовым (редактором «Русского слова», перевезшим газету в Одессу) поют под управлением Толстого «Гаудеамус», а декадент и теософ Волошин выступает рядом с еврейско-русским писателем Семеном Юшкевичем.

После Одессы, объединившей всех этих людей, их пути разойдутся. Липковская и Кошиц прославятся на весь мир и создадут собственные школы в Восточной Европе. Воронцова-

Ал. Ник. Толстой
(из его призыва в Одессу.)

Журнал «Фигаро», 1918

Бунин получит Нобелевскую премию и останется в эмиграции.

Когда-то Толстой планировал написать историю русского рассеяния. В его дневниковой записи есть фраза: «Начало распыления — Одесса».

Любопытно, что Толстой почти невольно обрастает в Одессе чем-то вроде литературного семинара наподобие того, что возник вокруг него зимой 1918 года в Москве в салоне Карамурзы и который он привел в старую «Среду». Здесь этот кружок тоже называется «Среда», в нем, используя присутствие Толстого как повод или рычаг, молодая (но не самая молодая) литературная элита Одессы утверждает новый для Одессы, но уже победивший в Петербурге взгляд на литературу как искусство со своими особыми законами, на его автономию от политической злобы дня и нравоучительной тенденции. «Среда», в

которой воцаряется вольный дух и неформальный обмен мнениями, становится важнейшим литературным учреждением Одессы. Остроумная идея сделать кружок закрытым и ограничить вход заставляет «всю Одессу» ломиться на эти подпольные литературные пиршества духа в подвале Литературно-художественного общества. Память о «Среде» оказывается погребенной под воспоминаниями участников кружка литературной молодежи Одессы «Зеленая лампа», фиксирующих внимание на истории своей группировки и игнорирующих «Среду».

Но в Одессе Толстой находит не только высококвалифицированных слушателей. За пределами «Среды», в театральных аудиториях, в газетах и журналах он встречает читателя и слушателя, возвращенного на «направленческом» искусстве и традиционно леворадикального. В ситуации 1918 года этот читатель безнадежно раздвоен между чувством смертельной угрозы своей свободе и жизни со стороны большевиков и неспособностью сделать из этого чувства политические выводы.

Результатом политического догматизма интеллигенции было падение России. Неспособность политических организаций юга России преодолеть предрассудки и поддержать Добровольческую армию привела к краху Одессы. Мы чувствуем эту же неспособность интеллигентной одесской аудитории увидеть за стереотипами реальность, читая рецензии на одесскую постановку пьесы Толстого «Смерть Дантона». Нам предоставилась возможность запечатлеть подробную документальную картину и этого аспекта жизни Толстого в Одессе, и мы решили, что грех ее упустить.

В истории того, как Толстой пытался выжить в городе, где все благие начинания все более сходили на нет, а дурные предчувствия все сгущались, особую роль играет тема кабаре. Их открывают у себя серьезные театры, чтобы компенсировать падающие сборы. Внезапно появляются десятки кабаре — и крупные артисты не считают для себя зазорным в них участвовать. Но все кабаре затмевает знаменитая «Летучая мышь» Балиева, которая, наоборот, не теряя жанрового лица, приобретает все больше того, что рецензенты называют «интеллигентностью» и «художественностью». Перед нами классическое выдвижение «периферии» в центр художественного процесса.

И Толстой отмечает в одной из статей, что искусство осталось только в кабачках, подвалах и кабаре. Последний его одесский проект связан с собственным кабаре, однако почему-то вместо кабаре возникает серьезный театр одноактной пьесы и тут же идет ко дну — оказывается, зритель отвык от «настоящего» театра. Этот глубоко поучительный эпизод наводит на мысли о том главном уроке, который Толстой усвоил в Одессе: о чувстве современности, которое не разрешает «прямого слова» в искусстве, которое требует иронии, игры, сложных повествовательных тембров, многоголосия, авторской отстраненности.

Эти качества появятся в творчестве Толстого в Одессе — в написанной здесь пьесе «Любовь — книга золотая», в меньшей степени в парижском романе (хотя игровые его аспекты до сих пор не исследованы) и полностью развернутся уже на берлинском этапе его жизненного странствия.

Глазами Буниных

Толстой задержался в Харькове; Н. В. Крандиевская с детьми поехала прямо в Одессу. 24 (11) августа Вера Муромцева-Бунина записывает в дневнике:

«Из Москвы приехала Толстая — жена А[лексея] Н[иколаевича]. — Вид сытый, она очень хорошенькая. Муж в поездке, зарабатывает на жизнь. О Москве рассказывает много ужасного. Нет молока, наступил голод»³⁹.

Вскоре приезжает и Толстой.

Чтобы начать работать, нужно было сперва наладить жизнь. Толстому помогли: он оказался в знакомом кругу — тот же салон Цетлиных, где теперь появляется и А. Ф. Керенский⁴⁰, те же Бунины, и даже та же Инбер. Помощь исходила от местных жителей, связь с которыми шла через одессита Бунина; для Толстого это были новые персонажи: художник и писатель П. А. Нилус, лучший друг Бунина, одесский писатель и художник Александр Митрофанович Федоров — местный меценат и странноприимец, дача которого была одним из центров местной литературной интеллигенции, юный Валентин Катаев, выступавший в роли ученика и оруженосца Бунина (или по крайней мере стремившийся создать такое впечатление в своей поздней прозе).

Толстые поселяются сперва на даче в Люстдорфе (в каком-то пансионате) вместе с Цетлиными⁴¹.

«В Люстдорфе ветреное и солнечное утро. Море казалось огромной впадиной, измятой, [свинцово]-темной, со свинцовыми солнечными бликами на больших, беспорядочных волнах. Лодки на парусах проходили против солнца черные, зарывались в волны», —

пишет Толстой в дневнике⁴². Но и человеческий пейзаж Одессы также, как выясняется, не слишком идилличен. Здесь много скрытой враждебности. Несомненно, насторожены и недоброжелательны Бунины. Это явствует из наблюдений самой Буниной: перед приездом Толстых она нервничает — как-то сойдется с ними Ян после московской ссоры? Но, встретившись в Одессе, они не поминали о прежних несогласиях, — конфликт на «Среде» вспомнила В. Н. Бунина:

«Ян совершенно забыл, что Толстой вел против него кампанию в «Среде». Как будет он держаться с нами?»⁴³

Ф. Ф. Крандиевский писал:

«Бунин относился к отчиму немного свысока, как, впрочем, и ко всем. Он был желчным и надменным. С ним было трудно: никогда не поймешь, что именно вызовет его раздражение»⁴⁴.

Поводов было достаточно.

У Веры Муромцевой-Буниной завистливое раздражение вызвали работоспособность и динамизм Толстого. Узнав от москвичей о бедствиях Юлия Алексеевича Бунина, побоявшегося уехать из Москвы, она записала в дневнике:

«Вот разница — Толстой. Что за жизнеспособность — нужно пять тысяч в месяц, и будет пять»⁴⁵.

Хотя В. А. Муромцева-Бунина оценила толстовскую энергию и витальность, она находила его не таким интересным, как Горький, у которого на Капри любили гостить Бунины:

«Завтра приглашены к Толстым. Обеды с ними проходят оживленно и весело. Масса шуток, воспоминаний из литературной жизни <...> У него много актерских черт, больше, чем писательских <...> Но интересных разговоров не бывает, как иногда бывало на Капри»⁴⁶.

Ближайший круг Бунина тоже скептичен и недружелюбен. Толстой производит на этих людей впечатление человека ненаблюдательного:

«Нилус сказал о Толстом: «Он, как актер, приехал в новый край для себя – и хоть бы звук наблюдений <...> Все разговоры такие, как будто и из Москвы не выезжал...» Это действительно так. За весь путь его больше всего поразил армянин, который <с>просил: белую сажу или черную»⁴⁷.

И о его жене тот же Нилус отозвался неодобрительно:

«Толстая понравилась Нилусу, да не очень, «злые глаза и большие зубы». Сразу заметил, что она хищница»⁴⁸.

Оставив семью в Одессе, Толстой и Бунин уезжают в турне. Уже в конце сентября они отправляются в гастрольную поездку с литературными чтениями. Маршрут первоначально включал Киев, Херсон, Екатеринослав, Елисаветград и Николаев. Однако по причинам, нам неизвестным, в Киеве Бунин появляется без Толстого и выступает там вместе с С. С. Юшкевичем, своим давним знакомым; Толстой же вместо Киева снова направляется в Харьков в компании А. М. Федорова – к разочарованию харьковчан, ждавших Бунина. Более того – он читает те же самые рассказы, что и в августе. Приходится предположить, что Толстой и Бунин внезапно поссорились, и ссора спутала Толстому все планы. Харьковчане были весьма недовольны повторением слышанного, сочинения Федорова также не произвели на них особого впечатления. Впрочем, и во всех остальных городах, которые посетил Толстой, он читал те же вещи, что и в Харькове.

Эта вторая харьковская «гастроль» Толстого документирована: 27-го сентября 1918 года в харьковской газете «Южный край» было помещено объявление о вечере известного писателя Александра Митрофановича Федорова (вместо «заболевшего» И. А. Бунина) и известного писателя гр. Алексея Толстого. 29 сентября 1918 года в той же газете в рубрике «Театр» появилась рецензия на этот вечер, который, как выяснилось, был повторен на следующий день:

«Прошедшие два вечера названных писателей не принесли ожидаемой от них художественной радости. Приходилось искренне пожалеть о том, что Ал. Толстой повторил в своем репертуаре себя, выступив с теми вещами, которые в его же исполнении харьковская публика слышала истекшим летом. И как бы ни расценивать замечательную по силе юмора сказку о солдате и черте; и каким огромным достижением ни признавать для писателя «Наваждение» – все же хотелось бы послушать нечто новое от этого авто-

ра, который нам так бесконечно много обещает. Правда, Толстой прочитал еще свою древнерусскую повесть «Синица», исключительную по красоте построения. Но, во-первых, этого недостаточно, а во-вторых, «Синица» была напечатана в каком-то журнале⁴⁹ <...> Но при всем этом, слушать Толстого, — даже и во второй раз — большое наслаждение. Характерно, что на превосходное чтение Толстого сильнее всего реагировали артисты театра г. Синельникова, в большом количестве присутствовавшие на вечерах. Настолько красива его неподражаемая «московская» дикция. А. М. Федоров прочитал отрывок из путевых впечатлений «Идол». Рассказ мало понравился публике. Лучше были приняты стихотворения...»⁵⁰ и т. д.

Об этом гипотетическом новом, одесском уже, конфликте с Буниным свидетельствует письмо Толстого Андрею Соболю, написанное явно после этой поездки:

«<...> Мы живем в пустых комнатах с огромным количеством мух, нас никто здесь не почитает и не уважает, но зато в остальной части Украины я стал очень знаменит. Поэтому с твоего издателя за рассказ не возьму меньше 1500, тысячи пятисот рублей и аванс (avance).

Здесь в Одессе, милый мой Андрей, очень много евреев. И есть такой Израиль Моисеевич — писательник — ядовитая личность, который, кажется, собирается меня утопить вместе с Дантоном⁵¹.

Кроме того, здесь сидят писатель Федоров, писатель Нилус, писатель Кипен. Бунин же, который спросил с тебя, как я предполагаю, тысяч пять за лист, — негодяй. Я тебе расскажу про него при встрече, негодяй и опасный человек. Он немного спятил от самолюбия, злости и т. д.

Стало быть, тебе нужно немедленно приехать в Одессу, хотя бы для того, чтобы дружески поболтать. Необходимо организовать!! Необходимо сделать что-то необыкновенное! Писать пьесы! Набить морду Израилу Моисеевичу и Бунину! Напиться! Дать авансы и взять рукописи! И пр.»⁵²

Видимо, не случайно в журнале «Объединение», где печатался Бунин, а редактором был близкий к нему А. Кипен, отвергли рассказ Толстого «Андрей Салтанов», да и обе рецензии на Толстого, опубликованные там, были в целом отрицательными:

первая из них (во втором, октябрьском, номере, подписанная В. К.), на «Комедии о любви» (10-й том Собрания сочинений Толстого, выпущенный «Книгоиздательством писателей в Москве»), довольно противоречивая и бессвязная, принадлежала Валентину Катаеву, который писал, что пьесы Толстого

«<...> в достаточной степени сценичны и смотрятся на сцене с интересом, доказательством чего является то обстоятельство, что в течение последних двух лет эти пьесы с большим успехом непрерывно идут на московской и провинциальной сценах. Технически они написаны очень хорошо»⁵³.

И тут же отмечал, что они заурядны, и, отмечая бедность фабулы, языка и растянутость, резюмировал:

«Мы склонны думать, что писать пьесы не есть призвание гр. А. Н. Толстого, его рассказы значительно лучше»⁵⁴.

Напомним, что тогда же, в октябре, тот же Катаев, обозревая в другом журнале чтение Толстым пьесы «Смерть Дантона», заканчивал свою статью так:

«Граф Толстой о себе как о драматурге говорит: «Я написал десять томов прозы и только один маленький томик пьес, но я считаю себя больше драматургом, чем беллетристом». А известный московский режиссер Ю. Э. Озаровский говорит о пьесах Толстого, что в настоящее время это единственные удовлетворительные репертуарные вещи в России»⁵⁵.

Налицо явная сбивчивость и неуверенность позиции Катаева — возможно, в результате противоречивых влияний.

Вторая рецензия «Объединения», посвященная восьмому сборнику альманаха «Слово» (ноябрь — декабрь 1918), написанная одесским профессором Борисом Вальбе, называла рассказ «Милосердия!» произвольным и неубедительным, ибо, «как часто у этого автора, анекдот и шарж врываются в психологию».

Более объективное и тонкое суждение об этом рассказе и вообще о прозе Толстого выразил Ст. Радзинский в рецензии на сб. 8 «Слова»: Заметки читателя. «Слово». Сб. 8-й.

«...Рассказ «Милосердие» гр. Ал. Н. Толстого отмечен всеми достоинствами и недостатками его дарования.

Как и в других его рассказах, художественные его устремления пресекаются внезапно чем-то произволь-

но надуманным, психологические зигзаги, капризные и странные, все время держат в своей власти читателя. Но за всем этим все же звучит что-то интимно-ищущее, болеющее от оторванного и не достигнутого в полетах от обыденщины и посредственности»⁵⁶.

Отношения Толстого с Буниным и позже тоже никогда не были идиллическими, несмотря на его заботливые письма Бунину из Парижа в конце 1919 – начале 1920 года. Можно даже предположить, что приезд Бунина в Париж сильно осложнил положение Толстого, который именно в 1919–1920-м, казалось бы, развертывался в первого эмигрантского писателя. В присутствии Бунина Толстой вновь должен был ощутить понижение своего статуса, и не исключено, что это сыграло роль в его переезде в Берлин в конце 1921 года.

По воспоминаниям Бунина чувствуется, что враждебность его к Толстому была неискоренима. Это было сложное чувство. Оно состояло из, во-первых, отвращения к тому, что воспринималось как оппортунизм, – вот, например, как реагировал Бунин на отзыв Толстого о своем эмигрантском периоде (дневник Г. Кузнецовой за 7 октября 1947 года):

«<...> P. S. Прочел в «Новом мире» статью какого-то Чарного об Алеше Толстом, до небес его превозносящую. И опять ахнул: какой сказочный негодяй был этот Алеша! М<ожете> пр<едставить>, он писал в своей автобиографии: „Время эмиграции было для меня самым страшным, тяжким во всей моей жизни”»⁵⁷.

Позднее Бунин подробно рассказал в «Третьем Толстом», что Толстые и в эмиграции жили хотя и небогато, но совсем неплохо; хотя денег им все же всегда не хватало. Мы ничуть не сомневаемся, что Толстой и вправду ненавидел эмигрантское состояние, что именно унижение было для него страшным и тяжким.

При этом на расстоянии Бунин мог восхищаться широтой и «богатством» Толстого. Кузнецова записывает 15 октября 1930 года:

<...> В автобусе говорили об «Алешке Толстом» и о его Петре I. Мне книга, несмотря на какую-то беглость, дерзость и, как говорит И. А., лубочность, все же нравится. В первый раз я почувствовала дело Петра, которое прежде

воспринимала каким-то головным образом. Нравится она и И. А., хотя он и осуждает лубочность и говорит, что Петра видит мало, зато прекрасен Меншиков и тонка и нежна прелестная Анна Монс. «Все-таки это остатки какой-то богатырской Руси, — говорил он о А. Н. Толстом. — Он ведь сам глубоко русский человек, в нем все это сидит. И, кроме того, большая способность ассимиляции с той средой, в которой он в данное время находится. Вот писал он свой холонский 1918 год, и на время писания был против этих генералов. У него такая натура»⁵⁸.

Нас, признаться, в качестве советского читателя, наоборот, поражала в романе «Восемнадцатый год» любовная подробность, с которой выписаны фигуры Корнилова и Деникина.

В мемуарах А. Бахраха приводятся устные рассказы Бунина о Толстом, создающие впечатление, что чем дальше в прошлое отодвигались встречи с оригиналом, тем свободнее от связей с реальностью делался бунинский персонаж. Немудрено, что в конце концов автор полюбил свое создание:

«<...> Особой нежностью пропитаны его высказывания об «Алешке» Толстом, ему он прощает многое, что не простил бы, пожалуй, никому другому. Охотно вспоминает встречи с ним «на заре» эмиграции:

— Будучи в Париже он не раз мне с надрывом говорил: «Вот будет царь, я приду к нему, упаду на колени и скажу: «Царь-батюшка, я раб твой, делай со мной, что хочешь». А ведь «царя» он как будто себе нашел! Но это не мешало ему тогда подолгу сидеть, попивать винцо и все изобретать какие-то китайские пытки для большевиков — ведь он их тогда ненавидел.

Я однажды зашел к нему, когда он умывался.

— Посмотри на меня, Иван, до чего я красив, мне порой самому от этого жутко становится!

Действительно, человек необыкновенной силы, никогда ничего подобного не видел. Он сам мне рассказывал:

— Прихожу я раз домой навеселе, что-то меня рассердило, и я начал буйствовать. Кричу на весь дом: «Сейчас угол у камина отобью!» (не повторяю, каким способом). Прибежали дети, плачут, кричат «Папочка, не надо!», еле они меня успокоили.

Но какой он работяга!»⁵⁹

Действительно, Толстой оказался одним из самых живописных героев в «зернистых» литературных воспоминаниях Бунина. Однако нас здесь интересует историческая фигура писателя в данный исторический момент — поэтому мы обязаны «очистить» ее от отсветов, бросаемых на нее (анахронистически) бунинским портретом, написанным много лет спустя.

Быт

После возвращения из поездки Толстой перевез семью из Люстдорфа на Пироговскую улицу, 3, квартира 95⁶⁰, к старушкам Вальцер. Мария Федоровна Вальцер, которая, как установил С. З. Луцик, была крестной матерью Анны Ахматовой, принадлежала к одесским литературным кругам и дружила с женой А. М. Федорова. Она преподавала французский язык в частной женской гимназии В. Н. Масловой и М. Н. Градской, где педагогический совет возглавлял профессор университета В. Н. Мочульский. Гимназия была одним из культурных центров города. На литературных вечерах выступали писатели — и Толстой тоже читал там свои рассказы⁶¹.

Квартиру эту нашел для них по просьбе Бунина Валентин Катаев, живший в том же доме, вернее домах. На тогдашней окраине Одессы стояло шесть однотипных высоких корпусов, построенных архитектором Я. Пономаренко⁶² для Общества квартировладельцев в стиле модерн — с узорными чугунными перилами, с лепным мотивом подсолнухов и поникших стеблей и витражными стеклами (вокруг них простирались пустыри, где по ночам грабили). В холодной, пустынной квартире на Пироговской Толстые прожили до начала апреля 1919 года, когда им пришлось срочно бежать из Одессы.

Дела Толстого были связаны с тремя основными адресами: Херсонская улица (ныне Пастера) где, рядом с университетом и библиотекой, находился театр Сибирякова, в котором шли репетиции Московского драматического театра, ставившего его «Дантона», редакция «Одесского листка», где печатались его статьи, в самом центре Одессы, и расположенные тут же кафе Фанкони и другое знаменитое кафе — «Робин»⁶³, где встречались журналисты.

А вечерами Толстой приходил в возрожденное Литературно-артистическое общество⁶⁴ на Греческой, 48 или по соседству

в Доме артиста — чаще всего как зритель, но порой и как участник многочисленных благотворительных концертов или литературных заседаний.

Он бывал в гостях у Цетлиных, у Буниных (и сам приглашал их), у Штерна, у Федорова. Охотно посещал и Инберов, дом которых, как вспоминает Биск, был своего рода филиалом Литературки⁶⁵.

Еще одним местом сбора был номер в гостинице «Лондонской», где жила Н. А. Тэффи, вспоминавшая об этом милом номере шестнадцатом,

«...где каждый день в шесть часов чуть-чуть теплел радиатор, где в каминном зеркале отражались иногда милые лица: сухое, породистое — Ивана Бунина, и профиль бледной камеи — его жены, и ушкуйник Алеша Толстой, и лирическая жена его Наташа Крандиевская, и Сергей Горный, и Лоло, и Нилус, и Панкратов...»⁶⁶.

Творчество

В Одессу Толстой привез начатые работы. Одна из них описывала Москву летом восемнадцатого года. В Одессе он, должно быть, сразу взялся за доводку этой вещи — очевидным результатом явился отрывок «Между небом и землей. Очерки литературной Москвы», потом легший в основу начала романа «Восемнадцатый год».

Этот текст появился в харьковской газете «Южный край» неделю спустя после толстовского выступления в Харькове, что означает, что передан он был во время поездки по городам юга России.

Работа, возможно, шла и во время самой поездки — это можно предположить по маленькому фрагменту, сохранившемуся в архиве писателя — «Меня привела сюда возможность покоя», в котором описывается большой неудобный город с многократно переименованными улицами, залитый потоками дождя, и чужой брошенный дом, где писатель, у которого отняли все, сидит и пытается сочинять роман. Здесь антураж не одесский, а названия улиц не харьковские. Да и в самом тексте «Между небом и землей» описан герой — писатель, сочиняющий роман о революции.

Но действие романа, который Толстой написал в 1920–1921, происходит с 1913 по 1917 годы. Тексты же, которые пи-

сались в 1918 году в Одессе, относились к переживаемому моменту: кроме «Между небом и землей», Толстой написал в Одессе еще один рассказ — «В бреду», где по всем признакам изображено тогдашнее настоящее — гражданская война осени 1918 года. Герой рассказа — офицер, переходящий от красных к белым (одна из сюжетных линий будущего романа), а героиня напоминает одну из романских героинь. Видимо, в процессе работы Толстой решил отодвинуть начало повествования в предреволюционные и предвоенные годы — в Петербург 1913 года.

Второй же том должен был показать развитие уже очерченных персонажей, роли, принятые ими в революции. Но поскольку второй том писался в 1927 году, в Советском Союзе, очень мало что в нем должно было сохраниться от первоначального замысла. Характерно, что рассказ «В бреду», который Толстой читал публично вслух в конце декабря в Одессе, увидел свет лишь в Берлине в 1922 году — видимо, тогда, когда Толстой обдумывал возвращение в Союз, решив, что этот рассказ, где большевик изображен злодеем, не пригодится ему для планируемого продолжения романа, и вообще вряд ли можно будет напечатать его в России.

Очевидно, в Одессе же был закончен и «московский» рассказ «Катя». В процессе постановки «Смерти Дантона» также требовались переделки и доработки. Где-то зимой, очевидно, было набросано начало «Похождений Никиты» (в первом варианте — Шубина, а не Рощина), ибо в газетах тогда же возникает иначе непонятное наименование Толстого: автор «Никиты» (см. ниже в разделе «Юмор»).

Кроме того, в журнале «Москвич», организованном в Одессе среди беженцев из Москвы с филантропическими целями, он публикует маленький рассказ «Набат», посвященный М. С. Цетлиной: надо думать, что филантропическая часть этого начинания во многом зависела от Цетлиных.

Работая еще в Москве над материалами о петровской эпохе, Толстой нащупал весьма эффективный способ осмысления революционного кризиса. Рассказы «День Петра» и «Наваждение» предлагали животрепещущие исторические параллели нынешней смуте или объяснение ее причин. 7 января 1919 года (25 декабря 1918 года) Толстой опубликовал в «Одесских новостях» главу из повести «День Петра».

Центром этой публикации были такие строки:

«<...> И пусть топор царя прорубал окно в самых костях и мясе народном, пусть гибли в великом сквозняке смиренные мужики, не знавшие даже зачем и кому нужна их жизнь, пусть треснула сверху донизу вся самобытность — окно все же было прорублено, и свежий ветер ворвался в ветхие терема, согнал с теплых печурок заспанных обывателей, и закопошились, поползли к раздвинутым границам русские люди — делать общее государственное дело.

Но все же случилось не то, чего хотел гордый Петр, Россия не вошла нарядная и сильная в семью великих держав. А, подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственником в жалком и неравном виде — рабою».

Эпизод этот входит в «канонический» текст «Дня Петра».

Остается только гадать, почему «Одесские новости» после дебютной статьи (см. ниже) Толстого не печатавшие, поместили эту публикацию. Быть может, текст показался им антицаристским? Кроме нее, единственный материал Толстого, опубликованный в «Одесских новостях» — это перепечатка очерка «Государственное совещание» из «Русского слова» (см. выше).

В Одессе интерес Толстого к петровской эпохе еще возрос, и он записывается в публичную библиотеку⁶⁷, чтобы работать над историческими и архивными материалами.

В своих поисках он натолкнулся на очаровательный курьез: галантную книжку середины XVIII века, своего рода самоучитель куртуазной любви, чувства в тогдашней России нового. В результате рождается прелестная комедия «Любовь — книга золотая», в которой среди прочих персонажей действует и Екатерина II. Толстой много раз читал пьесу к восторгу публики. Можно только удивляться, как ухитрился одесский неведомый рецензент увидеть в ней сатиру:

«Граф Толстой как сатирик»

В последнюю литературную «среду» (19.3) гр. А. Н. Толстой читал свою новую пьесу «Любовь — книга золотая». Это несложная история о том, как 18-летняя жена старого дворянина дней Екатерины влюбляется в офицера из свиты императрицы. Последняя, в свою очередь, к нему нежна и, узнавши о возможности утраты, готова положить ре-

шитильный конец нарождающемуся роману. Влюбленные говорят уже о смерти. Но умирать не приходится: императрица делает великодушный жест и уступает место юной сопернице. Таков сюжет. И мне он кажется нарочито простым. Совсем как будто из сборника «исторических анекдотов» о великодушии монархов, находчивости придворных остряков, удачливости полководцев. Изящная, милая вещица — что-то в духе репертуара «Летучей Мыши», «Кривого Зеркала». Но все это — как будто. На деле здесь развернулась сильная, обещающая сторона таланта Толстого. Он — рожденный сатирик. И его новая пьеса блестящее тому подтверждение. В несложную интригу простенькой любви простеньких людей вплетается трагикомический мотив: власть книги, откуда-то со стороны, вельнем государства, сваливается формула «Любовь — книга золотая», это — руководство для галантных любовников, переведенное по приказу императрицы на шероховатый и терпкий язык русской прозы восемнадцатого века. Как магическое заклинание действуют на наивно-детскую душу людей, выведенных в пьесе, советы, где сесть, как обнять, в какую минуту меланхолически умереть. Этот старый помещик, видящий в книге бесовское наваждение, эти парни и девки, с воем и стоном изображающие в угоду барыне нимф и фавнов, эта любовная пара, превращающая себя в бездушных манекенов — все это острая, бичующая сатира на русскую бедную действительность, на ее неискоренимую привычку подгонять жизнь под формулу, взятую у знатных и незнатных иностранцев, а то и самим изобретенную, но все-таки формулу, книгу. «Любовь — книжище стопудовое», вот о чем на самом деле пишет нам Толстой, а не о том, как матушка Екатерина без особого усилия уступила сопернице молоденького офицера. С этой точки зрения отступает на второй план вопрос об «исторической» верности в описовке персонажей, о точности языка.

Гр. Толстой читал свою вещь с истинным мастерством: выделено было каждое лицо, передана каждая интонация»⁶⁸.

Эта рецензия хорошо иллюстрирует тот культурный «зазор», в который попал Толстой — и не только Толстой — в Одессе. Мы видим, как в печати здесь до сих пор доминирует инерция интеллигентского обличительства, на столичный вкус уже

глубоко провинциальная: толстовское отношение к истории в пьесе — продукт Серебряного века, отодвигающего и эстетизирующего XVIII век с помощью стилизации и иронии, — просто не прочитывается рецензентом пьесы. Вместо иронического любования сочным и грубым прошлым он видит сатиру. Толстой намеревался было поставить пьесу в Одессе, но не успел и в конце концов поставил в Париже в театре «Vieux Colombier» («Старая голубятня»). В Одессе он вновь, как и во время войны, обратился к журналистике: его газетным фельетонам посвящена отдельная глава этой работы.

При всей пестроте одесских рецензий на разные аспекты творчества Толстого все же ведущей нотой было уважение. В отчете «Одесского листка» о лекции С. В. Яблоновского «Наш литературный крах» говорилось:

«И если рядом с Арцыбашевым существует Короленко, а наряду с Игорем Северянином, Каменским, Сологубом существуют Бунин, Ал. Толстой, Куприн — то до литературного краха еще далеко»⁶⁹.

Книги

Одесская литературная ситуация 1918–1919 годов в последние годы внимательно исследовалась учеными — сотрудниками Одесского литературного музея. Настоящий обзор в основном опирается на находки А. Л. Яворской; ср.:

«...Одесса начала XX века не была литературной провинцией. Но в годы гражданской войны, как ни парадоксально, бурно расцветает культурная жизнь города. Появляются бежавшие на юг от обысков, реквизиций и голода московские, петербургские, киевские журналисты и писатели. Количество газет и журналов, выходящих в Одессе, резко возрастает. Это связано как с появлением столичных гостей и активной деятельностью одесских журналистов, так и с частой сменой властей и непродолжительностью существования по чисто финансовым причинам многих изданий»⁷⁰.

Появились новые издательства. «Русское книгоиздательство в Одессе» (под руководством и редакцией А. А. Кипена), возникшее осенью 1918 года, выпускало в дешевых, но опрятных и тщательно подготовленных книжечках произведения Бунина, Юшкевича, Кипена, Нилуса.

Издательство «Русская культура», возникшее той же осенью, нацелено было на публикацию русской классики. Оно возродилось в 1919 году и издавало газеты; издав несколько книг, в том числе И. Наживина, в 1920-м перебралось в Константинополь.

С 1918 года функционировало издательство «Гнозис», где в числе прочих вышли книги Ренана и знаменитые «Элементы средневековой культуры» П. Бицилли.

Наиболее интересным и деятельным было книгоиздательство «Омфалос», печатавшее художественную литературу, в основном поэзию, и книги по искусству и литературоведческие труды. Организованное Вениамином Бабаджаном, оно вскоре стало финансироваться издателем «Одесских новостей» Я. Г. Натансоном. История кружка поэтов, стоящего за этим издательством, и во многом игровой характер его деятельности широко освещались в трудах исследователей — С. З. Лущика, Р. Д. Тименчика, Н. А. Богомолова, В. Ю. Эджертона, С. Гардзонио и др. В этом издательстве вышла книга «Стихотворения Наталии Крандиевской. Книга 2-я». Хотя печатание ее должно было быть закончено к концу марта 1919 года, судя по всему, Крандиевская эвакуировалась, не увидев своей новой книги⁷¹.

Толстой выпустил в Одессе две новые книги: «Южнорусское общество печатного дела» издало в 1919 году его книгу рассказов «Наваждение» и пьесу «Смерть Дантона». Кроме того, отдельными книжечками вышли два его старых рассказа: «Приключения Растегина» в 1919 году переиздала «Южная универсальная библиотека», выходявшая под редакцией Семена Юшкевича, а переехавшее в Одессу «Бессарабское книгоиздательство» выпустило его рассказ «Рожь».

Одесские издания Толстого были впервые изучены С. Лущиком, который писал в 1983 году:

«Своеобразным памятником пребывания А. Толстого в Одессе остались изданные здесь две его книги. Обе они вышли в свет в январе — феврале 1919 года в книгоиздательстве «Южнорусского общества печатного дела» на Пушкинской, 18, где два года спустя печаталась известная газета «Моряк». Первой появилась «Смерть Дантона. Трагедия». Написанная еще в Москве, она дорабатывалась на

юге, авторское предисловие датировано «Одесса, 25 сентября 1918 года». Как уже упоминалось, это первая печатная публикация пьесы (позднее она выходила отдельными изданиями, включалась в собрание сочинений 1920-х годов и в посмертное послевоенное полное собрание сочинений). Тираж первого одесского издания — 3000. Один экземпляр сохранился в музее книги Одесской научной библиотеки.

<...> Вскоре выходит в Одессе вторая книжка Алексея Толстого — «Наваждение. Рассказы 1917–1918 года». В сборнике семь рассказов, все они широко известны, постоянно перепечатываются. Среди них — «День Петра» и «Наваждение» — первые подступы к петровской теме, к будущему знаменитому роману «Петр I». И если «День Петра» публиковался уже ранее в Петрограде, то «Наваждение» впервые напечатано в Одессе и дало название всей книге. Создан этот рассказ, видимо, еще в Москве, ибо, по свидетельству Ф. Крандиевского, по дороге из Москвы на юг «...в Харькове отчим выступил с чтением рассказов «Наваждение» и «Солдат и Черт». Еще одна первая публикация сборника — рассказ «Катя». Он датируется 1919 годом, а значит — написан в Одессе»⁷².

Вечера и выступления

Сразу же по приезде Толстому устраивают выступление. «Одесские новости» печатают объявление:

«Во вторник 14 авг. ст. ст. (т. е. 27 авг. н. ст.) единственный вечер интимного чтения известного писателя графа Алексея Толстого, который прочтет свои неизданные произведения и сказки.

При участии поэтессы Наталии Бранзиевской [sic! — Е. Т.].
Устр. вечера И. И. Амчиславский.
Орг. гастролей А. П. Левитов»⁷³.

На следующий день объявление было повторено, — причем на сей раз фамилия жены писателя была исправлена на Крандиевская. В рецензии на этот вечер сообщалось:

«Вечер Ал. Толстого

Чтение А. Н. Толстого привлекло вчера в театр Чернов⁷⁴ не очень много публики. А жаль: стоило приехать с дач, чтобы послушать талантливое писателя.

В ночной заметке трудно сказать что-либо о содержании новых рассказов А. Н. Толстого. Читает же автор, несомненно, хорошо: просто, четко, как будто безыскусственно, без лишних подчеркиваний, без игры, что и требуется от интимного чтения.

Прочел писатель три вещи — две сказки, написанные сочным языком, немного грубоватые, и рассказ «Наваждение», в котором молодой послушник передает о страшном приключении, случившемся с ним у наказанного атамана Кочубея — того самого, что донес Петру на Мазепу, лица хорошо знакомые, но встающие в новом свете, в передаче послушника. Любопытен образ тоскующей Матрены, Кочубеевой дочки, не то околдовавшей Мазепу, не то Мазепой «испорченной».

Читала еще свои стихи поэтесса Крандиевская. Стихи, может, и хорошие, но прочитаны были так бледно и так сомканы, что трудно судить о них»⁷⁵.

Об этом вечере писал и «Театральный день» — в несколько более игривой манере:

«Вечер интимного чтения» графа А. Толстого прошел с большим художественным и слабым материальным успехом. <...> понравились нежные, написанные в манере А. Ахматовой, стихи, прочитанные поэтессой Крандиевской, на которую из пустующих лож наводила свой взыскательный лорнет целая эскадрилья молодых одесских поэтов, подающих и не подающих надежды»⁷⁶.

О том, что поэтесса не умеет читать публично, сожалел и Н. П-в (Н. А. Пересветов) в «Одесском листке», написавший, что она «свои милые стихи буквально испортила неумелым чтением», и рекомендовавший ей поручить дело тещам. Зато Толстого как теща он превознес:

«Вечер гр. А. Н. Толстого»

Раз это выступление известного беллетриста и драматурга носит эстрадный характер, то именно с этой специфической стороны приходится рассматривать оцениваемое явление. И вот, перебирая вынесенное впечатление, хочется прежде всего остановиться на чистоте русской разговорной речи, которой А. Н. Толстой, видимо, владеет в совершенстве. Нам, волею судеб пребывающим на длительных, так сказать, курсах иностранных языков⁷⁷, ла-

ской звучит прелесть родной речи. С особенным удовольствием поэтому воспринималось чтение писателя, принесшего нам бытовую музыку далекого и милого севера.

По содержанию прочитанные Толстым вещи, в частности, сказки, прелестны.

В смысле сценической, или эстрадной передачи автор избегает эффектов, но за его простотой неактерского чтения чувствуется большая яркость комизма <...>⁷⁸.

Литературные вечера как жанр вообще потеряли привлекательность. «Слабый успех» вечера Толстого — явление того же порядка, что и неуспех вечера в честь 65-летия В. Г. Короленко, мужественно сражавшегося в печати против большевистского беспредела⁷⁹; вечер Бунина, прошедший 20 октября в Большом зале консерватории, где он читал «Сны Чанга», также не привлек публики — об этом писал Катаев, вспоминая Бунина в повести «Трава забвения».

В Одессе Толстой, скоро ощутивший недостаток средств, беспрепятственно выступал с чтением вслух своих произведений и делал это с большим артистизмом.

Валентин Катаев писал в театральном журнале «Жизнь» о чтении Толстым своей пьесы «Смерть Дантона» перед артистами одесского драматического театра:

«Читал [он] превосходно: рельефно, четко и выделяя нужные места. Чтение началось в 12 часов ночи, после спектакля, и несмотря на то, что артисты были утомлены, все было сразу же захвачено и с неослабевающим вниманием <...> прослушали [Толстого] до самого конца с двумя-тремя перерывами»⁸⁰.

Борис Вальбе запечатлел репертуар чтений Толстого и историю с потерянным рассказом, воспроизведенным по памяти:

«Выступал писатель перед самой разнообразной аудиторией: от переполненного зала литературно-артистического общества на Греческой улице до набитого жертвами империалистической войны помещения союза увечных воинов на углу Преображенской и Елизаветинской. Читал рассказы и сказки, отрывки из драмы «Смерть Дантона» и комедии «Любовь — книга золотая», но чаще всего рассказ «Наваждение», где во плоти и в крови представляла давно отшумевшая эпоха Петра. Потеряв на одном из

вечеров рукопись, Толстой в дальнейшем воспроизводил «Наваждение» по памяти, каждый раз варьируя эпизоды и сцены, придумывая новые диалоги и реплики. Вариантов набралось столько, что, когда он принялся готовить книжку рассказов для Южнорусского общества печатного дела, испытал значительные затруднения, в каком виде рассказ закрепить на бумаге»⁸¹.

Толстой выступает много, охотно, перед любой аудиторией. Кроме того, 30 (17) октября 1918 года он читает вместе с Н. В. Крандиевской в студенческом литературно-художественном кружке перед молодыми поэтами «Зеленой лампы» — это Г. Долинов, глава кружка, его брат Вадим Долинов, А. Фиолетов (который вскоре погибнет), его жена красавица З. Шишова, Э. Багрицкий, В. Катаев, Ю. Олеша и др. Напомним, что он выступал с чтением даже в гимназии, где преподавала его квартирная хозяйка.

В «Одесском листке» сообщается и о выступлении Толстого с чтением в зале кинематографа «Урания»⁸²:

«Урания»

В среду, 26 декабря ст. ст. [8 января 1919, на следующий день после публикации в «Одесских новостях» — *Е. Т.*] в 12 часов дня, в Урании писатель Алексей Толстой прочтет свой новый рассказ «Петр I». Перед чтением вступительное слово об исторической беллетристике скажет В. Ю. Кинги»⁸³.

Толстой не только использовал малейшую возможность заработать, но и широко участвовал в благотворительных проектах. Вместе с Буниным и Цетлиным он выступает на концерте в пользу увечных воинов 25 (12) января⁸⁴. Его участие объявлено и в «традиционном общественном бале» 15 февраля в залах купеческой биржи (наряду с А. Кипеном, П. Юшкевичем и Н. В. Крандиевской)⁸⁵, в большом концерте-бале в помощь кассе взаимопомощи учащихся О<десского> Х<удожественного> У<чилища>⁸⁶. Не отказался Толстой поддержать и художников-компатриотов — участвовал вместе с Н. В. Крандиевской, Волошиным, Тэффи и другими «21 (8) февраля с. г. в бале художников-беженцев с благотворительной целью»⁸⁷.

Однако охотнее всего он берет на себя организационные хлопоты, если ему предстоит веселье, дурачества, импровизации: наибольший успех у публики имеет «Вечер одесской печат-

ти» – настоящий фейерверк талантов, в котором принимал участие и Толстой. Ср.:

«1 февраля по новому стилю в театре и залах Литературно-Артистического Общества состоится грандиозный вечер в пользу союза журналистов и печатников. В вечере принимают участие лучшие силы, находящиеся в настоящее время в Одессе»⁸⁸.

Уже из объявления видно, что там было меньше «высокого искусства» и больше настоящего веселья:

«Артисты в гостях у Одесской печати

Участвуют (по алфавиту)

Г-жи: В. С. Воронцова-Ленни, Е. А. Гартинг, Н. Г. Грети, Иза Кремер.

Г-да: Н. Ф. Балиев, В. М. Вронский, А. Е. Жарковский, Ю. Э. Озаровский, В. А. Сабинин, О. В. Суслов.

Конферансье Вас. Вронский.

Оркестр под упр. А. А. Заневского.

На вечере будет выпущена Юмористическая газета при участии виднейших журналистов.

Американский бар с г-жой Изой Кремер и Черным Томом.

Хозяйки вечера г-жи В. А. Коралли, Иза Кремер, Л. Я. Липковская, А. В. Полякова.

Ответственный распорядитель – Правление Союза Журналистов»⁸⁹.

Тот же номер газеты «Одесский листок» сообщал о предстоящем празднестве:

«Сегодня состоится «Вечер Одесской печати», вызвавший столь живой отклик в публике. <...>

Ю. Э. Озаровский прочтет свою шутку в 1 действии – «В тисках советской жизни» <...> [в «Одесском листке» на юбре – декабре 1918 года была такая рубрика – *Е. Т.*]

«Бешеная собака» – так называется юмористическая газета, выпускаемая на вечере. Почему «Бешеная собака»? Ответом служит эпитафия из Пушкина – «Охотник до журнальной драки, сей усыпительный зоил разводит опиум чернил слюною «Бешеной собаки».

Ввиду обширности программы вечер начнется ранее обыкновенного, не позже 8 час.»⁹⁰

Эта «Бешеная собака» явно подвывает в лад ностальгической «Бродячей собаке» – любимому детищу Толстого, как мы

помним, активно участвовавшего в ее организации. Можно с полным правом утверждать, что, в согласии с заголовком утренней газеты, вечер имел бешеный успех, — ср.:

«Вечер печати»

Зал театра Литературно-артистического общества едва мог вместить огромное множество народа, явившегося на вечер, устроенный одесской печатью в пользу своих безработных коллег.

...открыл программу вечера гр. А. Н. Толстой, прочитавший небольшой рассказ⁹¹. За ним следовал журналист Петр Пильский, с обычным для него мастерством сказавший приветственное слово. Прочел сценку «В тисках советской жизни» артист государственных театров Озаровский. Затем начался концерт, в котором выступили г-жа Ада Полякова, Самборская, Садовень, Мансветова, Липковская, Лола Тези, Плевацкая, гг. Качановский, Каравья, Бронский и многие другие.

После концерта была поставлена одноактная пьеса «Благотворительница» при участии г-жи Рождиной и г. Баратова. Только в два часа ночи началось кабаре, в котором с огромным успехом выступили г-жа Иза Кремер, Воронцова-Ленни и Лидия Джонсон. Вечер затянулся до самого утра⁹².

Через несколько дней участников вечера благодарили одесские журналисты⁹³.

Словом, Толстой не киснет и не ноет, а, как подобает истинному мудрецу, веселится: не успев проспать после «Вечера одесской печати», затянувшегося на всю ночь, он мчит на «Вечер москвичей»:

«Вечер москвичей»

Устраиваемый «Союзом Москвичей» Татьянин день состоится 2-го февраля нов. ст. Вступительное слово скажут: Озаровский и Мандельштам⁹⁴.

«Гаудеамус» под управлением Ал. Толстого исполняют: Бунин, Благов, бар. Врангель, Год, Панкратьев, Яблоновский и Шретер. Во втором отделении «По театрам матушки Москвы» выступают: Вера Коралли, Иза Кремер, Нина Кошиц, Лев и Петр Любошицы, Минковская, Полевицкая, Рощина-Инсарова и Свобода⁹⁵.

«Одесские новости» завлекали на «Вечер москвичей», обещая, что

«Вас. Вронский принял на себя роль хозяина трактира и под его управлением половые Ал. Толстой, Озаровский, Мих. Чернов и др. будут услуживать гостям вечера»⁹⁶.

Пятого февраля Незнакомец писал в «Одесских новостях» об этом вечере:

«Тут и веселая ночь у Яра, и Стрельна, и отдых в Американском баре, и Охотный ряд, и филипповские калачи, вся Москва с ее характерным весельем и забавами»⁹⁷.

Уж наверное эти пародийные номера не обошлись без толстовской руки. Участвует он и в организации благотворительной «Устной газеты» — по следам триумфальной «Бешеной собаки»:

«В русском театре сегодня состоится оригинальный спектакль «Устной газеты». Известная писательница Н. А. Тэффи выступит в спектакле в качестве одного из редакторов газеты и прочтет свой фельетон.

Н. А. Тэффи так разъясняет сущность «Устной газеты»: — Многие думают, что выйдут авторы и прочтут статьи. Откровенно говоря, на такой сеанс я сама бы не пошла и другим бы не посоветовала. Нет. Устная газета — это нечто совсем другое, полулитературный вечер, полуспектакль. Публика увидит редакционную комнату, журналистов, литераторов, живые объявления, объявления в лицах, с пением, словом — новый яркий, интересный и содержательный спектакль.

Художники тут же будут рисовать карикатуры и иллюстрировать текст. При помощи волшебного фонаря мы увидим снимки с интересных страниц хроники.

Если удастся все нами задуманное — успех этой затеи обеспечен и упрочен.

Цель предприятия — прийти на помощь столичным и иногородним журналистам, очутившимся без заработка, с голодными семьями на руках.

Технические условия исключают всякую возможность издавать собственную газету. «Устная газета» даст им возможность заработка привычным трудом и хоть на время отодвинуть, как принято говорить, „призрак голодной смерти”»⁹⁸.

«Устная газета» оказалась успешной сверх всяких ожиданий. Ср.:

«<...> За два дня сбор дал около 15 тыс. рублей. В качестве докладчиков выступали Н. А. Тэффи, М. А. Волошин,

Л. Г. Мунштейн, А. Н. Толстой и др. Союз журналистов намерен открыть отделение «Устной газеты» в отдаленном от центра районе города»⁹⁹.

Ср. также:

«В каком номере печатной, всамделишной газеты приходится читать вместе и Тэффи, и Кугеля, и гр. Толстого, и Лоло, и Волошина, и Крандиевскую, и многих других»¹⁰⁰.

Толстой, со своей общественной жилкой, участвовал и в настоящей акции спасения — он заступился, вместе с другими писателями, за свою старинную приятельницу — Е. Ю. Кузьмину-Караваеву, которая была арестована добровольческими властями, вероятно, за то, что она была связана с социал-революционерами, — открытое письмо писателей в защиту Елизаветы Юрьевны появилось в «Одесском листке»:

«К суду над Е. Ю. Кузьминой-Караваевой»
(Письмо в редакцию)

Пришло известие, что в Екатеринодаре предана военно-полевому суду Елисавета Юрьевна Кузьмина-Караваева по обвинению в большевизме и ей грозит смертная казнь. Нельзя прочесть этого известия без тревоги. Кузьмина-Караваева — поэт, мыслитель, философ, — первая из русских женщин закончила духовную академию и прочилась в ректоры предполагавшейся женской духовной академии. (Ее книги: «Скифские черепки», «Руфь», «Юрали».)

Со времени февральской революции она была городской головой города Анапы и не покинула своего поста и при большевиках, и только впоследствии, под угрозой расстрела, была принуждена бежать оттуда. Мы не знаем в точности обвинения, предъявленного ей, но, во всяком случае, все знающие Елисавету Юрьевну могут засвидетельствовать, что она не только не имела ничего общего с большевизмом, но была его яркой противницей.

Мы надеемся и уверены, что суд над Кузьминой-Караваевой окончится ее полным оправданием. Невозможно подумать, что даже в пылу гражданской войны сторона государственного порядка способна решиться на истребление русских духовных ценностей, особенно такого веса и подлинности, как Кузьмина-Караваева.

Максимилиан Волошин, гр. Алексей Толстой,
Леонид Гроссман, Габр. Гершенкройн, Нат. Инбер,

Вера Инбер, Наталья Крандиевская, Тэффи, Амари, Александр Биск, Александр Кипен»¹⁰¹.

Письмо возымело действие, и Кузьмину-Караваеву освободили. Альтернативную версию того, как организовано было это спасение, вспоминала Тэффи. Центральную роль в нем сыграл Максимилиан Волошин, поднявший панику:

«Зашел он и ко мне.

Прочел две поэмы и сказал, что немедленно надо выручать поэтессу Кузьмину-Караваеву, которую арестовали (кажется, в Феодосии) по чьему-то оговору и могут расстрелять.

— Вы знакомы с Гришиным-Алмазовым, попросите его скорее.

Кузьмину-Караваеву я немножко знала и понимала вздорность навета.

— А я пойду к митрополиту, не теряя времени. Кузьмина-Караваева окончила духовную академию. Митрополит за нее заступится.

Позвонила Гришину-Алмазову. Спросил:

— Вы ручаетесь?

Ответила:

— Да.

— В таком случае завтра же отдам распоряжение. Вы довольны?

— Нет. Нельзя завтра. Надо сегодня, и надо телеграмму. Очень уж страшно — вдруг опоздаем!

— Ну хорошо. Пошлю телеграмму. Подчеркиваю: «Пошлю».

Кузьмину-Караваеву освободили»¹⁰².

Гипотетическая поездка в Киев

Посетил ли Толстой во второй половине 1918 года Киев и если да, то когда именно? Ведь весь октябрь 1918 года он занят — ставит «Смерть Дантона», и все же в октябре в газетах объявляется о его приезде в Киев. «Литературная хроника» газеты «Новости дня» за 20 (7) октября 1918 года сообщает:

«В ближайшем будущем в Киеве предстоит ряд лекций и вечеров известных писателей. В начале декабря состоятся лекции Леонида Андреева и Ив. Бунина. Тема лекции

последнего — «Проблемы мировой поэзии». Кроме того, предполагаются вечера Евгения Чирикова и гр. Алексея Толстого, на которых писатели прочтут ряд своих еще неизданных произведений».

Через несколько дней после этого «Киевская мысль»¹⁰³ пишет:

«В непродолжительном времени вечер прозы и поэзии графа Ал. Толстого. Подробности своевременно»¹⁰⁴.

Но проходят еще две недели — и лишь 7 ноября 1918 года одесская газета «Театральный день», № 176, сообщает:

«Выезжает в Киев писатель гр. Ал. Толстой и поэтесса Наталия Крандиевская, в Киеве состоится вечер интимного чтения».

Между тем Толстой не спешит ехать. Выступление его в Киеве пока откладывается. 25 (12) ноября в «Последних известиях» (Киев) и «Киевской мысли» концертно-лекционное бюро Л. Горина и М. Гониодского сообщает:

«Театр «Соловцов»

Во вторник 3-го декабря нов. ст.

Вечер прозы и поэзии графа Алексея Толстого

Новейшие произведения в исполнении автора

При участии поэтессы Наталии Крандиевской

Начало ровно в 8 часов»

«Наш понедельник» — литературная газета, издававшаяся в Киеве в 1918 году Глебом Алексеевым, — писал в тот же день, 25 ноября:

«Книги и писатели

<...> — 3 декабря в зале Интимного театра состоится вечер писателя и драматурга гр. Алексея Толстого и поэтессы Наталии Крандиевской».

Тем временем военная ситуация все ухудшается, и ехать на север становится делом рискованным. 28 (15) ноября ожидается занятие станции Фастов германскими войсками. Газеты пишут:

«Сообщение Одессы с Киевом (от соб. корр.)

Одесса, 27. Сегодня кружным путем отправлен поезд на Киев, рассчитанный на прохождение пути в течение трех суток. Несмотря на затруднения в передвижении, все места заняты»¹⁰⁵.

На деле петлюровцы берут Фастов тогда же, уже 28 (14) ноября, и сообщение Одесса — Киев прерывается. Газеты сообща-

ют, что вечер Толстого откладывается до нового объявления. А пока петлюровцы без боя входят в Одессу и хозяйничают на периферии города.

22 (12) ноября союзный флот прибывает в Новороссийск и Севастополь — Одесса на очереди, и, как пишут газеты 29 (16) ноября, в одесском порту появляются два французских миноносца. 30 (17) ноября, в субботу, Толстой их увидел на рейде. 1 декабря (18 ноября) город занимают союзные французские войска.

Именно 18-го же ноября газета «Киевская мысль» вновь сообщает о вечере Толстого в театре «Соловцов», опять обещая «новейшие произведения в исполнении автора при участии Н. Крандиевской». Очевидно, Толстой при виде пуало и зуавов преисполнился оптимизма.

Но 2 декабря (19 ноября) военная сводка, наполовину стертая цензурой, сообщает о боях за Киев. А 3 декабря (20 ноября) «Последние новости» (Киев) печатают объявление:

«Вследствие задержки в пути из Одессы в Киев	
Театр «Соловцов»	Театр «Бергонье»
Вечер прозы и поэзии	Лекция Овсяннико-
Ал. Толстого	Куликовского

переносится на один из ближайших дней, о чем будет объявлено в газетах и афишах».

Германская комендатура в Киеве в том же номере извещает с сильным немецким акцентом:

«Наступлением республиканской армией [sic! — Е. Т.] на Киев оказалась самая важная для отправки наших войск на родину железнодорожная линия Киев — Фастов — Глобы, прерванной и тем самым привоз продовольствия для Киева стал невозможен. Кроме того со дня на день можно было ожидать, что Киев станет театром военных действий между обеими сторонами <...>».

Как известно, петлюровцы заняли Киев 27 (14) декабря 1918 года и продержались три недели. Значит ли это, что в январе у Толстого наконец появилась возможность посетить Киев? Напротив, с начала января толпы беженцев из Киева затопляют Одессу. С 10 января говорят о падении Киева, и это происходит: Киев без боя сдан большевикам 6 февраля (24 января) 1919 года. Остается предположить, что визит этот, о котором

вспоминает Глеб Алексеев, носил исключительно частный характер и не получил отражения ни в каких текстах того времени. Другие источники о нем не сообщают, не вспоминает и Крандиевская.

Вот как описан этот эпизод у Алексеева:

«Право, сейчас <не> припомню, когда в первый раз меня поразило это удивительное, надолго запоминающееся лицо: то ли в Москве, в гомонливом кафе «Бома», где, притекая к ночи, творческая Москва отдавала неизжитой избыток никогда не меркнувшей талантливости своей, улыбки полнокровной, нутряного своего смеха. Тогда под Толстым бронзовым, побрившимся Сократом¹⁰⁶ — сидел Толстой живой, и дородные его щеки дрожали от довольного смеха, кривя толстогубый рот в улыбку сытого жизнью барина? То ли в Киеве, когда на улицах и в министерствах пробовали говорить на «мове», а в паштетных бравые подполковники задумчиво теребили оселедцы — он, в меховой шубе вразвалку плыл по Крещатику, солидно останавливался у чулочного магазина, зябко загнув руки в карманы, и посмеивался добродушным смешком, совершенно отказываясь понимать, что «панчохи» и есть по-украински «чулок»?»¹⁰⁷

Может быть, Толстой приехал в Киев «кружным путем, несмотря на затруднения в передвижении»? Но зачем?

Толстой в литобъединениях Одессы

Как известно, с лета 1918 года

«Город волею судьбы стал третьим этапом российского именованного беженства. Цвет интеллигенции и политических партий, конспировавший ранее в Москве и потом бурно крутившийся в водоворотах киевских событий, волной революции выбросило на одесский берег. Город коммерческой и спекулянтской горячки стал новым центром политического ажиотажа, борьбы союзов, «бюро», советов, организаций, «правительства», делегаций. <...> Одесса насыщена была до предела привнесенной ими политикой, в которой купно с искренними и патриотическими стремлениями переплелись темные побуждения политических маклеров и людей с болезненной жаждой власти и влияния — какими угодно путями, какой угодно ценой»¹⁰⁸.

Мрачные настроения, тревожные, как любила выражаться Тэффи, «ауспиции», смягчались разлитой в одесском воздухе легкостью. Легкомысленные одесские настроения той осени описывались сотни раз. Вот одно из таких описаний, поданное с упором на литературную ситуацию. Принадлежит оно знаменитому юмористу Дон-Аминадо¹⁰⁹:

«Музыка играет, штандарт скачет, все как было, все на месте. Фонтаны, Лиманы, тенора, грузчики, ночные грабежи, «Свободные мысли» Василевского¹¹⁰.

Вместо ненавистного Бупа — буп это бюро украинской печати, — добровольческий Осваг¹¹¹.

Газет, как грибов после дождя.

В «Одесском листке» — Сергей Федорович Штерн.

В «Современном слове» — Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский, Борис Мирский (в миру Миркин-Гецевич), П. А. Нилус, А. М. Федоров, Вас. Регинин, бывший редактор петербургского «Аргуса». Алексей Толстой, он же и старшина игорного клуба; А. А. Койранский на ролях гастролера, Леонид Гроссман, великий специалист по Бальзаку и по Достоевскому; молодой поэт Дитрихштейн, еще более молодой, и тоже поэт Эдуард Багрицкий; Я. Б. Полонский, живой, способный, пронзительный, — в шинели вольноопределяющегося; Д. Аминадо, тогда еще Дон, и, в торжественных случаях, почетный академик, Иван Алексеевич Бунин. <...>

Театры переполнены, драма, опера, оперетка, всяческих кабаре хоть пруд пруди, а во главе опять «Летучая мышь» с неутомимым Никитой Балиевым.

Сытно, весело, благополучно, пампушки, пончики, булочки, большевики через две недели кончатся, «и на обломках самовластья напишут наши имена»...»

Резюмируем: в Одессе Толстой полон оптимизма и кипит энергией. Ему хватает времени на все, даже невероятные затеи. Более того — он, в отличие от подавляющего большинства людей своего круга, готов на любую работу. Как вспоминал Бунин, он «получал неплохое жалованье в одном игорном клубе, будучи там старшиной»¹¹². Вера Бунина записала в дневник:

«Зейдеман затевает клуб. И Толстой согласился быть старшиной в нем, кажется, за три тысячи в месяц. Легкомысленный поступок!»¹¹³

Но легкомыслие это давало возможность писать.

Осенью 1918 года в Одессе организуется своя «Среда» — отчасти наследница московской «Среды» 1918 года. Об этом подробно написано в воспоминаниях А. Биска:

«Приближалось большевицкое время и, вместе с тем, наступил самый блестящий, — увы, предсмертный период существования Литературки.

В Одессу, последнее убежище, начали прибывать писатели, бежавшие из Петербурга, Москвы и других городов. Алексей Толстой, Наталья Крандиевская, Максимилиан Волошин, Бунин, Алданов — в Одессе собрался цвет русской литературы.

Приехал также Нат Инбер и принял живое участие в делах Литературки. Но, как я говорил, те, которые считали, что Общество существует для них, — литераторы, оказались затертыми среди лиц других профессий, являвшихся, как и мы, полноправными членами.

И вот Инбер подал своим единомышленникам идею: устроить государство в государстве. Так образовался литературный кружок «Среда», просуществовавший примерно с конца 1917 года¹⁴ до самой смерти Литературки, последовавшей в январе 1920 года, — и с перерывами в 3 и 4 месяца — время первых и вторых большевиков. Наши лозунги были: уйти в подполье, спастись от адвокатского красноречия, которым были полны общие собрания Литературки.

Надо отдать справедливость покойному председателю Литературки Израилю Моисеевичу Хейфецу и некоторым другим членам Правления — они, втайне сочувствуя нам, широко пошли навстречу нашим стремлениям. Мы действительно ушли в подполье, нам был предоставлен подвальный этаж с отоплением, освещением, прислугой, канцелярскими принадлежностями и т. д. Все это было, конечно, не вполне законно, т. к. не было статута, на основании которого часть членов О-ва могла забаррикадироваться в помещении, принадлежащем всему О-ву. И, однако, это произошло, и я даже не помню протестов по поводу этой узурпации прав остальных членов О-ва.

Председателя в «Среде» не было, мы учредили Исполнительное бюро из четырех лиц: Ната Инбера, Габриэля Гершенкройна, меня и Алексея Толстого. Я упоминаю Тол-

стого на последнем месте, ибо его участие было чисто номинальное; вся работа лежала на нас троих. Наше трио составило список будущих членов «Среды». Фильтровка была, в смысле строгости, совершенно фантастическая. Мне просто стыдно вспомнить сегодня некоторые имена тех, кого мы забаллотировали. Достаточно сказать, что количество членов «Среды» никогда не превышало сорока. Каждый член «Среды» имел право ввести на собрание не более двух гостей. Это соблюдалось с необычайной строгостью, поэтому собрание никак не могло насчитывать более 120 человек.

Можете себе представить, какой бум поднялся в Одессе, падкой на всякую сенсацию. Люди, которые никогда не интересовались никакими лекциями, разбивали мой телефон, чтобы попасть на собрание «Среды»; публика толпилась у входа в чайнии попасть на Собрание, но напрасно: мы были неумолимы. Мы хотели замкнуться в себе, уйти в чистую литературу: читать свои произведения, разбирать их, без красноречия, косноязычно, но добираться до истины»¹¹⁵.

Первое заседание «Среды» (оно же было и организационным¹¹⁶) состоялось 20 ноября. Н. О. Инбер делал на нем сообщение о литературных новинках обеих столиц. На втором заседании кружка, 27 ноября, Л. Гроссман причел доклад о неизданных произведениях Достоевского. Отчет об этом заседании в «Одесских новостях» (где сотрудничал Нат Инбер) гласил:

**«Литературно-художественное общество:
литературный кружок «Среда»**

В среду [27 (14) ноября] состоялось 2-е собрание закрытого литературного кружка, основанного по инициативе литературной секции общества.

Программа:

1. Сообщение Л. Гроссмана «Неизданные и малоизвестные произведения Достоевского.

2. Обсуждение: в беседе приняли, кроме Леонида Гроссмана, участие гг.: А. М. Муров, С. С. Юшкевич, А. К. Горностаев, Б. С. Вальбе, П. С. Юшкевич, И. А. Хмельницкий, А. А. Биск и Г. Г. Лившиц. <...>

В следующую среду, 4 декабря ровно в 8 час. вечера предполагается чтение нового произведения С. С. Юшкевича «Нелогическое» – страсти в 3 картинах»¹¹⁷.

Третья встреча кружка состоялась 4 декабря. «Одесские новости» писали об ее особом многолюдии и об интересном диспуте на ней, возникшем после чтения С. Ю. Юшкевича:

«„Среда”

Лит.-Арт. О-во. Лит. кружок «Среда»

Состоявшееся в среду 4 декабря собрание кружка «Среда» было особенно многолюдно. Кружок посетили и многие приезжие литераторы, как И. А. Бунин, граф А. Н. Толстой и др.

Председательствовавший А. А. Биск сделал краткое сообщение о трагически погибшем поэте Анатолии Фиолетове и прочитал несколько его стихотворений <...>

После этого Семен Юшкевич прочитал свое новое произведение „Нелогическое”¹¹⁸.

11 декабря (28 ноября) «Одесские новости» сообщают:

«После непродолжительного перерыва, вызванного стечением различных неблагоприятных обстоятельств, возобновляются в Литер.-арт. об-ве собрания литературной секции. <...>»

Эти обстоятельства совершенно очевидны — бои в городе и 5–6 декабря, наконец, освобождение его от петлюровцев войсками Добармии.

На четвертой «Среде» читали свои новые стихи В. Инбер и Н. Крандиевская. К. В. Мочульский делал «предварительное сообщение» о русской женской поэзии. Судя по газетному отчету, он говорил о традиционно снисходительном отношении к творчеству женщин, выражая надежду, что расцвет женской поэзии, имеющий место в последнее десятилетие, положит ему конец, и упоминал об Анне Ахматовой, которая становится главой школы. После чтения новых, ненапечатанных стихов Верой Инбер и Наталией Крандиевской в прениях Г. О. Гершенкройн говорил о чисто женской эмоциональности стихов Инбер. Лиризм Наталии Крандиевской, напротив, «мужествен», символичен и по общему строю сходен с лирикой Вяч. Иванова. Последовала дискуссия Гершенкройна с Мочульским о «женском» (в том числе и у поэтов-мужчин) и «мужском» началах в современной русской поэзии. И. А. Хмельницкий пожурил обоих за излишнее теоретизирование. Л. Чижиков вспомнил Барыкову и Жадовскую, а затем Мирру Лохвицкую¹¹⁹.

Следующее заседание, прошедшее 25 (12) декабря, сопровождалось особыми строгостями. Вход был объявлен исключительно для членов кружка, причем каждый вправе был ввести одного гостя вместо обычных двух¹²⁰. Читали Толстой и Амари-Цетлин. Вера Муромцева-Бунина записала об этом заседании 26 (13) декабря 1918 года:

«Вчера была впервые на «Среде» здешней, но читали наши москвичи: Толстой и Цетлин <...> На прениях мы не присутствовали — поспешили домой <...>

Буковецкий хорошо сказал про Толстого: „Он читает так, точно причастие подает“»¹²¹.

Вот как реагировали участники этой «Среды» на прочитанные тогда рассказ Толстого «В бреду» (о герое, похожем на Телегина, и его любимой девушке, в которой узнаются многие черты Даши), а также на сказку «Олена многосемейная»:

**«Литер.[атурно-]Артист.[ическое] О-во
Литературная «Среда»**

На последней «Среде» читали свои лирические стихи и отрывки из поэмы «Декабристы» гостящий в Одессе поэт г. Амари и свои последние произведения (рассказ и сказку) А. Н. Толстой.

Сказка, написанная хорошим народным языком, с народным крепким говором, политическая: в конце концов многострадальную Алenuшку — «многосемейную» и ее обширное хозяйство спасают «корабельщики», гости заморские, посадив страшного разбойника на цепь.

Рассказ Ал. Н. Толстого также посвящен современности — психологии офицера, принужденного служить и сражаться в рядах большевистской армии. В самом построении рассказа имеется, как кажется, известный дефект — эпизод с Дунечкой, весь сон любовный героя, весь его роман. Он как-то не связан органически с основным содержанием рассказа — посторонний ему и является, собственно, темой совсем другого рассказа, который в интересах стройности лучше бы выделить отдельно.

Но это, повторяю, только вопрос структуры. Рассказ, каков он есть, написан прекрасно, художественно крепко и сильно, в свойственной Ал. Толстому манере широкого и свежего письма. Картинность, изобразительность — одно из отличий этого автора, редкое в современной нашей

бледной литературе. Как интересен, напр., рассказ хитрого мужика о кошмарном для нас и таком простом для его участников убийстве попа в деревне!

Ал. Толстой видит все, о чем пишет, полностью чувствует, переживает вместе со своими действующими лицами просто, правдиво, ясно; у него нет здесь «пустых мест», «пустых слов», — каждое отвечает внутреннему содержанию чувства или мысли. И оттого, что это — воистину творчество, подлинное искусство, оно заражает читателя, захватывает его. Рассказ произвел сильное впечатление на слушателей. Оба выступавших на вечере автора имели у аудитории большой успех»¹²².

На одесско-московской «Среде» в этом сезоне самому Толстому приходится выступать дважды. Он не только читает, но и участвует в обсуждении. Для тех, кому немаловажно удивительное сходство историософских концепций Толстого ранних 1920-х годов и идей, пронизывавших революционную поэзию Максимилиана Волошина, интересно будет свидетельство о том, что Толстой слушал новые стихи Волошина в начале 1919 года и высоко их оценил:

«19 февраля Максимилиан Волошин читал на собрании «Среды» свои политические и лирические стихи. Произведения его, посвященные войне и революции, резко отличаются от рассудочных рифмований большинства современных поэтов, выступивших на этом поприще. По глубине, мощи и чувству любви к России ровень им — только последние поэмы Блока да, пожалуй, некоторые строфы Хомякова. Автор в целом ряде исторических картин, посвященных Лжедмитрию, Стеньке Разину и др., вскрывает сущность сегодняшних переживаний. Стихи его звучны, красочны и восходят порой до пророческого пафоса. Чтение Максимилиана Волошина неоднократно прерывалось восторженными овациями аудитории.

Гр. Ал. Н. Толстой и Л. П. Гроссман указали на громадное значение новых произведений М. Волошина; былая индивидуальная его поэзия превратилась во всероссийскую или всемирную. К сожалению, некоторые из ораторов, игнорируя художественное значение стихов, пытались разбирать их путем выяснения политического отношения поэта к событиям.

В следующую среду Эдуард Багрицкий и Валентин Катаев будут читать свои новые произведения. После этого состоится заседание по текущим делам»¹²³.

Судя по ироническому отношению к Волошину, сохраненному в воспоминаниях Катаева, враждебными ораторами были именно он и, видимо, Багрицкий. В дальнейшем Волошин прочел в Одессе несколько лекций: Толстой мог вновь слушать своего когда-то закадычного старшего друга и первого литературного ментора. «Одесский листок» писал в марте:

«...В ближайшее время Максимилиан Волошин прочтет лекции «Россия распятая», «Скрытый смысл войны», «Бунтарская стихия русской истории и ее пророки» и друг[ие]»¹²⁴.

На поверхностный взгляд видны две области, в которых Толстой питался находками Волошина: военная массовая психология и сравнение революции со смутным временем. Но и волшебный образ туманного шарика на ладони, в котором видно прошлое, из поэмы Волошина о Лжедмитрии «Дметриус император» (1918) попал в «Аэлиту».

До сих пор не исследованная одесская «Среда» представляется нам интереснейшим явлением — это своего рода «государство в государстве» Литературно-артистического общества было попыткой одесской молодой литературной элиты, воспитанной в парижско-петербургском духе — людей «серебряного века»: Биска, Инберов, Камышникова, Гроссмана — опереться на авторитет прежде всего Толстого (Бунин и его компания в «Среде» мало участвовали), противопоставив художественную иерархию ценностей преимущественно злободневным политическим и общественным интересам одесситов.

Параллельно «Средам» шли «четверги» Литературно-артистического общества — заседания в память Н. Г. Михайловского, вечер, посвященный украинскому фольклористу Драгоманову, обсуждение языковой политики Директории, доклад о Вильсоне и т. д. В какой-то момент «четверги» стали равняться на «среды».

Интересно взглянуть на «Среду» целиком, как на совместную затею Толстого (хоть и не игравшего организаторской роли) с одесситами, а не только как на место, где он выступал. Стоит предположить, что идея возродить что-то вроде салона Кара-Мурзы или московских встреч «Среды», уже включавшей в

себя молодежь, возникла у Веры Инбер, подказавшей ее своему мужу, Натану Инберу.

Биск писал о «Среде»:

«...Много воспоминаний читал я об этом времени, но ни у Олеси, ни у Катаева, ни у Багрицкого нигде ни малейшего намека на наш кружок, а только о будущей (уже в большевицкое время) «Зеленой лампе». Очевидно, вспоминать о «буржуйском» времени возбраняется»¹²⁵.

«Среда» продолжалась и в 1919 году. «Одесские новости» сообщили о выступлении Биска, состоявшемся, очевидно, 1 января (19 декабря):

«В кружке «Среда»

В последнем собрании «Среды» Александр Биск прочитал ряд своих стихотворных переводов из Райнер-Мария Рильке, сопроводив их некоторыми литературно-критическими и биографическими замечаниями.

<...>

Александр Биск первый задался мыслью создать «русского Рильке». Прделанную им работу, с точки зрения технической трудности, нельзя иначе назвать как подвигом. В течение двенадцати лет им переведено около 130 стихотворений Рильке. Впрочем, как назвать их — переводами? Скорее, это некие воссоздания, перевоплощения. <...>

Г. Биск был награжден дружной овацией собрания. Как сказал Леонид Гроссман, переводы его могут быть поставлены вровень с переводами Жуковского, Гнедича и Блока (из Гейне). Г. О. Гершенкройн, в противоположность г. Биску, настаивал на преимущественной ценности лирики Рильке, а не его мистики. М. О. Цейтлин сделал очень интересные дополнения к сообщению г. Биска о поэте и поделился впечатлениями от личной своей встречи с ним. Он напомнил также о том, что в статье, помещенной в «Логосе», Ф. А. Степун утверждает религиозный опыт Рильке равным по значительности Плотину и Майстеру Экгардту. Семен Юшкевич усмотрел в поздних формальных исканиях Рильке неизбежный, на его взгляд, разрыв с традиционной эстетикой»¹²⁶.

Заседание «Среды» 15 (2) января 1919 года посвящено было докладу одесского художественного критика Марии Михайловны Симонович (Летиции) о поэзии Иннокентия Анненского¹²⁷,

а вскоре Б. Варнеке напечатал мемуарную заметку об Анненском, навеянную докладом («Одесские новости», 26 (13) января 1919 года, с. 2). Варнеке вспомнил, как Ю. Э. Озаровский (тоже находящийся в Одессе) хотел ставить «Фамиру Кифареда» Анненского, но не сумел найти подходящих актеров, и как помог ему тогда еще юный А. И. Аркадьев, согласившийся играть Агамемнона (тот самый, что в Одессе играл Робеспьера в пьесе Толстого «Смерть Дантона»).

В среду 22 (9) января состоялось чтение фарса К. М. Миклашевского «Четыре сердцееда». В прениях приняли участие Озаровский, А. Н. Толстой и др.¹²⁸

29 (16) января та же газета объявляла о предстоящей «Среде»: «Сегодня Ю. Э. Озаровский сделает сообщение «Бессмертие мастера» [или актера – в газетах были разночтения – Е. Т.]».

Не пояснялось, что или кто имеется в виду, но опять количество гостей, которое может привести с собой каждый член, ограничивалось до одного. Однако Озаровский на свою лекцию не пришел. «Вечерний час» поместил на эту тему фельетон А. Дели¹²⁹ «День», сообщавший, что докладчик прислал сообщение о своей болезни, но дома его не было: явно о лекции он забыл.

5 февраля в «Одесских новостях» объявляется сообщение Л. А. Чижикова о стихотворении Гейне «Сосна» в сорока переводах русских поэтов и чтение Александром Биском своих переводов из Рильке и Стефана Георге. Заметка заканчивается информацией о том, что «чтение стихов Максимилиана Волошина вследствие болезни автора откладывается».

10 февраля (28 января) та же газета печатает краткую заметку «Литературная Среда»:

«В последнюю среду местный библиограф-коллекционер Л. А. Чижиков продемонстрировал собранию свою библиографическую работу, предназначенную в свое время для «Известий Академии Наук», и которая вследствие войны не могла быть напечатана».

12 февраля (30 января) заседание «Среды» не состоялось – в городе не было света. 19 февраля читал Волошин. А 26 (13) февраля сообщается о чтении в «Среде» Э. Багрицкого (стихи) и В. Катаева (рассказ). 5 марта в газете объявлен доклад К. Б. Бар-

хина «Забытый поэт» (К. К. Случевский). На «Среде» 12 марта (27 февраля) Толстой читал пьесу «Любовь — книга золотая» (рецензию см. выше).

И, наконец, 2 апреля (20 марта) — за день до эвакуации Одессы французами в «Одесских новостях» было объявлено:

«Литер.-артистич. О-во

Кружок «Среда»

Б. А. Гуревич прочтет доклад на тему „Религиозно-философские основания современной поэзии“».

Кроме того, объявлялось об общем собрании членов и о назначенных выборах, не состоявшихся в прошлую пятницу.

Б. А. Гуревич — молодой петербургский поэт и ученый, автор сборника научной поэзии, на который написал рецензию (1916) В. Я. Брюсов. На Западе он стал видным ученым и работал в международных политических организациях. Именно Б. А. Гуревич сделал во время войны первый официальный доклад, сообщающий американскому президенту о геноциде евреев, проводимом в Европе нацистами. Газеты с подтверждением этой сессии не существует.

После эвакуации Одессы в апреле 1919 года и «воцарения» атамана Григорьева «Среда» продолжала еще некоторое время — до конца апреля — собираться, потом все замерло.

Летом 1919 года власть в Одессе вновь переходит в руки Добровольческой армии — до января 1920 года. Население хоронит жертв массовых расстрелов, которых Чека сбрасывала в каменоломни; замерший город начинает оживать. Вновь открываются некоммунистические газеты. 24 августа выходит Бюллетень № 1 «Одесского листка» с шапкой: «Измученным гражданам пострадавшей Одессы от освобожденного узника — «Одесского листка» — братский привет!»

Вновь оживают кабачки и кабаре. Оживает и литературный кружок «Среда», о котором говорится теперь уже вне контекста Литературно-артистического общества.

В октябре 1919 года «Среда» возобновляет заседания. «Одесский листок» публикует большой материал, посвященный истории этого объединения, где подчеркивается его автономность, нацеленность на профессиональное обсуждение и неформальный, кружковый характер. Заметка выдержана в слегка ностальгическом тоне: после страшных весенних и летних меся-

цев прошлый год приобретает легендарную ауру, а тогдашняя жизнь вспоминается легкой, чуть ли не идиллической:

«Литературный кружок «Среда»

(к возобновлению заседаний)

Кружок «Среда», собиравшийся в течение прошлой зимы в помещении Литературно-Артистического общества, возобновляет 9-го октября свои заседания.

Необходимость уходить по временам от публики, устраивать вечера в тесном кругу, где можно без ораторских притязаний высказывать свой взгляд и читать друг другу свои новые произведения, давно родилась среди известной группы литераторов.

Основываясь на этом, кружок считал себя вправе трактовать порой узкие литературные и художественные темы, интересные подчас только для специалиста и затрагивать которые можно было не ожидая юбилеев, поминок и других искусственных оправдывающих поводов.

Те семнадцать вечеров, которые представляют собой истекший зимний сезон «Сред», служат ярким доказательством того, что в Одессе есть люди, любящие подлинное искусство. Надо было только уйти от литературной улицы, от газетной шумихи, отрешиться на час-два от журналистики. Инициаторы кружка сумели привлечь к делу почти всех приезжих именитых гостей. Так, постоянными посетителями «Сред» были, кроме здешних сил, И. А. Бунин, гр. Ал. Н. Толстой, Наталия Крандиевская, Максимилиан Волошин, Е. Т. Жихарева, К. М. Миклашевский, М. О. Цетлин и др. И большинство из них принимали живое участие в беседах.

Желавших попасть на заседания «Среды» считали чуть ли не сотнями, в то время как кружок по существу своему должен был вмещать не более 50–60 человек, чтоб не потерять своей интимности. Слух о трудном доступе на заседания сделался чуть ли не притчей во языцех. Экспансивная Одесса сумела даже из такого чисто литературного начинания сделать моду. Пришлось отказывать в приеме очень многим, даже имевшим право на это.

На «Средах», как в своем дружеском кругу, не принято было стесняться во мнениях, и многим авторам читанных произведений приходилось солоно.

Членами исполнительного бюро «Среды», исполнявшими обязанности председателя собрания, состояли в течение этого года следующие лица: В. С. Бабаджан, А. А. Биск, А. К. Горностаев, Г. О. Гершенкройн, Н. О. Инбер, К. М. Миклашевский и гр. Ал. Н. Толстой.

Ниже помещаем программы бывших заседаний «Среды».

20-го ноября 1918 года состоялось открытие. 30-го апреля 1919 года, уже во времена большевиков, кружок прекратил свою деятельность до лучших времен.

Н. О. Инбер – сообщение о московских литературных новинках 1917–1918 гг.

Л. П. Гроссман – «Неизданные произведения Достоевского».

Семен Юшкевич – «Нелогическое», страсти в 3 картинах.

Вера Инбер и Наталья Крандиевская – стихи.

К. В. Мочульский – «О женской поэзии».

Гр. Ал. Н. Толстой – «Новые рассказы и стихи».

Амари – стихи и отрывки из поэмы «Декабристы».

Александр Биск – переводы из Райнера-Мария Рильке.

М. М. Симонович – сообщение о поэзии Иннокентия Анненского.

К. М. Миклашевский – «Четыре сердцеда», псевдоклассический фарс.

Вечер молодых поэтов [нам не удалось датировать этот вечер].

Л. А. Чижиков – Стихотворение Гейне «Сосна» в переводе 36 русских поэтов.

Александр Биск – Перевод из Анри де Ренье.

Б. Э. Форш – Перевод 2-й части «Фауста».

Максимилиан Волошин – Новые стихи и поэмы.

Валентин Катаев – Рассказ.

Эдуард Багрицкий – поэма «Харчевня».

Гр. Ал. Н. Толстой – «Любовь – книга золотая», комедия в 3 действиях.

П. А. Нилус – «Подвиг» и «Яблочко», рассказы.

Б. А. Гуревич – Религиозно-философское призвание современной поэзии.

Я. А. Зильберштейн – Доклад о поэзии Вл. Маяковского.

А. К. Горностаев – Доклад о поэзии Ив. Коневского»¹³⁰.

Сообщения Биска о переводах из Анри де Ренье, Б. Э. Форша¹³¹, П. А. Нилуса, Я. А. Зильберштейна и А. К. Горностаева мы не смогли датировать. Предположительно, они и заняли четыре остальные среды в апреле: 9, 16, 23 и 30 апреля (вечер переводов, как и зимой, очевидно, был сдвоенным).

«Среда» продолжала собираться до начала 1920 года. При красных она недолго агонизировала, потом окончательно прекратилась. Видимо, в конце своего существования «Среда» под руководством Л. Гроссмана и К. Мочульского приняла академический характер: Борис Вальбе писал о «приват-доцентском доктринерстве, которое так чуждо русской критике и которое почему-то доминирует в нашей „Среде“»¹³².

«Зеленая лампа»

Еще летом 1914 года в Одессе появилось первое молодежное литературное объединение — «Кружок молодых поэтов». Организовал его Петр Пильский, уроженец Одессы, столичный популярный журналист и критик, который жил тогда в Одессе и издавал газету.

Первый молодежный «вечер поэтов» состоялся 15 июня на Хаджибейском лимане. Позже, уже после революции, многие поэты кружка, созданного П. Пильским, вошли в литературное объединение «Зеленая лампа». Собирались они в консерватории, в кафе Либмана и в университетской аудитории юридического факультета¹³³.

«Старые афиши, газетные объявления, воспоминания современников позволяют считать «Зеленую лампу» самым представительным литературным объединением Одессы конца 1910 — начала 1920-х годов: Эдуард Багрицкий, Александр Биск, братья Борис и Исидор Бобовичи, Анатолий Гамма, Владимир Дитрихштейн, братья Георгий и Вадим Долиновы, Валентин Катаев, Иван Мунц, Леонид Нежданов, Эмилия Немировская, Юрий Олеша, Софья Соколова, Анатолий Фиолетов, Зинаида Шишова... Список этот далеко не полный. Позже в кружок вошли — чем особенно гордились «зеленоламповцы» — Алексей Толстой и его супруга — поэтесса Наталья Крандиевская, в числе других столичных знаменитостей переехавшие в Одессу»¹³⁴.

23 (10) марта 1919 года в газетах была объявлена программа вечера «Зеленой лампы» в расширенном составе с москвичами:

«„Зеленая лампа”

Камерный театр устраивает 28 марта вечер камерного чтения поэтов. Читают: М. Амари, В. Бабаджан, Э. Багрицкий, Максимилиан Волошин, Л. Гроссман, Вл. фон-Дитрихштейн, Валентин Катаев, Наталья Крандиевская, Юрий Олеша, гр. Алексей Н. Толстой, Зинаида Шишова.

Чтению стихов будет предпослан доклад Л. П. Гроссмана»¹³⁵.

Реальное участие Толстого в «Зеленой лампе» зафиксировано в хронике «Одесского листка» на другой день после вечера, который состоялся 28 (15) марта:

«Вечер «Зеленой лампы»

Состоялся он в Камерном театре. М. Волошин, Крандиевская, Амари, <...> разные, разноценные, но, во всяком случае, слишком особенные, чтобы оценивать их на протяжении пары строк случайной заметки.

Читал также один из рассказов своих гр. А. Толстой — читал с тем простым, милым, ленивым русским юмором, который так незнаком Одессе <...>»¹³⁶

Совершенно неизвестно, кстати, что это был за рассказ. Обзорная заметка в новой газете Л. М. Камышников «Вечерний час» (начало 1919 года) о вечере «Зеленой лампы» выразила мнение скептика или постороннего. Подписана она Як. П. (это, видимо, тот самый Яков Полонский, о котором вспоминает Дон-Аминадо в «Поезде на третьем пути»: «Я. Б. Полонский, живой, способный, пронзительный — в шинели вольноопределяющегося»¹³⁷):

«„Зеленая лампа”

Вчера кружок местных поэтов «Зеленая лампа» устроил «камерное» чтение поэтических опытов. Из наших одесских поэтов мало кому следовало бы выступать со своими стихами перед широкой публикой.

Интересен литературный экскурс о «Зеленой лампе» времен Пушкина, прочитанный Гроссманом. Тонки в смысле литературной обработки его советы. Как всегда, пленительна лирика Нат. Крандиевской. И, конечно, значительны стихи Макс. Волошина на библейские темы. Хорошо владеют стихом Юр. Олеша, В. Бабаджан и В. Дитрихштейн»¹³⁸.

Действительно ли Толстой выступал в роли наставника молодой одесской литературы? Из воспоминаний можно составить такое впечатление. Но верно ли оно?

Во-первых, надо помнить, что к Толстому в «Зеленой лампе» относились плохо. Молодежь «Зеленой лампы» — особенно Багрицкий — уже были настроены пробольшевистски и вели себя вызывающе. В. Катаев относился к окружению Бунина и высказывал свою нелояльность Толстому в рецензиях на него. Оставался Олеша — тихий, тонкий эстет. Он-то и становится собеседником Толстого.

Вскоре после эвакуации из Одессы молодые поэты поиздевались над Толстым в печати. Когда пришли красные, Багрицкий и Катаев начали выпускать газету «Гильотина» — на базе и для подписчиков прекратившегося «Пера в спину». На первой странице ее объявлялось:

«Газета выходит при участии наборщиков, печатников и т. п. незаменимых специалистов, имеющих право не стоять на советской платформе, но тем не менее стоящих на таковой. Буржуазию, сидящую и лежащую на платформах с мусором (см. приказ коменданта № 23), решено к участию в газете не привлекать, дабы эта нация могла сохранить свой непривлекательный вид. Граф Ал. Толстой (кстати, покинутый Одессой) пусть лучше не переступает порога нашей редакции; даже фотографии — и те будут помещаться с крайней осмотрительностью и при малейшей возможности будут заменены фототипиями».

Толстой и одесский юмор

Для сатирической журналистики Одессы присутствие графа Толстого явилось неистощимым кладом вдохновения. Журнал «Бешеная тетка», характеризующий себя как «орган независимого юмора» (пример уровня — анекдот «Послушайте, вы какой интернациональности?»), упоминал вскользь:

«О графах, линейках и прочем таком»

Маститый баян русской действительности и уважаемый автор «Никиты» граф Ал. Толстой курит только «графские».

Наталья Васильевна опять кашляет»¹³⁹.

Гораздо более квалифицированное «Перо в спину»¹⁴⁰, которое определяло себя то как «Еженедельный и вообще не дельный орган», то как «Издание еженедельное, нецензурное и вообще подозрительное», — веселилось обильно и раскованно, иногда демонстрируя настоящий уровень:

«Происшествия

Ужасный случай с писателем гр. А. Н. Толстым

Третьего дня около 6 час. вечера известный писатель и драматург, муж поэтессы Н. В. Крандиевской, гр. А. Н. Толстой, проходя по Ришельевской ул., зашел в табачную лавку Д. М. Мучника купить папирос.

— Дайте мне, пожалуйста, пару коробок папирос, — сказал местный бытовик, надевая пенсне.

— Каких прикажете? — спросил услужливый хозяин.

— Графских, графских, — сказал автор приключений Растегина, весело потирая руки.

Лицо хозяина омрачилось.

— Могу вам предложить «княжеские», «царские», «баронские», а также и «студенческие»... Многие хвалят «луну»...

— Хочу графских, — мрачно сказал певец возрождающегося дворянства.

— Не держим, — сухо сказал разочаровавшийся в покупателе хозяин магазина Д. М. Мучник.

Граф А. Н. Толстой скоро удалился. На трубе соседнего дома сидела ворона, как переодетый черт. Труп земли покрывался овчиной. Заиндевело.

— Люблю быт, чивой-то, — подумал уважаемый баснописец, рассеянно входя в следующую табачную лавку. Между графом и торговцем произошел следующий диалог:

— Дайте мне, пожалуйста, папирос графских.

— Графских? Не держим. Могу предложить «Приятель», «Товарищ», «Работник» и «Роза». Вы имеете чудный табак.

— Хочу графских, — тупо сказал А. Н.

— Может быть, прикажете «Керчь», «Экстра», «Триумф»? Многие хвалят.

— Хочу графских.

— Не держим, — сказал уныло хозяин.

Обдумывая второй акт новой пьесы немецкого поэта Бюхнера, маститый боян русской действительности вошел в третий магазин, где его постигло разочарование, которое не тетка.

Исходив полгорода, глубокой ночью, граф наконец приобрел у уличного продавца желанные папиросы. Впрочем, дома, при ближайшем рассмотрении малолетнего сына графа Никиты и графини Натальи Васильевны, папиросы оказались швейной машиной. Горе несчастных родителей не поддается описанию, даже судебного пристава.

Вызвана пожарная команда. В настоящее время граф заканчивает третий акт новой комедии. В городе паника. А вы говорите: реклама!»¹⁴¹

Эта ворона, — излюбленный толстовский мотив, особенно последнего времени — как и «труп земли, покрывающийся овчиной», выдают руку мастера. Первым пародистом в Одессе был Б. Д. Флит. В другом разделе «Пера в спину» № 6, среди хроники, мы читаем:

«Гр. Ал. Н. Толстой читает новый роман под заглавием: «Записки старшины Игорного Клуба». Издания «Московского клуба». В этой книге гр. Толстой дает разительную картину азарта и общей жизни клубов. Многое взято из действительных наблюдений автора»¹⁴².

Явно это реакция на столь озадачившую староверов готовность Толстого работать на любой работе. Там же издевки над самим Буниным:

«Новые издания

Под редакцией И. Бунина начала выходить в Одессе большая литературно-общественная «Устная газета», сосредоточившая лучших петроградских и московских газетных работников.

Прекрасно поставлены отделы дикции и темперамента. Газета отпечатана на хорошей бумаге. Свет (инж. М. Д. Перкель) обеспечен продовольствием, недвижимостью и наличным капиталом».

«Литературный календарь

На юге Европы, в частности, и в Одессе носятся слухи о том, что небезызвестный академик И. Бунин опять видит сны Чанга, которые в общей сложности достигли размера 13,453 рублей с копейками»¹⁴³.

«Перо в спину» обыгрывало реалии той зимы, например, баснословную гриву Волошина, отмечаемую всеми мемуаристами от Бунина до Катаева¹⁴⁴:

«Представитель крымского правительства, небезызвестный бретер, знаток Верхарна и Брешко-Брешковско-

го, Максимилиан Волошин прочтет в литературно-артистическом обществе лекцию о наилучших средствах для рашения волос»¹⁴⁵.

Но все же Толстой и здесь решительно являлся фаворитом:

«Его Величество граф Ал. Н. Толстой окончит новую пьесу из той же жизни.

Наследник Его Светлости граф Никита Толстой сделал эскиз из младенческой жизни. Гости разбежались. Впечатление сильное.

<...>

Незабываемый воскреситель древнего юмора гр. Ал. Толстой думает об организации нового кружка, в котором будет изучаться его родословная от Бархина до наших дней. Запись членов производится в погребальной конторе „Конкордия”»¹⁴⁶.

И т. д. и т. д. Толстой был идеальным объектом юмора. Биск писал о нем:

«Толстой был в жизни таким же ярким, как и в своих произведениях. Замечательный рассказчик, великолепный собеседник, но всегда без царя в голове. Как в своих талантливых произведениях он редко доводил свою идею до конца, обрывался, так и в жизни он был несуразен — на свое чтение, например, он опоздал на целый час, с трудом его оторвали от письменного стола»¹⁴⁷.

В петербургские годы Толстой тщательно заботился об имидже; в Москве он становится маститым и может позволить себе несколько расслабиться. Но в Одессе он постоянно на людях, не отдыхает, нуждается, и его имидж претерпевает некоторую эрозию. Теснота одесской жизни сближает людей. Контраст между известностью личности и ее доступностью — идеальный повод для насмешки. Единственный способ все-таки контролировать свой имидж — это педалирование своего чудачества, даже юродство — оно станет стратегией стареющего Толстого.

Театральные проекты

К Рождеству стало ясно, что серьезные театральные проекты не приносят сборов. Немедленно после неудачи с толстовским «Дантоном» Драматический театр организовал «Дом артистов» — объединение литераторов и артистов Одессы. «Малый»

театр сняли на год. Устроили ресторан с «оркестром музыки», где давались обеды по удешевленным ценам для актеров и литераторов. От 4 до 7 часов вечера были объявлены «файф о'клоки» с участием лучших сил местных театров, а от 10.30 до двух ночи там работало артистическое кабаре и шли товарищеские ужины. Намечена была и гастрольная система режиссеров. В первую очередь программы должны были ставить К. М. Миклашевский, Ю. Э. Озаровский и Н. И. Собольщикова-Самарин¹⁴⁸.

Чуткий Б. Д. Флит — Незнакомец отозвался на эту новость так:

«Театральный ветер

(наброски)

Одесса, кажется, становится самым кабаретным городом.

Открываются все новые кабаре. А может быть, и «кабаке»... Пока есть два:

— Кабаре «Гротеск» из Киева.

— Кабаре «Ко всем чертям».

И открывается кабаре при Драматическом театре.

Кооперативное артистическое кабаре.

Вся труппа — пайщики.

Все — кабаристы.

Надо помнить, что и «Летучая Мышь» родилась в подвале при Художественном театре.

Она была сначала даже бесплатной.

И только потом туда пустили улицу.

Одесса, конечно, не Москва, а наш Драматический театр не Художественный.

Кабаре для себя он не устроит.

Если уж дурачиться, так хоть за плату и, быть может, с абонеентами.

Кабаретное время, черт возьми! Весело!

* * *

Но ведь настоящего, искрометного, вдохновенного, истинного кабаре у нас еще не было ни одного, включая даже и «Летучую Мышь»...

Что такое кабаре?

Это наполовину Кармен, наполовину Мадонна.

Это театр без лица, но многих лиц, многих вдохновенных и многих ощущений.

Это юноша, вдохновенный, как поэт — и сатирик, смертоносный, как пулемет.

Это золотая чаша, и все, что льется туда — должно становиться сверкающим!

Кабаре — это Дон-Жуан фразы, это апологет остроты и сатирик, смеющийся сквозь слезы.

А у нас на Руси кабаре — это облагороженный миниатюр, где зачастую бывает столь же скучно, как скучна поездка в кафешантан со своей собственной женою.

И только в последнее время кабаре стало привлекать в число своих работников настоящих писателей, настоящих художников и настоящих артистов.

И когда веселый и изящный театр до того взбаламутит душу рядового зрителя, что он сам заговорит на языке Петрарки или Лауры, — это будет настоящее, вдохновенное, прекрасное кабаре!»¹⁴⁹

Похоже, что осенью — зимой 1918/19 кабаре в Одессе решительно стало ведущим театральным жанром, заняло место серьезного театра, становилось культурным и престижным зрелищем.

10 января 1919 года из Киева в Одессу приехал в полном составе театр Никиты Балиева «Летучая мышь»¹⁵⁰. Рецензии отмечали, что этот кабаре-театр «эволюционирует в сторону художественности»:

«В то время как большинство театров «миниатюр» в России стремятся постигнуть тайну успеха балиевского театра и подражают его последней программе, сам Балиев от этой программы уходит все дальше и дальше.

Из плана инсценировок театр уходит в сферу более или менее продолжительных пьес, ставя их по 3, 4 в вечер вместо прежних 10, 12.

Но в одном театр остался верен себе.

В серьезности выбора, художественности постановок, срепетированности.

В этом по-прежнему театр Балиева остается единственным и непревзойденным»¹⁵¹.

Очевидно, идея «Дома артистов» сочетать серьезные и легкие театральные жанры оказалась перспективной, а пример Балиева дразнил и звал к соревнованию: Ю. Э. Озаровский одновременно начинает свой собственный проект в том же духе. Газета «Вечерний час» сообщила 17 февраля:

«Режиссер Александрийского театра (sic!) Ю. Э. Озаровский и писатель граф Ал. Н. Толстой становятся во главе художественного кабаре, для которого снимается театр Лит.<ературно>Арт.<истического> Общества»¹⁵².

Здесь характерна оговорка «художественного».

А через три недели тот же «Вечерний час» объявил:

«16 марта предполагается открытие нового художественного кабаре, организуемого Ю. Э. Озаровским и А. Н. Толстым, в театре Литературно-Артистического Общества. Предположено участие артистки государственных театров Е. Н. Рощиной-Инсаровой»¹⁵³.

Итак, у Озаровского и Толстого возник план своего собственного кабаре — и это несмотря на то, что в Одессе в это время гастролировали киевские «Гротеск» и «Кривой Джимми»¹⁵⁴, только что открылся широко разрекламированный петербургский подвал «Веселая канарейка», кабаре «Золотая рыбка»¹⁵⁵ и даже самозванная «Бродячая собака»; существовал театр «Пель-Мель» (концерты-кабаре), кабаре уголка артистов «Инферно», «Павильон де Пари», Петроградский Театр интермедий, кабаре «Трокаде-ро» и даже фарс Смолякова¹⁵⁶. Не говоря о лекциях Евреинова, выступлениях Тэффи, о всевозможных конференсье, рассказчиках (знаменитый Хенкин), анекдотистах и просто халтурщиках.

Но по-настоящему полна каждый вечер была только «Летучая мышь». Как видно, соревноваться с «Летучей мышью» на ее территории компаньоны не рискнули, потому что о направлении нового проекта вскоре было объявлено:

«Здесь предположены постановки малой драмы, оперы, оперетты, инсценировок и т. д.»¹⁵⁷

То есть проект разворачивался в направлении театра малых форм, но не театра миниатюр:

«Репертуаром театра явится малая драма, оперетта и хореографические номера. В драматической литературе России и Запада есть одноактные пьесы, которые никак нельзя назвать миниатюрами, под которыми общепринято называть ту антихудожественную и ничтожную дребедень, что демонстрируют в театрах миниатюр»¹⁵⁸.

Толстой с Озаровским выступили «против течения», заявив своей программой борьбу с новомодной халтурой «миниатюр». Что же они могли предложить взамен?

Открытие Великопостного сезона приближалось. В середине марта «Весенний театр», как он был назван, должен был открыться. «Вечерний час» сообщал 14 (1) марта:

«„Весенний театр”

Главный режиссер Ю. Э. Озаровский установил программу для открытия спектаклей «Весеннего театра». С участием артистки государственных театров Е. Н. Рошиной-Инсаровой пойдет «Провинциалка» И. С. Тургенева. Партнером ее будет Вас. Вронский. Далее в программе значится водевиль А. С. Грибоедова и князя Вяземского «Кто брат, кто сестра», написанный в 1823 году. Водевиль с пением и танцами. Роль Юлии отдана г-же Мансветовой. Музыка специально написана композитором А. Архангельским. Ставит водевиль очередной режиссер Ю. Ракидин. Остальную часть программы составляет сцена Майкова «Странник» из быта раскольников и хореографический эскиз «Душа розы» с участием премьеры московского государственного балета Л. Л. Новикова. По примеру московского драматического театра Ю. Э. Озаровский вводит музыкальные антракты»¹⁵⁹.

Вместо кабаре Озаровский и Толстой создали антикабаре, сделав ставку на качественную драматургию и тщательную режиссуру. При этом — дань времени! — упор все же делался на короткие пьесы. Увы, попытка «Весеннего театра» оказалась несвоевременной. Газетные рецензенты предупреждали, что публика в Одессе не созрела для серьезного театра: газеты писали перед открытием театра:

«Весенний театр. Открытие сезона

Вы наблюдали в Одессе картину роста «интеллигентных» кабаре-ресторанов? После успеха одного стали вырастать другие, как грибы после дождя. И нынче сколько их, куда их гонят, что так жалобно поют?

Как хотелось бы, чтобы в такой же прогрессии росли в Одессе театры: «Камерный», «Весенний», а там, чем черт не шутит, и «Художественный». Но, увы, мечтам этим не суждено сбыться, театра нет, ибо нет для него публики и, смею это утверждать, не скоро еще она придет»¹⁶⁰.

И действительно, «серьезный» театр не привлек публики, которая, привыкнув к искрометному темпу и концентрированному остроумию театров-кабаре, страдала от скуки и длиннот.

Открытие сезона назначено было на 18 марта, спектакли — на 19, 20, 21 марта. Рецензии на премьеру сообщали о вялом, затянутом и скучном спектакле в тесном, холодном зале:

«Открытие «Весеннего театра»

Начали со «Странника» А. Н. Майкова. Томительно длинное повествование о дерзающем духе и немощной плоти не увлекало, а служило первым провозвестником скуки, под знаком которой, очевидно, родилось это начинание. Еще обнаруживали доступные им достижения гг. Ляров, Юровский и Симановский — <но> в зале царил холод, т. е. то, что для искусства — смерть.

После действия был антракт, длинный, томительный, минут на сорок... После него, казалось, вознаграждение за тяготу ожидания, — была обещана «Провинциалка» с г-жой Рощиной-Инсаровой и г. Вронским. Сподобились... Хорошо, говорят, играет роль Дарьи Ивановны г-жа Рощина. Но ваш покорный слуга, давая показания, по совести должен сказать, что этого не заметно. <...>

Когда на три четверти зала уже опустела, ибо шел двенадцатый час, наступил черед последнего номера программы, водевиля с пением «Обман за обманом», А. С. Грибоедова и кн. П. А. Вяземского.

<...> Спектакль окончился около часу ночи.

Н. Пер-ов»¹⁶¹.

Первый спектакль «Весеннего театра» 18 марта не собрал публики, и можно с большой вероятностью предположить, почему. Натуралистическая поэтика Художественного театра — «перегруженность режиссурой», как выразились о нем «Одесские новости»¹⁶², антикварные костюмы, стиль 1840-х годов — все это было хорошо для 1900-х, но абсолютно неуместно в Одессе 1918-го, сидящей на чемоданах, где ни в стиле жизни, ни в мировоззрении не осталось ничего стабильного:

«Не станем закрывать глаза на правду. Начало не очень удачное. Театр устроился в помещении, явно не приспособленном для серьезных театральных постановок. Сцена там величиной с наперсток и это даже не сцена, а эстрада. Обставить ее можно, и это доказал Озаровский, создавший для тургеневской «Провинциалки» превосходный художественный фон. Озаровский — фанатик стиля и раб художественной традиции. Будьте уверены, что он не про-

пустил ни одной антикварной лавки в Одессе. Нашел и мебель, и костюмы, ведь это не анекдот, что Озаровский ушел от Балиева потому, что тот скупился на ботинки для актера, игравшего какую-то роль в пьесе сороковых годов. И Озаровский одел актеров в платье и ботинки, какие нужно, и стиль спектакля был достоин и имени режиссера, и имени самого Ивана Сергеевича Тургенева. Но театр мал, театр тесен, и было трудно обставить спектакль не только хорошо, но и удобно для публики.

Спектакль затянули очень поздно, и публика устала чрезвычайно. Это пустяк, но в условиях осадного положения пустяк раздражающий.

Прежде всего, надо устранить эти длинные антракты, задержку в ходе спектакля, да и самый темп спектакля — растянутый, какой-то суховатый <...>

Пьесе нужны купюры.

И все же «Весенний театр» начало прекрасное и наше сочувствие к нему полное и прочное».

Так писал в «Вечернем часе» Л. Камышников¹⁶³.

В следующем номере в пятницу, 21 (8) марта, объявления о «Весеннем театре» уже не было. «Мельпомена» сообщила вскоре:

«Дирекция после двухдневного существования «Весеннего театра» решила окончательно ликвидировать дело. С труппой и служащими дирекция пришла к соглашению»¹⁶⁴.

22 (9) марта обещанного заранее спектакля в «Весеннем театре» не было «вследствие отсутствия водяного отопления»¹⁶⁵. Впрочем, в этом же номере сообщалось, что с завтрашнего дня во всех театрах на неделю прекращаются все спектакли — бои шли уже на подступах к городу. В конце марта проходят реквизиции театров под госпитали. Помещение кабаре «Пель-Мель» (Ланжероновская, 28) и «Аполло» (Полицейская, 26) реквизируют 21 (8) марта. Газета «Вечерний час», сообщавшая об этом, добавляла: «выданы реквизиционные билеты на клубы «Увечных воинов» и «Инферно», которые еще не заняты местными властями»¹⁶⁶.

Тэффи писала в фельетоне «Последний завтрак» накануне финала:

«<...> Никто, конечно, не верит в возможность прихода большевиков. Поверить в это было бы неприлично, невежливо, неблаговоспитанно и неблагоприятно. Так диктует патриотизм момента.

Никто не верит.

Но знаете что: у каждой эпохи, даже у каждого маленького поворота жизни есть своя фраза, как бы лейтмотив, синтезирующий переживаемые настроения. Фразу эту вы услышите везде: в театрах, в кафе, в ресторанах, на деловых заседаниях, за карточным столом и на улице. Везде, где разговаривают и о чем бы ни разговаривали, фраза эта будет сказана, слово будет произнесено.

Слово нашего момента:

— Виза»¹⁶⁷.

Эвакуация

Надвигался все же неожиданный, стремительный финал: эвакуация из Одессы. С волной других беженцев Толстые грузятся вместе с Цетлиными на пароход «Кавказ» и 4 апреля покидают Одессу.

Эту эвакуацию Толстой описал в «Ибикусе». В архиве его сохранился набросок плана, относящийся к эвакуации:

«Вот вам история небольшой, но чрезвычайно сложной человеческой ячейки, расплывшейся по Европе.

Начало распыления — Одесса.

<...> 7-го апреля 19 г. д'Ансельм, командующий войсками интервенции, объявил эвакуацию Одессы в следующих выражениях: «Вследствие недостатка подвоза питания Одессы производится частичная разгрузка города».

А вчера еще в газете было: «Наши войска неуклонно продвигаются... Ни в коем случае мы не намерены» — и т. д. Население прочло.

И покатилося в порт колесом. Стрельба. Вozy с багажом. Бандиты»¹⁶⁸.

В дневниках Толстого мы находим свидетельство, что Толстые приняли решение ехать бессонной ночью с 3 на 4 апреля, остро почувствовав свою обреченность. Потом надумали остаться — и, наконец, все же уехали. Дело решила игра случайностей:

«**Бегство из Одессы**

Кончал 3-й акт пьесы. Мар<ия> Сам<ойловна> вызвала Нат<ашу> на площадку. Я вышел — вижу взволнованные, но внешне спокойные лица. Французы сдают Одессу, мы уезжаем сегодня.

Началось, точно медленное раскручивание спирали, отчаяние. Вышли на улицу. Серьезные лица офицеров. Один стоит, держится за лоб. Много простонародья. Сдержанно веселы. Ближе к центру больше волнений и слухи. <...> Зашли к Цетлиным, простились. Все уезжают. Чувство одиночества. Не могли спать ночь. Обреченные на голод, на унижение. Утром пошли в город. Цетлины еще не уехали, только в 5 ч. решаем ехать. Идем в Городской союз, там Фондом<инский> раздает паспорта.

В 3¹/₂ начинается частая стрельба по спекулянтам. Шахрается публика, бежит, возвращается. Появляется Наташа с детьми и вещами. Бунакова еще нет. Решаем остаться, говорят, по пути в порту убивают. Не можем разменять денег, появляется Бунаков.

Мы едем.

<...>

Все как во сне.

Неудобства почти не замечаются, состояние анестезии, слишком все неожиданно, хаотично, будущее страшно и непонятно»¹⁶⁹.

В воспоминаниях Ф. Ф. Крандиевского сцены эвакуации семьи описаны с ослепительной ясностью и подробностью:

«Мама и Юлия Ивановна спешно укладывали чемоданы и корзины. Мы ехали на извозчике вниз по Пушкинской улице. В пролетке сидели мама и Юлия Ивановна с Никитой на руках; я — напротив на низенькой скамеечке. За спиной, у вокзала, стрекотали пулеметы. Мама и Юлия Ивановна пригибались. Мама наклоняла вниз мою голову. На Пушкинской около какого-то пароходного агентства суетился народ. Кучки багажа, прислоненного к стенке. Внутри была давка. Отчим ждал нас на ступеньке с тремя пароходными билетами в руке:

— Мы едем на Кавказ!

Почему на Кавказ? Куда именно на Кавказ? В этом разберемся позже. А сейчас скорее, скорее в порт. Большевики расстреливают всех буржуев подряд. Мы, конечно же, — буржуи. Отчим к тому же граф. Наша графская семейка выглядела, мягко выражаясь, странно. Алексей Николаевич с физиономией, обвязанной теплым кашне, заколотым на макушке английской булавкой: у него был флюс. Никита в

моей огромной гимназической фуражке (белый верх с синим околышком).

<...>

Пароход отошел от берега и стал на рейде неподалеку от французской эскадры. Так он простоял четыре дня. Стрельба на берегу стихла. Одесса была занята большевиками. Каждое утро какие-то смельчаки отправлялись в шлюпках на берег. Возвращались вечером. Рассказывали, что в городе полный порядок. Им поручили привезти поэтессу Веру Инбер, которая оставалась в Одессе. Однако Вера Михайловна так и не появилась на пароходе.

После толкотни и суматохи первого дня на пароходе постепенно все утряслось. Отчим, мама и я помещались в трюме, который был перегорожен трехэтажными дощатыми нарами. Днем в трюме был полумрак. По ночам он освещался тусклым фонарем. В первый же день утром в углу трюма, освещавшемся открытым наверху люком, я увидел перевернутый ящик из-под консервов, на котором стояла принадлежащая отчиму портативная пишущая машинка «Корона». На другом маленьком ящичке сидел Алексей Николаевич, обвязанный по-прежнему шерстяным кашне с английской булавкой наверху. Он стучал на машинке. Останавливался и после долгой паузы отстукивал следующий абзац. Он работал»¹⁷⁰.

Тэффи, не уехавшая тогда дальше Новороссийска, оставила воспоминания об этом дне, где упоминается маленький Фефа Волькенштейн — будущий мемуарист Ф. Ф. Крандиевский. Его отец, первый муж Наталии Васильевны, адвокат Ф. А. Волькенштейн, говорил ей, показывая на стоящий на рейде «Кавказ»: «На этом пароходе увозят моего маленького мальчика. Я никогда его больше не увижу»¹⁷¹.

И, наконец, в город вошли войска атамана Григорьева. Это было 5 апреля. Сцена из воспоминаний Дон-Аминадо выразительно комментирует этот триумфальный марш:

«Смена власти произошла чрезвычайно просто.

Одни смылись, другие ворвались.

Впереди, верхом на лошади, ехал Мишка-Япончик, начальник штаба.

Незабываемую картину эту усердно воспел Эдуард Багрицкий:

Он долину озирает
Командирским взглядом.
Жеребец под ним играет
Белым рафинадом.

Прибавить к этому уже было нечего.

За жеребцом, в открытой свадебной карете, мягко покачиваясь на поблекших от времени атласных подушках, следовал атаман Григорьев.

За атаманом шли победоносные войска.

Оркестр играл сначала «Интернационал», но по мере возраставшего народного энтузиазма, быстро перешел на „Польку-птичку”»¹⁷².

Это художественное построение, а не документальное — реальный Мишка-Япончик не участвовал в описываемых событиях, его имя играет здесь скорее роль живописной детали. Но нас интересует другая, не менее выразительная деталь: эту самую «Польку-птичку» Толстой запомнит и потом использует в «Золотом ключике»: разумеется «духовная аура» этой польки, глупейшей и пошлейшей, осталась у него неизгладимо связана с этим трагифарсовым эпизодом, запомнившимся его парижскому другу Шполянскому.

В день эвакуации, 4 апреля 1919 года, назначен был очередной вечер устной газеты, которая, как мы помним, оказалась наиболее успешной зрелищной затеей из тех, в которых участвовали столичные гости:

«Группа столичных литераторов устраивает 13 апреля вечер устной сатирической газеты под названием «Ничего подобного» в Русском Театре. От литературного отдела выступают — Тэффи, Ал. Толстой, Лоло, Максимилиан Волошин, Вера Инбер, Дон Аминадо, Вас. Регинин и др.»¹⁷³.

Толстой провел этот вечер в трюме «Кавказа» на одесском рейде. Он работал — заканчивал пьесу «Любовь — книга золотая».

Постскрипtum:

Толстой в одесской печати конца 1919 года

Постскрипtumом к одесской эпопее Толстого стали две рецензии на сборник его рассказов «Наваждение», вышедший весной 1919 года, незадолго до прихода большевиков. Они появились осенью — зимой 1919 года, когда Одессу вновь заняли добро-

вольческие войска, и в полумертвом городе вновь затеплилась культурная жизнь: возродилась свободная пресса, открылись театры и кабаре, возобновились собрания. Воспрял и «Одесский листок», в газете появился регулярный литературный отдел (чего не было в 1918 году — тогда литературные материалы группировались в специальные нерегулярные приложения; но и тогда были интереснейшие рецензии: Л. Гроссман «Родное и Вселенское Вяч. Иванова» в номере за 29 (16) сентября 1918 года, его же восторженное изложение «Апокалипсиса нашего времени» В. В. Розанова в статье «Запрещенные книги» 30 (17) ноября 1918 года — это была гневная реакция на запрещение в Одессе северных изданий).

В отделе этом сотрудничали постоянно теперь К. В. Мочульский и Бор. Вальбе. Среди наиболее интересных обзоров той поры — рецензия на знаменитый диалог С. Булгакова «На пиру богов», вышедший в 1918 году в Киеве. Автором ее был поэт А. Горностаев¹⁷⁴. Значительным по проблематике был и обзор сборника «Слово и культура» (М., 1918), в котором русская религиозно-философская интеллигенция вырабатывала термины, потребные для принятия и осмысления революции. И речь шла об Ал. Блоке, Андрее Белом и «интеллигентах из недр народных» — Клюеве, Есенине и др.

«Они приемлют революцию до конца — со всеми ее кошмарами и ужасами. Революция для них Голгофа: сквозь муки и страдания они провидят светлый образ Спасителя; переживая ее мистически, они воплощают в ней свои религиозные чаяния»¹⁷⁵.

Рецензия К. В. Мочульского на «День Петра» указывает на сходство рассказа с концепцией Мережковского об антинародности реформ Петра и отмечает тенденциозность повести Толстого, ее гражданскую злободневность:

«<...> Художник ищет в прошлом ответа на терзающие его вопросы: разгадки, объяснения, пафос его произведения лежит в плоскости не художественной, а гражданской. Он хочет понять Россию как государство, вскрыв ее истоки. Своеобразие русской государственности может быть постигнуто только генетически. Почему русское государство распалось с такой невероятной быстротой? Почему устои его оказались такими шаткими и недолговечными?

Да полно — прочно ли сколотил царь-плотник свое новое государство? Не было ли трещины в самом фундаменте строившегося здания?

<...>

Государство оказалось хрупким, т. к. создавалось не волей народа, а вопреки той воле по жестокому капризу рассерженного хозяина. Основание Петербурга «на краю земли», на болоте, заваленном трупами строителей — таков в представлении Ал. Толстого символ новой России. Эта идея определяет собой концепцию образа Петра.

„Хотел ли добра России царь Петр? Что была Россия ему, хозяину, загоревшемуся досадой и ревностью: как это — двор его и скот, батраки и все хозяйство — хуже, глупее соседского? О добре ли думал хозяин, когда с перекошенным от гнева и нетерпения лицом прискакал из Голландии в Москву, в старый, ленивый, православный город, с колокольным тихим звоном, с повалившимися заборами, с калинами и девками у ворот, с китайскими, индейскими, персидскими купцами у Кремлевской стены, с коровами и драными попами на площадях, с премудрыми боярами, со стрелковой вольницей? Разве милой была ему родной Россия?»

Так снова из смуты современности воскресает старый славянофильский вопрос и вновь пересматривается дело Петра» <...>¹⁷⁶

Мочульский отмечает и художественные новации текста. Главное в нем — сложная, не сразу разгадываемая авторская изготовка, его «позиция». Мочульский раскрывает ее следующим образом:

«Вся повесть проникнута гневом и скорбью. Оскорбленная гордость и великая любовь диктуют автору слова обличения и отрицания. Сцена допроса Варлаама потрясает своей напряженной динамикой»¹⁷⁷.

Говоря о художественном решении, Мочульский прибегает к живописной аналогии: такое ощущение, что перед глазами у него картина современного художника. Выделенные Мочульским черты — прямолинейность, контурность (силуэтность), монохромность, угловатость, заостренность — и главная среди них, динамизм — складываются в характеристику искомого современного искусства, каким оно видится рецензенту:

«Повесть искусно выдержана в насыщенных черных и серых тонах; контуры резко вычерчены, прямолинейны, угловаты, заострены. Силуэт Петра отчетлив и энергичен. <...> Сам Петр показан в движении, жесте, в неустанном страстном устремлении. С большим мастерством создана эта „жадная, лихая душа, не успокоенная, голодная“ <...>»¹⁷⁸.

Сам Толстой впоследствии признавался, что перед глазами его стоял серовский Петр¹⁷⁹. Как мы помним, почти монохромный, угловато-заостренный, весь — сгусток вихревого движения.

Рецензия Бориса Вальбе на тот же сборник рассказов Толстого целиком появилась месяц спустя в той же рубрике «Одесского листка». Вальбе озадачен тем, что большая часть рассказов вообще не связаны с современностью или лишь косвенно задевают ее:

«Это ведь самый «злободневствующий» писатель; это художник, которого необычайно тянет к газете. Недаром его видела последняя война в ряду самых легкокрылых корреспондентов, в Галиции и Польше, на французском фронте и в парламенте, и в королевском дворце Англии.

Да и в буре и в грозе нашей революции, он наскоро фиксирует построения современности в «Смерти Дантона», беря не только тему, но и содержание отчасти напракат у Бюхнера»¹⁸⁰.

Вальбе четко формулирует проблему: либо политическая публицистика, либо художественное творчество. Итак, в рассказах Толстого нет современности:

«Но только с первого взгляда: это сознательный художественный прием Толстого, своего рода психологический отвод глаз от подлинных переживаний автора. <...> И за каждой строкой, за каждой беседой чувствуется биение взволнованного современного сердца нашего художника»¹⁸¹.

Его проза — сложный «отвод глаз», многослойное построение, рассказывающее не о том, о чем оно написано:

«<...> Петр интересуется Толстого *sub specie* революции <...>. Что такое Россия, что такое революция — эти проблемы приводят к величайшему русскому революционеру, к Великому Петру. На примере Петра вскрывает Толстой свое отрицание революции, характер ее «наваждения». И резко удар за ударом он наносит нашему исконному культу Петра.

Петр по Алексею Толстому — это современный экспериментатор вроде современных большевиков, его режим — это современная чрезвычайка.

Как в «Смерти Дантона» под псевдонимом французской революции Толстой нам показал русскую революцию, так в суде над Петром мы в сущности в трибунале над современностью. <...>»¹⁸².

Кончается рецензия совершенно точным наблюдением, которое, должно быть, очень больно ранило Толстого:

«Если есть у Толстого герои, которые чаруют нас, это герои обыденщины, это полные антиподы революции, созданные для тихого мещанского уюта, но не для бури и грозы нашей современной катастрофы. Таков прекрасный образ портнихи Кати из рассказа того же названия. Но не видно здесь героев наваждения, той бесовщины, чего по традиции Достоевского ищет Толстой в нашей современности.

Прекрасен язык его рассказов, пропитанных живым юмором и грациозным диалогом. Но это ведь недостаточно, чтобы выявить такую сложную и загадочную эпоху, как переживаемая нами.

Толстой — художник умирающих помещичьих гнезд, их тихих предсмертных грез, ненужных упований, но не художник массовых взлетов и падений. Не для его палитры — революция и война.

Не по Сеньке шапка»¹⁸³.

Как будто вопреки тем, кто отказывается признавать его художником, способным изобразить революцию, эмигрант Толстой посылает в Одессу — единственный клочок России, с которым сохранилась связь, — начало своего парижского романа «Хождение по мукам».

На Рождество в «Одесском листке» за 25 декабря 1919 (7 января 1920) года появилась первая глава романа А. Н. Толстого под заглавием «Хождение по мукам. Главы из романа». Эта публикация предшествует первой известной нам публикации начала романа в парижском журнале «Грядущая Россия» № 1 и 2 за 1920 год. Текст также отличается от общеизвестного начала романа.

Несомненно, одесский этап должен изучаться как связующий между Россией и эмиграцией. Именно здесь в 1918–1919 го-

дах складывались условия для обмена информацией, а в конце 1919 года наладилась и обратная связь между эмигрировавшими в Стамбул, славянские страны, Париж и оставшимися. Одесские газеты доходили до Парижа: парижское «Общее дело» привозили в Одессу, Бурцев приезжал на юг России и сам. Статья Толстого «Торжествующее искусство» из «Общего дела» перепечатана была в «Сыне Отечества». Статьи самого Бурцева печатались в «Одесском листке».

Когда перегоревшую лампу встряхивают, концы нитей вновь замыкаются и лампа вспыхивает. Так и Одесса, где в крошечном пространстве сосредоточилась бежавшая от бед и невзгод русская творческая интеллигенция, дала внезапную кратковременную вспышку. Эта творческая атмосфера, создавшаяся здесь вопреки отчаянию, среди признаков надвигающейся гибели, соединила людей «серебряного века» в последнем творческом усилии. Результатом его была ироническая, кабаре-культура, во многом задавшая уровень сложности новому русскому искусству 20-х годов — искусству русского Парижа и Берлина.

В своей одесской статье «Гибель искусства», среди сообщений об отмене спектаклей из-за перебоев с электричеством, о нехватке продуктов, о налетах, грабежах и бедствующих людях искусства, за две недели до катастрофы — Толстой писал:

«Исчезнут государства и города, все покроется черноземом, порастет травой, и останется от народа, от целой культуры — одно искусство, как кристалл бессмертного человеческого духа»¹⁸⁴.

И мы сами, роющиеся в редкостных, хрупких газетных подшивках, смеющиеся и плачущие (это чаще) над их страницами, выискивающие в газетных ворохах рецензии на спектакли, микроскопические сообщения о литературных кружках, переписывающие от руки старые рассказы и фельетоны — живое доказательство правды этих слов.

А. Н. Толстой

ПУСТЬ ОНИ НЕ ОШИБУТСЯ¹⁸⁵

Круглая дверь вертелась, впуская милостивых государей разного рода и роста, но с одинаковым выражением лица. На всех лицах было одновременно полнейшее недоверие к явлению вообще и быстрая готовность оценить это явление, измерить, взвесить, перевести на эквивалент, умножить его раз 250 приблизительно, и уже как реальную ценность продать сплеховавшему соседу, стоящему с выражением наиполнейшего недоверия и т. д.

Подальше от дверей несколько человек из густо сидящих за столиками пили кофе. Здесь говорили также и о политике, а в сизом табачном дыму возникали из небылицы, как призраки, вполне достоверные слухи и факты. У окна за столом журналистов читались листки последнего радио, полученного из Стокгольма через Чикаго. В стороне под пальмой сидел с газетой мой приятель, москвич. Я подсел к нему. Он тотчас же заговорил:

— Сегодня иду по улице, народу — больше, чем всегда, на дамах такие шубы, саки и шляпки, каких не носят по будням. Невомоверное количество мальчишек. Я, вы знаете, живу у черта на куличках и газеты читаю не каждый день. Думаю — что-то случилось!

Вдруг вижу — по тротуару идут два матроса, один — высокий, другой — в половину его роста, оба в узких фуфайках, в белых шапочках, надвинутых на лоб, и в штанах, широких, как юбки.

Идут валкой, ловкой морской походочкой, держась за руку. У фотографической витрины они остановились и начали весело смеяться. У обоих добродушные, точно детские, лица, открытые и ясные — таких лиц я уже года не видел в России. И сразу понял, что это — англичане¹⁸⁶.

И до того разволновался, так тяжело стало, как камень лег на сердце. Что за чушь? Вместо радости — хоть плачь!

Немного погодя, сквозь толпу бездельников, что весь день торчат на углу, где редакция, сквозь толпу спекулянтов, жучков, маклеров, менял, паразитов без веры, без родины, без совести, сквозь толпу суетливых, бездарных, унылых бесов — порождение тьмы, ужаса и разлада, — проходят трое молодых, с красными пумпущечками на шапочках.

Все трое — тонкие и длинноногие, в узкой синей одежде, изящные, как гимнасты, со смуглыми, живыми, чудесного благородства романскими лицами: французы.

Я проводил их глазами до поворота и, намереваясь привести в порядок свои чувства, побрел в сквер, где мокрую землю покрывали опавшие листья.

Я понял, что взволновало и уязвило меня: это были стыд и отчаяние. Только что я видел людей другой породы. В каждом движении, в складке платья, в походке, в повороте головы, в улыбке — чувствовалось, что эти простые, веселые матросы несут с собою, неотделимо, как цвет их крови, гордость, честь, славу своей родины.

Шапочки, надвинутые на глаза, и красные пумпучки горворили: мы — дети Англии, мы — дети Франции; мы — те, кто победил в мировой борьбе; мы — те, у кого есть милая родина.

Я думал об этих горьких войнах и брел по мокрым листьям; старые галоши, купленные по случаю за 80 рублей, хлюпали и сваливались с ног. Мне было так гадко, что хотелось лечь в грязь и сдохнуть.

Вы никогда не слышали истории поездки русских журналистов в Англию? Я вам напомню: по поручению английского правительства шесть русских журналистов приехали в Лондон и были встречены с королевской пышностью.

Им устраивали торжественные банкеты, где сэр Эдуард Грей и лорд Сесиль приветствовали Россию; им показывали парламент — ум и сердце Англии — во время бурных прений, когда Асквит, красный от возбуждения, боролся с пацифистами; их возили на север Шотландии, где адмирал Джелико поднимал бокал за русский флот, а дредноут «Королева Елисавета», проходя, салютовал, подняв, как колонны, все свои чудовищные пушки; и, наконец, главнокомандующий Хег пил с ними за славу русского оружия и за те фантастические полки, которые в невозможных условиях штурмом взяли Эрзерум.

Все это видели и слышали шесть русских журналистов, и у всех шести было чувство страха, что англичане не знают России до конца, что они слишком щедро открыли свои сокровища, что не мешало бы предостеречь их — не особенно доверяться тем людям, которые не умеют еще произносить слова — родина.

Все это я припомнил, когда шатался по скверу по гнилым листьям.

Но можно жить, я спрашиваю, с такими чувствами? — Нет!

И, я уверен, — узнай эти матросики, что чувствуют, глядя на них, иные русские люди, — вынут они трубки изо рта, сплунут под ноги, сядут на лодки, разведут на кораблях пар, и:

— Adieu, — скажут, — курицыны дети!

Нет, таких чувств у нас быть не должно!

Пусть, как пламя, они обожгут наши сердца и поднимут их со страстью и мужеством на борьбу за единую родину.

Нашими руками должна быть создана Россия великой и прекрасной страной. И пусть наши дети узнают всю сладость чувства гордости и славы.

Англичане и французы хотят нам помочь. Они помогут нам со всей широтой размаха, но лишь при условии, что мы дело родины поставим, **каждый**, выше своего личного дела, что мы пойдем впереди их умирать за нашу родину; при условии, что в нас они найдут и гнев, достойный их помощи, и волю; при условии, что их протянутая рука встретит руку мужчины, а не мокрые, теплые пальцы мерзавца.

Пусть союзники на этот раз не ошибутся в нас, как тогда, когда приветствовали шестерых испуганных журналистов.

И недаром их первые корабли вошли в Новороссийск и Севастополь. Там они не ошибутся.

Статья Толстого «Пусть они не ошибутся», посвященная раздумьям по поводу высадки союзного десанта в Одессе, на фоне общего ликования, охватившего газеты, звучит диссонансом.

И Бунин в эти дни, смиряя гордость, откликнулся на высадку французов стихотворением «22 декабря 1918 г.»¹⁸⁷, полным тех же смешанных чувств:

И боль, и стыд, и радость. Он идет
Великий день, — опять, опять варягу
Вручает обезумевший народ
Свою судьбу и темную отвагу.

Да будет так. Привет тебе, варяг!
Во имя человечности и Бога,
Сорви с кровавой башни наглый стяг,
Смири скота, низвергни демагога.

Довольно слез, что исторгал злодей
Под этим стягом «равенства и счастья»!
Довольно площадных вождей
И мнимого народовластья!

Толстовское описание «людей другой породы», так непохожих на замученных соотечественников, добродушных, ясных и открытых англичан, изящных, живых, благородных французов, — напоминает о его статье 1916 года, полной впечатлений о воюющей Франции, где французы восприняты прежде всего как «умные». Второе чувство — завистливые нотки по поводу той гордости, с которой англичане и французы относятся к своей родине. И эта тема затронута в военной статье.

Поездка в Англию, упомянутая Толстым, состоялась в конце января 1916 года по приглашению английского правительства. Толстой представлял тогда «Русские ведомости»; в делегацию входили А. А. Башмаков — от «Правительственного вестника», Е. А. Егоров — от «Нового времени», В. Д. Набоков — от «Речи», В. И. Немирович-Данченко — от «Русского слова» и К. И. Чуковский — от «Нивы»¹⁸⁸.

Русских журналистов объединял тогда страх, что Россия (где патриотизм был неприличным словом) не заслуживает английской откровенности. Толстой построил свою журналистскую карьеру, пытаясь совместить патриотизм, либерализм и народолюбие, — оказалось, что немногие могли претендовать на эту нишу, но очень многим нравилось такое сочетание.

Надежды на союзников оказались напрасными. Генерал Деникин пишет:

«В Одессе не оказалось ни сколько-нибудь объединенной общественности, ни «общественного мнения». В этом политическом Вавилоне, как в фокусе, отразился разброд российской интеллигенции <...>. Здесь слагались окончательно те взаимоотношения, которые легли в основу всей дальнейшей междоусобной политической борьбы, раздиравшей противобольшевистский фронт»¹⁸⁹.

За власть боролись Совет государственного объединения, Национальный центр, разрываемый распрями между либеральными и социалистическими группами Союз возрождения России и (социалистический) Совет земств и городов Юга России. Все эти организации возмущались «узурпатором» Гришиным-Алмазовым и находились в сложных отношениях с добровольческим командованием.

С другой стороны были большевики и политически вполне внятная Директория с отчетливой «национально-освободительной» идеологией. Обе эти силы находили у французов все большее понимание.

Французское командование сочувствовало власти украинских сепаратистов — петлюровской Директории и подрывало престиж Добровольческой армии, систематически оставляя ее без оружия и боеприпасов. В конце концов в ночь с 21 на 22 марта французы передали Одессу большевистскому Совету рабочих депутатов и начали эвакуировать свои войска, не заплатив жалованья добровольцам и даже не сообщив об эвакуации главнокомандующему — генералу Деникину. По этому поводу Деникин вспоминает лозунг французов в «одесском омуте» — «Pas une goutte de sang français»¹⁹⁰.

Сэр Эдуард Грей — о нем см. Набоков, указ. соч., с. 18, 22.

Асквит — см. там же и сл.

Адмирал Джелико — указ. соч., с. 33—39.

Хег — сэр Дуглас Хэйг — указ. соч., с. 62—64.

ДИАЛОГИ¹⁹¹

На перекрестке

- Послушай! Подожди.
- Здравствуй.
- Куда ты бежишь?
- Да, говорят, надо убегать. Бегу.
- Что случилось?
- А черт его знает. Что-то случилось...
- Стреляют?
- Нет... Кто-то пришел, понимаешь. Какие-то войска вошли.
- Откуда? Из порта?
- Говорят — из порта и с вокзала.
- Чьи войска?
- Одни говорят — тибетские какие-то, другие говорят — из Никарагуа. Во всяком случае — ориентация неизвестна.
- За кого же они, а?
- Почем я знаю. Знал бы — не бежал.
- погоди минутку. Ты сегодня как думаешь насчет добровольческой армии?
- Продолжаю опасаться.
- Чего?
- Молчания генерала Деникина. Почему он молчит? Почему ему открыто не сказать мне — так, мол, и так. В ту же минуту я беру винтовку и иду сражаться за единую, великую...

– А что именно так и так?

– Ну, братец, ты осел. Нужно, чтобы генерал Деникин твердо и решительно мне обещал: единую, великую Россию, демократическое самоуправление, понимаешь, самую широкую федерацию, охрану частной собственности, порядок, и чтобы он мне этих спекулянтов за ребро крючком да на фонарный столб...

– Ради Бога, тише!..

– А что такое?..

– Ничего. Прощай.

– Ну, прощай.

В столовой за остывшим самоваром

– Осип, опять стреляют.

– Это не у нас, в переулке.

– Закрывать бы ставню, Осип.

– Все равно прошибет.

– Это налетчики стреляют или дружинники?

– Не приставай, видишь – я читаю газету.

– Самовар остыл, а углей нет.

– Карахан заболел испанкой. Отлично!

– Осип...

– Ну что тебе?

– Что такое – Карахан? Ты все сегодня – Карахан да Карахан. Ой, Осип! Под самым окном...

– Да, шарахнули.

– С Веры Ивановны вчера пальто сняли на Куликовом поле. Домой пришла босиком. Доктора звали.

– Не шлейся по ночам... Вильгельма казнить хотят.

– А говорят, стали продавать чай из сушеной моркови. Многие хвалят.

– Еще революция.

– Где?

– Не разберу, слово смазано. В какой-то Бр... Какая страна на бр?

– Кто ее знает? Разве все запомнишь? Вот бы уехать нам, Осип, весной на щелочные воды, ужасно хочется.

– Ну, матушка, нынче все воды прокисли. И дома посидишь... Ага!

– Что еще?

– Сожгли живьем совдеп. Молодцы!

– А электричество сегодня горит и не тухнет. Не слезить бы.

– Да, Мария, как ты хочешь, а я за добровольческую армию.

Понимаешь, — я до последней капли крови желаю защищать завоевания революции, — все свободы, я демократ. Но, с другой стороны, я все-таки за великую Россию. Подожди, я еще возьму винтовку. Пойду и запишусь в добровольцы, честное слово.

– Осип.

– Молчи!

– Отошел бы ты от окошка.

– Подай мне холодного чаю. Сегодня встречал французские войска, вот это народ! Не то что мы — сидим, распустили губы. Я, матушка, дай срок, не посмотрю, что ты у меня на шее ви-сишь с тремя мальчишками. Пора всем взяться за оружие. Довольно слов! Стыдно!..

– Осип, а кто такие все-таки эти петлюровцы, на самом деле?

– Петлюровцы — это тоже русские. Хотя черт разберется во всей этой чепухе, фу ты, гадость! Маша, Маша, где у нас спички! Опять потухло, проклятое...

Бах! Бах! Бах!

– Осип, у Янкелевича налет.

– Если у Янкелевича — значит, не у нас. Идем спать. Надо-ело. Я давно говорю: к нам бы сюда — хорошего губернатора с ежовыми рукавицами...

Покойной ночи.

В гостинице, за стеной

– Войдите, Софья Тимофеевна! Откуда?

– Прямо из Москвы.

– Ну что в Москве? Рассказывайте.

– Ах, душенька, и рассказывать нечего. Все запрещено.

– То есть как все запрещено?

– Вот — последним декретом запрещены диваны.

– На чем же лежать прикажете?

– В декрете так и сказано: днем все должны ходить или в крайнем случае сидеть на жестком, но отнюдь не находиться в лежачем положении.

- Вот это коммунизм.
- Я так и сказала комиссару, когда брала паспорт.
- А он что?
- Скривился, промолчал.
- Ну а еще что?
- Налог на ванны и на образа.
- Этого еще не хватало! Чем им ванны и образа помешали?
- Одни разнеживают тело, другие душу, так сказано в декрете.
- Еще что?
- Нет магазинов, никаких.
- Какой кошмар, оставьте!
- И на всё карточки.
- Как? И на пудру?
- И на пудру.
- Бедная, бедная Россия. Подождите, Софья Тимофеевна, мы еще покажем, что нельзя безнаказанно издеваться над целым народом. Я вам могу сообщить много утешительного.
- Неужели вы способны обагрить руки в крови?
- Способна, душечка.
- А я так устала от ненависти, от кровожадности. Подумайте — целый год жить одной ненавистью? О любви и пикнуть нельзя. Разве хватит на такое испытание женского сердца?
- Не нужно плакать. Прилягте. Неужели большевики так-таки неспособны любить? Клянусь вам, их дни сочтены.

Статья — скорее, все же фельетон — Толстого «Диалоги» чрезвычайно похожа на фельетоны Тэффи, выполненные в том же полудраматическом жанре, которые писательница, жившая в это время в Киеве, помещала в газете «Киевская мысль». В особенности напоминает интонации Тэффи последняя дамская беседа.

«Диалоги» живописуют ненадежное состояние Одессы после декабря. Одесса на осадном положении, громят тюрьмы, на несколько дней из газет исчезает колонка «Театр и музыка». Но и после изгнания из нее войск Директории грабежи и налеты не прекращались, электричество подавалось с перебоями. Шутки по поводу вторжения экзотических войск отражают реакцию на зуавов и появление в Одессе греков в защитных юбках.

Однако соль фельетона составляют самовзрывающиеся сочетания несочетаемых программ; опыт уже говорил, что возможна либо

единая великая Россия, либо демократическое самоуправление и широкая федерация; либо охрана собственности, либо казни спекулянтов: синтез немислим.

Слух о большевистском запрете на диваны сейчас может показаться глупой выдумкой, но все же это не выдумка, а пародия: ср. статью О. Б. (без сомнения, Брика) в одном из январских номеров «Искусства коммуны» — возражая на реплику некоего В. Ш. (уж не Виктора ли Шкловского?), которому кажется, что эстетическое переживание от созерцания художественных памятников старины может принести рабочей аудитории пользу, автор делает В. Ш. реприманд:

«А между тем как раз здесь и таится величайшая опасность. Пролетариат, как класс творящий, не смеет погружаться в созерцательность, не смеет предаваться эстетическим переживаниям от созерцания старины. Изучение памятников искусства не должно переходить в пассивное наслаждение, не должно выходить за пределы научного исследования, не должно терять активно-познавательного характера»¹⁹².

Расслабляться было строго запрещено. С другой стороны, из Москвы сообщали о конфискации всех возможных и невозможных видов имущества. М. Осоргин, остающийся в Москве, писал в «Киевской мысли»:

«Ну а если говорить серьезно — в Москве по-прежнему уныло, тускло, голодно, нелюбопытно. Постреливают и в цель, и в воздух, открываются заговоры, хотя возможно, что их и нет; разрешают и воспрещают ездить за хлебом. Отбирают оружие, рояли, пишущие машинки, одеяла, мебель, библиотеки, квартиры, муку, носовые платки, деньги, бинокли и все остальное. Отчасти делается это по декретам, больше так себе, по личной инициативе и по мере надобности»¹⁹³.

Карахан заболел испанкой. — А. А. Карахан, заместитель наркома иностранных дел Чичерина, подписал Брестский мир. О нем см.: «кратковременный посол в Варшаве, человек, который «дополнил» Брест, вдохновитель и опора Чичерина, победитель Савинкова — товарищ Карахан». — А. Ветлугин. Последняя метель // Записки мерзавца. Сочинения. — М., 2000. — С. 151.

Вильгельма казнить хотят. — Низложенный кайзер был изгнан в Голландию.

В какой-то Бр... Какая страна на бр? — Ср. у Тэффи: «Где? В южной Гинпохондрии? Да такой и страны-то нету». — Тэффи. Разъезд. — Объединение (Одесса). — № 2, 1919.

...у Янкелевича налет — Налет был на Цетлиных, причем налетчиков взяли у них прямо на кухне.

«НА СВЯТКАХ СУЖЕНЫЙ»¹⁹⁴

— Пожалуйста, Алексей Николаевич, напишите фельетон.

Так мне сказали.

— Ради Бога, голубчик. Какой же я вам напишу фельетон? Я и не умею, и не знаю о чем. Как это — взять и написать то, о чем именно, в этот самый день, думают одесситы. Нет, нет. Одесса загадочный город. Я отказываюсь.

После этого происходит длинный и сложный разговор. Рядом, в свою очередь, говорят по-английски, по-французски, по-русски, по-немецки, по-гречески, по-еврейски, по-румынски и еще по-какому-то.

Все это происходит на вавилонском месте, в кафе. Наконец я сдался. Я говорю сквозь зубы:

— Ну а тема?

Собеседник делает рукою жест, точно ловит воздух:

— Останется ли в Одессе след от пребывания москвичей? Вот!

Подумав, я ответил по совести:

— А я почему знаю.

В тот же вечер бессонный дух занес меня в Дом артистов в ту именно минуту, когда на паркете между раздвинутыми столиками в бешеном и легком танце кружилась, как язык черного пламени, Воронцова-Ленни.

В ложах обоих ярусов под цветными абажурами ламп сидели все будто бы знакомые и будто незнакомые лица.

Вон тот — в черкеске с кинжалом, вон тот — поседевший и согнутый с молодым лицом, вон та дама, одетая с жалкой роскошью, вон тот с остатками желтой краски на волосах и бритый, но, ей-Богу, я его не знаю. Ба, да это все москвичи, веселые когда-то посетители премьер, радушные хлебосолы, шумные спорщики, исконные славянофилы, неискоренимые патриоты. Кто из них поднялся с бокалом и кричит через всю залу:

— Господа, за встречу в Москве!

Кричат: «За встречу!» И капают в стакан пьяные слезы.

За столиком один, схватив другого за руки и дыша в лицо:

— Жить, ну скажи, жить я могу, если ее нет? Ты только вдумайся — Москвы нет, кончена. А?

И на улицах у всех точно маски, веселые маски с глубокими морщинами страдания, и видно, что веселы они только на час,

выйдут на сырой, морской воздух — осунутся, погаснут. Рядом за столиками и в ложах сидят одесситы. Их лица выжидающие, внимательные.

Они тоже чокаются и пьют за Москву, но если бы я мог, как мой давешний собеседник, горстью ловить в воздухе вопросы и вопросыки, то услышал бы:

«А какой след останется от вас, господа москвичи? Что существенное и важное оставите вы нам, когда начнете перелет журавлиный на север?»

Другими словами: что должно родиться от гражданско-го брака Москвы с Одессой? Но для этого нужно точнее разобраться — кто из нас муж, а кто жена?

Одесса, конечно, желает быть супругой, то есть понести в чреве некоего культурного младенца. Москва же (в лице ее личности) стремится тоже быть супругой, но с целями несколько иными: отдохнуть на груди, выплакаться в жилет, собраться с духом и с силами.

При таких взаимоотношениях надежды на потомство очень мало, и не мудрено, что все эти вопросы волнуют город.

«Ну а что, — как думает одессит, — ну а что кроме трогательных речей, выпитого пива, слез в бокалах да добрых пожеланий останется у нас, когда окончится маскарад, разъедутся ряженые? Шум в голове, да воспоминания, да сожаления».

Да, мой давешний собеседник, вы поймали в кафе не вопрос и не вопросик, а целую проблему, и не только одесскую или херсоно-николаевскую, а всероссийскую, всемирную:

Как с наибольшей выгодой использовать великое смещение, смешение и перегруппировку мировых культур?

Но здесь не место таким отклонениям. Одессит вправе волноваться: с весной двинутся на север танки, и вместе с шумом войны, удаляющейся от заставы первой на Москву, окончится беспримерный в жизни Одессы год, когда город, точно волшебством, начинает превращаться в столицу, в умственный, коммерческий, военный и политический центр.

Налицо имеются: университет, газеты, растущие, как грибы, книгоиздательства, театры, армия безработных актеров, армия безработных промышленных рабочих и вообще северяне, рыдающие за неимением дела в стакан с вином.

Нужно раздвинуть город, дать работу рукам и головам, всем этим с огромной быстротой накапливающимся силам, закрепить их так, чтобы пустили корни.

Таковы задачи одесситов. И, как знать, — будущее темно, — быть может, на наших глазах начало перемещения к югу, к теплему морю всей русской культуры.

Нагадали себе на святках суженого-ряженого, он пришел, выжили, поплясали, — пора и за дело.

Иначе не вышла бы банальнейшая история: жених сопьется и даст стрекача, поди его потом ищи, кланяйся.

Фельетон «На святках суженый» опубликован был в первом номере новой газеты «Вечерний час», которую в 1919 году начал издавать Л. М. Камышников — знакомый Толстого по «Средам».

Речь об оплодотворении местной культуры приезжими знаменитостями в Одессе зашла еще осенью. Ст. Радзинский в экстатических тонах приветствовал столичных гостей: «светлого и грустного Бунина, Толстого, «ведуна и чародея» Овсяннико-Куликовского и остальных участников приложения «Накануне возрождения России»: Владимира Розенберга, ведущего сотрудника «Русских ведомостей», «в чьих мыслях — благородная кровь „Русских ведомостей”» (это не газета, а «совесть страны, ставшая газетой»), С. Юшкевича и т. д.

Толстого в своем панегирике Радзинский поставил вторым номером после Бунина:

«Теперь позвольте мне обратиться к вам, носящий гордое и славное имя Толстых, подарившее миру нечеловеческого Льва, а России — двух прекрасных Алексеев.

К вам, Алексей Толстой, вдохнувший в себя всю грацию, всю девственную прелесть русской речи, — у меня всеподданнейшая петиция: помогите нам, ваше величество, научите нас тому прекрасному языку, что называется чистой русской речью и которого у нас в Одессе — никто хорошо не знает. Научите нас стилю» — и т. д.

Тот же «Вечерний час» несколько дней спустя писал, как бы подхватывая разговор, начатый в статье Толстого, что московское искусство обслуживает преимущественно одесситов. В заметке о театре «Летучая мышь» рецензент писал:

«Я замечаю, что балиевские премьеры посещаются почти исключительно одесской публикой.

<...>

Москвичи, которых теперь в Одессе, кажется, не меньше, чем коренных одесситов, довольно равнодушны к своему театру.

Впрочем, и в Москве главный кадр публики не только «Летучей мыши», но и самого Художественного театра состоял главным образом из приезжих.

Москва давала «марку».

А платили за эту «марку» приезжие»¹⁹⁵.

Фактически газета поддержала мысль о том, что Одесса нуждается в гостях, а значит, должна о них заботиться.

Между тем, в строках толстовского фельетона звучит горечь — одесситы явно не оправдали надежд. Именно к концу января 1919 года выясняется, что очень многие театральные и культурные проекты северян в Одессе потерпели крах. Встал вопрос о физическом выживании множества безработных артистов. Темы эти звучат еще мрачнее в следующем фельетоне.

Надо заметить, что сходные утопические надежды на некий культурный синтез Москвы и Одессы, который даст новое качество, питал юный Исаак Бабель, писавший в газетной статье весной того же года после падения Одессы и эвакуации:

«И думается мне, потянутся русские люди на юг, к морю и к солнцу. Потянутся — это, впрочем, ошибка. Тянутся уже много столетий. В неистребимом стремлении к степям таятся важнейшие пути для России. Чувствуют — надо освежить кровь. Становится душно. Литературный Мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придет оттуда, — из солнечных степей, обтекаемых морем»¹⁹⁶.

В реальности, начиная с 1922—1923 годов, одесская пишущая братия хлынула в Москву и окрасила новую советскую литературу в экзотические тона — это так называемая юго-западная школа, которая сама себя, однако, называла южнорусской¹⁹⁷.

Примечания

¹ Цит. по «Дневник 1915—1917 гг.». Вступительная статья и публикация А. М. Крюковой // А. Н. Толстой. Материалы и исследования. — М., 1985. — С. 334.

² Цит. по В. П. Лапшин. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. — М., 1983. — С. 389.

³ Одесские новости. — 28 (15) янв. 1919. — С. 4.

⁴ Одесский листок. — 1 (14) февр. 1919. — С. 1—2.

⁵ Приднепровский край. — 22 сент. (9 окт.) 1918. — С. 3.

⁶ Объединение (Одесса). — № 1, январь — февраль 1919.

⁷ Прибавление к № 10812 газеты «Одесские новости». — С. 1.

⁸ Висмонт В. Вокруг драмы: Из цикла предстоящих постановок. — Фигаро. Еженедельник театра, искусства и общественной мысли. — 14 (1) сент. 1918. — С. 7—8.

⁹ Треплев Г. (Смирнов). Смерть Дантона // Мельпомена. — № 29, 19 окт. 1918. — С. 7.

¹⁰ Мельпомена. — № 34, 1918. — С. 9.

¹¹ Фигаро. — № 16, 21 (8) сент. 1918. — С. 12.

¹² Фигаро. — № 20, 19 (6) окт. 1918. — С. 10.

¹³ Фигаро. — № 21, 26 (13) окт. 1918. — С. 12—13.

¹⁴ Устами Буниных: Дневники. — Франкфурт, 1977. — С. 198.

¹⁵ Толстой — Андрею Соболю. Сентябрь — октябрь 1918, Одесса // Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. — Т. 1. — С. 276.

¹⁶ Муров Ар. Мысли вслух. — В кольце революции // Одесские новости. — 24 ноября 1918.

¹⁷ Незнакомец [Б. Д. Флит]. Впечатления // Одесские новости. — 28 (15) ноября 1918.

¹⁸ Лоренцо. Драматический театр. «Смерть Дантона» — А. Н. Толстого // Одесские новости. — № 10854, 29 (16) ноября 1918.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Фигаро. — № 21, 13 окт. 1918.

²² К-ов Л. [Камышников Л. М.]. Постановка «Смерти Дантона» в Одессе. Драматический театр // Южная мысль. — 30 (17) ноября 1918.

²³ Напомним, что режиссером пьесы был в начале постановки И. Ф. Шмидт, а осуществил ее Главацкий.

²⁴ Мельпомена. — № 50, 2 февр. 1919. — С. 13.

²⁵ Пер-ов Н [Пересветов Н.]. Драматический театр. Смерть Дантона — гр. А. Н. Толстого // Одесские новости. — 29 ноября 1918.

²⁶ Лоренцо. Драматический театр. «Смерть Дантона» — А. Н. Толстого // Одесские новости. — № 10854, 29 (16) ноября 1918.

²⁷ Альцест. Заметки театрала // Мельпомена. — № 35, 30 ноября 1918. — С. 11—12.

²⁸ Мельпомена. — № 49, 23 февр. 1919.

- ²⁹ Варнеке Б. Без репертуара. — Мельпомена, 18 янв. 1919. — С. 1.
- ³⁰ Вальбе Б. Литературный дневник // Одесский листок. — № 211, 31 (18) дек. 1919.
- ³¹ К-ов Л. [Камышников Л. М.]. Постановка «Смерти Дантона» в Одессе. Драматический театр // Южная мысль. — 30 (17 ноября) 1918.
- ³² Жизнь. — № 20, октябрь 1918. — С. 8—9.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Мельпомена. — № 35, 30 ноября 1918. — С. 17. — Городская общедоступная аудитория на Старопортофранковской была преобразована в Общедоступный драматический театр. Руководителем и заведующим его был бывший режиссер парижского театра «Vieux Colomberg» Л. Вальтер. С ним работали и Жихарева, и Аркадьев, и сам Соболячков-Самарин. Этот режиссер получил от Толстого «Ракету» в исключительное свое распоряжение. Можно предположить, что Вальтер и был тем человеком, кто направил Толстого в Париже в «Старую голубятню». В 1921 году этот театр поставил комедию Толстого «Любовь — книга золотая» по-русски.
- ³⁵ Мельпомена. — № 35, 30 ноября 1918. — С. 12.
- ³⁶ Одесский листок. — № 130, 28 сент. (11 окт.) 1919.
- ³⁷ Во второй половине 1919 порядок следования дат был инвертирован: дата по старому стилю указывалась первой.
- ³⁸ Имя «Катя Рощина» дано автобиографической героине ее «Рассказов бабушки» в 1906 (в «Задушевном слове»).
- ³⁹ Устами Буниных. — С. 185.
- ⁴⁰ Там же. — С. 193.
- ⁴¹ Крандиевский Ф. Ф. История одного путешествия. — Звезда, № 1, 1981. — С. 154.
- ⁴² А. Н. Толстой. Материалы и исследования. — С. 406.
- ⁴³ Устами Буниных. — С. 186.
- ⁴⁴ Крандиевский Ф. Ф. Указ. соч. — С. 166.
- ⁴⁵ Там же. — С. 186.
- ⁴⁶ Там же. — С. 188.
- ⁴⁷ Там же. — С. 187.
- ⁴⁸ Там же. — С. 186.
- ⁴⁹ В альманахе «Эпоха», № 1. — Москва, 1918.
- ⁵⁰ Т[урск]ий И. [И. Дриженко]. Вечера А. Н. Толстого и А. М. Федорова // Южный край. — 29 сент. 1918.
- ⁵¹ О враждебности И. М. Хейфеца к Толстому см. в главе о «Смерти Дантона».
- ⁵² Толстой — Андрею Соболю. Сентябрь — октябрь 1918, Одесса // Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. — Т. 1. — С. 276.
- ⁵³ В. К. — Объединение (Одесса). — № 2, октябрь 1918. — С. 219.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Катаев В. // Жизнь. — № 20, октябрь 1918. — С. 8—9.

⁵⁶ Объединение (Одесса). — № 3—4, ноябрь — декабрь 1918. — С. 226—232; Одесский листок. — № 4, 7 янв. 1919 г.

⁵⁷ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник // Иван Бунин. Pro et contra. — СПб., 2001. — С. 67.

⁵⁸ Там же. — С. 128—129.

⁵⁹ Бахрах А. В. Бунин в халате // Иван Бунин. Pro et contra. — СПб., 2001. — С. 190.

⁶⁰ Это обнаружил Г. Д. Зленко. Зленко Г. Д. Великие читатели // Вечерняя Одесса. — 10 янв. 1983.

⁶¹ Лущик С. З. Крестная мать // Вечерняя Одесса. — 19 июня 1989.

⁶² Островский Г. Одесса, море, кино. — Одесса, 1989. — С. 49.

⁶³ Бунин передает волошинский рассказ о том, как однажды зимой Волошин и Толстой сидели у Робинá: «...и им вдруг пришло в голову начать медленно, но все больше и больше — и притом с самыми серьезными, почти зверскими лицами — надуваться, затем так же медленно выпускать дыхание и как вокруг них начала собираться удивленная, не понимающая, в чем дело, публика». — Указ. соч. — С. 285.

⁶⁴ Литературно-художественное общество, в просторечии «Литературка», первоначально, с 1894 по 1904, находилось в особняке князя Гагарина (Ланжероновская, 2).

⁶⁵ Биск А. Одесская Литературка (Одесское Литературно-Художественное Общество). / Публикация и комментарии Е. Л. Яворской. В подготовке использованы материалы С. З. Лущика // Дом князи Гагарина: Сборник статей и публикаций. — Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 152.

⁶⁶ Тэффи. Ностальгия // Где обрывается Россия... — Одесса, 2003. — С. 163.

⁶⁷ «Любопытнейший документ обнаружен недавно в библиотечном архиве. Под номером 8330-м заявление с «шапкой»: «Желаю заниматься в Одесской Городской Публичной Библиотеке» заполнил 23 октября 1918 года Алексей Николаевич Толстой. Примечательной деталью заявления является наличие в нем точного одесского адреса Алексея Николаевича: Пироговская, 3, квартира 95». — Зленко Г. Д. Великие читатели // Вечерняя Одесса. — 10 янв. 1983.

⁶⁸ К. К. Граф Толстой как сатирик // Одесский листок. — 26 (13) марта 1919.

⁶⁹ Боров. Наш литературный крах (Лекция С. В. Яблоновского) // Одесский листок. — 18 (5) февр. 1919.

⁷⁰ Яворская Е. Л. Книги и авторы издательства «Омфалос» // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций. — Вып. 2. — Одесса, 2001. — С. 166 и сл.

⁷¹ Лущик С. З. Наталья Крандиевская в Одессе (Хроника) // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций. — Вып. 2. — Одесса, 2001. — С. 148—160.

⁷² Лущик С. Первая публикация — в Одессе // Вечерняя Одесса. — 1 янв. 1983.

⁷³ Одесские новости. — № 10777, 12 (25) августа 1918.

⁷⁴ Летний театр бр. Черновых на Екатерининской площади, 9.

⁷⁵ Одесские новости. — № 10779, 15 (28) августа 1918.

⁷⁶ Мечтатель. Антракты // Театральный день. — 16 (29) августа 1918.

[Цит. по С. З. Лущик. Наталья Крандиевская в Одессе (Хроника) // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций. — Вып. 2. — Одесса, 2001. — С. 149].

⁷⁷ Языковая политика Директории была постоянным предметом обсуждения в газетах и в кружках. Литературно-художественное общество даже посвятило этой теме специальную встречу с докладом К. Б. Бархина.

⁷⁸ П-в Н. Вечер гр. А. Н. Толстого // Одесский листок. — 18 (31) августа 1918.

⁷⁹ Ср.: «Русский театр был наполовину пуст» // Одесские новости. — 28 (15) августа 1918.

⁸⁰ Катаев В. — Жизнь. — № 20, октябрь 1918. — С. 8—9.

⁸¹ Вальбе Б. Из литературного прошлого: Заметки критика // Звезда. — № 1, 1965. — С. 187—189.

⁸² «Урания» — «первый в России художественный и научно-литературный кинематограф» — была детищем хозяина «Одесского листка» Штерна. Здесь был один из культурных центров Одессы. Ср.: «В «Урании» профессора и литераторы читали лекции о русской культуре. Здесь чаще всего и бывали А. Н. Толстой и Н. В. Крандиевская. Одеситы охотно посещали вечера «Урании». Одним из лекторов, подвизавшихся в «Урании», был друг Эдуарда Багрицкого — Станислав Радзинский, впоследствии московский журналист и театральный рецензент, отец драматурга Радзинского. 29 декабря 1918 года И. Бунин читал тут свой рассказ «Смерть Моисея», позже названный им «Смерть пророка». „Ян читает сегодня в „Урании“, — записала в дневнике жена писателя В. Н. Муромцева, — и я слушала его с необыкновенным интересом, а ведь это, вероятно, в сотый раз!“» (Б. Вальбе. Указ. соч. — Там же).

⁸³ Одесский листок. — 7 янв. 1919; В. Ю. Кинги — одесский историк.

⁸⁴ Ср.: «12 (25) января. Сегодня, в 9 с полов. часов вечера в помещении союза увечных воинов (угол Преображенской и Елизаветинской) концерт при участии (в алфавитном порядке): г-жи Воронцовой-Ленни, Джонсон, Н. П. Кошиц, Муровой, Пеховской, Веры Холодной, г. И. А. Бунина, Гарди, Сабинина, гр. А. Н. Толстого, Франка. Весь сбор поступает в пользу союза увечных воинов и союза москвичей».

⁸⁵ Одесские новости. — 9 февр. (27 янв.) 1919.

⁸⁶ Одесские новости. — 18 (5 марта) 1919.

⁸⁷ К концерту-балу художников-беженцев // Вечерний час. — 18 (5) февр. 1919. [Цит. по С. З. Лущик. Указ. соч. — С. 154].

⁸⁸ Вечерний час. — № 4, 28 (15) янв. 1919.

⁸⁹ Одесский листок. — 1 февр. 1919.

⁹⁰ Одесский листок. — 1 февр. 1919.

⁹¹ Небольшой рассказ Толстого: в тот же день, 28 (15) января, появился первый номер журнала «Москвич», в котором был напечатан маленький рассказ Толстого «Набат».

⁹² Мельпомена. — № 45, до 26 янв. 1919.

⁹³ «Письмо в редакцию. Гражданин редактор! Позвольте мне от имени правлений союзов журналистов и рабочих печатного дела выразить глубокую признательность г-жам В. С. Воронцовой-Ленни, Е. А. Гартинг, Н. Гретри, Лидии Джонсон, Изе Кремер, Л. Я. Липковской, Л. В. Мансветовой, Н. В. Плевицкой, Аде Поляковой, Е. Н. Рошиной-Инсаровой, Е. С. Садовень, Л. С. Самборской, Лола Тези и гг. Н. Ф. Балиеву, П. Г. Баратову, Н. С. Блиндеру, В. М. Вронскому, А. Л. Каченовскому, В. И. Каравья, А. А. Каршону, Ю. Э. Озаровскому, гр. Ал. Н. Толстому и дру Г. Фельдштейну, согласившимся своим участием в «Вечере одесской печати» прийти на помощь сотням безработных журналистов и труженников печатного дела. Столь единодушный отклик на наш призыв дает смелость надеяться, что и в будущем в случае нужды артистическая семья снова не откажет нам в помощи, помощи (sic! — Е. Т.). Примите и пр. Председатель правления союза журналистов И. Шиф». — Одесский листок. — 4 февр. 1919.

⁹⁴ Мандельштам, упоминаемый здесь — присяжный поверенный М. М. Мандельштам.

⁹⁵ Одесский листок. — 1 февр. 1919.

⁹⁶ Одесские новости. — 1 февр. 1919.

⁹⁷ Одесские новости. — 5 февр. 1919.

⁹⁸ Одесские новости. — 8 марта (23 февр.) 1919.

⁹⁹ Вечерний час. — 10 марта (25 февр.) 1919.

¹⁰⁰ Одесский листок. — 9 марта (24 февр.) 1919.

¹⁰¹ Письмо в редакцию // Одесский листок. — 24 (11) марта 1919.

¹⁰² Тэффи. Ностальгия // Где обрывается Россия... — С. 162.

¹⁰³ Киевская мысль. — 11 (24) окт. 1918.

¹⁰⁴ Киевская мысль. — 24 (11) окт. 1918.

¹⁰⁵ «Последние новости» (Киев). — 28 ноября.

¹⁰⁶ В кафе «Бом» стоял бюст Толстого работы Голубкиной (1915). Несколько нам помнится, он сделан из тонированного дерева.

¹⁰⁷ Алексеев Глеб. Граф Алексей Н. Толстой // Живые встречи. — Берлин, 1923. — С. 11.

¹⁰⁸ Деникин А. И. Французы в Одессе // Французы в Одессе. Из белых мемуаров. / Под ред. П. Е. Щеголева. — Л., 1928. — С. 19.

¹⁰⁹ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути // Где обрывается Россия... — С. 354. Ср. «И кучка русских с белым флагом / И незатейливым Освагом...» (тот же Дон-Аминадо). «Вместо Бупа» означает буквально: в том же здании на Пушкинской, 11. Впоследствии там находилась РосТА (память жанра!).

¹¹⁰ «Свободные мысли» издавал в Киеве и Одессе, а потом в Париже журналист И. М. Василевский-Небукава.

¹¹¹ «Осведомительное агентство» — орган пропаганды Добровольческой армии.

¹¹² Бунин И. А. Собрание сочинений. В 9 т. — Т. 9. Третий Толстой. — М., 1967. — С. 437.

¹¹³ Устами Буниных. — С. 202.

¹¹⁴ Явная ошибка — съезд гостей имел место осенью 1918 года.

¹¹⁵ Биск А. Одесская Литературка (Одесское Литературно-Артистическое Общество) // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций. — Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 146—148. Ср. также публикацию этого материала в сб. «Дiasпора: Новые материалы». — Париж; СПб., 2001 (комментарии К. Азадовского).

¹¹⁶ Литературный кружок. Ср.: «Лит. секция о-ва, идя навстречу давнишним пожеланиям, решила учредить закрытый кружок, членами которого могли бы быть исключительно лица, непосредственно близкие художественному и научному творчеству <...> Организационное бюро в составе И. А. Хмельницкого, Н. О. Инбера и А. А. Биска созывает собрание приглашенных в члены кружка лиц в среду, 20 ноября, в 9 часов вечера». — Одесские новости. — № 10846, 19 (6) ноября 1918.

¹¹⁷ Одесские новости. — № 10855, 30 (17) ноября 1918.

¹¹⁸ Одесские новости. — 7 дек. (24 ноября) 1918. — Среди оппонентов был Н. Инбер, который сравнил задачу Юшкевича с поисками кубистов в живописи: отбрасывая все, якобы лишние детали и атрибуты, автор оставляет одну «творческую динамику». В обсуждении участвовали Л. Гроссман, Г. Лившиц, И. Хмельницкий, Л. Камышников.

¹¹⁹ В кружке «Среда» // Одесские новости. — № 10866, 14 (1) дек. 1918.

¹²⁰ Лит.-худож. о-во. Литер. кружок «Среда» // Одесские новости. — № 10874, 25 (12) дек. 1918

¹²¹ Устами Буниных. — С. 202.

¹²² Одесские новости. — № 10876, 27 (14) дек. 1918.

¹²³ Литературно-артистическое общество «Литературная среда» // Одесские новости. — 24 (11) февр. 1919.

¹²⁴ Лекции Максимилиана Волошина // Одесский листок, 16 (8) марта 1919.

¹²⁵ Биск А. Молодые годы Леонида Гроссмана (Материалы для биографии) // Новое русское слово. — № 19305, 16 янв. 1966. Цит. по Азадовский К. Александр Биск и одесская «Литературка» // Diaspora: Новые материалы. — Париж; СПб., 2001. — С. 105.

¹²⁶ Одесские новости. — 4 янв. 1919 (22 дек. 1918).

¹²⁷ Статья М. Симонович об Анненском появилась в печати с опозданием почти на год: «Одесский листок». — 19 дек. (30 ноября) 1919. Ср.: «за искусственно привитым холодком, за кощунственным развенчиванием жизни обнажается порыв души глубокой и чистой, снимается заклятие призрака».

¹²⁸ Кудеяр. Литературные заметки. «4 сердцеда» // Южная мысль. — 24 (11) янв. 1919.

¹²⁹ Вечерний час. — № 6, 30 янв. 1919. Дели, А. Делин, Делли — этот псевдоним варьировался.

¹³⁰ Одесский листок. — № 142, 23 (10) окт. 1919.

¹³¹ Муж Ольги Форш (ур. Мещерской), киевлянин, был крупным офицером инженерной службы, в 1919-м служил в Красной Армии.

¹³² Вальбе Б. Литературный дневник (Валентин Горянский, «Поэма о революции») // Одесский листок. — № 211, 31 (18) дек. 1919.

¹³³ Соминский Э. И. Рожденные бурей: Воспоминания одессита // Где обрывается Россия... — С. 191.

¹³⁴ Александров Р. Прогулки по литературной Одессе. — Одесса, 1993. — С. 92—99. О программах первых «интимных вечеров» «Зеленой лампы» (февраль — апрель 1918): Александров Р. Указ. соч. — С. 100—101.

¹³⁵ Одесский листок. — 10 (23) марта.

¹³⁶ Одесский листок. — 17 (30) марта. Мы не знаем, какой рассказ читал молодым Толстой.

¹³⁷ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути // Где обрывается Россия...

¹³⁸ Як. П. Зеленая лампа // Вечерний час. — № 54, 29 (16) марта 1919.

¹³⁹ Бешеная тетка. — № 1. — Одесса, 1919.

¹⁴⁰ Об этой газете вспоминал одесский журналист Э. И. Соминский (Маноля), который одновременно работал вместе с Флитом и в другой газете, «Бомба» (1918—1919): «Интересным явлением того времени была юмористическая газета «Перо в спину»; всего вышло около двадцати номеров этой газеты с тем же идейным руководством (Б. Д. Флит). Газета имела наружный вид самой обыкновенной газеты с обычными разделами, но с оригинальным содержанием. Например, траурное объявление извещало о смерти Украинской рады с подробным указанием, кто по этому поводу скорбит, а кто — радуется. Было объявление и такого рода: «Валюточка, вернись! Больше я тебя продавать не буду». Письмо подписано настоящей фамилией известного в то время, накануне арестованного, валютчика. Теперь такое письмо покажется по форме неправдоподобным, но тогда можно было в большой серьезной газете найти объявление вроде: «Анатолий, вернись! Я все прощу. Твоя страдающая Ляля». Газета была хорошо осведомлена о городских сплетнях и делах черной биржи. Можно себе представить, как злорадствовали те, кто находил своих друзей «пропечатанными»; они не подозревали, что вскоре они сами перекочат из зрительного зала на сцену». Б. Д. Флит, который охарактеризован мемуаристом как фактический редактор «Одесских новостей», имел свои странности: «...он сильно заикался и брызгал слюной на собеседника. К этому своему недостатку он относился терпимо, заявляя: „Я — самый независимый журналист во всем мире — я плюю на всех“». — Э. И. Соминский. Рожденные бурей: Воспоминания одессита // Где обрывается Россия... — С. 191—193.

¹⁴¹ Перо в спину. — № 6, 1919. Кроме всего прочего, надо отметить здесь упоминание о швейной машине. Очевидно, именно в Одессе

Н. В. начала шить — видимо, вначале только на семью. Впоследствии, в Париже, она зарабатывала шитьем.

¹⁴² Перо в спину. — № 6, 1919.

¹⁴³ Перо в спину. — № 8, [1919].

¹⁴⁴ Ср. «Очень мохнатый, похожий на геральдического медведя, поэт-декадент с крупным всероссийским именем. <...>. Он был лидер золотой середины. Очень приятным, грубоватым и убедительным эстрадным голосом он призывал собрание под знаком профсоюза, пропуская мимо ушей вопросы о признании и непризнании. Он говорил о том, что мастерство печатника, что закон типографии, буквы и закон поэтического звука — есть один и тот же закон. При этом он очень удачно цитировал Анри де Ренье и себя и еще кого-то из новых». — Катаев В. Записки о гражданской войне: Почти дневник. — М., 1962. — С. 79.

¹⁴⁵ Нож в спину. Литературный календарь // Перо в спину. — № 9, март 1919.

¹⁴⁶ Там же. Бархин К., одесский журналист, историк, преподаватель гимназии, писал под псевдонимом А. Инович.

¹⁴⁷ Биск А. Указ. соч. — С. 148.

¹⁴⁸ Мельпомена. — 10 янв. 1918. — С. 10.

¹⁴⁹ Фигаро. — 5 окт. (22 сент.) 1918.

¹⁵⁰ Ср. «Прилетела «Летучая мышь». Это единственная птица, пропущенная петлюровцами в Одессу». — Незнакомец (Б. Д. Флит) // Одесские новости. — 18 (5) янв. 1919.

¹⁵¹ Картер. — Вечерний час. — 29 (16 янв.) 1919.

¹⁵² Вечерний час. — 17 (4) февр. 1919.

¹⁵³ Вечерний час. — 10 марта (25 февр.) 1919.

¹⁵⁴ О роли «Кривого Джимми» как дурного вестника писал Ветлугин в очерке «Джеттаторе».

¹⁵⁵ Его режиссером был Ю. Л. Ракитин, один из создателей петербургского «Би-ба-бо».

¹⁵⁶ Левый критик Д. Тальников в «Одесских новостях» от 12 марта 1919 призывал громы и молнии на посетителях кабаре, подробно перечисляя существующие заведения этого типа.

¹⁵⁷ Вечерний час. — № 27, 25 (12) февр. 1919.

¹⁵⁸ Вечерний час. — 22 (9) февр. 1919.

¹⁵⁹ Вечерний час. — № 41, 14 (1) 1919.

¹⁶⁰ Камышников Л. — Вечерний час. — 19 (6) марта 1919.

¹⁶¹ Одесские новости. — 19 марта 1919.

¹⁶² Одесские новости. — 20 (7) марта 1919.

¹⁶³ Вечерний час. — 19 (6) марта 1919.

¹⁶⁴ Мельпомена. — № 52, 29 марта 1919.

¹⁶⁵ Вечерний час. — № 48, 22 (9) марта 1919.

¹⁶⁶ Вечерний час. — № 49, 24 (11) марта 1919.

¹⁶⁷ Наше слово. — № 1, 2 апр. (20 марта) 1919.

- ¹⁶⁸ Крюкова А. Комментарий к повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» // Толстой А. Н. Собр. соч. в 10 т. — М., 1982. — Т. 3. — С. 602.
- ¹⁶⁹ А. Н. Толстой. Материалы и исследования. — С. 403—404.
- ¹⁷⁰ Крандиевский Ф. Ф. Цит. соч. — С. 156.
- ¹⁷¹ Тэффи. Ностальгия // Где обрывается Россия...
- ¹⁷² Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути // Где обрывается Россия... — С. 355.
- ¹⁷³ Наше слово. — № 2, 3 апреля 1919.
- ¹⁷⁴ Горностаев А. Черное чудо. По поводу книги Сергея Булгакова «На пиру богов (Pro и contra. Современные диалоги)». Киев, Кн-во «Лептоси», 1918 // Одесский листок. — 24 окт. (16 ноября) 1919.
- ¹⁷⁵ Литературный дневник. «Слово и культура» // Одесский листок. — № 204, 11 (24) дек. 1919.
- ¹⁷⁶ Литературный дневник. К. Мочульский. «День Петра» // Одесский листок. — № 166, 3 (18) ноября 1919.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ Об этом вспоминал В. Катаев.
- ¹⁸⁰ Литературный дневник. Вальбе Б. «Наваждение» // Одесский листок. — № 198 (18) дек. 1919.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Комментарий к этому месту см. выше.
- ¹⁸⁵ Одесский листок. — № 268, 11 декабря (28 ноября) 1918.
- ¹⁸⁶ Английский союзный флот появился в Севастополе, Новороссийске и Баку в середине ноября 1918 года. Об эгоистической политике англичан на Кавказе см. очерки А. Ветлугина «Последняя отрада» и «Миражи».
- ¹⁸⁷ Одесский листок. — 22 декабря 1918.
- ¹⁸⁸ Подробнее всего он описан в книге В. Д. Набокова «Из воюющей Англии. Путевые очерки». — Петроград, 1916.
- ¹⁸⁹ Деникин А. И. Из белых мемуаров. — С. 28.
- ¹⁹⁰ Деникин А. И. Указ. соч. — С. 46.
- ¹⁹¹ Одесский листок. — № 286, 29 (16) декабря 1918.
- ¹⁹² О. Б. Опасный эстетизм // Искусство коммуны. — № 5, 5 янв. 1919. — С. 4.
- ¹⁹³ Осоргин М. Московские письма. «Суета сует» // Киевская мысль. — 11 окт. (28 сент.) 1918. — С. 2.
- ¹⁹⁴ Вечерний час (Одесса). — 24 (11) янв. 1919.
- ¹⁹⁵ Картер // Вечерний час. — 29 (16) янв. 1919.
- ¹⁹⁶ Гильотина. — № 2, весна 1919.
- ¹⁹⁷ Лущик С. У истоков южно-русской литературной школы. // Де-рибасовская — Ришельевская: Одесский альманах. № 10. — Одесса, 2002. — С. 186—197.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Алданов Марк
Ландау Марк
Александрович),
1889—1957

Русский исторический писатель, публицист. В 1918 выпустил оборонческую и антибольшевистскую книгу «Армагеддон» (конфискована). В Одессе — секретарь Союза Возрождения. Вел переговоры о союзной помощи в европейских столицах. Эмигрировал в 1919 из Одессы. В Одессе печатался в периодических изданиях. В Париже был членом редакции «Современных записок».

Алексеев Глеб
Васильевич
(псевдоним
Г. В. Чарноцко-
го, к вопросу о
происхождении
фамилии героя
булгаковского
«Бега» Чарноты),
1892—1938

Прозаик, эмигрант, жил в Берлине, вернулся в Россию в середине 20-х, репрессирован. В 1918—1920 был на юге России. В Берлине написал очерк о Толстом.

«Альцест»
(Генис Евгений
Яковлевич)

Театральный обозреватель, совладелец в 1918 Южного театрального агентства. Издавал журнал «Мельпомена» (19??—1919).

Аркадьев
Андрей Ивано-
вич, 1867—1923

Драматический актер. Работал в провинции, затем в театре Комиссаржевской, где был приверженцем идей Мейерхольда. Сыграл Агамемнона в трагедии И. Анненского «Фамира Кифаред» в постановке Ю. Э. Озаровского. В Одессе открыл вместе с Б. Я. Лоренцо театральную студию.

Багрицкий (Дзю-
бин) Эдуард Гри-
горьевич (Годеле-
вич), 1895—1934

Поэт. Жил в Одессе, с 1925 в Москве.

Балиев Никита
Федорович (Ба-
лян Мкртчян),
1878—1936

Актер, режиссер, конференсье, руководитель первого и самого знаменитого театра-кабаре «Летучая мышь» (1907—1934). В 1918—1919 с театром в Киеве и Одессе, потом в 1920 на Кавказе, затем эмигрировал в Париж. Умер в США, где работал конференсье.

Баратов
(Бреннер) П. Г.

Петербургский актер, «монументальный и декоративный „фат-резонер“». Играл в «Новом театре» (1901—1905) Л. Б. Яворской, потом в театре Суворина.

- В 1918 сыграл в Одессе, в числе прочего, роль Дантона в пьесе А. Н. Толстого «Смерть Дантона» в Драматическом театре.
- Бархин К. Б. Одесский историк, преподаватель гимназии и журналист (псевдоним А. Инович).
- Бердяев Николай Александрович, 1876—1948. Религиозный философ и публицист. Участник сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918). Арестовывался в 1920 и 1922, бессрочно выслан. Жил в Берлине и с 1924 в Париже.
- Биск Александр Акимович, 1883—1973. Поэт, автор книги стихов «Рассыпанное ожерелье» (СПб., 1911), переводчик Рильке, мемуарист. Вырос в Одессе, жил с 1906 по 1911 в Париже. В 1918—1919 один из организаторов «Среды». Арестовывался большевиками в 1919. Эмигрировал в 1920. Жил в Болгарии, Бельгии и Франции (отец французского писателя Алена Боске), с 1940 в США. Оставил воспоминания о Литературно-художественном обществе и о русском Париже 1905—1911¹
- Блиндер Н. С. Скрипач, солист, концертмейстер.
- Бобович Борис Владимирович, 1896—1975. Одесский поэт, журналист. В 20-х уехал в Москву.
- Бобович Исидор Владимирович, 1894—1979. Поэт, в 1918 студент юридического факультета. Участник альманахов «Серебряные трубы», «Авто в облаках». Отошел от поэзии, работал в банке, уехал в Ташкент.
- Булгаков Сергей Николаевич, 1871—1944. Философ-экономист, марксист, потом христианский социалист, участник Религиозно-философского общества, сочетавший религиозность с политическим радикализмом. С июня 1918 священник. Выслан в 1922. Работал в Праге и Париже. Знаменитый диалог его «На пиру богов (Pro и contra. Современные диалоги)», вышедший в 1918 в Киеве, стал одной из главных книг эмиграции, ее духовным обоснованием.
- Бунин Иван Алексеевич, 1870—1953. Поэт, прозаик, публицист, лауреат Нобелевской премии. Жил в Одессе в 1898—1899. Уехал из Москвы в июне 1918 и прожил в Одессе до февраля 1920. Его дневник лег в основу книги «Окаянные дни» — одной из наиболее сильных и впечатляющих книг о революции. Написал воспоминания о А. Н. Толстом «Третий Толстой».

- Бунина (Муромцева-Бунина) Вера Николаевна, 1881—1961 Жена И. А. Бунина.
- Бурцев Владимир Львович, 1862—1942 Политический деятель, революционер. Разоблачил Азефа. Борец с большевизмом. Издавал газету «Общее дело» с 1917. Арестован 25 октября 1917, выпущен в начале марта. Бежал за границу в Стокгольм, посетил добровольческий Крым. Возобновил газету в Париже. Толстой сотрудничал в «Общем деле» в 1919, оставил яркий портрет Бурцева в «Эмигрантах».
- Бюхнер Георг, 1813—1837 Немецкий писатель, революционер, после разгрома «Общества прав человека», в котором он участвовал, бежал, умер в Цюрихе. Автор исторической драмы «Смерть Дантона» (1835).
- Вальцер (Вальцер, фон-Вальцер) Анна Федоровна (1856—1920-е) и Мария Федоровна (1856—1941) Сестры, квартирные хозяйки А. Н. Толстого в Одессе.
- Варнеке Борис Васильевич, 1874—1944 Классический филолог, профессор Новороссийского университета, литературовед, историк античного и русского театра. С 1917 преподавал в Одесском театральном училище. Во время оккупации преподавал в Одессе, после освобождения Одессы от немцев был арестован и умер в тюрьме. Посмертно реабилитирован. Книга Б. В. Варнеке «История античного театра» вышла в Одессе в издательстве «Омфалос».
- Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович, 1878—1932 Поэт-символист, художник, художественный критик. Сотрудничал в «Весах», «Золотом руне», «Аполлоне», Друг и ментор Толстого, его соавтор (комедия о литературном Петербурге «Спасательный круг эстетизму», 1912). В 1919 был в Одессе, читал новые стихи и лекции, общался с Толстым. В 1924 был в Москве, остаток жизни провел в своем доме в Коктебеле, который он превратил в дом творчества писателей.
- Волькенштейн Федор Акимович, 1874—1937 Петербургский адвокат, первый муж Н. В. Крандиевской. Был в Одессе в 1919. В ранние 20-е годы Ф. А. жил в Краснодаре, где был членом поэтического кружка Е. И. Дмитриевой и ее другом; сохранилась его

- переписка в 30-е с Л. Я. Гуревич. О нем упоминает Тэффи в мемуарной прозе.
- Волькенштейн Федор Федорович, 1908—1984 Физик, член-корреспондент АН СССР. Сын Н. В. Крандиевской от первого брака с Федором Акимовичем Волькенштейном. Автор мемуаров под псевдонимом Ф. Ф. Крандиевский, в том числе об эмиграции: «История одного путешествия» («Звезда», 1981, № 1).
- Воронцова-Ленни В. С. Молодая московская характерная танцовщица; выступала в Одессе, иногда с М. Л. Юрьевой, московской классической прима-балериной государственных театров, и танцовщиками Футлиным и Альперовым..
- Врангель Петр Николаевич, 1878—1928 Русский географ, знаток искусств, полководец. С 4 февраля по 14 ноября 1920 находился в Крыму. Очевидно, в Одессе был проездом. Эмигрировал в Брюссель.
- Вронский Василий Актер, режиссер, работал в провинции, Петербурге и Москве, с 1914 в Одессе, где у него был свой театр. Эмигрировал в 1919 в Берлин, снимался в кино. С 1922 играл в Кишиневе. После присоединения Бесарабии в 1940 вернулся в театр. В 1942 румынские оккупационные власти в Одессе вернули ему театр. С их уходом из Одессы в 1944 возвращается в Кишинев, где его арестовывает СМЕРШ и этапирует в Одессу. Умер в 1952 в исправительно-трудовой колонии под Николаевом.
- Гартинг Евгения Публиковала прозаические миниатюры в одесской периодической печати (в частности, в «Мельпомене», в 1918—1919), выступала с чтением на вечерах. Стала актрисой.
- Гершенкройн Габриэль Осипович, ок. 1897 — ? Литературный критик. Жил в Одессе с 1914, был близок кружку альманаха «Серебряные трубы». Эмигрировал во Францию. В воспоминаниях о русском Париже Биск характеризует его как «злого и талантливого критика».
- Гловацкий (Главацкий), Гавриил Владимирович, 1866—1939 Русский советский актер и режиссер. Работал в Москве в театре Абрамовой, впоследствии режиссер Суворинского театра. В Одессе работал в Драматическом театре. После отъезда И. Ф. Шмидта поставил «Смерть Дантона». В Одессе организовал первые советские театры («Красный моряк», «Мороборона»). В 1930 организовал и возглавил театр в Якутии. Затем работал в театрах Благовещенска и Владивостока.

- Горный Сергей (Оцуп Александр Авдеевич), 1882—1949
Петербургский поэт. Был в Одессе, эмигрировал. В Берлине в начале 1920-х входил в кружок журнала «Веретено», поддержавший сменовеховство Толстого.
- Гретри Н. Г.
Оперная певица, исполнительница интимных юморесок, в 1919 работала в театре «Летучая мышь».
- Григорьев Н. А., 1878—1919
Царский офицер, перешедший к гетману и Петлюре, а затем к красным. Освободил Херсон, Николаев и Одессу от французских войск. Вывез из Одессы половину имевшихся там товаров. Уже 14 мая 1919 прошел еврейский погром на Большом Фонтане. В дни Добрармии погромов не было. 7 мая поднял мятеж против Советской власти. 27 июля убит по приказу Махно.
- Гришин-Алмазов Алексей Николаевич, ?—1919
Добровольческий генерал, военный губернатор Одессы в 1918—1919. Покончил с собой.
- Гроссман Леонид Петрович, 1888—1965
Филолог, критик, писатель, активный участник литературного процесса в Одессе в 1918—1919, член Литературно-артистического общества и «Сред». В дальнейшем один из ведущих советских литературоведов и автор увлекательных беллетризованных книг по истории литературы.
- Джонсон Лидия
Петроградская (иногда именуется и московской) балерина, артистка государственных театров. Экзотическая восточная красавица. В 1918 работала в Одессе.
- Дитрихштейн (фон Дитрихштейн, фон Дитерихс) Владимир Давыдович, 1889—1967
Поэт, жил в Одессе, эмигрировал в 1920. Жил во Франции, печатался в эмигрантской периодике.
- Долинов (Шпендовский) Георгий И<льич?>, 1894(5)—1950(1)
В Одессе с 1910. Поэт, глава студенческого литературно-художественного кружка. Автор поэтических книг, участник группы «Зеленая лампа». Студент консерватории, любитель мелодекламации.
- Дон-Аминадо (Шполянский Аминад Петрович, Аминодав Пейсахович), 1888—1957
Сатирический поэт, фельетонист. В 1918—1919 жил в Киеве, потом в Одессе. В январе 1920 эмигрировал в Париж. Стал самым известным сатириком эмиграции. Напечатал воспоминания «Поезд на третьем пути» (1954), где есть описание Одессы 1918—1920.

Дорошевич Влас
Михайлович,
1864—1922

Писатель, журналист. В 1890-х годах жил в Одессе. Считался «королем фельетона». Прославил «Одесский листок». В Москве работал в «Русском слове», фактически возглавлял редакцию. В 1918 выступал в Москве и по всему югу с лекциями о Великой Французской революции. В 1920 в Крыму был парализован, нуждался.

Евреинов Нико-
лай Николаевич,
1879—1953

Знаменитый русский режиссер и драматург, враг театретического эксперимента, защитник театральности, один из создателей «Старинного театра» в Петербурге (1907—1908), затем главная сила театра-кабаре «Кривое зеркало» (1909—1917). В 1918 работал в Киеве и Одессе, где ставил свои пьесы и прочел лекцию «Театр и эшафот» 10 сентября (28 августа) в Русском театре. Одесса дала Евреинову имя для героя пьесы «Самое главное» (1921) доктора Фреголи — искупителя и спасителя мира с помощью театра: в одесских газетах 1918—1919 попадаются объявления о сеансах перевоплощения некоего Фреголино. Евреинов вернулся в Россию, возобновил «Кривое зеркало» и во время гастролей в Польше в 1925 уехал в Париж. Стал самым успешным и известным театральным деятелем русского зарубежья.

Жарковский А. И.

Оперный певец, бас.

Жихарева Елиза-
вета Тимофеев-
на, 1875—1966

Знаменитая драматическая актриса, в 1909—1917 работала в Москве в Малом театре (в 1916/17 играла в пьесе Толстого «Касатка» в Московском Драматическом театре, б. Корша). В Одессе, кроме больших драматических театров, играла в «Камерном» К. Миклашевского. Ее Электра в «Молодой студии» Миклашевского в 1919 вызвала всеобщий восторг и поклонение. Эмигрировала вместе с Толстыми на том же пароходе «Кавказ», была с ними на Принцевых островах и в Константинополе. Вернулась в СССР в 1927, играла в Минске, Тбилиси, с 1936 в Ленинградском театре им. Пушкина.

Зленко Григорий
Демьянович,
р. 1938

Заведующий редакционным отделом Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького.

Иванов Вячеслав
Иванович,
1866—1949

Одна из важнейших фигур русского «серебряного века»: поэт, философ, историк и теоретик искусства. В 1924 уехал в научную командировку в Италию, в 1936 принял итальянское подданство.

- Инбер Вера Михайловна (Моисеевна), ур. Шпенцер, 1890—1972
- Поэт, писательница, в описываемое время — жена Н. О. Инбера. В 1910 жила в Париже, где в 1914 вышла ее первая книга стихов «Печальное вино». В 1918 вернулась в Одессу и реэмигрировала в 1919 в Париж, но в 1922 вернулась одна, оставив дочь в Париже у мужа. С 1922 в Москве. Написала об Одессе лет революции автобиографическую книгу «Место под солнцем» (1928).
- Инбер Нат (Натан) Осипович (Исидорович)
- Журналист, муж В. М. Инбер. В начале 1910-х в Париже возглавлял Кружок русских журналистов. В 1918 сотрудничал в московской анархистской газете «Жизнь» А. Борового. Один из организаторов одесской «Среды». Весной 1919 эмигрировал (очевидно, вместе с Верой Инбер) в Константинополь, откуда продолжал сотрудничать в одесской газете «Современное слово». Затем жил в Париже, писал в эмигрантской прессе.
- Камышников Лев Маркович (Леон Мордкович), 1881— после 1947
- Одесский журналист, театральный критик. Сотрудничал в 1909—1910 в журнале «Аполлон». Редактор-издатель журнала «Театр и кино» (1915—1917 и 1919), газеты «Вечерний час» (1919) и др. Член правления Литературно-художественного общества, один из организаторов «Среды». Эмигрировал в 1920, жил в Нью-Йорке, где в 1924 издавал «Зеленый журнал» (вышел один номер).
- Каравья Владимир Иванович
- Петербургский оперный певец с актерскими способностями, грек по национальности. Работал в Театре музыкальной драмы в Петербурге.
- Катаев Валентин, 1897—1986
- Писатель, мемуарист, в юности участник «Зеленой лампы». С 1921 (1922) в Москве.
- Каченовский Александр Львович
- Артист петроградской оперы, бас. С сентября 1918 в Одессе.
- Керенский, Александр Федорович, 1881—1970
- Один из лидеров партии эсеров, премьер-министр Временного правительства и верховный главнокомандующий. В Париже издавал газету «Дни».
- Кипен Александр Абрамович, 1870—1938
- Одесский прозаик, очеркист, ученый-виноградарь. Участник сб. «Знание», принадлежал к кругу Буниных. Один из издателей журнала «Объединение» (Одесса, 1919). Бунин жил у него на даче в сентябре 1918.

Койранский
Александр Ар-
нольдovich,
1884—1955

Художник, ученик К. Юона, автор монографии о нем, поэт, литературный критик. Сотрудник «Утра России», «Русского слова», «Раннего утра» и «Биржевых ведомостей». В Одессе работал в «Нашем слове» и в «Южном слове». Потом уехал в Крым, оттуда эмигрировал в Лондон. Сотрудничал в парижском «Общем деле», «Зеленой палочке» и «Современных записках». Затем помощник режиссера у Балиева и художник-декоратор «Летучей мыши». Выехал с театром в 1922 в США и остался, оформлял спектакли Фокина в Нью-Йорке (1923—1924), позднее отошел от искусства и литературы.

Коралли (Каралли) Вера Алексеевна, 1899 — ?

Одесситка, балерина, танцовщица Большого театра в 1906—1918. Одна из первых русских кинодив наряду с Верой Холодной, сыграла в «Умирающем лебеде» Ханжонкова. В Одессе снималась в кино. Эмигрировала, была в труппе Павловой. Создала труппу Литовского национального балета в Каунасе. С 1930 балет-мейстер в Бухарестской опере. Умерла в Австрии, в Бадене.

Короленко Влади-
мир Галактионо-
вич, 1853—1921

Знаменитый русский писатель и общественный деятель, защитник этнических меньшинств. В 1918—1919 в родной Полтаве поднял голос против большевистского террора. В 1919 попал под подозрение денкинских властей как близкий к большевикам. Умер в опале.

Кошиц Нина
Павловна,
1892—1965

Оперная и камерная певица. Работала в московском частном оперном театре Зимина до 1918. В 1920 уехала в США. Считалась одной из певиц высшего класса. Снималась в кино.

Крандиевская-
Толстая, Наталия
Васильевна
(1888—1963)

Поэтесса, мемуаристка. Жена А. Н. Толстого (1914—1935). См. мемуары «Я вспоминаю» («Прибой», 1957); более полный текст — «Воспоминания» (Л., 1977), несколько другой текст — в сборнике «Воспоминания об А. Н. Толстом» (М., 1982), с восстановлением ряда купюр.

Кремер Иза
(Лия) Яковлевна,
1890—1956

Поэтесса и популярнейшая певица, автор и исполнительница песенок в жанре кабаре. Пела в опере и оперетте, снималась в кино. Ее романы экранизировались — в 1918 в Одессе М. С. Линским был снят фильм «Черный Том». Эмигрировала в 1920, жила в Аргентине. До эмиграции была женой И. М. Хейфеца.

Кугель Алек-
сандр Рафаило-
вич, 1864—1928

Авторитетный петроградский театральный критик, редактор журнала «Театр и искусство», поборник театральности. Создал вместе с женой, артисткой О. Холмской, театр-кабаре «Кривое зеркало» (1909), где режиссировал Евреинов. Журналист, сотрудник газет «День» и «Русское слово». В 1918 работал в «Киевской мысли», в 1918—1919 в Одессе, писал в «Одесских новостях». На выступлении Кугеля на «Зеленой лампе» Багрицкий крикнул: «Зачем вы посадили старую ворону, дайте дорогу молодым!» У Бунина этот выкрик приписан Олеше (см. А. А. Биск, указ. соч.) После падения добровольческой власти вернулся в Петроград.

Кузьмина-Кара-
ваева Елизавета
Юрьевна
(ур. Пиленко),
1891—1945

Легендарная мать Мария — поэт, художник, религиозный философ, политическая деятельница. Член первого «Цеха поэтов» (1911), где познакомилась с Толстым. Потом он навещал ее в Анапе, она, переехав в Москву, в 1913—1914 навещала его, вместе они посещали Вяч. Иванова. Эмигрировала, жила в Париже. В 1935 Толстой увез ее дочь Гаяну в СССР, где она через год умерла. Кузьмина-Караваева постриглась в монахини. В концлагере Равенсбрюк погибла в газовой камере, добровольно пойдя на смерть вместо другой женщины.

Ливский
Михаил
Петрович

«Дедушка русской оперетты». Антрепренер Драмтеатра (в Одессе августа 1918), чья некультурность стала притчей во языцех. Ср.: «Артисты о Тургеневе. Шарж Незнакомца. Воображаемое интервью с Мих. Петр. Ливским. «...Тургенев? Я не знаю Тургенева. Так неужели умер? Смотрите, я даже не знал, что он был болен. Наверное, от «испанки»! Так что же вы хотите? Мое мнение? Может быть, у него есть какая-нибудь новинка — «Смерть Ленина» или «Болезнь Троцкого». — Почему это вам так вздумалось?— Ну, я думал, что все великие писатели переделывают чужие пьесы, как этот граф Лев Алексеевич Толстой — переделал „Смерть Дантона“»².

Липковская Лидия Яковлевна, 1884—1958

Знаменитая оперная и концертная певица — «русская примадонна». Пела в Мариинском театре и в лучших театрах мира. В 1918—1919 гастролировала на юге России, затем совершила турне по всему миру. Возвращалась в СССР с гастрольями в 1927—1928 и в 1928—1929. С 1936 преподавала в Кишиневе, с 1941 — в Бухаресте, в 1952 уехала в Париж. Умерла в Бейруте в нищете.

Лоренцо (Генис Борис Яковлевич)

Одесский театральный критик и педагог. В театральной студии Лоренцо и А. И. Аркадьева преподавали виднейшие специалисты по театру и артисты Б. Варнеке, Е. А. Полевицкая, И. Ф. Шмидт, Н. И. Соболющиков-Самарин и др. Впоследствии видный одесский театральный деятель, в 1938—1939 художественный руководитель Одесского театрального училища.

Лущик Сергей Зенонович, р. 1925

Одесский историк, пионер исследований литературной Одессы 1918—1920, автор реального комментария к повести В. Катаева «Уже написан Вертер».

Мансветова Лидия Васильевна

Одна из ведущих артисток Одесского драматического театра в 1916—1919, участница литературных концертов, жена А. И. Сибирякова. В эмиграции (не раньше 1919) в Сербии. С мужем работала в театрах сербской провинции. Стала ведущей артисткой страны, играла на сербохорватском языке.

Миклашевский Константин Михайлович, 1886—1943

Актер, режиссер, историк театра. В 1917 вышла его монография о комедии дель'арте. В Одессе читал лекции о старинном театре, организовал Камерный театр («не кабаре, не миниатюр, не театр исканий»)³. На одной из «Сред» 16 марта 1919 прочел свой фарс «Четыре сердцееда». (Книга была заявлена в 1919 в издательстве «Омфалос», но не вышла). В 1920 эмигрировал в Париж, но позже вернулся в СССР.

Мочульский
Константин
Васильевич,
1892—1948

Одесский филолог, критик, писатель, учился в Петербурге (участник венгеровского семинара). С 1919 доцент Новороссийского университета. Активно печатал в одесской периодике литературные рецензии, постоянный участник «Сред». Автор нескольких рецензий на одесские издания произведений А. Н. Толстого. С 1920 в Софии, с 1922 в Париже, профессор Сорбонны, автор многочисленных, ставших классическими, книг о русских классиках и поэтах-символистах.

Мунштейн Леонид Григорьевич (Lolo, Лоло), 1867—1947

Сатирический поэт, «газетный поэт», «присяжный юморист». Автор пьес для театра-кабаре «Летучая мышь». Редактор журнала «Рампа и жизнь». После его закрытия (октябрь 1918) уехал в Киев, затем в Одессу. В 1919 эмигрировал. Автор многочисленных стихотворных фельетонов в эмигрантской прессе и сборника стихов «Пыль Москвы» (Париж, 1931).

Муров Ар. М.

Одесский театральный рецензент, сотрудник газеты «Одесские новости», редактор-издатель театрального журнала «Фигаро».

Незнакомец (Флит Борис Давыдович), 1883—1937 (?)

Популярный журналист, фельетонист юмористического жанра, редактор и издатель ряда одесских газет, в 1919 издавал сатирическую газету «Перо в спину». В 20-х переехал в Москву.

Одесское литературно-художественное общество

Действовало в Одессе в особняке кн. Голицына на Ланжероновской, 2, с 1897 по 1904. В числе основателей был знаменитый журналист В. М. Дорошевич, художники П. А. Нилус и Е. И. Буковецкий и др. В 1912 возродилось как Литературно-художественный клуб. В 1916 для него было специально построено помещение на Греческой, 48 (ныне ТЮЗ). В 1918 вновь оживилась деятельность Литературно-художественного общества. В конце 1918 внутри него выделилась «Среда», куда вошел узкий круг преимущественно профессиональных литераторов, многие из которых были изгнанниками с севера, временными жителями Одессы. Общество возродилось осенью 1919 и просуществовало до начала 1920.

- Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич, 1853—1920
- Историк литературы, академик, автор «Истории русской интеллигенции». Жил в 1918—1919 в Одессе, читал курс в Новороссийском университете, писал воспоминания (Пг., 1923). Редактировал «Южное слово» и «Современное слово», участвовал в журнале «Объединение» (1918—1919). Умер на своей даче под Одессой в нищете.
- Озаровский Юрий Эрстович
- Петербургский актер и режиссер. Работал в Александринском театре. В 1915—1916 в театре Суходольских (открыт в 1914, впоследствии Московский драматический театр). Создал в Петербурге театральный музей. В Одессе читал лекцию о пересоздании человека театром. Увлекался кабаре: был конферансье в кабаре Дранкова «Ко всем чертям!» Создал свое собственное кабаре с А. Н. Толстым в феврале — марте 1919; параллельно организовал «Весенний театр», где Толстой заведовал литературной частью.
- Олеша Юрий Карлович, 1899—1960
- Одесский поэт, писатель, драматург. С 1921 в Москве.
- Панкратов
- Московский журналист, сотрудник газеты «Русское слово».
- Пересветов Николай Александрович, 1880-е — после 1945
- Одесский театральный рецензент. В начале 20-х переехал в Москву, служил в газете «Водный транспорт».
- Пильский Петр Моисеевич, 1876—1941
- Петербургский журналист. В 1913 в Одессе был редактором газеты «Одесский понедельник». Создал в Одессе кружок молодых поэтов, из которого впоследствии развилась южнорусская поэтическая школа. В 1917 издавал сатирический журнал «Эшафот» и газету «Свободная жизнь» совместно с Куприным. Основал в Петербурге первую школу журналистики. В 1918 был арестован. В Одессе осенью — зимой 1919 опубликовал серию статей в «Одесском листке». Ушел в 1920 через Бессарабию, с 1921 в Риге; газета «Сегодня», в которой он сотрудничал, стала одной из самых интересных и информативных газет русского зарубежья.

- Плевицкая Надежда Васильевна, 1884—1940
Исполнительница русских романсов. Зимой 1919 пела в Одессе в театре «Гротеск».
- Полевицкая Елена Александровна, 1881—1973
Драматическая актриса, жена режиссера И. Ф. Шмидта. Работала у В. Ф. Комиссаржевской, потом в театрах Москвы. С 1918 в Одессе, отсюда отправилась в Болгарию, потом в Берлин, где играла у Макса Рейнхардта. В 1923 и 1924—1925 гастролировала в СССР. Прославилась в Европе как «русская Дузе». В 1934 уехала в Эстонию. После захвата Прибалтики (1940) в 1941 Полевицкую арестовали и отправили в концлагерь на Северном море, но вскоре освободили. В 1943 она преподавала и играла в Вене. В 1955 вернулась в СССР, с 1961 преподавала в училище им. Щукина.
- Полякова Ада (Адда) Владимировна
Петербургская певица, артистка оперы, солистка петербургского театра музыкальной драмы, в 1915—1917 — петроградского Народного дома. В 1918—1919 пела в Одессе.
- Радзинский Станислав Адольфович, 1895—1969
Одесский журналист, сотрудник «Одесского листка». В 1920 переехал в Москву, работал преимущественно как театральный критик.
- Регинин Василий Александрович, 1883—1952
Петербургский журналист, сотрудник «Новой жизни», «Биржевых ведомостей». Редактировал журнал «Аргус» (СПб). В годы гражданской войны — драматург, писал пьесы, стихи, фельетоны, потом либретто для оперетт.
- Сабинин В. А.
Известный эстрадный певец начала века, лирический тенор, исполнитель интимных песенок в традиции цыганского романса и лирической застольной песни.
- Садовень Елена А.
Оперная примадонна, певица городских и государственных театров, меццо-сопрано. В Одессе с сентября 1918.
- Самборская Лина Семеновна, 1890—1955
Актриса, режиссер. В 1917—1922 работала в Одессе, затем в провинции. Заслуженный деятель искусств СССР (1945).
- Сибиряков Александр Илиодорович (Диодорович), 1868—1936
Одесский режиссер и антрепренер, тесно связанный с Литературно-художественным обществом. Эмигрировал с женой, актрисой Мансветовой, в Сербию, где был режиссером на провинциальной сцене.

Симонович Мария Михайловна > (псевдоним Летиция)

Одесский художественный критик начала века, подруга или жена М. Гершенфельда. Участница «Среды», делала доклад об Иннокентии Анненском.

Смоляков И. А.

Петербургский талантливый комик и режиссер фарсов. Ср.: «„Совдепы“ изобрели системы полушантажного характера. Так, вызвав к себе антрепренера театра «Пти-Палас», фарсового артиста Смолякова, они заявили ему, что терпеть далее его постановки фривольного жанра они не могут, ибо это действует на толпу развращающим образом... А посему — театр национализируется... Смоляков прогорел на сборах и уехал»⁴.

Соболь Андрей (Юлий) Михайлович, 1888—1926

Русский писатель, эсер, в 1906 сослан, в 1909—1915 в эмиграции. Вернулся во время войны, после февральской революции. Был комиссаром Временного правительства на Северном фронте. В 1918—1920 в Киеве, Одессе, в Крыму. Лучшие вещи написал в 1920-х. Покончил с собой. Он является центральной фигурой в замечательном по глубине и подробности реальном комментарии С. Лущика к повести Валентина Катаева «Уже написан Вертер». — Лущик С. Реальный комментарий к повести. // Катаев В. Уже написан Вертер. — Одесса, 1999. — С. 68—214.

Собольщиков-Самарин Николай Иванович, 1868—1945

Русский советский актер, режиссер, мемуарист. В 1914—1919 жил и работал в Одессе. Имел в 1914—1917 и в 1919 свой театр. Одна из наиболее колоритных театральных фигур в Одессе тех лет. «Столп Российского театра. Даже целая каланча. Без грима — тоже величав и мощен. Немножко похож на Петра Великого, немножко на М. Дальского. Антрепренер, автор инсценировок, актер, режиссер, конференсье. <...> Высоко держит знамя искусства, хотя и вошел теперь в кабаре «Ко всем чертям!» с дежурным блюдом и вином»⁵.

Тальников (Шпигальников) Давид Лазаревич, 1886—1961

Литературный и театральный критик. В 1913—1914 и 1918—1919 выступал публично в печати с восторженными оценками творчества Бунина. Впоследствии московский советский критик.

- Тэффи (Бучинская Надежда Александровна), 1872—1952
Поэт, прозаик, драматург. Наиболее читаемая в России юмористическая писательница. Работала в журналах «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», в газете «Русское слово» (в Одессе «Наше слово» и «Южное слово»). Эмигрировала в 1920. Жила в Стокгольме, потом в Париже. Вспоминала об Одессе и Толстых, оставила мемуарную заметку о Толстом.
- Федоров Александр Митрофанович, 1868—1949
Поэт, художник, романист, драматург, друг И. А. Бунина. Эмигрировал в Болгарию в 1920.
- Фиолетов Анатолий (Шор Натан Бенедиктович), 1897—1918
Одесский поэт, издал книгу стихов «Зеленые агаты. Поэзы» в 1914, печатался в альманахе «Серебряные трубы» и др. Как студент-юрист, работал в угрозыске, был убит бандитами.
- Франк Александр
Одесский артист фарса, автор миниатюр, куплетист.
- Хейфец Израиль Моисеевич
Журналист, театральный критик (псевдоним «Старый театрал»), зав. редакцией «Одесских новостей» до середины осени 1919, вице-председатель Литературно-художественного клуба. Эмигрировал в 1920, жил в Париже, работал в редакции «Последних новостей». Муж Изы Кремер.
- Хенкин Владимир Яковлевич, 1883—1953
Русский советский актер, эстрадный рассказчик. После Одессы и Киева (где работал у К. Марджанова) уехал в Москву, руководил театрами «Палас» и «Вольный» (впоследствии Театр сатиры). В 1923—1924 на эстраде прославился исполнением рассказов Зощенко.
- Холодная Вера (Левченко Вера Васильевна), 1893—1919
В Одессе играла (вместе с О. Руничем, своим обычным кинопартнером) в театре «Гротеск», они исполняли мимодрамы.
- Цетлин Михаил Осипович (псевдоним «Амари»), 1882—1945
Поэт, прозаик, критик. Эсер, в эмиграции до 1917, хозяин парижского литературного салона, меценат. В Москве его дом в Трубниковском переулке стал средоточием литературной жизни. Уехал вместе с Толстым в Одессу, участвовал в «Средах», поддерживал филантропические проекты, помогал писателям и художникам. Реэмигрировал в Париж вместе с Толстым. Редактировал отдел поэзии журнала «Современные записки». В 1939 уехал в США, где издавал «Новый журнал».

Цетлина Мария
Самойловна,
ур. Тумаркина,
по первому мужу
Авксентьева,
1882—1976

Жена Михаила Осиповича Цетлина, одна из наследников чайной фирмы Высоцкого, ученая женщина, политически активная в партии эсеров, покровительница искусств. Цетлины финансировали в Москве в 19-18 ряд газет, помогали писателям; в Париже с их помощью два десятилетия издавались «Современные записки». Помогали Толстому, помогли Буниным приехать в Париж и поселили их у себя дома. Толстого за поворот к Советской России резко осудила, порвала отношения. Коллекция картин Цетлиных находится в музее Цетлиных при Музее русского искусства в Рамат-Гане, их книжное собрание — бесценное пособие для изучения русского XX века — в Национальной библиотеке в Иерусалиме.

Чижиков Лука
Алексеевич

Одесский библиограф, член «Среды».

Шишова (Брухнова) Зинаида
Константиновна,
1898—1977

Поэтесса, участница «Зеленой лампы», жена А. Филетова. С 1923 в Москве. Стала детской исторической писательницей.

Эренбург Илья
Григорьевич,
1891—1967

Поэт, прозаик, мемуарист. В 1908 под угрозой ареста за революционную деятельность покинул родной Киев и поселился в Париже, где сблизился с большевистской эмигрантской верхушкой. В 1917 вернулся в Россию. Осенью 1918 из Москвы выехал на юг, при белых стал видным журналистом. Вернулся в Москву в 1920, с помощью Бухарина избежал репрессий и был отпущен за границу, где стал пропагандистом советской культуры. Вернулся в Россию в 1940. Написал книгу, давшую название послесталинской эпохе — «Оттепель». В последние годы жизни опубликовал подробные и осторожные мемуары «Люди, годы, жизнь» (1967).

Юшкевич Семен
Соломонович,
1868—1927

Русский писатель, член правления издательства «Знание», русский и русско-еврейский прозаик и драматург. Автор популярных драм «Комедия брака», «Miserere» и др. Одессит. В 1918—1920 жил в Одессе. Участвовал в «Среде». Много печатался в одесской прессе. Эмигрировал в 1920. Умер в Париже.

И. Г. Саврасова

НЕСТАЦИОНАРНЫЕ ЗВЕЗДЫ

На определенных этапах звездной эволюции ряд звезд проходит через стадию нестационарности.

Большая советская энциклопедия

Если не принимать во внимание, сколь опасны и напряжены для Одессы были 1918–1919 годы, то можно поэтично их представить как время звездопада. Артисты, писатели, музыканты, талантливые и известные, пронеслись над Одессой, решая в этот трудный период каждый свою собственную судьбу, иногда осмысленно, а чаще – как Бог даст. Среди них была и Надежда Тэффи.

Надежда Александровна Бучинская, урожденная Лохвицкая, известная читателям под псевдонимом Тэффи, родилась в известной дворянской семье 27 апреля (9 мая) 1872 года в Санкт-Петербурге. Отец ее, Александр Владимирович Лохвицкий, был профессором криминалистики, редактором «Судебного вестника», но главное – он слыл блестящим оратором и остроумнейшим человеком. Мать –

Тэффи. 1910-е

обрусевшая француженка увлекалась поэзией и хорошо была знакома с русской и европейской литературой. В семье чтили память прадеда Кондратия Лохвицкого, сенатора эпохи Александра I, писавшего мистические стихи. Стоит ли удивляться, что дети в этой семье были образованны и талантливы и почти все стали поэтами и писателями. Старшая сестра Мария извест-

на как Мирра Лохвицкая — популярная поэтесса конца XIX — начала XX века, ее награждали дважды Пушкинской премией и называли «русской Сафо». Младшая сестра Елена писала пьесы и стихи, а старший брат Николай, ставший во время первой мировой войны генералом и командовавший экспедиционным корпусом во Франции, в юные годы тоже писал стихи.

Надежда Лохвицкая с шестнадцати лет посылает стихи в журналы. 2 сентября 1901 года на страницах журнала «Север» опубликовано стихотворение «Мне снился сон, безумный и прекрасный...» Активную литературную деятельность Надежда Александровна начинает после развода с мужем — поляком Владиславом Бучинским, к этому времени она уже мать двоих детей — сына Янека и дочери Елены.

В 1910 году вышел сборник ее стихов «Семь огней». Но в полную силу литературный талант Надежды Лохвицкой раскрывается в ее юмористических рассказах. Псевдоним Тэффи не случаен. Надежда Александровна не просто посмеивается над человеческими недостатками, а скорее выступает адвокатом в обществе. Возникновение литературного имени описано в рассказе писательницы «Псевдоним»:

«...Прятаться за мужской псевдоним не хотелось. Малодушно и трусливо. Лучше выбрать что-нибудь непонятное, ни то ни се.

Но — что? Нужно такое имя, которое принесло бы счастье. Лучше всего имя какого-нибудь дурака — дураки всегда счастливы. И тут вспомнился мне один дурак, действительно отменный... Звали его Степан, а домашние звали его Стеффи. Отбросив из деликатности первую букву (чтобы дурак не зазнался), я решила подписать пьеску свою «Теффи»...»¹

На первом этапе творческого пути критическое замечание А. И. Куприна приостанавливает Надежду, но, к счастью, ненадолго:

«С А. И. Куприным встретила я в самом начале моей литературной жизни, когда только что появился в газете «Новости» мой святочный рассказ. И вот у кого-то за ужином моим соседом оказался Куприн.

— Это не вы ли написали рассказ у Нотовича?

Я:

— А что?

— Очень скверный рассказ, — убедительно сказал он. — Бросьте писать. Такая милая женщина, а писательница вы никакая. Плюньте на это дело»².

Посмотрев на него, Тэффи решила: «А ведь он, наверное, правду говорит. Как это ужасно. Значит, больше писать не буду».

Но в историю вмешиваются «красивые башмачки», они послужили стимулом к написанию следующего рассказа. Который был написан за одну ночь для новой газеты, опубликован, за гонорар куплены башмачки у Вейса, — «но мне было как-то беспокойно», — признается Тэффи.

Реакция Куприна ее удивляет:

«До чего хорошо написала! Голубчик мой, умница!

Чего же до сих пор ничего не писала?»³

Не только Куприн признает талант Надежды Александровны, ею восхищаются многие, среди них и Саша Черный: «Прежние писательницы приучили нас ухмыляться при виде женщины, берущейся за перо. Но Аполлон сжалился и послал нам в награду Тэффи. Не женщину-писательницу, а писателя большого и глубокого и своеобразного»⁴.

Трудно себе представить более широкий круг поклонников творчества писателя, чем у Тэффи. Так, в 1913 году, в канун празднования 300-летия Дома Романовых, на вопрос, кого из современных писателей пригласить для участия в юбилейном сборнике, Николай II ответил: «Тэффи, только Тэффи»⁵. Среди поклонников, безусловно, интеллигенция, а также купцы и мещане — читатели журнала «Сатирикон». В то же время ее стихи и фельетоны публикуют большевистские издания «Вперед» и «Новая жизнь».

Ее популярность помогла ей пробраться из Санкт-Петербурга в Одессу в 1919 году. Путешествие Тэффи описано в ее воспоминаниях. Предложение одессита-антрепренера устроить литературные гастроли было чуть ли не единственным выходом для Надежды Александровны. Мытарства путешественников представлены на основе исторических фактов. Приведем несколько достоверных параллелей, выявленных нами в произведениях Тэффи и в публикациях одесских периодических из-

даний 1919 года, — касается это и «Воспоминаний», и рассказа «Автор», опубликованного в «Мельпомене».

В рубрике «Театральная жизнь» указаны такие факты: «Артисты, застрявшие в Киеве, которым удастся добраться до зоны Добровольческой армии, пропускаются в Одессу по предъявлении членского билета союза театральных тружеников»⁶.

У Тэффи в «Воспоминаниях» подтверждается этот факт и обыгрывается в свойственном ей юмористическом стиле:

«Сбегались в Одессу новые беженцы — москвичи, петербуржцы, киевляне. Так как пропуски на выезд легче всего выдавались артистам, то — поистине талантливый русский народ! — сотнями, тысячами двинулись на юг страны драматические труппы.

— Мы ничего себе выехали, — блаженно улыбаясь, рассказывал какой-нибудь скромный парикмахер с Гороховой улицы. — Я — первый любовник, жена — инженеру, тетя Фима — гран-кокет, мамаша в кассе и одиннадцать суфлеров. Но мы объяснили, что это самый ответственный элемент искусства. Без суфлера пьеса идти не может. С другой стороны, суфлер, сидя в будке и будучи стеснен в движениях, быстро изнемогает и должен немедленно заменяться свежим элементом.

Приехала опереточная труппа, состоящая из «благородных отцов». И приехала балетная группа, состоящая исключительно из институтских начальниц и старых нянюшек...»⁷

Одесса живет не только в ожидании перемен и в поисках хлеба, но всерьез обеспокоена отсутствием пьес. В журнале «Театр» регулярно появляются заметки на эту животрепещущую тему.

«С драмой в Городском театре неблагополучно. Обещаны были золотые горы, а дали нечто никуда не пригодное, никчемное, ненужное. Можно с уверенностью сказать, что такой нелепой, нескладной драмы у нас еще не было...»⁸

В том же номере объясняется отсутствие пьес:

«Встречаю на днях С. С. Юшкевича. Известный писатель на днях вернулся. «Задумал я пьесу написать, да нет охоты засесть за нее. Стоит ли в самом деле браться

за такой труд? Печатание пьесы обойдется так дорого, что она не окупится, а «пристраивать» пьесу в театры почти невозможно из-за отсутствия правильного почтово-телеграфного сообщения между городами».

К тому же мы, драматурги, все равно не получаем наших авторских...

Повторяю, для драматурга нет сейчас смысла добиваться постановки»⁹.

Это отчасти объясняет феноменальное количество новоявленных «авторов», объявившихся в Одессе.

«Антрепренеры, актеры кричат: «нет пьес», нечего ставить! Вот уже несколько лет как записные драматурги, патентованные поставщики пьес, ничего не дают театру, точно забыли о нем. Можно подумать, что они разучились писать пьесы, потеряли способность творить со сцены, для актера. Драматургов хоть отбавляй. **Нет такого дома в Одессе, где бы не было хотя бы одного сочинителя пьес!** Это преимущественно молодые люди, очень далекие от театра, смутно разбирающиеся в том, что требуется от драматического произведения.

И они пишут свои пьесы, точно статьи по общественным вопросам. С этими пьесами они ходят на дом ко всем режиссерам, антрепренерам, премьерам, премьершам и театральным рецензентам. Иные из этих «драматургов» являются со связкой из трех-четырех пьес, плодами долголетней работы. Каждый в глубине души мнит себя, по крайней мере, Ибсеном или Андреевым, но готов, конечно, примириться на славе и успехе хотя бы Юшкевича или Рышкова. Общая черта у всех этих драматургов: настойчивость. Их совсем не обескураживает отрицательный отзыв об их произведении.

Получив обратно свою рукопись и выслушав суровый, уничтожающий приговор пьесе – «драматург» вынимает из кармана записную книжку и, отыскав новый адрес, отправляется за новой жертвой своего литературного зуда»¹⁰.

Уловив ситуацию нашествия «драматургов», Надежда Александровна публикует рассказ «Автор» в «Мельпомене» № 42. В этом же номере – статья Б. Варнеке «Без репертуара»:

«До конца текущего сезона правда что осталось несколько недель, но и теперь облик его уже достаточно определился. Одной из основных его особенностей нельзя не признать почти полное отсутствие новых пьес, так что театру приходится поневоле пробавляться разогретыми блюдами возобновлений или переделками в драматическую форму повестей и романов.

Как ни удачны прошедшие на одесской сцене переделки из «Дантона» и «Александра I» Мережковского, все-таки они несомненные дочери того Фомы, который только на безлюдье может сойти за дворянина. За них поневоле берется артист, не находя в репертуаре подходящего материала для своего творчества.

Иные склонны думать, что эта скудость чисто местная, вызванная тем, что к нам в Одессу в этом году не могли доехать произведения застрявших «за границей», в Москве и Петербурге, драматургов. На самом деле не так — и проскальзывающие к нам через множество новоявленных кордонов газеты, и приезжие из «Совдепного рая» театральные люди единогласно подтверждают, что и там переживается такой же драматический неурожай, объясняемый отчасти невозможностью получать «авторские» из-за великого множества внезапно образовавшихся «иностранных держав».

Летом, когда мы имели каждый день свежие — венские, берлинские и лейпцигские газеты, я усердно следил по ним за тамошним репертуаром. И оказалось, что там дело обстоит не лучше, чем у нас. Только венцы продолжали стряпать новые оперетки, а новинки в области драмы вроде пресловутого «Царевича», судя по вызванным фельетонам, были такого свойства, что становилось вполне понятным, почему и в Берлине и Вене чаще всего пробавлялись неизменными Alt Heidelberg.

Итак, отсутствие новых пьес — явление не местное, а гораздо более широкого охвата, и объяснить его возникновением новых границ не приходится: и при снятии их ввозить все равно нечего было бы за прекращением драматического производства. <...>¹¹

На сегодняшний день опубликованы несколько не вошедших в отдельные книги Тэффи одесских рассказов 1919 года — «Разъезд»¹² (впервые опубликован в газете «Москвич» 22 февраля 1919) и «Последний завтрак» (впервые опубликован в газете «Наше слово» 2 апреля (20 марта) 1919)¹³. Рассказ «Автор» ранее не перепубликовывался.

Примечания

¹ Тэффи Н. А. Чертик в баночке / Сост., вступ. статья и примеч. Николаенко. — М., 2000. — С. 275—276.

² Тэффи / Антология сатиры и юмора России XX века. Том 12. — М., 2001. — С. 489.

³ Там же. — С. 490.

⁴ Там же. — С. 19.

⁵ Тэффи Н. А. Чертик в баночке. — М., 2000. — С. 7.

⁶ Театральная жизнь // Мельпомена. — Одесса, 1919. — № 52. — С. 12.

⁷ Тэффи Н. А. Житье-бытье: Рассказы. Воспоминания. — М, 1991. — С. 339.

⁸ Лоренцо. Драма с драмой // Театр. — Одесса, 1919. — № 12. — С. 6. Лоренцо (Генис Борис Яковлевич) (18??—1940) — журналист, театральный критик, руководитель театральных студий в 1918—1920 гг.

⁹ Тайфун. Около кулис // Театр. — Одесса, 1919. — № 12. — С. 7.

¹⁰ Тайфун. Около кулис // Театр. — Одесса, 1919. — № 9. — С. 10.

¹¹ Варнеке Б. Без репертуара. // Мельпомена — Одесса, 1919. — № 42. — С. 3.

¹² Тэффи. Разъезд // Солнечное сплетение. — Иерусалим, 1999. — № 9. — С. 123.

¹³ Тэффи. Последний завтрак / Где обрывается Россия... — Одесса, 2002. — С. 180.

АВТОР

Директор Нового театра был в очень хорошем настроении. Вчера праздновали открытие сезона, говорили горячие и трогательные речи о служении искусству.

Теперь он предавался сладким воспоминаниям и приведению в порядок счетов.

Вошел сторож.

— Автор хочет вас видеть.

— Автор? Какой автор? Пусть войдет.

И вошел. И вошел корявый, с бородатым носом, потому что, кроме носа и бороды, ничего в этом человеке не было, и поддерживалось это все кривыми ногами.

— Здравствуйте, добрейший!

Из-под бороды протянулись щупальца и облепили руку директора.

— Чего вы на меня смотрите? Можно подумать, что не узнали!

Директор смутился.

— Ну что вы, помилуйте... Как же не узнать... Э-э-э, даже очень...

— Ну, то-то! Меня, милый мой, не только Европа, — меня вся заграница знает! Недавно еще из Саратова письмо получил, что, мол, пишут, давно вас не видно, и так далее...

«Кто бы это такой мог быть? — пыжился директор. — Леонид Андреев не таков, Куприна тоже знаю, Сологуба видал... Будем надеяться, что когда-нибудь он сам проговорится...»

— Ну-с, так вот, добрейший, произведения мои вы, конечно, знаете?

— Н-да... ну, разумеется... с детства знаю... («Уж не Гончаров ли? Да Гончаров как будто помер...»)

— Ну-с, так вот я был в вашем театрике, — ничего себе. Еще не все потеряно. Еще можете кое-что из него сделать.

— Да?.. Еще не все?.. — похолодел директор и подумал: «Значит, все было скверно, а я-то думал, что хорошо! Странное дело, — газеты хвалят, билеты нарасхват, а вот настоящие-то люди как относятся. Верно, это сам покойный Островский».

— Ну-с, — продолжала борода. — Принес я вам свою пьеску. Штучка небольшая, четырехактная.

- Простите, но ведь у нас жанр миниатюры.
- Ну, вот она и пойдет у вас вместо четырех миниатюр. Называется она «Жизнь проклята», драма.
- Простите, но у нас жанр с уклоном юмористическим.
- Так вы напечатайте «драма» с четырьмя «р». «Дррррама». Вот вам и будет юмористический уклон.
- А как же насчет содержания?
- Содержания я от вас потребую рублей пятьсот в месяц...
- Виноват, я насчет содержания пьесы.
- Пьеса моя... бытовая, но с преобладанием густо-комических мест. Например, в третьем акте, там один безработный юноша хочет застрелиться, но так как у него нет средств на покупку револьвера, то ему приходится повеситься. Ха-ха-ха!
- Ха-ха-ха! – рассмеялся с перепугу и директор.
- Ну-с, и еще много в том же роде. Ваши актеры сумеют это разделать; это ведь не «Дама с камелиями», – вполне в ваших силах.

«„Дама с камелиями“, – мелькнуло в голове у обалдевшего директора. – Почему вдруг „Дама с камелиями“? Что он, Дюма-фис, что ли? Господи, хоть бы режиссер пришел, может, он знает!»

- Ну-с, а теперь поговорим об авансе. Пятьсот рублей. Четыреста пятьдесят сейчас, а с пятьюдесятью могу обождать. Ну-с?
- Простите, но у нас таких больших авансов вообще не...
- Позвольте, дорогой мой, мне некогда терять время. Вы сами взяли от меня пьесу, я должен был подгонять ее под ваш вкус и требования, делать густо-комическую и так далее. Теперь, когда подходит дело к расплате, вы поете уже другую песню, и мне, человеку известному не только в Европе, но и за границей, приходится кланяться за свой собственный труд. Ну что ж, я вам уступаю. Я согласен на триста.

Сконфуженный директор полез в бумажник.

- Потрудитесь расписаться, – сказал он, подавая автору книгу.

Автор обмакнул перо, написал что-то вроде «Бря» и расписался.

«Бря! – прочел про себя директор. – Господи, вразуми раба твоего Алексия. Куприн не Бря, и Арцыбашев не Бря, и...

и никто не Бря. Брямс, кажется, какой-то был, да и то вернее, что Брамс, да и вернее всего, что помер. Все на „Бря” давно перемерли».

Автор ушел, стукнувшись обо все стулья по очереди.

Вдруг директор с отвагой отчаяния кинулся за ним.

– Виноват! Простите, ради Бога! Я только хотел спросить, как ваша фамилия... Как она произносится?

– Прямо как пишется! – с достоинством отвечал автор.

– Я в смысле ударения... Тут многие спорят и ошибаются.

– Прямо Брюквин, – чего же тут спорить.

Он пошел вдоль коридора, а директор стоял растерянный и думал: «Как литература нынче быстро шагает. Вот такой Брюквин. Вчера еще никто о его существовании не знал, а нынче, глядите-ка, – по треста рублей авансу рвет. Удивительно...»

Е. М. Голубовский

ЗВЕЗДА ИЕРУСАЛИМА

Есть в русской поэзии тема, которая затронула всех великих и малых поэтов, нашла отклик в сердцах читателей. Это поэтическое прочтение Библии, осмысление Ветхого Завета.

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам... —

сокрушался А. С. Пушкин. В тридцатые годы XIX века он еще и еще раз перечитывает Библию, пишет об этом жене, но главное — вводит эту тему, как одну из заветнейших, в свои размышления о жизни и смерти.

Пройдет еще сто лет, и первый лауреат Нобелевской премии в русской литературе Иван Бунин воскликнет, размышляя о Святой земле, где он побывал, о чем написал книгу стихов и рассказов: «Темным ветхозаветным Богом веет в оврагах и провалах вокруг нищих останков великого города».

Не буду перечислять все стихи, посвященные Библии, — это была бы книга, куда вошли бы произведения М. Ю. Лермонтова и А. Н. Майкова, В. С. Соловьева и А. М. Федорова, Н. С. Гумилева и М. А. Волошина. И все же нельзя не вспомнить одну книжку — она вся посвящена библейским мотивам: это сборник стихов Георгия Шенгели «Еврейские поэмы».

Лишь сейчас, после семидесяти лет забвения, возвращается Георгий Аркадьевич Шенгели в нашу литературу. Это один из последних литераторов «серебряного века», человек мировой культуры. Он родился 110 лет тому назад, в мае 1894 года, за четверть века (1914—1939) издал семнадцать поэтических книг, каждая из которых привлекала внимание современников.

Многие из нас запомнили имя Г. Шенгели по шутивому эпизоду в воспоминаниях К. Паустовского, но точнее и возвышеннее написал о нем Юрий Олеша: «Он навсегда остался в моей памяти как железный мастер, как рыцарь поэзии, как красивый и благородный человек — как человек, одержимый служением слову, образу, воображению...»

В 1997 году московское издательство «Совпадение» издало составленную поэтом и литературоведом В. Перельмутером книгу стихов и прозы Г. Шенгели «Иноходец», куда вошли поч-

ти все сборники поэта. Думается, не по вине составителя (скорее, по вине издательства) остался обойденным лишь сборник «Еврейские поэмы», вышедший при жизни автора дважды крошечным тиражом, причем в 1920 году – в Одессе, в издательстве «Аонида» тиражом 400 экземпляров.

У нашего сборника уже есть традиция полностью повторять небольшие по объему забытые книги (в прошлом томе это был «Омфалитический Олимп»), вновь вводя их в литературу. И сейчас, в третьем «Доме...», мы воспроизводим в современной орфографии эту забытую книгу Георгия Шенгели. И звезда Иерусалима, как писал Иван Бунин, вновь воссияет над Одессой – городом всех религий, дружбы всех наций.

Георгий Шенгели

ЕВРЕЙСКИЕ ПОЭМЫ

Эта книга отпечатана Экономической типографией по поручению книгоиздательства «Аониды» в количестве 360 экземпляров на простой бумаге и 40 нумерованных экземпляров на бумаге ватманской.

СЕМИТЫ

Разомкнут горизонт, и на простор из плена
Прибоем яростным летят сыны земли.
В излогах берегов воздвигнулись кремли,
Сидона гавани и молы Карфагена.

А на глухой восток, где каменная пена
Ливанских гор горит, вся в щебенной пыли,
В горящий зноем горн упорно залегли, —
В двенадцать областей, — ревнивые колена.

Их черные глаза во глубь обращены,
Считают вихри сил в провалах глубины,
Где в темном зеркале мерцает лик Йеговы,

Где наковальнею и молотом душа
Сама в себе плотнит навечные оковы,
Вдали от вольных вод безвыходно греша.

ПУСТЫННИК

Полуднем пламенным, среди каменных долин,
Где тонко вьется нить безводного Кедрона,
Сбивая посохом горячий щебень склона,
Он тихо шествует, безвыходно один.

Присев в пустой тени иссушенных маслин,
Томительно глядит в просторы небосклона,
И в пепел древних глаз, в бездонное их лоно
Роняет яблоки незримый райский крин.

И в глину твердую втыкая грузный посох,
Он вновь идет путем, хрустящим на откосах,
Пустыню вечную отпечатлев в глазах.

И рыжим золотом под этим бледным небом
Плывет верблюжья шерсть на согнутых плечах,
Там, где Фавор прилег окаменелым хлебом.

ИЕГОВА

Я, твой Господь, Я говорю тебе:
Мне ведомо времен предназначенье.
В Моих словах, в их каменной судьбе,
Страдающий да емлет утешенье.
Вся жизнь его навек обречена
Быть пламенем, сжигающим овна
На преданном, на кротком всесожженье.
Я – твой Господь. Подножием Моим
Пребудешь ты до окончания века, –
И каждая молитва человека –
Моим ноздрям благоуханный дым.

И всей земле незыблемым законом
Неукротимые кладу слова.
И каждый миг, над каждым женским лоном,
Над каждым рвом, где прячется трава,
На высоте, над облаком нагорным,
В глубинах вод, над фиником, над терном –
Их власть, их мощь стремительно жива:
Расчислены движения и души,
Расчислены – и молот, и свирель,
И хлеб, и град, и все моря, все суши,
Все взвешено, – и каждый шаг есть цель.

Вода несет твоих ладей ветрила,
Питает злак тебя, и травы – скот.
Сплетенья мышц перевивает жила,
И согревают волосы живот.

Твои рабы оберегают стадо.
Твоя жена, — в ней для тебя улада,
И твердый меч — твоей земли оплот.
И сам ты — огонь, Мне жертву пепелящий,
Твой мозг — алтарь, где Мне звучит хвала.
Моя рука недаром сберегла
Тебя над бездной, смертью грозящей.

Но я всеблаг. Свободой одарил
Моих детей слова, сердца и руки.
И слышу не бряцание кадил,
А ропота рокочущие звуки.
Но Я и мудр. И будет месть Моя
Не серный дождь, не язва лезвия, —
Иные Я на них воздвигну муки.
Цель бытия отнимется у них,
Цель бытия отторгнется от злобных,
И задыхающихся в смрадах гробных
Я обойду движеньем стоп Моих.

Быка, что человека забодает,
Убьют копьём и мяса не съедят.
Столетним кедром, что не запыляет,
И веток шалаша не подкрепят.
Неверный меч да сгинет в вихре горнов,
Да канет в кладезь нерадивый жернов.
Неплодная, — ей жизни во сто крат.
И Каину — жить долее живого,
Бесплодный хлеб навек бесплодно есть.
Мне не служить — Моя преступным месть.
Так справедливый говорит Йегова.

МОИСЕЙ

Ты родился в раскатах грома
Под Фараоновым бичом.
В обмазанном смолой Содома
Корыте над глухим прудом

Лежал, качаемый волною,
Тая косноязычный крик,
И в зной, налитый тишиною,
Его послать не мог язык,
Стесненный Божией рукою.
Возрос. И при дворе царя,
Кольшим гневом неумным
И волей сдавленной горя,
Ты встал проклятием огромным.
Клокоча и кипя как горн,
Ребенок на путях витийства,
Ногами попирая терн,
Ты первое свершил убийство.
Бежал. Обжег песком пустынь
Подошвы с натруженной кожей
И видел в зное облик Божий
Неизглаголемых святынь.
Ведя верблюда к водопою,
Минуя каменистый склон,
Неопалимой купиною
Ты был навеки опален.
Багряное железо сердца,
Как воск, оттиснуло печать.
И казней громовую рать
Обрушил ты на иноверца.
Как скалы непреодолим
Звал тьму и воды полнил кровью,
Проказу сеял, веял дым,
Твоим веленьем Серафим
Прошел по каждому становью
С мечом губительным своим.
И темной смертью потрясая,
Ты одолел неравный торг,
И плен трехвековой расторг,
И вывел свой народ из края,
Где каждый глиняный кирпич
Замешен был на детской крови,
Где истекал в бессильном зове

Непрекращающийся клич.
И сорок лет в песках пустыни
Твой вился, твой метался след,
И ропоты, и крик гордыни, —
Ты сокрушал их сорок лет.
Ты медного воздвигнул змия,
Ты золотого сжег тельца,
И пеплом воды ключевые
Заквасил ты, и до конца
Их пили павшие в пороках.
В теснинах, на горах высоких
В борьбе с напором вражьих сил
Ты встал в молении трехдневном
И, к небесам в упорстве гневном
Вздвев руки, их окостенил.
И говоря в синайских громах
С железногласым Божеством,
Ты выбил в каменных отломах
Законы вековым резцом.
И яро раздробив скрижали
У ног отпадших сыновей,
Вновь шел ты в громовые дали
Средь вулканических зыбей.
И Богу рек: — Не смей карать их!
А если нет, — то и меня
Извергни в огненных проклятьях
Из вечной книги бытия! —
И к утру, помертвев в печали,
Ты головы поднять не мог.
А над тобой покорный Бог
Чеканил новые скрижали.

АВИСАГА

Подобно углю, что, истекши жаром,
Холодной опыляется золой, —
Певец Давид скрывает пеленой
Плеча, не опаленные загаром.

На ноги тянет теплые меха,
Велит жаровни разожечь у ложа,
Но старческая леденеет кожа,
И сердца жизнь – неслышимо тиха.

Но в жаркий полумрак опочивальни,
В дыхание сандаловых углей
Вдруг вбрызгивается простор полей,
Полынный, пряный дух долины дальней:

Безропотна, испуганна, проста,
Суннамитянка входит Ависага.
Плывет очей сапфировая влага,
И рдеет смуглой кожи теплота.

И душное откинув покрывало,
Скрываючи томленье и испуг,
Она сплетением горячих рук
Царя больную грудь опеленала.

И к ней прильнувши грудью золотой,
Над мглой царевых глаз клоня ресницы,
Сияла теплым взглядом кобылицы
И дрожью мышц передавала зной.

И греющее было сладко бремя,
И оживленный призывает царь
Начальника певцов и хор, как встарь,
Ладонью прикрывает лоб и темя.

И – огненосный пенится псалом,
Как смоквы зрелые, спадают звуки.
В них клокотание последней муки,
Последней радости свежащий гром.

А Ависага простирает взоры,
Не слушает великого певца:
Пред нею солнце, солнце без конца
И знойные ее родные горы.

ЭККЛЕЗИАСТ

Закат отбагровел над серой грудой гор,
Но темным пурпуром еще пылают ткани,
И цепенеет кедр, тоскуя о Ливане,
В заемом пламени свой вычертя узор.

И черноугольный вперяя в стену взор,
Великолепный царь, к вискам прижавши длани,
Вновь вержет на весы движенья, споры, брани
И сдавленно хулит свой с Богом договор.

Раздавлен мудростью, всеведеньем проклятым,
Он, в жертву отданный плодам и ароматам,
Где тление и смерть свой взбороздили след, —

Свой дух сжигает он и горькой дышит гарью.
— Тростник! Светильники! — и нежной киноварью
Чертит на хартии: Все суета сует.

РАЗРУШЕНИЕ

Кровь стала сгустками от жажды воспаленной.
Иссохшая гортань не пропускала хлеб.
И город царственный весь превратился в склеп.
И в знойных улицах клубился пар зловонный.

И вот — задавлены. Искромсаны колонны,
И покоренный царь под иглами ослеп,
И победители, как по пшенице цеп,
Прошли по всей стране грозою исступленной.

Из чаши жертвенной поили лошадей,
Израли мантии для седел и вожжей,
И Летопись Царей навек запечатлели.

Минувшим, небылым святая стала быть.
Но в Раме выжженной восплакала Рахиль,
И те рыдания сквозь время пролетели.

КРОВЬ ЗАХАРИИ

Захария убит. И кровь его семь лет
Стояла лужею, клубясь горячим паром,
О преступлении вещая в гневе яром
И Господа моля о ниспосланыи бед.

И кровью теплою свой окропляя след,
Навуходоносор железным пал ударом;
Иерусалим овит клокочущим пожаром, —
Но кровь Захарии — как неизбывный бред.

Откуда эта кровь? — царь спросил евреев,
И сжегши сто быков и пеплом кровь усеяв,
Вновь лужу свежую узрел на месте том.

Сто юношей он сжег, и так же кровь пылала.
— Тогда я весь народ здесь поражу мечом! —
И семилетнюю тоску земля — впитала.

ГРЯДУЩИЙ

Князь от Иуды оскудел,
И Воин не приидет боле,
И на Давидовом престоле
Четвертовластник тяжко сел.
И на священных высотах
Воздвиглись капища Ваала,
И мерзость перековывала
На жертвенный, на древний прах.
У Божьего святого дома
Умяли площадь ипподрома,
Метали диск и гнули лук,
Ремнями мерзостных подруг
На Вакховы пиры и пляски
Влекли Левиинных сынов,
Срывали с дочерей завязки
Их берегущих поясов.
Священников колесовали,

Топили в быстрине реки,
Пророкам очи выжигали
И вырывали языки.
И матерей, что обожгли
Детей печатью обрезанья,
Влекли на смерть и поруганья, —
Нагими по земле влекли,
И взяв младенческие трупы,
Крепили к высохшим сосцам,
И там, где приземился Храм,
И где Стена свои уступы
Взнесла к безмолвным небесам, —
Их повергали в пепел смрадный...
Так встал кровавый и громадный,
Захлестнутый проклятьем век.

И страстный исступленный бег
Стремилась кровь в стесненных жилах,
Стремилась мысль: когда ж придет?
Когда ж Мессия на могилах
Победный жертвенник возжет?
Когда ж под виноградной кущей
Израиль вкусит мир и мед?
Когда ж воздвигнет свой народ
Мессия, вождь и царь грядущий?

И был закат. В песках пустыни
Кипел и клокотал багрец,
И воспаленные твердыни —
Как цепь проколотых сердец.
За жребием метали жребий
В зубцах закатного венца,
И пламенели в гневном небе
Дориносимые сердца.
И в этот час над рдяной гранью,
Как сердце скованной земли,
Восстал в дымящейся пыли
Идущий!

Обожженной дланью
Он стиснул кипарис жезла,
И власяница облекла
И шеи ствол окровавила.
Как рыжий лес в скалах Кармила
Вокруг гигантского чела
Взметнулась грива. Пали брови
У глаз, как тернии куста,
И обагранные уста
Позапеклись меж сгустков крови, —
Как будто вырван был язык,
И меч архангела был вдвинут,
И вечно в небо запрокинут
Остался исступленный лик.

Гряди, Пророк! Созрело время.
Секира ждет. Гряди, Пророк!
Народ в оковах изнемог,
И выю надломило бремя.
Гряди! Как уголь — сердца людей,
И ты — да поднесешь к ним пламень,
Да просвистит, как пращный камень,
Звук яростных твоих речей.

И он идет Тивериадой,
Идет на иорданский брег,
И напрягают жадный бег
К нему народы за отрадой,
За покаяньем, за клеймом.
Крестя водою и огнем,
Идет по высотам и долам,
По пастбищам, шатрам и селам,
И царский потрясает дом
Громоклокочущим глаголом.

Вот полдень. Плещет Иордан.
И солнце жжет. И ветер подавлен.
И в воду погрузивши стан,

Стоит громадный Иоанн,
Полдненным золотом оплавлен.
Стеснился стекшийся народ,
Клубясь белоодежным стадом,
Прильнул к увалам и оврадам,
Глядит, и слушает, и ждет.
Но что такая тишина?
Там к Иоанну приступили.
Пытают: — Прореки нам, ты ли,
О ком пророки говорили,
Чья мощь была предречена?
На поле гнойных отвержений
Стоим во тьме и смертной тени
И ждем. Гласил нам Моисей,
И Илия гремел, Исаяя
Рыкал, как лев. Но ты — сильней,
Ты — как Господь в громах Синая.
Так прореки нам — ты ли, ты
Пришел спасти народ избранный,
На нечестивых грохот бранный
Обрушить с гневной высоты?
Воздвигнуть храм ли, кущей рая ль
Отучнить скорбные поля,
Чтоб вся увидела земля,
Как Богом вознесен Израиль?
Твоя — как солнце голова.
Твоя — как кедр Ливанский выя,
Как Пятикнижие — слова, —
Так прореки нам, — ты — Мессия?

И как подземный грузный гул
Пролился голос Иоанна:
— Не говорите невозбранно:
Век испытанья не минул.
Я, — я не тот, кого вы ждали.
Но Он грядет. И близок день.
И знайте: у его сандалий
Я не достоин снять ремень.

ПРОРОК

Свинцовая раскалена печать
И, зашипев, отпечатлелась в коже,
И пышет, точно горн, рубец кровавый,
Прижавшийся к бесплодному соску.
Но каплет пламенеющее млеко
Мне под ноги на всех моих путях,
И стоп моих пергаментная кожа
Осыпана в пыли иссохшей кровью.
Глаза других скользят по ровным строкам,
Сердца других скользят над словом звонким,
А я утесы слов и жала мыслей
Ощупал всем моим избитым телом,
Я изглодал железные просфоры,
Веками скованные для меня.
Я был на той горе. Оттуда видел,
Как веют рудной золотою зернью
Богатства неисчислимые царств.
Я слышал голос, предлагавший злато,
Суливший славу, власть. Но жгла мне пальцы
Точившаяся из ожога кровь,
И едкою я обтирал польнью
Ожженные, израненные ноги.
Я видел обгаренные колеса,
Я видел дыбы душ, жаровни тела,
Я чуял Бога в облаке проклятий.
Их шепотом змеиным оклубясь,
Весь оцетинился он лютым гневом
И человека жег своим жезлом.
Но не мольбы исторглись человеком
Из кровью позапекшейся гортани,
А новые крикливые проклятья,
Клубились дымами и застилали,
Как дым от Каинова алтаря,
Иные дымы – Авелевых агнцев...
Ты виноват, Йегова иступленный,
Что в тяжкий бой, от века возметенный,
Вступил с отвергнутой от века волей.

Ты создал все; ты мог пребыть недвижимым.
Ты жаждал самохвальных упоений, —
Ты сомневался в божестве твоём.
Не ты ли хлынул волнами потопа?
Не ты ли змей порасплодил на пашнях?
Не ты ли чумно задышал над миром?
Не ты ль гремел последнею войной?
А ныне эти каменные стогны,
Стеклом безглазым скованное небо,
Машиной взнузданные водопады, —
Нерасторжимый, неизбывный плен.
А мириады, — кто исчислит, взвесит? —
Людей, чей мозг насквозь пропитан болью,
Людей, чье тело — громовые вопли,
Висящие в гнилых пустотах душ.
Ты не считал задушенных поэтов,
Ты не слышал истерзанных пророков,
Ты не видал тех матерей, чьи рты
Сосали кровь извергнутых до срока.
Но нет. Ты видел, знал. Ты смел метаться,
Ты смел витать над опаленным миром,
О голову его крушить скрижали,
Где в камень вкован каменный закон.
Но не напрасно кровь моя точилась, —
Не пустота в моем рождалься сердце:
Оно круглилось пламенную чашей, —
Неся в себе, ее подьему я.
Ты ждешь алтарных звонких восклицаний,
Ты фимиамов жаждешь благовонных, —
Я дам тебе их, — отпусти людей.
По моему велению встанут храмы,
Коленопреклоненья сотворятся,
Весь мир тебе прозвякает кадилом,
Твой облик перед миром изменю я, —
Твой грех я принимаю на себя.
Как тот забытый галилейский плотник,
Чья боль бесплодно затерялась в даях,
На новый крест взойду я непреклонно,

Твой грех я принимаю на себя.
И пусть проклятья все, всю боль и ярость
Разверзнет мир над головой моей,
Пусть девять суток на кресте вишу я,
Пусть девять копий мне ребро пронизут,
Пусть мне не возведут высоких храмов,
Не призовут меня на литургии,
Пусть имя, что ношу я, вечно будет
Подобным имени Искарюта,
И новый Дант меня с проклятьем ввергнет
В девятый круг извечных отвержений, —
Твой грех я принимаю на себя.
И пусть века веков в провале черном
Мой труп грызут другие мертвецы, —
Я за тебя снесу лихие гневны,
И лик твой снова засияет светом,
И люди припадут к тебе с молебном,
Твой грех приму я, — отпусти людей.

СПИНОЗА

Они рассеяны. И тихий Амстердам
Доброжелательно отвел им два квартала,
И желтая вода отточного канала
В себе удвоила их небогатый храм.

Растя презрение к неверным племенам,
И в сердце беря невынужденное жало,
Их боль извечная им руки спеленала
И быть едиными им повелела там.

А нежный их мудрец не почитает Тору,
С эпикурейцами он предается спору
И в час, когда горят светильники суббот,

Он, наклонясь к столу, шлифует чечевицы,
Иль мыслит о судьбе и далее ведет
Трактата грешного безумные страницы.

ХРАМ

Победоносного Израиля оплот
И Бога Вышнего приют неистребимый!
Где слава гордая? Исчезла, точно дымы,
И в трещинах стены убогий мох растет,

Да юркая пчела, собирая дикий мед,
Жужжит и вьется там, где пели серафимы,
И вековой стальной тоской томимый,
У врат святилища рыданья льет народ.

Но храм разрушенный все был на страже Бога:
Когда Отступника влекла его дорога,
И Ягве алтари он дал богам земным, —

Вкруг идолов огонь запольхал багряно.
Израиль, радуйся развалинам твоим:
В них гроб язычества и плаха Юлиана.

ИУДЕИ

Народ, чье имя — отгулье Иуды,
Влачащий на себе его судьбу, —
О, не в твоём ли замкнутом гробу
Созрели пламенеющие руды?

Но там ли Бог сокрыл свою трубу,
Чей вопль сметет последние запруды,
Когда на суд прихлынут трупов груды,
И гордый царь поклонится рабу?

Народ! Влачи звенящие оковы:
Ты избран повеленьем Иеговы
Распространить священные лучи.

И миру благовествуя спасенье,
Иди! Иди закланцем отпущенья,
И о своем страдании — молчи.

А. Л. Яворская

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ СЕМЕНА ГЕХТА

*Не бить челом веку своему,
А быть челом века своего,
Быть человеком.*

С. Парнок

«Есть люди, без которых невозможно представить себе настоящую литературную жизнь. Есть люди, которые, независимо от того, много или мало они написали, являются писателями по самой своей сути, по составу крови, по огромной заинтересованности окружающим, по общительности, по образности мысли. У таких людей жизнь связана с писательской работой непрерывно и навсегда. Таким писателем был Гехт»¹, — считал Константин Паустовский.

Гехт, наряду с Бабелем, Регининым, Булгаковым, стал одним из героев повести К. Паустовского «Книга скитаний» и именно благодаря этому воспринимался после издания ее скорее как литературный персонаж, нежели как писатель. Способствовало этому и то, что ранние книги Гехта не переиздавались, а поздние значительно уступают им и по стилю, и по сюжету.

Семен Григорьевич Гехт не вошел в число звезд первой величины южнорусской литературной школы. В середине шестидесятых годов друг Гехта, писатель Сергей Бондарин разделил «южнорусских» в своей шутливой табели о рангах так: «старшее поколение — классики и полуклассики <...>, второе поколение — полуклассики, натретьклассики, четвертьклассики <...>, третье — классики будущего <...>»². Гехта и себя он отнес ко второму поколению. Компания была вполне приличная: Илья Зильберштейн, Евгений Петров, Семен Липкин, Татьяна Тэсс, Илья Френкель, Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский.

Гехта упоминают литературные словари³, но все же имя и творчество его сегодня практически забыто. Биография, опубликованная в литературных энциклопедиях, при ближайшем рассмотрении грешит многими неточностями. Вызывает сомнение многое — дата первой публикации и, более того, дата и место рождения писателя, не вполне понятно, каково его на-

стоящее имя, нет полного перечня книг. На сегодняшний день нет подробного исследования ни творчества, ни биографии Гехта. Ответить на многие вопросы невозможно еще и потому, что не обнаружена написанная им самим биография. Она отсутствует в Российском государственном архиве литературы и искусства, в архиве Государственного литературного музея (Москва) и в архиве Российской государственной библиотеки⁴.

Данная статья не ставит целью создать максимально полную биографию писателя. Это попытка, основываясь на документах, периодике, мемуарах, письмах и текстах самого Гехта, дать представление о его судьбе и о нем самом как о поэте, писателе, человеке. К сожалению, не было возможности использовать материалы из РГАЛИ, которые могли бы уточнить многие факты биографии С. Гехта.

Согласно справочникам, «Семен Григорьевич Гехт родился 14 (27) марта 1903 года в Одессе»⁵.

Начнем с имени. Подпись под первой публикацией – в 1912 году – «С. Гехт», в одесской прессе 1922–1923 годов его называют «Соломон». Необходимо отметить, что письма свои в двадцатые – тридцатые годы он подписывал не именем, как, например, его друзья Сергей Бондарин или Семен Олендер, а фамилией – «Гехт». В письмах 50-х – начала 60-х подпись – «С. Гехт». Рукописного текста, под которым стояла бы авторская подпись «Семен Гехт», автор данной статьи не встречал. В статье М. Вайнштейна (см. прим. 2) писатель назван «Авраамом Гершевичем». Документально подтверждается только последнее. В справке МВД СССР об освобождении из лагеря сказано: «Выдана Гехту Аврааму Гершевичу (он же Семен Григорьевич)» (об указанных фактах подробнее см. ниже). Итак, имя, данное при рождении – Авраам. Почему оно было изменено позднее – неизвестно, но это явно произошло еще в детские годы.

Дата рождения – 14 марта (по старому стилю) 1903 года. Но в метрической книге одесского раввина о рождении за указанное число запись о рождении Авраама Гехта отсутствует⁶. Ребенок с таким именем и фамилией не зарегистрирован в книгах за 1900, 1901, 1902 и 1904 годы. Следовательно, вызывает сомнение и то, что родился он в Одессе.

Со слов внучатой племянницы Гехта Ф. Л. Раскиной известно, что его старшего брата звали Давид. Дочь Давида Сарра, родившаяся в декабре 1900 года, была немного старше, чем ее дядя: по словам родных, Гехт родился в конце 1900-го — начале 1901 года. В метрической книге одесского раввина за 6 декабря 1900 года есть запись о рождении Сарры Гехт. Родители — «старобыховский мещ. Есель (он же Иосиф) Гершев Гехт, жена Бася»⁷.

По семейным рассказам, родители Гехта погибли, а он воспитывался в семье старшего брата. В книге А. Вайнера и Э. Кузнецова утверждается: «во время еврейского погрома были убиты его родители, а его самого погромщики выбросили из окна»⁸. Список погибших во время погрома 1905 года в Одессе занимает в книге одесского раввина об умерших 23 листа⁹. Но записи о смерти мужа и жены Гехт там нет. Несколько десятков погибших записаны как «неизвестная» или «неизвестный». Напротив ряда лиц, первоначально записанных как неизвестные, позднее указана фамилия. Маловероятно, что старший сын не опознал родителей и не сообщил об их смерти.

После сказанного выше можно допустить, что погром настиг семью в другом городе или местечке, и лишь позднее мальчик попал в Одессу.

О детстве Гехта практически ничего не известно. По семейным воспоминаниям, он был замкнут, немногословен, очень любил читать. Часто уединялся и писал стихи¹⁰.

Принято считать, что впервые стихи его были опубликованы в январе 1922 года. В действительности первая публикация состоялась десятью годами раньше. Одна из особенностей творчества Гехта — то, что рассказы, написанные и в начале 30-х, и в конце 50-х, содержат реальные сведения о биографии писателя. Рассказ «В гостях у молодежи» (1958):

«...придется вспомнить еще одну историю — про еженедельный журнал «Детство и отрочество». Издавался журнал в городе, который в целях литературной конспирации принято называть «городом на юге». Редакция помещалась в ряду железно-скобяных лавок на торговой улице. <...>

Месяц назад я написал стихотворение и, по совету взрослых, послал его в редакцию детского журнала. Сти-

хи, конечно, нудные, но и в то время находились повсюду восхвалители детской ерунды <...>. Недели через две я увидел свое стихотворение опубликованным. Ну, уж тут руки зачесались вовсю, буквально не сходя с места, написал я еще стишок <...>. Увы, в следующем номере я стихов уже не нашел. Школьный товарищ посоветовал: «Загляни в „Почтовый ящик“». Фамилию свою я нашел в «Почтовом ящике» сразу»¹¹.

В ОГНБ им. М. Горького хранится подшивка одесского журнала «Детство и отрочество. Литературно-художественный, с научным отделом двухнедельный журнал для детей» за 1912–1913 годы. Совпадает и указанный Гехтом адрес – редакция размещалась на улице Екатерининской, 70 (угол Большой Арнаутской), недалеко от Привоза.

Журнал был достаточно солидный¹². Он состоял из отделов беллетристики, воздухоплавания, в отделах «Страничка наших читателей» и «Забавы и развлечения» публиковались стихи, рассказы, шарady и загадки юных читателей. Как правило, публикацию сопровождал в том же номере ответ редакции автору в разделе «Почтовый ящик».

В октябре 1912-го «Развлечения и забавы» помещают шарaду:

Звериное рычание будет первый слог;
Целого окончание – простой предлог;
Целое ж без крови не обходится никогда;
Это спор двух народов, вражда.

*С. Гехт, 12 лет*¹³.

Четверостишие можно считать литературным дебютом Гехта: в журнале при первой публикации обязательно указывался возраст автора, при последующих – просто фамилия. (Это подтверждает, что год рождения юного поэта – не 1903-й, а 1900-й или 1901-й). В «Почтовом ящике» ответ редакции: «С. Гехту, 12 лет. Стихотворение Ваше не подходит. Шарaду поместим. Тщательно работайте над стихотворениями и присылайте: может быть, будет удачнее»¹⁴. В десятом номере журнала вновь шарaда и ответ редакции: «Стихотворение не подходит. Не смущайтесь и посылайте еще»¹⁵. И, наконец, опубликованы стихи:

Тоска

Тихо догорает свечка...
Свет свой на меня бросает...
Не теплится больше печка...
Все тоска меня снедает.
Все, свои закрывши очи,
Крепким дремлют сном,
Только я сижу средь ночи,
Бодрым, как и днем.
Про дни минувшие тоскую,
Когда я счастлив был,
Когда обласкан был родными,
Когда в согласьи с ними жил.
Я дни былые призываю
С мольбою, со слезами,
Я счастье и добро им обещаю
Напрасно... Ограда меж нами¹⁶.

В этом же номере есть и шарада. «Почтовый ящик» сообщает: «Одно из Ваших стихотворений помещаем. Желательно было бы получить Вашу автобиографию (подробное описание жизни)»¹⁷.

Последний номер за 1912 год — опубликовано стихотворение «Природа»¹⁸, в «Почтовом ящике» впервые ответы даны лишь части авторов (Гехта среди них нет), остальным обещают ответить в следующем номере.

В 1913-м ни стихи, ни шарады Гехта, ни ответ ему редакции на страницах журнала не появлялись.

Герой рассказа «В гостях у молодежи» говорил, что семья была не в состоянии подписаться на пять годовых экземпляров журнала, поэтому редактор отказался публиковать его стихи. Возможно и другое, тоже связанное с материальным положением семьи объяснение: с десятого номера регулярно появляется обращение к юным авторам: «Всех читателей, посылающих в редакцию письма, просим обозначить свой точный почтовый адрес, письма, не оплаченные соответствующими трехкоп. марками, не принимаются редакцией и предоставляются в собственность почтальона».

В одной из первых биографий Гехта сказано: «...получил среднее образование. Долгое время работал «мальчиком» при

типографии»¹⁹. Та же информация об этом периоде жизни писателя и в последующих статьях. Место работы никогда не уточнялось. И вновь обратимся к прозе. В рассказе «Соня Тулупник» из сборника «Мои последние встречи» (1933) герой вспоминает:

«Когда мне было пятнадцать лет, в Петербурге убили Распутина. Я работал тогда в экспедиции одной крупной либеральной газеты. Она приносила большой доход. В городе любили острые статьи известного социал-демократа Якова Тулупника. Дивиденды получали семь акционеров. Одним из них была известная певица Иза Кремер, жадная и злая женщина. <...> нас было двенадцать подростков-фальцовщиков»²⁰.

Немного далее указано отчество Тулупника — Моисеевич. Бесспорно, имеется в виду одна из ведущих газет того времени — «Одесские новости» и ее редактор Израиль Моисеевич Хейфец, журналист и театральный критик. Одесские мемуаристы сообщали, что его женой была популярная поэтесса и певица Иза Кремер. (Вновь получает косвенное подтверждение дата рождения: Распутина убили в 1916-м, следовательно, герой — и автор — родился в 1901 году).

Типография «Одесских новостей», в которой мог работать Гехт, размещалась на Екатерининской, 8.

После работы рассыльным в типографии он стал наборщиком. «Пришел задумчивый пролетарий Гехт в кожаной куртке наборщика, попахивающей свинцом»²¹.

О жизни Гехта во время гражданской войны ничего не известно — не сохранилось ни документов, ни семейных воспоминаний.

«Через много лет я опять написал стихотворение и опять послал его в редакцию. В редакцию „Известий губисполкома”»²².

22 января 1922 на первой странице газеты «Известия Одесского губисполкома и губкома КП(б)У» было напечатано стихотворение С. Гехта «9 января».

В этот день поповская попона
 Жало змей скрывала под собой,
 И жандарм, — суровый брат Гапона
 Управлял рабочею толпой.

Меткий взмах, удар нагайки хлесткий —
И под смех с старухи сбит чепец.
В этот день от пуля на перекрестке
Лег старик — быть может, мой отец!
<...>

Следующее появится только через семь месяцев. 1 сентября «Известия» публикуют стихотворение С. Гехта «Юбилейное». Этот разрыв можно истолковать с помощью семейной легенды. Согласно ей, Семен уехал в Москву еще в 1919 году на крыше поезда. В цитирувавшемся выше рассказе «В гостях у молодежи» герой уезжает из Одессы (весной или летом 1922-го) в надежде найти работу:

«Служил я тогда караульным на огородах наробраза при городских полях орошения, грузил в порту дрова, <...> расформировали караульную команду, <...> надо искать другую работу. Но ее-то найти было трудно. Добрые соседи посоветовали: «Езжай-ка ты в Винницу». <...> Устроили меня в такой вагон, где билетов не спрашивают, — и качу в Винницу»²³.

Вновь в Одессе он появляется только осенью.

«Темной дождливой ночью возвращался я в город, где меня никто не ждал, без видов на пропитание. Дождь сечет, пузырьки на окнах, голодно, и стал я в мыслях составлять стихотворение насчет дождя, пузырьков и пущоты желудка»²⁴.

Эта поездка объясняет и семейную легенду, и то, что стихи Гехта впервые были опубликованы в январе, а знакомство с одесскими литераторами состоялось лишь осенью того же года.

Стихотворение, о котором он вспоминал, появилось в газете «Известия» № 870 за 29 октября 1922 года. На третьей полосе дана подборка стихов, объединенных общим заглавием «Осень». Авторы — Г. Захаров, И. Чернов, Т. Тэсс, С. Гехт.

IV

Льют дожди беспрерывно, плачет медь заунывно,
Лес мелькает за лесом, верста за верстой.
Вот — фонарики станций, Буг в предутреннем глянце,
Вот идут новобранцы нестройной толпой.

От возов продналога чернеет дорога...
 И настойчиво капли в окошко стучат,
 И не радуют взора огни семафора,
 И не тянет вперед и не тянет назад.
 Дома — стужа и слякоть. Так о том ли мне плакать,
 Что на чуждой сторонке холод душу скует?
 И стучат унисонно капли в окна вагона,
 Точно марш похоронный дождь тоскливо поет.

На той же странице статья о литературном кружке «Потоки Октября». Названы организаторы — Алексей Лагутинский, Илья Чернов, Анатолий Резников. Среди пришедших позднее — Татьяна Тэсс и Иван Никитенко [Микитенко — А. Я.], упомянуты «гости, а потом собратья по кружковской работе Юрий Золотарев, Эдуард Багрицкий, Лев Славин, Николай Матяш». Гехта в этом перечне нет.

Картину вхождения его в литературную жизнь города можно представить по публикациям и материалам литературной хроники на страницах «Известий» за 1922 год:

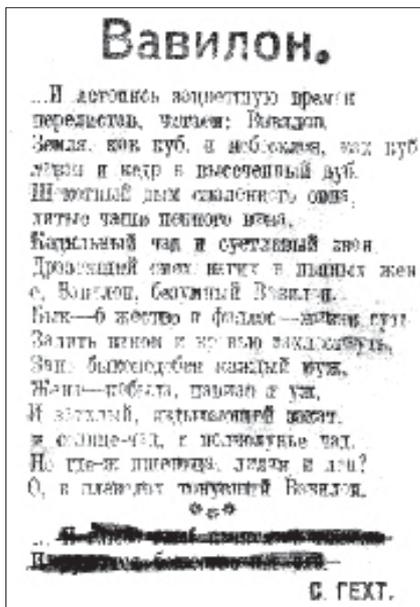
2 ноября — С. Гехт. «Порт» (№ 873);

12 ноября — С. Гехт. «Перекоп» (№ 881);

19 ноября — С. Гехт. «Вавилон» (№ 887) — в разделе «Литература и искусство», рядом со стихотворением Э. Багрицкого «Украина»;

22 ноября в № 889 появляется статья о деятельности литературного кружка «Потоки Октября». Перечислены старые члены и «новые, недавно поступившие». Фамилия Гехта отсутствует.

26 ноября — С. Гехт. «Пекарня» (№ 893), в том же номере — стихи Э. Багрицкого.

Вырезка из газеты «Известия Одесского губисполкома и губкома КП(б)У». 1922

В редакции газеты Гехт встречается с Багрицким.

«Я познакомился с Эдуардом в конце 1922 года, когда он жил в Лермонтовском переулке. Его близкие друзья — С. Бондарин, Е. Голованевская, Т. Лишина — помогли ему перебраться в более приличную комнату. <...> Он <...> хвалил поэму Бондарина «Наливное яблоко», которую вытащил из-под подушки»²⁵. «Чуть не с первого шага на пути к его дому близ моря, где он жил в полузатопленном подвале, начал он меня, зеленого новичка, знакомить с чудесами мировой поэзии, русской, советской. <...> Я прижился у Багрицкого, всюду его сопровождал. <...> У классического бедняка Эдуарда Багрицкого всегда жил какой-нибудь нахлебник. В то время у него нахлебничал я»²⁶.

Во всех воспоминаниях (и в 1936-м, и в 1938-м, и в 1959 году) Гехт повторяет одну и ту же дату — осень 1922 года. Багрицкий познакомил его с молодыми поэтами, один из них — Сергей Бондарин стал близким другом Гехта.

Бондарин писал о том времени: «<...> все чувства <...> были обращены в сторону полудачного, Лермонтовского переулка, там, в доме, который мы прозвали «голубятней», обитали в ту пору Леночка Голованевская и пышная Таечка Лишина. <...> Все было тогда, все начиналось, все возносилось — и тогда же мы встретились с Женей, с Генриеттой, после первого чтения мною „Наливного яблока”»²⁷ (Женя — Генриетта Адлер, в которую оба друга были влюблены).

С. Бондарин. 1920-е

6 декабря «Известия» сообщают о предстоящем 66-м литературном вечере «Потоков»: «Прочтут свои произведения <...> Сергей Бондарин – новую поэму „Наливное яблоко”»²⁸. 11 декабря Бондарин вновь читает поэму на литературном вечере: «Прочитанная С. Бондариним поэма «Наливное яблоко» обнаруживает в авторе настоящего мастера, удачно владеющего как трудной стихотворной формой, так и умелым пользованием языка. Поэма написана проникновенно и носит на себе печать традиции Южно-Русской школы поэтов»²⁹.

«Известия» 9 декабря: «В выходящем на днях первом номере журнала «Силуэты» печатаются рассказы, стихи, статьи и фельетоны – <...> И. Бабеля, Эд. Багрицкого, Н. [так в тексте – А. Я.] Гехта»³⁰.

Сам Гехт относил свое вхождение в литературные круги к концу 1922 года. Он, как и многие начинающие писатели, посещал литературную организацию «Потоки Октября», неофициальным лидером которой в конце 1922-го стал Э. Багрицкий.

«В те дни одесские литераторы собирались в железнодорожном клубе на Степовой улице. По субботам читали сами, по средам обсуждали произведения какого-нибудь московского поэта или классика. <...> на собраниях бывали и читали свои вещи: Бабель (читал Одесские рассказы), <...> Славин. <...> В полночь мы расходились по домам, и Эдуард шел, провожаемый мною, через весь город, ежась от холода»³¹. «В кружке этом я познакомился осенью 1922 года со всеми одесскими литераторами того времени»³².

13 декабря Гехт впервые назван в ряду членов «Потоков Октября»: «Сегодня состоится очередной 68-й вечер у потоковцев. Прочтут свои произведения: <...> Соломон Гехт – рассказ «Гипнотизер»; Николай Матяш – рассказ «Живая провокация»; Эдуард Багрицкий – отрывки из поэмы „Летучий голландец”»³³. Это первое упоминание о прозаическом произведении Гехта.

В объявлениях было принято указывать имя автора. Гехт назван Соломоном. В литературе о писателе это имя никогда не упоминалось. Во всех статьях его называют Семеном. До этого первого упоминания полного имени Гехта подпись под стихами (и в 1912 и в 1922 году) ограничивалась первой буквой имени.

Соломоном называют его и в шутивном стихотворении, описывающем заседание «Потоков Октября» (см. ниже).

16 декабря – С. Гехт. «Роды» (№ 910) – в разделе «Литература и искусство». В этом же номере помещен и первый отзыв о творчестве молодого поэта: «Наибольшего внимания из читавших на последних заседаниях заслуживает, несомненно, молодой поэт С. Гехт. Прочитанные им новые стихи являются образными, художественно замыкающими картины и мысли, и лучшее его стихотворение «Быль» поражает своей простой «лирикой обыденщины»³⁴. Возможно, речь идет о стихотворении «Бытие»:

В чрево матери птица меня принесла,
В некий день я рожден на углу Госпитальной.
В этом доме, где некогда баня была,
Где за баней ютился дом синагогальный.
Там петух ковылял, и собака плелась,
И индюк, гоготающий, расплескивал грязь.
Я любил зацветавшие щели молебен –
В них торчал липкий мох – омертвевшая зелень.
Но я рос. Тают годы, как в оттепель снег.
Мох ободран, петух был на Пасху зарезан.
Но люблю этот дом, где был начат мой век.
Ах, не там ли я зачат, рожден и обрезан?
Да и как мне забыть мой родной Хаджибей,
Берега Ланжерона меж мыльных зыбей
И не я ль неуклонно, закинутый, помню
Слободу, Бугаевку и каменоломню.
Волны вечности хлынут и вновь утекут,
Уподобив меня переполненной чаше.
Я ребенок. Я снова читаю Талмуд
И ищу откровений великого Раши³⁵.
Я забыл этот бред и, от книги ушед,
Я познал беззаботность в течении лет,
И древесные шумы, и отклики птичьи,
И дыхание пашен, и ласки девичьи.
Но есть год. Он семнадцатым мечен числом, –
Неуклюж и коряв, как кирпичный обломок.
И не раз и не дважды вспомнят о нем
И в торбине столетий отыщет потомок.

Этот год, распрямивший согбенные выи,
Вздуродражил инстинкты и спутал стихии.
Пил и я Октября золотое вино,
Воевал под Тамбовом, встречался с Махно;
Нагружал шарабаны, повозки и фуры.
Наступал на Махно, убегал от Петлюры.
И в тюрьме, что похожа была на сераль
(Часовой — и на шомполе солнце полудня) —
Где засовы тяжки и решетчата сталь,
Я познал одиночество, скуку и будни.
Знаю ныне: меж чуждых и высохших нив
Суждено расхлестать мне желавшее тело.
От младенческих весен бродягою быв,
Мне ль бродяжьего можно избегнуть удела?³⁶

На первый взгляд, оно перекликается со стихотворением Э. Багрицкого «Происхождение», но «Происхождение» написано намного позже, в 1931 году.

27 декабря: «Сегодня состоится 72-й очередной вечер кружка «Потоки». Читают свои произведения члены кружка: <...> С. Гехт — драм. сцена «Бродяга»; С. Бондарин <...>»³⁷.

Сохранилось шутивное стихотворение «„Потоки” (дружеские укоры)» — перечень членов и описание заседания:

На перекрестке Степовой
Мы ныне дружно заседаем.
Единый рокот огневой
Связует нас — и мы сияем!
Тяжелый Беклин на стене,
В углу у входа ангел юркий.
Вода в граненом кувшине,
Бычки, сигарки и окурки.
Струится дым, течет вода,
Потоки патоки и пота.
Еще не выдохлась «среда»,
Как надвигается «суббота».
Да будет! Зачинаем бой,
И вот, глазищами моргая,
Встает Чернов «как таковой»,
За ним жена «как таковая».

Зачем же, дорогой Чернов,
Питать такую злость на Гехта?
О Баршт! О Тэсс! О Резников!
Необходимо высечь всех-то.
Страшиться! Встанет Эдуард,
Сверкая впадиной зубною,
Гехт Соломон войдет в азарт,
Тряся еврейской головою.
Сергей Бондарин — всякий слышит
О яблоке, о наливном.
Смотрите: он прекрасно дышит
То самогоном, то вином.
<...>³⁸

Декабрем 1922 — январем 1923 датирован первый номер журнала «Силуэты». С третьего номера появляются публикации Гехта. Дебютирует он как прозаик.

№ 3, январь 1923 — рассказ «Случайная жертва (из ангорских воспоминаний)» («Я покинул тихий хутор в 25-ти километрах от Назарета...» — идет речь о подготовке восстания, действие происходит в Турции).

№ 4, январь — стихотворение «Бытие».

№ 11, апрель — стихотворение «Всенощная».

Воспоминания современников во многом противоречивы — так, С. Бондарин (как позднее и Г. Адлер) относил знакомство с Гехтом к «Коллективу поэтов» и зиме 1920/21³⁹. Мемуаристы смещают даты, но из сухих строк периодики осени — зимы 1922-го и писем Гехта первой половины 1923 года бесспорно следует, что еще до отъезда в Москву он был хорошо знаком как с И. Ильфом и Л. Славиним (участниками «Коллектива поэтов» 1920—1921 годов), так и с Н. Матяшем, Г. Захаровым и А. Борисовым (членами «Потоков Октября» в 1922—1925 годах).

Знакомство с Исааком Бабелем, во многом определившее дальнейшую литературную карьеру Гехта, могло произойти не ранее января 1923 года⁴⁰.

«От него [Багрицкого] я впервые услышал о «чудном писателе», который живет на углу Ришельевской и Почтовой.

— Как фамилия? — спросил я.

— Бабель, — ответил Эдуард, — ну, это классный писатель! Вот мы потащимся к нему в гости, он нам почитает»⁴¹.

В апреле 1923 года Семен Гехт и Сергей Бондарин собираются ехать в Москву. Бабель передает с ними письма. Большое письмо адресовано его другу Исааку Лившицу («...Это письмо передадут тебе совершенно бесшабашные ребята — одесские поэты Гехт и Бондарин. Они без царя в голове, но не без дарования. Помоги им, чем можешь...»⁴²), две небольшие рекомендательные записки — В. Нарбуту и М. Кольцову.

«Друг мой, Владимир Иванович.

Вот два бесшабашных парня. Я их люблю, поэтому и пишу им рекомендацию. Они нищи до крайности. Думаю, что могут согдиться на что-нибудь. Рассмотрите их орлиным своим оком <...>

Од. 17.4.23

Твой И. Бабель»⁴³.

«От Бабеля, без вести пропавшего, заточившего себя добровольно — Кольцову, прославленному древле от всех.

Вот Гехт и Бондарин. Их актив: юношеская продерзость и талант, который некоторыми оспаривается. В пассиве у них то же, что в активе. Им, как и пролетариату, нечего терять. Завоевать же они хотят прожиточный минимум. Отдаю их под вашу высокую руку. — От сего дня в непродолжительном времени я напишу вам о себе письмо.

Ваш И. Бабель

Од. 17.4.23»⁴⁴.

Вот два парня — Гехт и Бондарин. Их актив: юношеская продерзость и талант, который некоторыми оспаривается. В пассиве у них то же, что в активе. Им, как и пролетариату, нечего терять. Завоевать же они хотят прожиточный минимум. Отдаю их под вашу высокую руку. — От сего дня в непродолжительном времени я напишу вам о себе письмо.

Исаак Лившицу
17.4.23.

Записка И. Бабеля М. Кольцову. 1923

Письма Бабеля датированы 17 апреля.

Через четыре дня, 21 апреля, Сергей Бондарин пишет из Москвы в Одессу: «Вслед за тысячеверстной степью, где маленькие домики с нахлобученной соломой сменялись однообразными станционными постройками на станциях: булки, булки, кипяток, [неразб.] фонари — и все остальное такое знакомое и всегда новое — вслед за этим необозримый, чудовищный город, сверканье, грохот, Кремль и смешные древности — по Пильняку — Китай в России. Но поверь, все в страшном порядке. И даже в дороге нарушение сокровенных заповедей железнодорожной администрации неуклонно карается ценою золотых рублей. Дважды спасали меня мои академические мандаты, где сказано: «административным взысканиям не подлежит». Пишу за столом великого В. Катаева. Он сидит напротив меня и переписывает рассказ. Москва. Говорят, хорошо, когда при отъезде и по приезду сумеречная, дождливая погода — это было так. Иля, Олеша, Катаев — они делают миллиарды, я же, ты знаешь, ищу только прожиточный минимум. Тем не менее, начало вполне удачное. Уже сдал для печати в «Огонек» первомайское стихотворение. За 16 строк получил 150 руб. Первую ночь провел у писателя Зозули, с женой которого ехал поездом. Сейчас второй день. Еще нигде побывать не успел, что и говорить. На краткий конец кладется 3—4 часа ходьбы. В трамваях вагоновожатые сидят на седлах, но я хожу пока пешком. Жизнь — она идет [неразб.]. За эти последние дни я постиг многое, что было неприступно на пространстве между коллективом [очевидно, «Коллективом поэтов» — А. Я.] и Степовой [адрес «Потоков Октября»] или — Новосельской и Лермонтовским переулком. Алеша, друг мой, я еще не знаю что и как, но здесь — Москва»⁴⁵. Гехт в письме не упоминается, не совсем ясно, добирались ли они до Москвы вместе или порознь. Стихотворение «Май», о котором упоминает Бондарин, было опубликовано 29 апреля в пятом номере журнала «Огонек» (редактором которого был Михаил Кольцов, адресат одной из записок Бабеля). Рекомендательные записки сохранились в архиве С. Бондарина, и опять же непонятно, были ли они вручены адресатам.

Первое известное письмо Гехта из Москвы Марии Тарасенко датировано 30 апреля:

«Я сдал для журнала (ежемесячник) Ингулову одну вещь небольшую. Это и очерки в «Огоньке» дают мне возможность держаться здесь. У Сережи дела обстоят хуже. Одними стихами здесь даже Асеев и Пастернак не живут. Нужно быть газетчиком и журналистом. Сереже это не удастся».

После непродолжительного пребывания в Москве один из друзей вернулся в Одессу (первое известное письмо Гехта из Москвы Бондарину в Одессу датировано 26 мая), второй остался завоевывать столицу.

Первая публикация С. Гехта в журнале «Огонек» появилась 6 мая – очерк «Одесса»:

«Только тогда оживает приморский бульвар, когда в спокойную бухту врывается американская миноноска, на которой саженными цифрами тщательно выписано «227», и с огромного грузового корабля шлепают подмоченные канаты и скользят сходни.

Это значит, что на две недели порт оживет. Это значит, что эстакадный переулочек будет наводнен любопытствующими мальчишками, и несколько тысяч грузчиков заполнят пристани. Это значит, что по портовым улицам потянутся подводы, площадки и грузовые автомашины, у пакгаузов будет топтаться караул, и бездельничающие бабы будут подбирать высыпавшееся случайно из мешков зерно.

В остальное время в порту скучно, так как наладившееся сообщение в пределах Черного моря не способно оживить просторного и раскинувшегося порта. Суда из Константинополя и Италии приходят редко, стоят долго и не вызывают к себе особого интереса.

Днем в городе малоллюдно. Оживление бывает по вечерам, когда центральные улицы запружены проститутками и в ресторанах гастролируют румынские цимбалисты. Публика весьма охотно посещает многочисленные кинематографы и миниатюры [имеются в виду театры миниатюр, или, как их называли в 20-е годы, «Театр малых форм» – А. Я.], в которых столичные любовники ставят революционные пьесы и в которых «женщина-феномен» угадывает мысли на расстоянии.

Движение трамваев в сравнении с Москвой – ничтожно. Их так мало, этих великолепных трамваев, светящихся рекламами и подобных которым не сыщешь во всей России.

На прежнем Толкучем рынке расположился зверинец, работает карусель и мелькают качели. Зверинец убог и смешон до абсурда. Весь его состав исчисляется двумя медведями, орлом, лисицей и попугаем. Владельцы скорбно и величаво рассказывают о несчастных животных, умерших жуткой зимой 21 года. В балагане балерина исполняет *Dance de la Gypsy* Сен-Санса, но равнодушный и обманутый зритель насмешливо оглядывает ее грязное трико и стоптанные туфли.

Окраина, перенесшая тяжчайшие беды, возрождается к жизни медленно и туго. Бугаевка еще не очищена от осколков снарядов, взорванных в эпоху германской оккупации, и поляна Дюковского сада оголенными пнями напоминает о столетних акациях, составлявших гордость Молдаванки.

История этого сада, лучшего в Одессе, замечательна. Были тревожные дни оккупационного владычества, когда по взбудораженным улицам шныряли смуглые зуавы, когда коротконогие негры заполняли лунапарк и шотландские стрелки в юбках вызывали смех топтавшей вокруг них уличной детворы. Дров в городе не было совершенно. Несмотря на жаркие летние дни, нужда в них была огромная, так как обнищавшему окраинному населению не на что было сварить постных щей. Однажды утром поднялись ремесленники Слободки и Бугаевки и, не обращая внимания на стрекотню пулеметов и на отточенные штыки зуавов, двинулись с пилами и колунами к великолепному Дюковскому саду. В течение одного летнего дня весь сад был вырублен и был увезен волоком, на повозках и спинах. Об этом дне окраинное население вспоминает с удовольствием и гордостью, и только тогда, когда зной уж слишком удушлив и нигде не сыщешь тени, к довольству примешивается сожаление о столетнем парке и чудесных акациях.

Горячая жизнь кипит только на Пересыпи. Там в полном ходу усовершенствованные и исключительные мельницы, там работают гигантские скотобойни, электрическая станция, кишечный завод и гордость заводской Одессы, завод б. Гена, выделяющий двуххлещные плуги, зубчатые бороны, косилки и сеялки. По обширным улицам тянутся подводы с лимонной солью [опечатка, правильно «лиманская», то есть из Куяльницкого или Хаджибейского лимана — А. Я.] и болгарские повозки с овощами с богатых и культурных участков полей орошения.

Так живет южная столица, удивляющая малолюдностью, но радующая взор наш внешней чистотой и благообразным видом».

После этого практически в каждом номере журнала появляется очерк или рассказ Гехта, в одном из номеров — сделанный им перевод с еврейского.

Вот перечень публикаций в «Огоньке» за май — октябрь 1923 года:

№ 6, 6 мая — «Одесса». Очерк.

№ 10, 3 июня — «Авиапропаганда на площадях Москвы».

№ 12, 17 июня — «Тамбовский монах». Рассказ. (Впервые был опубликован в январе 1923 в третьем номере журнала «Силуэты» под названием «Случайная жертва»).

№ 16, 15 июля — рассказ Д. Фришмана «История одной точки», перевод с еврейского С. Гехта.

№ 18, 29 июля — «Зоологический сад». Очерк.

№ 20, 12 августа — «Народный суд». Очерк.

№ 21, 19 августа — «Парад. Впечатления С. Гехта».

№ 22, 26 августа — «Ломбард». Очерк.

№ 25, 16 сентября — «Старики. Еврейская беднота на Подолии». Очерк.

№ 27, 30 сентября — «О бандитах, умерщвленных и сиротах». Очерк. (Речь идет о выставке, рассказывающей о погромах во время гражданской войны).

№ 28, 7 октября — «Алешки». Письмо С. Гехта.

Рассказы и очерки Гехта печатались в московской газете «Гудок», берлинской «Накануне», в журнале «На вахте» и других

изданиях. Стихи он, похоже, после переезда в Москву перестал писать — ни одна публикация не обнаружена.

Из письма к Генриетте Адлер от 15 сентября 1923 года:

«Я нигде не служу, ибо не хочу. Предлагали кое-какие должности по газетам — отказался. Но работаю много. Успел уже хорошо зарекомендовать себя в лучших журналах и деньги вообще — в пределах, конечно, добываю легко».

Как и многие молодые журналисты, он ходил по редакциям газет и журналов со своими материалами. Появляются московские друзья — в редакции «Накануне» Гехт познакомился с Эмилем Миндлиным. «Выйдя из «Накануне» или другой какой-либо редакции, скопом шли по Тверской. В этих компаниях бывали Катаев, Булгаков <...> Гехт»⁴⁶.

В это же время складываются дружеские отношения и с К. Паустовским: «...Семен Гехт. Я познакомился с ним в редакции журнала «На вахте». Он приносил туда очерки о маленьких черноморских портах»⁴⁷. Э. Миндлин вспоминал:

«Впервые имя его [Паустовского] я услышал еще в начале двадцатых годов, от Семена Гехта. Он и спросил меня, знаю ли я Паустовского.

Фамилия показалась знакомой.

— Ах, этот... Он, кажется, работает в РОСТА?

— Очень талантливый человек. Когда-нибудь станет настоящим писателем. Увидите.

Гехт уже надоел мне своими пророчествами. Если поверить Гехту, все его знакомые молодые люди должны были стать настоящими писателями»⁴⁸.

Во всех статьях о Гехте указано, что в середине 20-х он работал в газете «Гудок». Большинство журналистов «Гудка» (особенно одесситы) стали впоследствии, как и уверял Гехт, «настоящими писателями».

Элитой газеты считались работники знаменитой сатирической «четвертой полосы». Паустовский в «Книге скитаний» включал в их число и Гехта: «В комнате сидели за длинными редакционными столами самые веселые и едкие люди в тогдашней Москве — сотрудники «Гудка» Илья Ильф, Олеша, Булгаков и Гехт. Склонившись над столами и посмеиваясь, они что-то быстро писали на узких полосках бумаги <...>. Редакционная эта комната называлась странно: „Четвертая полоса”»⁴⁹. Это под-

тверждал и Шкловский: «<...> «Гудок», где на четвертой полосе работали В. Катаев, Ю. Олеша, совсем молодые Ильф и Петров, Л. Славин и С. Гехт»⁵⁰. Но А. Эрлих, упоминая Гехта среди журналистов «Гудка», не включает его в число сотрудников «четвертой полосы»: «Четверо из нас – Илья Ильф, Борис Перелешин, Михаил Штих, Юрий Олеша – работали в отделе „Четвертая полоса”»⁵¹. Это подтверждают и две фотографии, сделанные в знаменитом отделе, – на них все перечисленные Эрлихом. Гехта среди них нет. Сам факт работы Гехта в «Гудке» сомнений не вызывает, но достоверных подтверждений его участия в создании «четвертой полосы» нет. Скорее всего, это ошибка К. Паустовского и В. Шкловского, которые сотрудниками газеты не являлись.

Сохранилась фотография Гехта и Ильфа тех лет. Позднее Гехт написал на ней: «Этот снимок сделан в 1923 году, фотограф ж. «Прожектор» Самсонов, на вышке с/х выставки <...>. Слева – И. Ильф (в макинтоше), справа я (С. Гехт). И. Ильф и я работали в то время в «Гудке»»⁵². Об открытии Союзной сельскохозяйственной выставки сообщал «Огонек» 19 августа, закрылась она в конце октября.

И. Ильф и С. Гехт. 1923

Круг общения сохранялся — к 1923 году почти все начинавшие в Одессе поэты и прозаики перебрались в Москву. Этим же годом принято датировать предисловие И. Бабеля к планировавшемуся сборнику одесских писателей. Начинает он характеристику авторов с Гехта: «<...> Вот семь молодых одесситов. Они читают колониальные романы по вечерам, а днем они служат в самом скучном из губстатбюро. И потому что у них нет ни визы, ни английских фунтов — поэтому Гехт пишет об уездном Можайске, как о стране, открытой им и неизведанной никем другим <...>»⁵³.

Судя по письмам и воспоминаниям современников, наиболее близкие отношения в 1923—1927 годах были у Гехта с Ильей Ильфом и Исааком Бабелем. «Мери [М. Э. Шапошникова, сестра И. Э. Бабеля, уехала за границу в 1924 году. — А. Я.] прекрасно помнила молодых одесских литераторов в окружении Бабеля, чаще других называла Семена Гехта, ходившего за ним как тень»⁵⁴. Ильф шутливо писал Г. Адлер: «Гехт бредит письмом и Бабелем. Но письма нет, а Бабеля слишком много»⁵⁵.

Литературная жизнь бурлила, быт же был достаточно суров: «Работали мы в одних и тех же редакциях, встречались едва ли не ежедневно и постоянно делились новостями о вновь открытых дешевых столовых.

В один из дней безнадежно безденежных мы уныло подсчитывали наши наличные. У одного оказалось восемь копеек в кармане, у другого двенадцать.

— И все-таки мы пообедаем, — ободряюще сказал Гехт. — Я знаю столовую, где можно купить порцию кушанья за двугривенный!

<...> Только и хватило наших двадцати копеек на одну порцию салата из свеклы.

— Ого! Два куса хлеба! Не так уж и плохо! — И Гехт рассмеялся тем чистым смехом, который был мил всем его добрым знакомым.

Я насадил на вилку сразу несколько кубиков свеклы, но Гехт, умудренный нуждой более меня, тотчас предостерег:

— Так вы никогда не насытитесь. Берите на вилку по одному куску свеклы и долго разжевывайте»⁵⁶.

О зиме 1923/24 вспоминал К. Паустовский: «Мы жили вместе с Гехтом в пустой и глухой даче в Пушкино. Гехт ночевал на

чердаке – на комнату не было денег. На ночь на чердак заго- няли хозяйских коз. Они сжевывали носки, рубахи и рукописи Гехта (Гехт писал на подоконнике, стола не было)»⁵⁷.

Из письма С. Кирсанова С. Бондарину 1925 года: «Если ты приедешь в Москву – ты удивишься – о чем люди говорят: ста- тьи, деньги, дела, авансы, службы, десяток сплетен и все. Тако- вы и Катаев, и Гехт, и Олеша, и Славин, и Ильф, и другие»⁵⁸. Примечательно, что Гехт назван вторым, сразу после наиболее известного в то время из одесской компании В. Катаева.

В 1925 в библиотечке крестьянского жур- нала «Сеятель правды» был опубликован рассказ «Круговая порука (тюрем- ная запись)». (Книга не упоминается ни в одной из статей о Гехте). Из примечания, сделанного автором, следует, что со- бытия относятся ко вре- мени оккупации Украины французскими войсками. В том же году в библиотеке журнала «Огонек» вы- шла книга «Рассказы».

Не пропали и опыты переводов: в 1926 году из- дательство «ЗиФ» (дирек- тором которого был В. Нарбут) выпустило книгу рассказов Шол- лом-Алейхема «Шестьдесят шесть» в переводе С. Гехта. В том же году Гехт женился на Вере Михайловне Синяковой, одной из зна- менитых в литературных кругах сестер Синяковых. Первое из- вестное упоминание об этом относится к июлю 1926 года (см. ком- ментарий к письму С. Гехта С. Бондарину от 5 января 1928 года).

В 1925 году наконец-то перебирается в Москву и Багриц- кий. «Внезапно в один туманный зимний день в Обыденном пе- реулке появился Эдуард Багрицкий. Прямо с вокзала его при- вез ко мне Гехт»⁵⁹.

Э. Багрицкий, В. Катаев и Я. Бельский. Одесса, 1925

Багрицкий, как и в Одессе, оставался центром притяжения для молодых литераторов. У него бывали все одесситы, особенно часто появлялись бывшие «потоковцы». Гехт вспоминал:

«Я двенадцать лет подряд ходил к нему в гости <...>, и каждое такое посещение превращалось в праздник»⁶⁰. [И вот однажды в 1927 году в Кунцево] «<...>шел разговор об охоте. Эдуард Багрицкий сказал, что ему хочется поехать в Белоруссию.<...> Проговорив весь вечер о Белоруссии, решили выехать на другой день в Минск, чтобы оттуда двинуться в глубь Полесья»⁶¹. [Друзья приехали в Минск, а затем] «<...> Мы наняли с Багрицким балагулу — традиционного еврейского извозчика — и поехали по Логойскому шоссе». [После возвращения в Минск состоялся литературный вечер]: «<...> мы выступали с Багрицким в летнем театре, в саду Профинтерна. <...> Эдуард читал тогда лекцию о поэзии. В зале собралось очень мало людей. Типографии выдали афиши за двадцать минут до начала вечера <...>. Все же было продано около двухсот билетов. Я сидел на эстраде, оглядывал пустой зал. Эдуард читал стихи <...>. Видимо, по саду прошел слух о нем, так как к концу лекции огромный зал наполнился до отказа»⁶².

Рассказы Гехта появляются и на страницах одесского журнала «Шквал». Там были опубликованы «Киоск Триандофилиди», «Ягве», «Дочь бакалейщика», «Джозеф Шостак». Рассказ «Дочь бакалейщика» предваряет редакционная врезка: «Свою литературную деятельность С. Гехт начал в Одессе. Быстро окрепло дарование молодого писателя. В настоящее время его рассказы регулярно появляются на страницах московских журналов. Особенное внимание критики привлекли так называемые «простые рассказы» Гехта»⁶³.

В 1927 году выходят две книги — повесть «Человек, который забыл свою жизнь» и сборник рассказов «Шмаков и Пранайтис».

Публикации его регулярно появляются в журналах «Огонек», «Прожектор», «Тридцать дней», «Красная новь». В № 1 журнала «Тридцать дней» за 1928 год одновременно появляются первые главы романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и рассказ Гехта «Полет за 15 рублей». Рассказ предваряет биографическая справка: «С. Гехт — молодой писатель. Первые его произведения — стихи, — были напечатаны в 1923 году. Родился Семен Гехт в Одессе, где получил среднее образование. Долгое время работал «мальчиком» при типографии. Рассказ «Полет за 15 рублей» написан под впечатлением воздушной поездки, предпринятой Семеном Гехтом прошедшим летом». В 1928 году выходит книга с одноименным названием.

Некоторые из произведений вызывают неоднозначную реакцию: «Гехт напечатал повесть «Танков», послужившую причиной вражды к нему левых и Лили Брик, которых он отчасти в этой повести изобразил. Он порицает и скучает»⁶⁴.

Документально подтвержден адрес Гехта тех лет — Марьяна Роцца, Трифоновская, 18, кв. 22. Он указан на открытке А. Дунаевского с припиской «С. Гехту — для Бондарина»⁶⁵. Ранее Бондарин писал: «Устроился в комнатках Гехта, который ввиду болезни живет у своих родственников»⁶⁶.

Гехт активно участвовал в литературной жизни Москвы. Сохранились воспоминания об обсуждении пьесы В. Маяковского «Баня», которое состоялось 27 октября 1929 года в Доме Печати. Маяковский был раздражен рядом безликих выступлений.

«Наконец выступил Гехт. А Гехт вообще как оратор славился в Москве, — его нельзя понять, если даже вы сидите рядом с

ним. Он вообще человек очень умный и остроумный и понимает очень много, но он говорит всегда захлебываясь, с большим энтузиазмом, а произношение у него такое, что почти ничего понять нельзя. И тут он выступил с эстрады и начал говорить. Смех в публике, никто ничего не разбирает, что он говорит. Поднялся шум, его перебивали, кто-то кричал: «Довольно! Непонятно! Ерунда!»

Маяковский поднялся, постучал по столу громко кулаком:

— Тише! Товарищ говорит очень умные вещи, и надо его слушать, надо иметь уважение к оратору. <...> он заставил публику слушать. Гехт продолжал свою речь»⁶⁷.

В 1929 году выходит книга «Штрафная рота», в 1930-м — «История переселенцев Будлеров» и второе издание повести «Человек, который забыл свою жизнь».

«Постоянный кочевник» Гехт много ездил по стране:

«Я бывал и в Подолии, и на Херсонщине, и в еврейских колхозах Крыма и Приднепровья»⁶⁸.

У него, как когда-то у Катаева, постоянно живут одесситы. Поселяется у него поэт Семен Олендер с молодой женой: «Трифоновка приютила «новобрачных», она же их в ближайшем будущем выставляет — дело в том, что у Гехта такие сложные и путаные отношения с домоуправлением, что нам при такой обстановке жить там никак не возможно. Ему предъявили весьма серьезное обвинение. Круглый год в квартире живут разные люди, москвичи и провинциалы, а сам хозяин появляется в доме примерно раз в три месяца. Нуждающихся в площади в доме много, и ясно — против Гехта затевается дворовый переворот. <...> Адрес Гехта: Скатерный пер. 22 кв. 31а»⁶⁹.

Если сразу после переезда в Москву он мог гордо написать: «Предлагали кое-какие должности по газетам — отказался», то в тридцатые годы он работает в редакциях нескольких журналов. «В 1930 году, <...> когда я редактировал созданный ЦК ВЛКСМ туристический журнал «На суше и на море», Семен Григорьевич Гехт, секретарь нашей редакции, привел как-то Багрицкого»⁷⁰. В выходных данных журнала за июнь 1930 года указано: «И. о. отв. редактора Л. Гурвич. Зав. ред. С. Гехт».

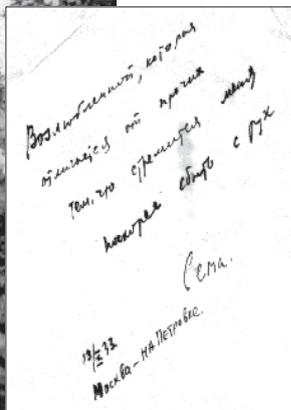
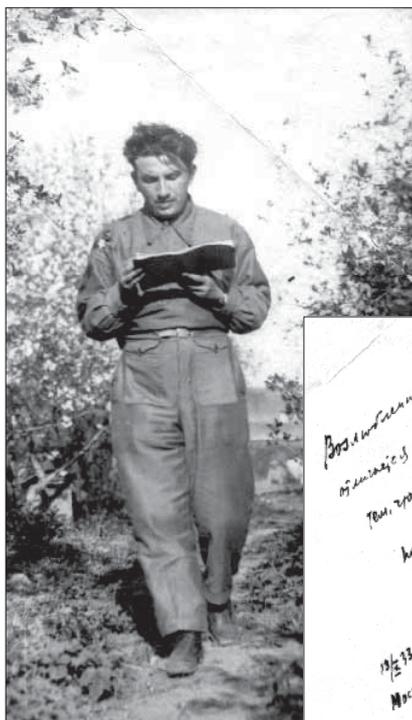
В 1931 году выходят две книги Гехта — «Ефим Калужный из Смидовичей» и «Сын сапожника». В 1932-м — «Арина Гульке-

вич» и «Веселое отрочество». Сборник рассказов «Мои последние встречи» вышел в 1933-м. После этого наступает перерыв, следующая книга появится в 1936 году.

С. Бондарин вспоминал, как по инициативе «писателя Ефима Зозули, верного последователя и ценителя новеллистического жанра», были организованы «чтения новеллистов»: «В дальнем углу мой добрый друг, завсегдатай новеллистов Семен Гехт, писатель, охотно работавший в газетах, продолжает спор с Александром Беком»⁷¹.

В августе 1933 года состоялась печально известная поездка писателей по Беломорканалу. В группе были М. Горький, М. Зощенко, В. Инбер, товарищи Гехта по «Гудку» — В. Катаев, И. Ильф и Е. Петров, Л. Славин, А. Эрлих и другие.

В результате появилась книга «Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства» под редакцией М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина (М., 1934). Каждую главу писали совместно несколько человек (за исключением «Истории моей жизни», написанной М. Зощенко). Гехт, наряду с С. Булатовым, Вс. Ивановым, Я. Рыкачевым, А. Толстым, В. Шкловским, был в

Фотография
С. Гехта
с автографом
на обороте.
1933

числе авторов тринадцатой главы — «Имени Сталина». Позднее он вспоминал:

«Когда группа писателей засела по возвращении за коллективный труд о Беломорканале, Ильф с Петровым разумно отказались от участия в этом труде»⁷².

Весной 1934-го Гехт (опять с группой писателей) участвовал в поездке по местам жизни Горького — в связи с замыслом создать книгу по истории Горьковского края. Статья о поездке появилась в «Литературной газете» 8 мая 1934 года.

«Жизнью Гехта руководит чувство молодости. Гехт ненасытен. Он непрерывно странствует по Советскому Союзу. Почти нет таких уголков нашей страны, где бы он не побывал и где его нельзя было неожиданно встретить»⁷³.

В 1934 году умер друг и учитель Гехта Эдуард Багрицкий. Через два года вышел альманах «Э. Багрицкий». Воспоминания Гехта назывались «Вечера в железнодорожном клубе».

В 1936-м Гехт и Паустовский входили в коллектив литературных сотрудников журнала «Наши достижения», основателем которого был М. Горький. В одном из номеров были помещены статьи на тему «Журнал и литературная среда». Из текста Гехта ясно, что волновало его:

«<...> с грустью ощущая, что до боли нуждаюсь в творческой среде, которой, по-моему, сейчас ни у кого нет.

Редакции?

Но там имеет место только купля и продажа. Все это случайно, сумбурно и ни капли мне не помогает, не учит. Я учусь сам и потому трачу на учение гораздо больше сил и лет, чем это нужно. Увы, мы разобщены, и в нашей среде много лжи.

Я мечтаю о творческой среде, где не будет лжи и чинопочитания. <...> Зародыш подобной среды я вижу в коллективе, написавшем книгу о Беломорканале. <...> Многие из нас превратились в ремесленников, иллюстрирующих определенный тезис или положение. <...>

Хочу надеяться, что товарищеская среда пойдет войной и добьет лакировщиков, засевших в нескольких редакциях и тупо удаляющих каждое неблагоприятное, по их мнению, слово. Вот несколько примеров.

*С. Гехт и И. Ильф.
Фотографии
А. Козачинского.
1933*

Я рассказывал о том, как человек в ссылке в 1909 г. читает Маркса и Плеханова. Лжец и лакировщик зачеркивает Плеханова.

Я рассказывал о том, как премированный инженер просит вместо патефона, которого он не любит, дать ему оренбургский платок для матери. Лжец и лакировщик не позволяет герою не любить патефон и зачеркивает упоминание о нелюбви к патефонам.

Я рассказывал о том, как в годы НЭПа тысячи людей толпились в ожидании работы у биржи труда. Лжец и лакировщик зачеркивает «неблагополучные факты». <...> К сожалению, я мог бы привести сотни примеров».

Он вспоминает литературный кружок времен своей юности:

«<...> Душою группы был Эдуард Багрицкий. Как мы были тогда строги и серьезны! Я чувствовал, что расту с каждым днем. Потом мы разъехались, разошлись, и я уже не нашел новой среды и как часто страдал от своего одиночества! Сколько ложных шагов! Как часто топтался я на месте, растерянно оглядываясь вокруг. Я не хочу показаться сентиментальным — это не вопль о дружбе. Это законное желание обрести тесную, честную и принципиальную деловую среду»⁷⁴.

В 1936 году выходит книга с экзотическим названием «Пароход идет в Яффу и обратно».

Гехт действительно стал «газетчиком и журналистом». Кроме повестей, рассказов, очерков, он писал рецензии на кинофильмы, театральные постановки, статьи о книгах В. Катаева, А. Толстого, В. Кетлинской, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, И. Эренбурга и др. Публиковались они преимущественно в «Литературной газете» (1937–1941). В те же годы он был сотрудником критико-библиографического журнала «Литературное обозрение». После смерти Ильфа Гехт написал большую статью «Илья Ильф», опубликованную в № 8 «Литературного обозрения» за 23 апреля 1937 года.

26 октября 1936 года был арестован Владимир Нарбут, год спустя — Михаил Кольцов. Это им были адресованы записки, с которыми два д'Артаньяна — Бондарин и Гехт отправились за-

воевывать Москву в далеком 1923-м. Фамилия Нарбута еще указана в альманахе памяти Э. Багрицкого, изданном в 1936 году (альманах был сдан в печать 17 сентября 1935 года, подписан к печати 20 января 1936-го). Но первый том собрания сочинений Э. Багрицкого в двух томах, подготовленный Нарбутом, выйдет в свет в 1938 году уже без упоминания его фамилии (книга была сдана в печать 7 февраля, подписана к печати 17 июня 1936 года). Возможно, такая задержка с печатанием книги была связана именно с арестом Нарбута. Еще до выхода первого тома взяли жену Багрицкого Лидию Густавовну. 17 декабря 1938 года Всеволод Багрицкий пишет матери: «Выходит первый том собрания сочинений папиных стихов. <...> Комментарии Владимира Ивановича. Только, конечно, без упоминания его фамилии»⁷⁵. В тюрьме и соавтор Багрицкого Аркадий Штейнберг, с которым Гехт познакомился в Кунцево в 1928 году.

Семен Гехт был среди немногих писателей, осмелившихся во время краткого ослабления репрессий после ареста Ежова изобразить происходившее в стране. В повести «Поучительная история» (книга была сдана в печать 23 сентября 1938 года, а подписана к печати только через семь месяцев, 31 апреля 1939-го; выпустило ее издательство «Детская литература» «для старшего возраста») описана история инженера, несправедливо обвиненного во вредительстве и затем оправданного. «Поучительная история» вышла отдельным изданием и практически одновременно была опубликована в сборнике «Год XX, альманах пятнадцатый» (1939). (Он был сдан в печать 15 января, а подписан к печати 1 апреля 1939 года). В альманахе напечатаны третья – пятая части. Начальные главы о детстве героев и жизни местечка были сняты Гехтом или редакцией.

Автор выразительно и взволнованно описывает равнодушные к судьбе героя, которое проявляют вроде бы достойные и порядочные люди. Они боятся нарушить свою налаженную жизнь, карьеру или просто не желают вмешиваться в происходящее, считая, что невиновных не наказывают. Гехт, правда, осуждает и героя, который не стал активно добиваться своего оправдания, а предпочел уехать в глухое село.

В те годы многие таким образом спаслись от ареста. Подальше от Москвы, в Солотче, жил и друг Гехта Константин Паустов-

ский, автор рецензии на повесть: «В этой книге с особой ясностью выступает характерная черта Гехта — писателя и человека — его мужество, открытый взгляд в лицо. <...> книга Гехта идет вразрез <...> приспособленческому и трусливому «направлению» в литературе. В этом прежде всего ее значительная сила»⁷⁶.

В тексте Гехт цитирует, не называя автора, слова из «Конармии» Бабеля об «интернационале добрых людей».

И. Бабель был арестован в мае 1939 года. Т. Стах, присутствовавшая при обыске в городской квартире Бабеля, вспоминала:

«Вышла на улицу, <...> но не успела дойти до угла, как столкнулась с бегущим куда-то Семеном Гехтом.

— Татьяна, — сказал он, заикаясь, — вы знаете, Бабеля взяли!»⁷⁷

Из протоколов допросов известно, что Бабеля вынуждали дать показания на Катаева и Олешу⁷⁸. Фамилия Гехта в деле не упоминалась.

В ноябре 1939 года С. Гехта вызвали одним из свидетелей защиты — пересматривалось дело арестованного в ноябре 1937-го поэта и переводчика Аркадия Штейнберга.

«<...> свидетель Гехт, друживший со Штейнбергом с 1928 года и ценивший его как поэта и художника <...> не слышал <...> антисоветских высказываний <...> Мнение Штейнберга о Сталине он назвал «мнением, достойным советского гражданина». И к советской поэзии А. А. [Аркадий Акимович Штейнберг — А. Я.] относился прекрасно и „никогда ее не опошлял”»⁷⁹.

Штейнберга освободили прямо в зале суда.

В 1939 году вышли две книги — «У шлагбаума» и «Поучительная история».

Повесть «Поучительная история» упоминается во всех статьях, посвященных писателю⁸⁰. Но другое произведение Гехта

И. Бабель. 1930-е. Фото Т. Тэсс.

на ту же тему, притом, что поразительно, написанное уже после активного возобновления репрессий, забыто.

«Была у Гехта вещь, о которой мало кто помнит. Потрясенный событиями 37 года, лишившими его многих друзей, Гехт, после снятия Ежова, когда наступило кратковременное послабление, написал повесть «Опасность» — о том, как вредит людям и стране всеобщая подозрительность, как вредно поощрение наветов и клеветы. Тогда появилось несколько таких произведений <...>. Эти вещи увидели свет <...>. С повестью Гехта получилось иное: первая ее часть была напечатана в ленинградском журнале «Литературный современник», она завершалась ремаркой: «Продолжение следует». Но — продолжение не последовало»⁸¹.

Автор воспоминаний — Л. Шерешевский искажает название и смешивает воедино два произведения Гехта. «Поощрение наветов и клеветы» — тема «Поучительной истории». С ее публикацией, как уже говорилось, проблем не было. А речь идет явно о другой книге.

Январь 1941-го: ленинградский журнал «Литературный современник» напечатал последнюю написанную перед войной повесть Гехта «Вместе». (Она была опубликована полностью, о продолжении не упоминалось). В ней выведена Одесса 1937—1938 годов. Город не назван, но даны названия улиц, районов Одессы. Прототипами второстепенных героев стали В. Таиров (винодел Башилов), писатель А. Кипен (ученый и преподаватель Липин), В. Филатов (глазной врач Буква); в тексте много цитат из стихов Э. Багрицкого.

В повествовании есть намеки на арест участника войны в Испании и, кажется, впервые в советской литературе описан механизм фабрикации дел: арестованного вынуждают дать фальшивые показания на людей, указанных следователем. Повесть, как и предыдущая, заканчивается торжеством справедливости. После обращения в Киев (в «Поучительной истории» мать героя ездила в Москву к Калинин) выясняется, что следователь был замаскированным вредителем.

Примечательно, что вмешиваются в ход событий не близкие, а посторонние люди. После рассказов о непонятной истории с пропавшим мужем учительницы (слова «арест» автор старается избегать) ученик и его отец, втайне друг от друга, обращаются к партийному деятелю в Киев. Любопытно и упомина-

ние о проблемах партийного деятеля с легкомысленной и равнодушной к общественной жизни дочерью.

А. Фадеев писал о «Вместе»: «<...> некоторые события и обстоятельства, действительно имевшие место в советской действительности, – вроде деятельности врагов народа в прокуратуре <...> выглядят в фальшивой и сентиментальной ткани повести как поклеп на советскую действительность»⁸². Он упрекал в этом автора – «человека талантливого, но глядящего на мир, мир довольно суровый, глазами сентиментального гимназиста»⁸³.

Во время Великой Отечественной войны Семен Гехт, как и большинство писателей, был военным журналистом.

В сентябре 1941-го В. Шкловский писал С. Бондарину: «Твоя жена работает в «Литературной газете». Газета плохая, бывать там приходится мало. Гехт собирается ехать на фронт, ждет назначения»⁸⁴.

1 октября в «Литературной газете» опубликована статья С. Гехта «Фронтной блокнот К. Симонова».

По словам С. Бондарина, «поздней зимою в Чистополь наконец пришло извещение о мобилизации группы поэтов и писателей. <...> В зимнюю декабрьскую ночь группа вызываемых военкоматом – тут были Михаил Зенкевич, Семен Гехт, Арсений Тарковский, <...> двинулись за розвальнями, на которых была сложена поклажа, из Чистополя в Казань»⁸⁵. Среди них был и сын Эдуарда Багрицкого, Всеволод, через несколько месяцев погибший на фронте.

Гехт стал военным корреспондентом газеты «Гудок», в которой работал в юности. И. Эренбург вспоминал о зиме 1941/42: «В Клубе писателей было очень холодно, но туда приходили пить водку, закусывали солеными грибами. Многие писатели были в военной форме – от фронта до Москвы можно было доехать за три-четыре часа. Помню там Петрова, Симонова, Светлова, Алигер, Гехта»⁸⁶.

Весной 1944 года Семена Григорьевича арестовали. Так как дело из архива московского НКВД в Одессе недоступно, придется ограничиваться воспоминаниями родных и современников. Все связывали воедино два ареста – Семена Гехта и Сергея Бондарина. По словам Г. Адлер, их «взяли по одному делу – хоть служили они в разных местах. Сергей Александрович был воен-

ным журналистом на флоте»⁸⁷. Эту версию подтверждал и Саул Боровой: «Бондарин и Гехт в конце войны были арестованы. Якобы — по глупости Гехта, который чем-то громко возмутился и привел в свидетели Бондарина»⁸⁸.

Сидевший с Гехтом в одном лагере переводчик Л. Шерешевский: «Гехт, как и другие, ничего о своем деле не говорил. Я знал только, что вместе с ним осужден был и писатель Сергей Бондарин, что они были военными корреспондентами, ездили в только что освобожденную от захватчиков Одессу и вскоре попали под решение Особого совещания»⁸⁹.

Сам Бондарин писал в дневнике, что причиной ареста стало письмо его сослуживца по Черноморскому флоту журналиста Улина Сталину о том, «что, де, с писателями обращаются неразумно, недостойно, заставляя их мыслить на уровне репортеров»⁹⁰.

Сергей Бондарин был арестован 3 марта 1944 года.

Последняя из обнаруженных фронтовых публикаций Семена Гехта «Сын Одессы» в газете «Красная звезда» датирована 11 апреля (на следующий день после освобождения Одессы). Он успел до ареста побывать в Одессе, провел в городе несколько дней, встретился с вернувшимся в город Н. Матяшем — членом «Потоков Октября». Как вспоминали родные, в библиотеке им. М. Горького просматривал подшивки газеты «Молва», выходявшей во время оккупации. По их словам, это и послужило причиной ареста⁹¹.

21 апреля 1945 года Гехт был осужден по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР и приговорен «к лишению свободы на восемь лет с поражением в правах и без права переписки»⁹². Те же восемь лет получил и Бондарин. (Неизвестны письма Гехта тех лет, но письма Бондарина к жене из лагеря сохранились).

Летом 1945-го Семен Григорьевич попал в подмосковный лагерь при экспериментальном заводе МВД. «На нем была офицерская гимнастерка, поверх которой надет штатский пиджак, его облысевшая голова покрыта была темной кепкой, из-под козырька которой глядели какие-то отрешенные глаза. Во время беседы он мог устремить взгляд в какую-то, одному ему ведомую даль и при этом произносить ни к чему не относящиеся «Мммдаа...»⁹³. Лагерь славился довольно либеральным отношением к заключенным, дважды в месяц (в выходные) там устраивались литературные вечера. В своем бараке Гехт вел неофициальный лите-

ратурный семинар (среди заключенных было много молодых литераторов). В одном из разговоров он вспомнил поездку на Беломорканал: «И тогда в лагерях кормили ржавой селедкой».

В передачи мужу Вера Михайловна, кроме продуктов, вкладывала и свежие литературные журналы — их передавал другу В. Гроссман. После ареста Гехта она жила в семье Николая Асева, жена которого — Оксана была ее сестрой.

В феврале 1946 года бывший «потоковец» Семен Олендер писал товарищу по кружку Алексею Борисову: «О Гехте и Бондарине ничего приятного сообщить не могу, оба они отсутствуют — по какой причине, неизвестно. Ты одессит, и сам понимаешь, что это значит»⁹⁴.

Осенью сорок шестого в лагере вновь фабриковались дела. Начальство решило добавить сроки тем, кто по приговору получил три-четыре года. Вскоре «„кум” начал расправу с теми, кто не согласился дать <...> показания. Среди рассердивших «кума» зеков оказался и Семен Гехт. <...> выдернутых ночью этапников грузили на покрытые брезентом машины. Гехт сидел скорчившись, нахохлившийся, печальный»⁹⁵. Он попал в Коми АССР, где были известные строгим режимом лесные лагеря под поселком Вожаель, описанные позднее Л. Разгоном.

«<...> уже будучи известным писателем, стал жертвой навета, — он изучил профессию лесоруба, был разносчиком молока в детских яслях, сторожем в парке»⁹⁶.

Гехт был освобожден из лагеря в марте 1952 года.

«Справка об освобождении

МВД СССР / Исправтруд лагерь «АН» 21 марта 1952 г.

Выдана Гехту Аврааму Гершевичу (он же Семен Григорьевич), 1903 г. рожд., Одесса, осужденному по делу Управления НКГБ СССР 21 апр. 1945 г. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР к лишению свободы на восемь лет с поражением в правах и без права переписки. Освобожден 21 марта 1952 г. по отбытию срока наказания с зачетом рабочих дней за хорошие производственные показатели. Следует к избранному месту жительства в Калужск. обл., Малоярославецкий р-н, ст. Малоярославец»⁹⁷.

Основываясь на поздних текстах писателя, можно предположить, что в 1954 году Гехт был в Казахстане — в нескольких его рассказах действие происходит на целине. В одном из

них фраза: «В тарных мастерских, где я работал последний год экспедитором»⁹⁸.

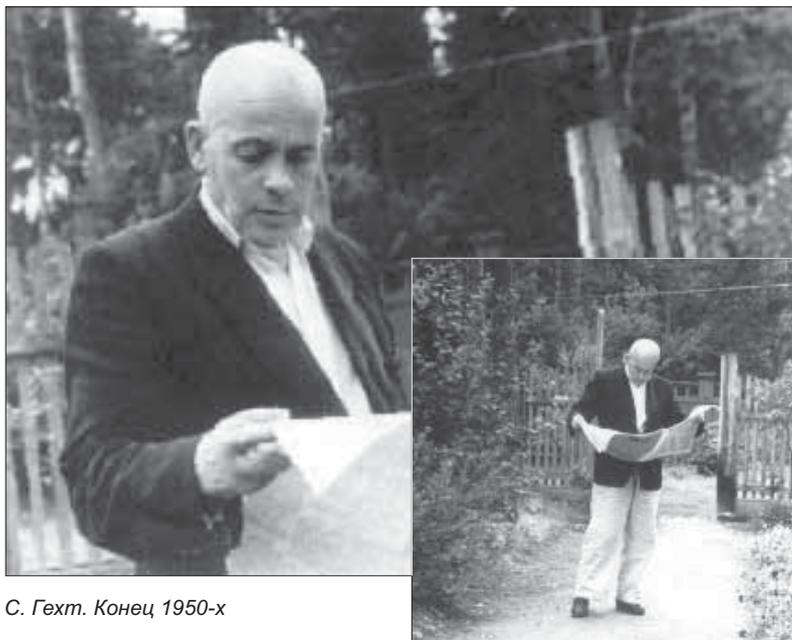
Первая обнаруженная публикация после освобождения достаточно характерна для середины пятидесятых. В те годы многие поэты и писатели, не имевшие возможности печатать свои произведения, занимались переводами. В 1955 году вышла книга «Поэзия Советской Якутии». Гехт попал в хорошую компанию – среди переводчиков с якутского были А. Ахматова, С. Липкин, А. Тарковский. Гехт перевел поэму К. Урастырова «Северная радуга» и три стихотворения А. Бэрияка: «Север», «Мой смелый Моссалик», «По горам на Север»⁹⁹.

Гехта реабилитировали в 1956 году. По словам Л. Славина, также считавшего, что Бондарин и Гехт были взяты по одному делу, «в период реабилитации их дела пересматривались вместе, но одного из них не могли найти, а потому не выпускали и другого»¹⁰⁰. Это утверждение противоречит не только дате освобождения Гехта из лагеря, но и фразе из записок, которые вел на поселении С. Бондарин: «Не думаю <...>, что моя личность представляется более опасной, нежелательной, недопустимой, чем, скажем, тихий душою литературный троцкист Гехт, или сват мой Улин, которые, оказывается, уже были в Москве и теперь устраиваются»¹⁰¹.

Точная дата возвращения Гехта в Москву нам не известна. В фондах РГАЛИ хранится уже упоминавшаяся фотография Гехта и Ильфа 1923 года. Автограф Гехта датирован «23/II – 1957». На сегодня это первая документированная дата пребывания Гехта в Москве.

В 1957-м вышла книга Гехта «Будка Соловья» – о жизни леспромхоза (бесспорно, основанная на лагерных впечатлениях, но ни словом о лагерях не упоминавшая). Фамилию одного из героев – Соловей многие воспринимали как название птицы. Эта ошибка постоянно встречается и в мемуарах и в критических статьях. Ошибся даже его друг Э. Миндлин: «Гехт, написавший несколько добрых и светлых книг и лучшую среди них – повесть «Будка соловья», так и светящуюся чувством чистосердечной любви к многострадальному человечеству»¹⁰².

Гехт возобновляет связи со старыми друзьями, московскими и одесскими. Бывшие «потоковцы» – и оставшиеся в Одессе, и

С. Гехт. Конец 1950-х

живущие в Москве — поддерживают тесные отношения, в их переписке постоянно идет речь о литературной жизни столицы.

В январе 1958 года Гехт поздравляет одесского писателя Григория Захарова с шестидесятилетием:

«Уже стало триумфом говорить о богатом литературном прошлом Одессы. Однако прошлое это, озаренное великолепными именами Бабеля, Багрицкого, Ильфа и Петрова и других — факт историко-литературный»¹⁰³.

Очерк «Харьков» в 1-м номере журнале «Знамя» за 1958 год рассказывает о поездке Гехта в Харьков. В нем описана и встреча со старыми одесскими знакомыми — семьей Григорьевых. Фамилию героев Гехт изменил, но они узнали себя — сохранилось письмо С. Бондарина, С. Гехта и Г. Адлер к Григорьевым.

«Наш современник», № 4 за 1958 год, в рубрике «Очерки наших дней» под общим названием «Советская старина» публикует очерки Гехта «Воспоминания о советской старине», «Разговор с трактористом о Максиме Горьком», «Памяти Виктора Гусарова и Александра Довженко», «Уже и о целине можно

С. Гехт. 1959

личными делами, что проявлять эти чувства им некогда. Видала Шпиртов, разговаривала по телефону с Гехтом, Олендером <...> Гехт и Шпирт даже удосужились приехать ко мне поговорить по поводу воспоминаний Гехта. Читали ли Вы их в журн. «Наш современник» № 4 за 59 год. Напишите свое мнение»¹⁰⁴.

В 1959 году была издана книга рассказов для детей «Три плова».

В марте того же года Гехт побывал в Одессе, встретился с друзьями юности и родными. Сохранились его письма в Одессу Г. Захарову и А. Борисову.

«Дорогой Захаров. Я не был долго в Москве и вот почему отвечаю с таким опозданием. У В. Катаева я не бываю, и вообще, как всякий знаменитый человек, он наполовину представляет собой учреждение. Знаю заранее, что он, не читая, передаст стихи литературным работникам редакции»¹⁰⁵.

Вероятно, речь идет о публикации стихов Г. Захарова в журнале «Юность», редактором которого был В. Катаев.

К А. Борисову:

«Надеюсь, что еще будем вместе взбираться по скалам Большого Фонтана и Люстдорфской дороги. Твой С. Гехт»¹⁰⁶.

«Надеюсь, что в скором времени пошатаемся еще по скалистым местам, аминь.

Сегодня, увы, были с Сергеем [Бондариним] на захоронении урны с прахом Ю. Олеси, который умер еще в мае»¹⁰⁷.

Весной 1960 года С. Гехт и К. Паустовский были в Доме творчества в Ялте.

А. Бек, когда-то споривший с Гехтом на «чтениях новеллистов», вспоминал:

«Клочок разговора.

Семен Гехт:

– Вот я поймал ту секунду, когда к правде прибавляется выдумка.

Я:

– Такая секунда бывает и у Паустовского.

Паустовский:

– Да, бывает. – Помолчав: – И если уж сорвешься, то не остановишься»¹⁰⁸.

В 1960 году вышла книга «В гостях у молодежи».

Гехт, вместе с Г. Мунблитом и Л. Славиным, входил в комиссию по литературному наследию И. Бабеля. «Гехт встречает»

С. Гехт. 1960

ся с Бабелихой [А. Н. Пирожковой]. Переиздавать его что-то не хотят»¹⁰⁹.

После освобождения и реабилитации он, в отличие от Бондарина, который еще на поселении начал вести дневник и потом писал «в стол» лагерные «Капкаринские записки», вычеркнул эти годы из памяти.

«Гехт и в самом деле довольно печален, хотя и слыл прежде записным застольным весельчаком, что ли... Если не весельчаком — болтуном. Его известное происшествие [то есть арест — А. Я.] поломало больше, чем других, он очень постарел»¹¹⁰.

Семен Григорьевич и Вера Михайловна жили на улице Кирова, 23, кв. 3.

В 1960 году в Москве побывала племянница Гехта Ф. Раскина. Она вспоминает скромную, почти аскетическую обстановку квартиры и обращение друг к другу на «вы», поразившее ее¹¹¹.

Похоже, Гехт еще раз приезжал в Одессу — известен его автограф Анне Николаевне Дерибас на книге «В гостях у молодежи», датированный 1961 годом¹¹².

В январе 1962-го Гехт писал А. Борису:

«Надеюсь встретиться с тобой — и не раз — на этой земле. Обнимаю. Твой С. Гехт»¹¹³.

В одном из писем С. Олендера Г. Захарову шла речь об издании сборника одесских авторов (очевидно, в него должны были входить и москвичи, и современные одесские писатели): «Нужна будет редколлегия. Было бы хорошо, если бы согласился войти в нее К. Паустовский, С. Гехт <...> (В. Катаев как-то отдалился от всех, не знаю даже, даст ли он материал)»¹¹⁴.

Последняя книга рассказов Гехта, вышедшая в 1963 году, называлась «Долги сердца».

О последних месяцах жизни Гехта и о той роли, которую сыграл друживший с ним К. Паустовский, вспоминал Э. Миндлин:

«Вернулся [Паустовский] только под Новый год, кажется, даже 31 декабря. Первый его вопрос после возвращения — о Гехте. Только что Гехт перенес очень тяжелую операцию, лежал в больнице. Паустовский был очень взволнован судьбой несчастного Гехта. Я поддерживал ежедневную связь с больницей, беседовал с врачами, лечившими Гехта, почти ежевечерне мне звонила отчаявшаяся Вера Михайловна Гехт — и почти ежеутренне Паустовские справлялись о Гехте. <...>

С каждым днем состояние Гехта становилось серьезнее. Сепсис развивался в его истощенном, обессиленном организме медленно, но угрожающе нарастая.

Паустовский переслал в больницу для Гехта привезенный им из Парижа запас редчайшего и дорогого лекарства — сигма-мицина, еще малоизвестного нашим врачам. Он звонил врачу, лечащему Гехта, уговаривая его применить сигмамицин, незаменимый при сепсисе. Звонил профессору, знавшему, как обращаться с сигмамицином, и умолял его дать наставления лечащим Гехта врачам.

На некоторое время сигмамицин задержал течение страшной болезни Гехта. Но запасы его окончились.

Когда, казалось, нет никаких других средств, а врачи предупреждали нас о серьезности положения, Паустовский позвонил заведующему отделением больницы, где лежал Гехт... Потом Паустовский передавал мне свой разговор с врачом примерно в таких выражениях:

— Я сказал ему, что Гехт — изумительный человек. Во что бы то ни стало надо его спасти. Я сказал, что без Гехта даже нельзя представить себе прошлую литературную жизнь. Врач обещал сделать что может. И врачи действительно делали что могли. Но проходили месяцы, уже приближалась весна, а положение Гехта оставалось тяжелым»¹¹⁵.

С. Олендер писал А. Борисову в мае шестьдесят четвертого: «Гехт тяжело болен — он уже больше четырех месяцев в больнице после операции»¹¹⁶.

13 июня 1964 года «Литературная газета» помещает некролог:

«Умер Семен Григорьевич Гехт — прекрасный прозаик, писатель с талантливой душой, острым, сильным и обаятельным умом. Он вышел из самой гущи народной жизни, из той среды, где бедность находилась на грани нищеты. <...>

Читатели помнят его очерки в «Наших достижениях», встречавшие взыскательное одобрение М. Горького, и «Штрафную роту», высоко ценимую Бабелем и Багрицким, и «Человека, который забыл свое имя» [ошибка, правильно: «Человек, который забыл свою жизнь» — А. Я.], и вызвавшую накануне войны большой интерес «Поучительную историю».

<...> Последнюю книгу Семена Гехта, только что вышедшую в свет, — «Долги сердца», — друзья принесли ему в больницу, где лежал он долго, где болел мучительно. На больничной койке встретил он свое шестидесятилетие...»¹¹⁷

К. Паустовский, который так много сделал, чтобы спасти Гехта, написал:

«<...> Он был воплощением человеческого достоинства и доброты. Эти его качества очень действовали на окружающих и невольно сообщались им.

Гехт — это молодость нашего поколения, поколения писателей, пришедших с юга и с берегов Черного моря.

Без Гехта трудно представить себе Бабеля и Ильфа, Олешу и Багрицкого, Бондарина и Славина <...>.

Писательская жизнь Гехта была нелегкой и чистой. Он не знал обеспеченности и сторонился бесплодных околелитературных страстей.

В годы культа личности судьба его не помиловала. Он много выстрадал, и смерть его была ускорена перенесенными страданиями.

Он долго боролся за жизнь. Спасти его не удалось. Будем же беречь память о нем, благодарную и светлую память о нашем общем милом друге»¹¹⁸.

Семен Григорьевич Гехт был похоронен на московском Введенском кладбище¹¹⁹.

Спустя год после его смерти в Одессе прошла научная конференция «Литературная Одесса 20-х годов». К. Паустовский, который из-за болезни не смог приехать, писал, обращаясь к участникам: «<...> никогда не устану говорить о том, сколько хорошего принесли мне дружба <...> с тенистой и солнечной разнохарактерной Одессой, с ее веселыми людьми, славными одесситами, среди которых были такие писатели и поэты, как Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша, Илья Ильф, Евгений Петров, Семен Гехт...

<...> Не знаю, прав ли я, но мне трудно представить себе Бабеля без Гехта, Олешу без Славина или Бондарина. Разумеется, этим я не хочу сказать о равнозначности этих очень разных литературных талантов. Я говорю о их духовном родстве, о преданности литературному делу»¹²⁰.

В Советском Союзе книги Гехта после его смерти не переиздавались. В 1983 году в Израиле вышла книга «Простой рассказ о мертвецах и другие рассказы». В Ростове-на-Дону в 2000 году издана книга Шолом-Алейхема «Избранное» в переводах И. Пинкуса и С. Гехта.

В последние годы в статьях о советской литературе двадцатых годов все чаще упоминается имя Гехта в одном ряду с А. Соболев, И. Бабелем и другими известными писателями. «Получила развитие в 20-е годы и русскоязычная еврейская литература. Среди прозаиков и поэтов выделялись И. Бабель, <...> С. Гехт, И. Уткин, ранний Маршак»¹²¹.

Эпиграфом к повести «Вместе» Гехт взял строки Софьи Парнок:

Не бить челом веку своему,
А быть челом века своего,
Быть человеком.

Эти же строки — лучшая эпитафия Семену Григорьевичу Гехту.

Автор благодарит за помощь в работе над статьей М. Р. Бельского, А. И. Ильф, С. З. Лушица, Н. Н. Панасенко, сотрудников ОГНБ им. М. Горького О. М. Барковскую и Т. В. Щурову, сотрудников ГАОО Л. Г. Белоусову и В. К. Сичкаренко, А. Ю. Галушкина (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук, Москва).

Примечания

¹ Паустовский К. Книга скитаний. — М., 1964. — С. 34.

Впервые эта фраза опубликована в некрологе Гехта, написанном К. Паустовским (Литературная газета, 13 июня 1964).

² Бондарин С. Одеситы и к ним примкнувшие: Наброски к выступлению на конференции «Литературная Одесса 20-х годов». — Машинопись. — ОЛМ, НВ-3312.

³ Краткая литературная энциклопедия. — Т. 2. — М., 1964. — С. 172.

Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 2. — Иерусалим, 1982. — С. 119. (Упомянуты переводы с идиш Ш. Аша, Шолом-Алейхема; ошибочно указана дата ареста — «в конце 1940-х гг.»).

Российская советская еврейская энциклопедия. — Т. 1. — М., 1994. — С. 301. (Ошибочно указаны дата и причина ареста — «в конце 1940-х гг. в период борьбы с космополитизмом», дата освобождения — 1956).

Казак Вольфганг. Лексикон русской литературы XX века. — М., 1996. — С. 100—101.

Вайнштейн М. В ожидании Мессии // Гехт С. Простой рассказ о мертвецах и другие произведения. — Иерусалим, 1983. — С. 229—248. (Включает наиболее полный перечень книг Гехта; в него не вошли «Круговая порука» (1925), «Шмаков и Пранайтис» (1927), «Полет за 15 рублей» (1928), «У шлагбаума» (1939)).

Человек трагической судьбы // Вайнер А. Л., Кузнецов Э. А. Есть город, который... — Одесса, 2002. — С. 154—156.

Левин Ф. Счастье выполненного долга // Знамя. — 1963, № 10. — С. 221. (Рецензия на книгу «Долги сердца»).

Петряева Е. И. С. Гехт на страницах одесской прессы 20-х годов // Литературная Одесса 20-х годов: Тезисы межвузовской научной конференции. Ноябрь 1964. — Одесса, 1964. — С. 48—49.

Малинова Г. Л. «Молодость нашего поколения» // Вестник региона. — Одесса, 24 февраля 1996; то же в книге: Малинова Г. Л. Из-под завесы тайны. — Одесса, 2002. — С. 330—343.

Вайнер А. Л., Кузнецов Э. А. Человек трагической судьбы // Ор Самеах. — Одесса, 19 марта 2003.

Вайнер А. Л., Кузнецов Э. А. Трагическая судьба // Юг. — Одесса, 27 марта 2003.

Мисюк А. Один из семи // Шомрей шабос. — Одесса, 28 февраля 2003, № 24 (414); 7 марта 2003, № 25 (415).

Яворская А. Веселый грустный человек... и Генриетта // Мигдаль. — Одесса, 2003, № 11—12. — С. 36—41.

Статьи о С. Гехте есть в электронной версии «Универсальной энциклопедии» и «Большого энциклопедического словаря», в базе данных «Мемориала» информация о нем под № 4553.

⁴ Сообщено А. Галушкиным (Москва), письмо от 5 января 2004.

⁵ «Гехт Семен Григорьевич [р. 14 (27).III.1903, Одесса — 10.VI.1963, Москва] — рус. сов. писатель. <...>». — Краткая литературная энциклопедия. — Т. 2. — М., 1964. — С. 172; то же — в остальных.

⁶ ГАОО, ф. 39, оп. 5, д.107, л. 115—117.

⁷ ГАОО, ф. 39, оп. 5, д.95, л. 450.

⁸ Человек трагической судьбы // Вайнер А. Л., Кузнецов Э. А. Есть город, который... — Одесса, 2002. — С. 154.

⁹ ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 118, л. 323—344. См. о погроме также в кн. «1905 год. Революционное движение в Одессе и на Одесщине: Сб. статей и воспоминаний». — Одесса, 1925; «1905 год. Революционное движение в Одессе и на Одесщине. Сб. материалов и воспоминаний». — Т. 2. — Одесса, 1926.

¹⁰ Беседа с Фирой Лазаревной Раскиной (племянницей С. Гехта), июль 2003. Позднее Ф. Раскина записала часть своих воспоминаний:

«Я являюсь внучатой племянницей писателя Семена Григорьевича Гехта. Он — родной брат моего дедушки Давида Григорьевича Гехта,

т. е. родной дядя мамы, хоть они были в одном возрасте. Рос Семен Григорьевич с моей мамой, т. к. его родители погибли.

Мама рассказывала, что он был очень скромным, трудолюбивым, всегда уединялся и писал, много читал. Он, будучи совсем юным, печатался в одесской газете, которая называлась «Моряк».

Вскоре, т. е. опять-таки юным уехал в Москву и там серьезно стал заниматься литературной деятельностью. Его заметил и похвалил Максим Горький.

В 1959 году он посетил Одессу и был у нас в гостях, а в 1960 году, незадолго до смерти Семена Григорьевича, я проводила отпуск в Москве и была у него в гостях. Он тогда работал над очередной повестью. Он был интересным собеседником.

Я видела его жену Веру Михайловну — сестру жены поэта Николая Асеева, который его очень уважал и помогал ему во время тяжелой болезни.

18.11.2003».

¹¹ Гехт С. В гостях у молодежи. — М., 1960. — С. 142.

¹² Редакция сообщала: «В журнале принимают постоянное участие: И. М. Василевский (Не Буква) (Петербург), Осип Дымов (Петербург), Кармен (Петербург), Э. Кроткий, Лоренцо, Ар. Муров, Незнакомец, Петр Пильский, Скиталец (Петербург), Д. Тальников, Семен Юшкевич, А. М. Федоров и многие другие. Художники Б. Антоновский, В. Никулин, Ф. Сегал, А. Цалюк. Редакторы Н. Хавис и С. Хаимович».

¹³ Детство и отрочество. — Одесса, 1912, № 8. — С. 14.

¹⁴ Там же. — С. 16.

¹⁵ Детство и отрочество. — 1912, № 10. — С. 16.

¹⁶ Детство и отрочество. — 1912, № 11. — С. 12.

¹⁷ Там же. — С. 16.

¹⁸ Детство и отрочество. — 1912, № 12. — С. 12:

Мне представилась картина

Дивной красоты:

Справа узкая долина,

Слева все кусты.

Пальмы вырастают к югу,

Север так красив.

И за лесом и за лугом

Много, много ив.

Небо светло-голубое

Не омрачено.

Глянет ль солнце золотое,

Засияет ли оно?

¹⁹ Гехт С. Полет за пятнадцать рублей // Тридцать дней. — 1928, № 1. — С. 19. Ср.: «Мы же учились <...> в Свечном училище. Оно называлось вторым казенным. Здесь проходили краткий курс практических наук, готовили конторщиков и бухгалтеров. Училище существовало на

деньги свечного сбора». — Гехт С. Пароход идет в Яффу и обратно. — М., 1936. — С. 20.

²⁰ Гехт С. Мои последние встречи. — М., 1933. — С. 48.

²¹ Бондарин С. Прикосновение к человеку. — М., 1973. — С. 196.

То же в книге: Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. — М., 1971. — С. 128: «Позже появились меланхоличный Гехт в кожаной куртке наборщика, совсем юный Липкин <...>».

²² Гехт С. В гостях у молодежи. — М., 1960. — С. 144.

²³ Там же. — С. 144—145.

²⁴ Там же. — С. 146.

²⁵ Гехт С. Вечера в железнодорожном клубе // Э. Багрицкий: Альманах под редакцией Влад. Нарбута. — М., 1936. — С. 239—240.

²⁶ Гехт С. В гостях у молодежи. — М., 1960. — С. 148—149.

²⁷ Бондарин С. Капкаринские записки (Фрагменты). 1948—1953 гг. // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публ. / Одесский государственный литературный музей. Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 220.

²⁸ «Потоки» // Известия Одесского губисполкома и губкома КП(б)У. — 6 декабря 1922, № 901. — С. 4.

²⁹ Е. М. Литературный вечер // Известия. — 16 декабря 1922, № 910. — С. 3.

Поэма С. Бондарина «Наливное яблоко» была опубликована в журнале «Силуэты» № 2 за декабрь 1922 — январь 1923.

³⁰ «Силуэты» // Известия. — 9 декабря 1922, № 904. — С. 4.

³¹ Гехт С. Вечера в железнодорожном клубе // Э. Багрицкий: Альманах под редакцией Влад. Нарбута. — М., 1936. — С. 240—241.

³² Гехт С. В гостях у молодежи. — М., 1960. — С. 1.

³³ «Потоки» // Известия... — 13 декабря 1922, № 907. — С. 4.

³⁴ «Литературная Одесса» // Известия. — 16 декабря 1922, № 910. — С. 3.

³⁵ Раши — ср. рассказ И. Бабеля «Гедали» (1920): «Я учил когда-то Талмуд, я люблю комментарии Раши и книги Маймонида» (Бабель И. Сочинения в 2-х т. — Т. 2. — М., 1990. — С. 30). В комментариях У. Спектора к этому рассказу «аббревиатура слов Раби Шеломо бен Ицхак — еврейского ученого, жившего во Франции, Соломона бен Исаака (1040—1105), комментатора Ветхого Завета и Талмуда». — Бабель И. Пробуждение. Очерки, рассказы, киноповесть, пьеса. — Тбилиси, 1989. — С. 411.

³⁶ Гехт С. Бытие // Силуэты. — 1923, № 4. — С. 4.

³⁷ «Потоки» // Известия. — 27 декабря 1922, № 919. — С. 4.

³⁸ Тарасенко М. «Потоки» (дружеские укоры) // Силуэты, 1923, № 6—7. — С. 18.

³⁹ Бондарин С. Прикосновение к человеку. — М., 1973. — С. 196.

Надо отметить, что в уже упоминавшемся наброске «Одесситы и к ним примкнувшие» (см. прим. 2) Бондарин не включает Гехта в перечень участников «Коллектива поэтов».

Городецкая Н. А. Три письма Ильи Ильфа // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публ. / Одесский государственный литературный музей. Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 117.

⁴⁰ И. Бабель уехал из Одессы в Сухуми в апреле 1922-го и вернулся в январе 1923-го. См.: Спектор У. Краткая летопись жизни и творчества Исаака Эммануиловича Бабея // Бабель И. Пробуждение. Очерки, рассказы, киноповесть, пьеса. — Тбилиси, 1989. — С. 423.

⁴¹ Гехт С. Вечера в железнодорожном клубе // Э. Багрицкий: Альманах под редакцией Влад. Нарбута. — М., 1936. — С. 240.

⁴² Бабель И. Сочинения в 2-х т. — Т. 1. — М., 1990. — С. 238.

⁴³ Там же. — С. 239. (Рукопись хранится в ОЛМ).

⁴⁴ Впервые опубликовано: Бондарин С. Прикосновение к человеку. — М., 1973. — С. 64. (В т. 1 не учтено. Рукопись хранится в ОЛМ).

⁴⁵ Письмо С. Бондарина А. Дунаевскому от 21 апреля 1923 из Москвы в Одессу. — ОЛМ, Р-1739. Алексей Дунаевский — друг детства С. Бондарина.

⁴⁶ Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. — М., 1968. — С. 139.

⁴⁷ Паустовский К. Книга скитаний. — М., 1964. — С. 33.

⁴⁸ Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. — М., 1968. — С. 382.

⁴⁹ Паустовский К. Книга скитаний. — М., 1964. — С. 23.

«Бабель оглянулся <...>: — Спрячьте рассказ! Надвигается «могучая когорта». Я успел спрятать рукопись. Вошли Гехт, Ильф, Олеша, Славин и Регинин». — Там же. — С. 30.

⁵⁰ Шкловский В. Путь к «Эдуарда Багрицкого горе» // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973. — С. 424.

⁵¹ Эрлих А. И. Нас учила жизнь. — М., 1960. — С. 43.

«<...> в аппарате «Гудка», как ни в одной другой газете, оказалось много молодых талантливых литераторов — М. Булгаков, В. Катаев, Ю. Олеша, Л. Славин, С. Гехт <...>». — Там же. — С. 39.

Даран Д. В редакции «Гудка» // Художники группы «Тринадцать». Из истории художественной жизни 1920-х — 1930-х годов. — М., 1986. Гехт в числе сотрудников «четвертой полосы» не упоминается.

Нет упоминаний о Гехте и в дневниках М. Булгакова.

⁵² Петров Е. Мой друг Ильф. / Сост. и коммент. А. И. Ильф. — М., 2001. — С. 18.

⁵³ Бабель И. Сочинения в 2-х т. — Т. 2. — М., 1990. — С. 358. Книга, для которой написано предисловие, не вышла. Рукопись хранится в ОЛМ.

⁵⁴ Поварцов С. Подготовительные материалы для жизнеописания Бабея Исаака Эммануиловича // Вопросы литературы. — 2001, № 2. — С. 204. См. также: Ковский В. Неподдельная жизнь и беллетристические подделки // Вопросы литературы. — 2002, № 3. — С.85: «Все люди, которые были дороги Бабелю, стали дороги и ей [А. Н. Пирожковой]: друг гимназической юности И. Лившиц [ошибка — Бабель и Лившиц учились в Коммерческом имени Николая I училище — А. Я.]; писатели С. Гехт и Ю. Олеша».

⁵⁵ Письмо И. Ильфа Г. Адлер. Часть письма, в том числе приведенные фразы, опубликованы: Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. — М., 1971. — С. 169. Впервые полностью опубликовано: Городецкая Н. Три письма Ильи Ильфа // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публ. / Одесский государственный литературный музей. Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 115.

⁵⁶ Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. — М., 1968. — С. 381.

⁵⁷ Паустовский К. «Поучительная история» // Литературная газета. — 15 июня 1939, № 35. — С. 4.

⁵⁸ Письмо С. Кирсанова С. Бондарину [1925]. — ОЛМ, Р-82.

⁵⁹ Паустовский К. Из воспоминаний // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973. — С. 121.

⁶⁰ Гехт С. Рассказ о поездке с Эдуардом Багрицким в Белоруссию // «Год двадцать второй», альманах 14. — М., 1938. — С. 462.

О поездке вспоминал и С. Бондарин: «Всю жизнь Багрицкий собирался на большую охоту в дикие места. <...> ему удалось побывать на серьезной охоте <...> в Белоруссии. <...> Попутно вдвоем с писателем С. Гехтом они выступили в Минске с литературным чтением в саду имени Профинтерна. В дальних поездках Багрицкому всегда был нужен спутник и собеседник». — Бондарин С. Прикосновение к человеку. — М., 1973. — С. 155.

⁶¹ Гехт С. Рассказ о поездке с Эдуардом Багрицким в Белоруссию // «Год двадцать второй», альманах 14. — М., 1938. — С. 442.

⁶² Там же. — С. 455.

⁶³ Шквал. — Одесса, 8 мая 1926, № 50 (18).

⁶⁴ Письмо С. Бондарина А. Дунаевскому от 3 марта 1928 из Москвы в Одессу. — ОЛМ, Р-898.

Публикация повести не обнаружена. В книге С. Гехта «Полет за 15 рублей» есть рассказ «Детство Танкова».

⁶⁵ Открытка А. Дунаевского С. Бондарину от 25 марта 1929 из Харькова в Москву. — Собрание С. Луцика.

⁶⁶ Письмо С. Бондарина А. Дунаевскому от 20 декабря 1928 из Москвы в Одессу. — ОЛМ, Р-879.

⁶⁷ Розенфельд М. К. Стенограмма воспоминаний о В. В. Маяковском // Маяковский в воспоминаниях современников. — М., 1963. — С. 597.

⁶⁸ Гехт С. Рассказ о поездке с Эдуардом Багрицким в Белоруссию // «Год двадцать второй», альманах 14. — М., 1938. — С. 448. Ср.: «В тот год [1929 — А. Я.] я выехал по делам службы в Уссурийский край». — Гехт С. Пароход идет в Яффу и обратно. — М., 1936. — С. 9.

⁶⁹ Письмо С. Олендера С. Бондарину из Москвы от 1 января 1930. — ОЛМ, Р-130.

⁷⁰ Гурвич Л. В комсомольском строю // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973. — С. 194.

⁷¹ Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. — М., 1971. — С. 178.

⁷² Гехт С. Семь ступеней // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. — М., 1963. — С. 108.

⁷³ Паустовский К. «Поучительная история» // Литературная газета. — 15 июня 1939, № 35. — С. 4.

⁷⁴ Гехт С. «Наперсника мы ищем...» // Наши достижения. — М., 1936, № 5. — С. 139—140.

⁷⁵ Багрицкий В. Дневники, письма, стихи. — М., 1964. — С. 30—31.

⁷⁶ Паустовский К. «Поучительная история» // Литературная газета. — 15 июня 1939, № 35. — С. 4.

⁷⁷ Стах Т. Воспоминания о И. Бабеле. — Машинопись. — ОЛМ, НВ-3531. — С. 12.

Описание обыска не вошло ни в первый, ни во второй сборники воспоминаний о Бабеле. Впервые опубликовано: Всемирные одесские новости. — 1994, № 2 (23). — С. 14. Цитируется по рукописи.

Татьяна Осиповна Стах — писательница, переводчик; жена Б. Е. Стаха-Гереминовича; см. комментарии к письму С. Гехта Г. Адлер от 12 октября 1923.

⁷⁸ См.: Поварцов С. Причина смерти — расстрел. — М., 1996.

⁷⁹ Следственное дело № 4788 // Штейнберг А. К верховьям. — М., 1997. — С. 342.

⁸⁰ В рецензии на книгу «Долги сердца» (1963), опубликованной уже после смерти автора, Ф. Левин писал: «Автор многих книг, Семен Гехт приобрел наибольшую известность в конце тридцатых годов повестью «Поучительная история», рассказывающей о безвинно оклеветанном человеке и о восстановлении справедливости. Подобного рода поучительная история произошла и с ним самим. Не по своей воле он пробыл несколько лет на севере, а потом был реабилитирован и возвратился к писательскому труду» (Левин Ф. Счастье выполненного долга // Знамя. — 1963, № 10. — С. 221).

⁸¹ Шерешевский Л. Мои литературные институты, или Пять силуэтов за колючей проволокой // Книжное обозрение. — 3 февраля 1989, № 5 (1183). — С. 8—9.

⁸² Фадеев А. А. «Семен Гехт. „Вместе”» // Собр. соч. в 5-ти томах. — Т. 5. — М., 1961. — С. 65.

⁸³ Там же. — С. 65.

⁸⁴ Письмо В. Шкловского С. Бондарину от 27 сентября 1941 [из Москвы]. ОЛМ, Р-213.

⁸⁵ Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. — М., 1971. — С. 205—206.

⁸⁶ Эренбург И. Собр. соч. в 9-ти томах. — Т. 9. — М., 1967. — С. 299.

⁸⁷ Разговор с Г. Адлер. — Москва, ноябрь 1996.

⁸⁸ Картоотека С. З. Луцка. Разговор с С. Боровым 9 октября 1978.

⁸⁹ Шерешевский Л. Мои литературные институты, или Пять силуэтов за колючей проволокой // Книжное обозрение. — 3 февраля 1989, № 5 (1183). — С. 8.

⁹⁰ С. Бондарин. Капкаринские записки (Фрагменты). 1948—1953 г. // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публ. / Одесский государственный литературный музей. Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 211.

Подробнее см.: Мисюк А. А. «Капкаринские записки» Сергея Бондарина. — Там же.

⁹¹ Беседа с Ф. Л. Раскиной. — Одесса, 18 ноября 2003.

⁹² Справка об освобождении. 21 марта 1952 г. — Сообщено А. Галушкиным (Москва), письмо от 5 января 2004.

⁹³ Шерешевский Л. Мои литературные институты, или Пять силуэтов за колючей проволокой // Книжное обозрение. — 3 февраля 1989, № 5 (1183).

⁹⁴ Письмо С. Олендера А. Борисову из Москвы в Одессу от 6 февраля 1946. — Собрание С. З. Лущика.

⁹⁵ Шерешевский Л. Мои литературные институты, или Пять силуэтов за колючей проволокой // Книжное обозрение. — 3 февраля 1989, № 5 (1183).

⁹⁶ Машинопись некролога С. Гехту. — ОЛМ, НВ-3269.

В опубликованном тексте эта фраза выпущена. Хранилась в архиве С. Бондарина; возможно, он автор текста.

⁹⁷ Справка об освобождении. 21 марта 1952 г.

⁹⁸ Гехт С. В гостях у молодежи. — М., 1960. — С. 97.

⁹⁹ Поэзия Советской Якутии. — М., 1955. — С. 128, 258, 259, 261.

Повторно поэма Кюннюка Урастырова «Северная радуга» была опубликована в журнале «Полярная звезда». — Якутск, 1956. — Кн. 2. — С. 40—50. (Перевод с якутского С. Гехта).

¹⁰⁰ Картотека С. З. Лущика. Разговор с С. Боровым 9 октября 1978.

¹⁰¹ Бондарин С. Капкаринские записки (Фрагменты). 1948—1953 г. // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публ. / Одесский государственный литературный музей. Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 215.

¹⁰² Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. — М., 1968. — С. 382.

¹⁰³ Письмо С. Гехта. Поздравление юбиляру Георгию Захарову. 15.01.58. (Письмо адресовано: «Пушкинская 13, Союз Писателей»). — ОГНБ им. М. Горького, музей книги, Ф. 78/1.

¹⁰⁴ Письмо А. М. Баршт Г. Захарову от 23 января 1961. — Там же.

¹⁰⁵ Письмо С. Гехта Г. Захарову в Одессу от 27 июля 1957. — Там же.

¹⁰⁶ Открытка С. Гехта А. Борисову от 9 февраля 1959. — Собрание С. З. Лущика.

В этой части архива А. Борисова сохранились три открытки, одно письмо и одна записка разных лет (с ноября 1959 по январь 1962) от С. Гехта и журнал «Наш современник», 1959, № 4 с публикацией С. Гехта «В Москве и в Одессе». Журнал с автографом: «Дорогой Алексей Михайлович! В конце этого альманаха вы найдете кое-что о нашем кружке и об Алексее Борисове. Дружески С. Гехт. Сентябрь 1959. Москва».

Очерк «Повидать бы, спросить...» начинается так: «Мне иногда передает приветы старейший рабочий журналист Одессы Алексей Борисов».

¹⁰⁷ Открытка С. Гехта А. Борисову. 10 ноября 1960.

¹⁰⁸ Бек А. «Доктор Пауст» // Воспоминания о Константине Паустовском. — М., 1983. — С. 49.

¹⁰⁹ Письмо С. Бондарина Т. Стах от 23 февраля 1960 [из Москвы в Киев]. — ОЛМ, НВ-1649/9.

¹¹⁰ Беседа с Ф. Л. Раскиной. — Одесса, 18 ноября 2003.

¹¹¹ Письмо С. Бондарина Т. Стах от 20 мая 1961 [из Москвы в Киев]. — ОЛМ, НВ-1649/1.

¹¹² Книга с дарственной надписью А. Н. Дерibas хранилась в семье И. В. Шерешевского. — Картотека С. З. Лущика, запись от 21 марта 1981.

Учитывая описанные в повести «Вместе» встречи одесской интеллигенции, можно предположить, что знакомство Гехта с А. Дерibas могло состояться еще до войны.

¹¹³ Открытка С. Гехта А. Борисову от 2 января 1962. — Собрание С. Лущика.

¹¹⁴ Письмо С. Олендера Г. Захарову от 6 февраля 1962. — Там же.

¹¹⁵ Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. — М., 1968. — С. 413.

¹¹⁶ Письмо С. Олендера А. Борисову из Москвы в Одессу от 6 мая 1963. — Собрание С. З. Лущика.

¹¹⁷ Машинопись некролога С. Гехту. — ОЛМ, НВ-3269.

Текст был подписан Н. Асеевым, К. Паустовским, В. Гроссманом, Р. Фраерманом, С. Бондариним, Н. Чуковским, С. Липкиным, Э. Миндлиным, Р. Мораном, Б. Слуцким, опубликован в «Литературной газете» 13 июня 1964 без упоминания фамилий, за подписью президиума правления Московской писательской организации Союза писателей РСФСР.

¹¹⁸ Паустовский К. Семен Гехт (некролог). // Литературная газета. — 13 июня 1964.

¹¹⁹ Артамонов М. Д. Введенские горы. — М., 1993. — С. 50.

¹²⁰ Паустовский К. Участникам конференции «Литературная Одесса 20-х годов» // Литературная газета. — 9 июня 1982, № 23. — С. 5.

¹²¹ Евреи в СССР в 20-е годы. — <http://school.spb.ru>.

КНИГИ СЕМЕНА ГЕХТА

С 1925 по 1983 год отдельными изданиями вышли книги С. Г. Гехта¹:

1. **Гехт С. Круговая порука (тюремная запись).** Исаковский М., Бродяга А. Стихи. — Самара, 1925. — (Общедоступн. б-чка крестьянского журнала «Сеятель правды», выпуск № 13). [14 стр.]

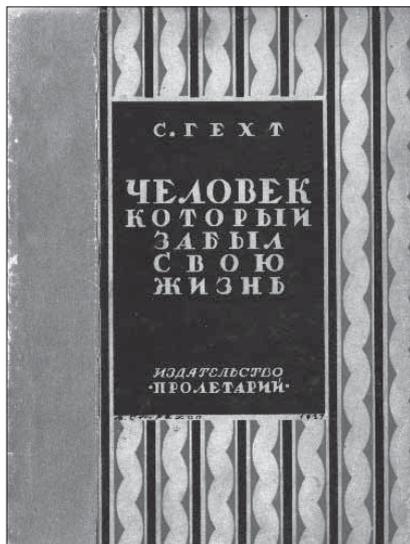
У экземпляра, хранящегося в ОГНБ им. М. Горького, утрачена обложка, тираж неизвестен.

2. **Гехт С. Рассказы.** — М.: Изд-во «Огонек», 1925. — (Б-ка «Огонек», № 36). — 48 стр. — Тираж 50000.

Включены: «Марафет», «Гай-Макан», «Простой рассказ о мертвецах», «Абрикосовый самогон». На экземпляре, хранящемся в ОГНБ им. М. Горького, дата поступления 19 июля 1925.

3. **Гехт С. Человек, который забыл свою жизнь.** — Харьков: «Пролетарий», 1927. — 112 стр. — Тираж 5000.

«Необыкновенное происшествие тогда может лечь в основу социально-бытового произведения, когда окружающий и создающий его быт — типичен. В книжке С. Гехта — утрировка, порой

невероятность, но не типичность. Поэтому рассказанное происшествие из жизни бедняка еврея Зельца, не лишнее внутренне драматизма, остается только случаем, искусственно вставленным в раму подчеркнуто суженного быта. <...> В книжке много необыкновенных ситуаций и странных совпадений. Некоторые лица и сцены искусственны и условно подставлены. Но есть отдельные места, живые и художественно правдивые (въезд петлюровцев в город, сцены перед штабом).

Автор старается оттенить отрицательные стороны отживающего старозаветного еврейского быта, его национальную ограниченность, его лживую религиозность и одновременно вскрыть социальные корни антисемитизма. Но он впадает то в рыцарство, то в примитивное популяризаторство. В то же время в книжке чувствуется взволнованность, местами — лиризм, создающий доминирующее, быть может, и не вполне осознанное автором, настроение ущемленного национализма, воскрешающего старые тенденции, окрашенные в национальные цвета отживающего идеала»².

4. **Гехт С. Шмаков и Пранайтис.** — М.: Акц. изд-во «Огонек», 1927. — (Б-ка «Огонек», № 286). — Художн. К[онстантин] Е[лисеев]. — 52 стр. — Тираж 14500.

Включены рассказы «Шмаков и Пранайтис», «Дочь бакалейщика» (впервые опубликован в журнале «Шквал», 1926, № 50 (18)), «Ягве», «Юзеф Шостака» (впервые опубликован в журнале «Шквал», 1926, № 46 (78) под названием «Джозеф Шостака» с примечанием: «Деятельности польской охранки посвящен роман С. Гехта «77». История Джозефа Шостака — глава этого романа <...>»). Роман с таким названием не найден.

5. **Гехт С. Полет за 15 рублей.** — М.: Акц. изд-во «Огонек», 1928. — (Б-ка «Огонек», № 398). — 44 стр. — Тираж 27000.

Включены рассказы «Детство Танкова», «Медвежье лукавство» (впервые опубликован в журнале «Огонек», 1927, № 46), «Полет за 15 рублей» (впервые опубликован в журнале «Тридцать дней», 1928, № 1), «Черная свадьба». В «Черной свадьбе» повторяется мотив повести «Человек, который забыл свою жизнь». На экземпляре, хранящемся в ОГНБ им. М. Горького, дата поступления 3 декабря 1928.

6. **Гехт С. Штрафная рота.** — Харьков: «Пролетарий», 1929. — 126 стр. — Тираж 5000.

«Какого-либо определенного стержня, вокруг которого развевывалось бы действие и на который бы нанизывались события, в книжке нет. Ряд явлений, иногда случайно связанных временем и лицами, такова книжка Гехта «Штрафная рота». <...> Помимо слабой композиции у Гехта бедны образы и недостаточно чист язык, сравнения рискованны, как напр.: «У него надежное бабье лицо», «он качал нескладной головой» <...> —

ничего не говорящие образы и сравнения. От прямой конструкции фраз автор иногда переходит к инверсии, что звучит совсем как неприятный диссонанс; много вводных сцен, не связанных с произведением ни тематически ни сюжетно; на помощь автор даже привлекает записки из своего дневника. Мотивы завязки и развязки и «излюбленный» тип целиком переписаны из

другой вещи автора (кстати, сочной и яркой повести) — «Человек, который позабыл свое имя» [правильно: «...забыл свою жизнь» — А. Я.]. Чего-либо нового, необычного и свежего из времени «Штурм унд дранга» «Штрафная рота» не дает; это, как говорится, «проходной спектакль» хорошего театрального коллектива, а в данном случае довольно яркого таланта автора «Человека, который забыл свое имя» и ряда интересных рассказов»³.

7. Гехт С. **История переселенцев Будлеров** [**История переселения Бутлеров**]. — М.-Л.: ГИЗ, 1930⁴.

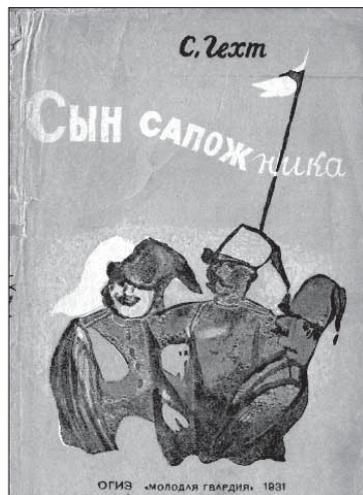
8. Гехт С. **Человек, который забыл свою жизнь**. — М.: Федерация, 1930. — 2-е изд. — Обл. художн. В. А. Гольдмана. — 112 стр. — Тираж 5000.

На экземпляре, хранящемся в ОГНБ им. М. Горького, дата поступления 20 мая 1930.

9. Гехт С. **Ефим Калужный из Смидовичей**. // Роман-газета. — 1931, № 12.

10. Гехт С. **Сын сапожника**. — М.: ОГИЗ «Молодая гвардия», 1931. — Рис. художн. М. Горшмана. — 64 стр. — Тираж 25000.

Вариант повести «Человек, который забыл свою жизнь», более жизнерадостный, с описанием жизни еврейского колхоза.

Илл. М. Горшмана
к книге «Сын сапожника»

Сын художника М. Горшмана писал об отце: «<...> с Багрицким и Ильфом был знаком довольно близко и иллюстрировал сборник стихов первого и фельетоны второго. <...> Иллюстрации к Багрицкому, Ильфу и Петрову да еще к Гехту и катаевскому «Белет парус одинокий» были разобраны музеями еще до войны»⁵.

11. **Гехт С. Арина Гулькевич.** — М.: Журн.-газ. объедин. «Огонек», 1932. — (Б-ка «Огонек», № 62 (715)). — 36, [4] стр. — Тираж 20000.

Впервые опубликован в журнале «Красная новь», 1932, кн. 12. На экземпляре ОГНБ им. М. Горького дата поступления 23 ноября 1932. Сохранилась карандашная надпись: «Умно и тонко сделанный рассказ. Несколько отдает усталостью, нет полнокровия».

12. **Гехт С. Веселое отрочество (Ефим Калужный из Смидовичей).** — М.: ОГИЗ «Молодая гвардия», 1932. — Рисунки и обложка худож. М. Аксельрода. — 96 стр. — Тираж 10300.

На экземпляре ОГНБ им. М. Горького дата поступления 29 апреля 1932.

13. **Гехт С. Мои последние встречи.** — М.: «Советская литература», 1933. — 156 стр. — Тираж 5200.

Включены рассказы «Детство Ефима Калужного», «Инструктор по барашкам», «Соня Тулупник», «Эва Уиткинс» (впервые опубликован в журнале «Красная новь», 1932, кн. 12), «Арина Гулькевич».

14. **Гехт С. Пароход идет в Яффу и обратно.** — М.: ГИХЛ, 1936. — Переплет худож. Н. Цейтлина. — 240 стр. — Тираж 10000.

В записных книжках И. Ильфа достаточно резкий отзыв: «Об этом уже надо писать статью под названием «Нет, Жан, это не недоразумение». Пароход «Экстенция» в двадцать девятом году совершает переход из Нью-Йорка в Шербург за четверо суток. Это рекорд, который не перекрыла даже «Квин Мери» в тридцать шестом году. Что до «Нормандии», то ей такая скорость может только сниться. Некто Меерзон раскачивает шезлонг, в котором сидит его любовница. Занятие совершенно бессмысленное — это не гамак и не качалка. Палестинские пальмы имеют мохнатые ветви. Я таких не видел ни в Батуме, ни в Калифорнии. «Обильные косы». «Маджестик», новый француз-

ский пароход, пришел в Яффу. А он английский, не новый, и в Яффу не ходит. Нет, нет, Жан, это не недоразумение»⁶.

15. **Гехт С. Поучительная история.** — М. — Л.: «Детская литература», 1939. — Рисунки художн. Л. Голованова. — 304 стр. — Тираж 15000.

Рец.: Паустовский К. «Поучительная история» // Литературная газета. — 15 июня 1939, № 35.

16. **Гехт С. У шлагбаума.** — М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1939. — (Б-ка «Огонек», № 22). — 48 стр. — Тираж 50000.

Включены рассказы «Заворг и его невеста», «Случай на консервной фабрике», «Письмо», «У шлагбаума», «Родные места». На экземпляре ОГНБ им. М. Горького дата поступления 16 июня 1939.

17. **Гехт С. Будка Соловья.** — М.: «Советский писатель», 1957. — Художн. Д. Б. Даран. — 240 с. — Тираж 30000.

18. **Гехт С. Три плова.** — М.: Государственное издательство детской литературы, 1959. — Рис. художн. Ю. Авдеева. — 96 стр. — Тираж 75000.

19. **Гехт С. В гостях у молодежи.** — М.: «Советский писатель», 1960. — Художн. Д. Б. Даран. — 176 стр. — Тираж 30000.

20. **Гехт С. Долги сердца.** — М.: «Советский писатель», 1963. — 176 стр. — Тираж 30000.

Рец.: Левин Ф. Счастье выполненного долга // Знамя. — 1963, № 10. — С. 221.

21. **Гехт С. Простой рассказ о мертвецах и другие рассказы.** — Израиль, 1983.

Включены рассказы «Марафет», «Гай-Макан», «Простой рассказ о мертвецах», повесть «Человек, который забыл свою жизнь», главы из романа «Пароход идет в Яффу и обратно», статья о Шолом-Алейхеме и отрывок из воспоминаний о Бабеле «У стены Страстного монастыря...»

Примечания

¹ Составлен по материалам фондов ОЛМ (архивы С. Бондарина, А. Борисова, С. Олендера, Ф. Гоппа, Ф. Раскиной), фондов ОГНБ им. М. Горького.

² Шафир Анна. С. Гехт. «Человек, который забыл свою жизнь» // Печать и революция. — М., 1927. — Кн. 6. — С. 225—226.

³ Цукер Б. С. Гехт. «Штрафная рота» // Красное слово. — Харьков, 1929. — Кн. 7. — С. 126—127.

⁴ Книга в одесских библиотеках отсутствует. В «Лексиконе русской литературы XX века» Вольфганга Казака (М., 1996) значитса как «История переселенцев Будлеров»; в Краткой еврейской энциклопедии, т. 2 (Иерусалим, 1982) и Российской советской еврейской энциклопедии, т. 1 (М., 1994) — как «История переселения Будлеров»; в статье М. Вайнштейна «В ожидании Мессии» (Гехт С. Простой рассказ о мертвецах и другие произведения. Иерусалим, 1983) — как «История переселения Бутлеров».

⁵ Письмо А. М. Горшмана Л. Я. Нейману из Москвы от 28 мая 1987. — Собрание С. З. Лущика.

Горшман М. Х. (1902—1972) — художник, книжный иллюстратор.

⁶ Ильф И. Записные книжки: Первое полное издание. / Сост. и коммент. А. Ильф. — М., 2000. — С. 572.

Приложение 2

КНИГИ С АВТОГРАФАМИ С. ГЕХТА В ФОНДАХ ОЛМ

Шмаков и Пранайтис

«С. Олендеру дружески. С. Гехт. 22/XII.27»

КН-1780, КП-7791

Человек, который забыл свою жизнь

«Драгоценному Сергею Бондарину с любовью. С. Гехт июль 1927 г. Одесса»

КН-3358, КП-12445

С. Олендеру: *«Сема! Берите эту старую книгу! Не взыщите! Ваш С. Гехт. IV.1930»*

КН-166, КП-3352/8

Штрафная рота

С. Бондарину — *«Дорогому Сергею Александровичу от преданного ему С. Гехта. I.VIII.29»*

КН-3382, КП-12443

Пароход идет в Яффу и обратно

«Дорогому другу С. Бондарину от преданного ему С. Гехта. 3/X/1936»

КН-162, КП-3552/4

Поучительная история

«Старому другу Сергею Бондарину с любовью и дружбой. С. Гехт. 30/V-1939 г.»

КН-170, КП-3552/12

У шлагбаума

«Сергею Бондарину для коллекции. С. Гехт. 15/V/1939»

КН-3379, КП-12440

Будка Соловья

«Старинному приятелю, дорогому, уважаемому А. Борисову с лучшими чувствами. С. Гехт. март 1959»

КН-5226, КП-16103

«Дорогой племяннице Ф. Раскиной – с пожеланиями всяческого добра. С. Гехт. Апрель 1959 г. Москва»

КН-10704, КП-27218

Три плова

«Дорогой племяннице Ф. Раскиной от ее дяди. С. Гехт. Москва, июнь 1959 г.»

КН-10703, КП-27217

Журнал «Наш современник», 1958, № 4

«Дорогой племяннице Ф. Раскиной преподносит этот альманах с главами из нового труда ее старый дядя С. Гехт. (стр. 253–282)

К сожалению, нет при себе отдельных моих изданий, т. е. книг. Надеюсь прислать тебе в ближайшем будущем. С. Г. Одесса. Апрель 1959 г.»

КН-10705, КП-27216

В гостях у молодежи

«Старому Сергею Бондарину от старого С. Гехта. II – рассказы о советской старине. Декабрь 1960».

ВКН-186, НВ-5098

«Дорогой Филипп Готт! Это и есть рассказы о советской старине. К сожалению, книга в данном виде не полна. Но отвечаю, конечно, и за неполное издание. С любовью. С. Гехт февраль 1961»

КН-3, КП-2758

ПИСЬМА СЕМЕНА ГЕХТА В ФОНДАХ ОЛМ

В фонде рукописей ОЛМ хранится одиннадцать писем и три телеграммы С. Гехта к Г. Адлер (1923–1924), семь писем и записка к С. Бондарину (1923–1930), письмо С. Бондарина, С. Гехта и Г. Адлер к супругам Григорьевым (1958), поздравительная открытка А. Борисову (1960).

Письма С. Гехта и два письма И. Ильфа к Г. Адлер, как и записки И. Бабеля к В. Нарбуту и М. Кольцову, хранились в домашнем архиве С. Бондарина. В 1979 году, после его смерти, были переданы Г. Адлер, среди других материалов архива С. Бондарина, в Одесский государственный литературный музей.

Письмо к М. Тарасенко хранится в семейном архиве А. И. Ильфа и публикуется с ее разрешения. Ранее не публиковалось.

Отрывки из писем С. Бондарину от 26 мая 1923-го, 5 января 1928-го, Э. Багрицкому от 26 мая 1923-го, Г. Адлер от 15 сентября, 20 и 22 ноября 1923-го и письмо от 9 сентября 1923 года были опубликованы в журнале «Мигдаль», 2003, № 11–12. Остальные письма публикуются впервые.

Адресаты писем:

Генриетта Савельевна Адлер (23 июня 1903, Харьков – 20 января 1997, Москва)

Сергей Александрович Бондарин (14 (27) января 1903, Одесса – 28 сентября 1978, Москва)

Мария Николаевна Тарасенко (8 октября 1904, Одесса – 11 октября 1981, Москва)

Евгения Николаевна и Афанасий Ивановичи Григорьевы (18??, Одесса? – после 1958, Харьков)

Алексей Михайлович Борисов (1887, Одесса – ноябрь 1973, Одесса)

Генриетта Савельевна Адлер была одной из участниц «Коллектива художниц», организованного в 1920 году в Одессе художником Наумом Соколиком¹. Членами его были также Мария Тарасенко, Тоня Трепке и Раиса Менделевич. По воспоминаниям Г. Адлер, часто к художницам приходили в гости молодые литераторы, был среди них и Гехт². О том же писал в воспоминаниях и С. Бондарин: «В Одессе на Преображенской улице нахо-

дился так называемый «коллектив художников» — самодеятельная студия молодых энтузиастов. Г. Адлер и М. Тарасенко были участниками этого коллектива, где часто стали бывать Ильф, Славин, Багрицкий, Гехт и другие молодые поэты и писатели»³.

«Коллектив художниц». Справа — Г. Адлер, в центре — М. Тарасенко. Одесса, начало 1920-х

Знакомство, несомненно, состоялось позже, не ранее осени 1922 года. Сам Гехт, как было сказано выше, писал о встрече с Э. Багрицким и другими одесскими литераторами осенью 1922-го. В любом случае, к моменту отъезда в Москву в апреле 1923-го он был хорошо знаком и дружен с Генриеттой Адлер и Марией Тарасенко.

Возможно, диалог в повести Гехта «Вместе», написанной спустя почти двадцать лет, вызван именно воспоминаниями о юношеской любви к Генриетте:

«— Когда мужчина первый раз влюбляется, то знайте наперед — его ждет неудача.

— Золотые слова, — сказал Вавля, — но отчего такое происходит?

— Очень просто, — ответил Фишгут, — он не способен понять, что именно есть женский ум. А другой понимает <...> тот самый, который уж один раз влюблялся»⁴.

В 1931 году Генриетта Адлер стала женой Сергея Бондарина. Из его письма к близкому другу Алексею Дунаевскому: «Я задерживался с обещанным письмом потому, что оно должно было б объяснить историю внезапного сближения с Женей Адлер — Генриеттой, той самой Генриеттой... Ты конечно правильно представляешь себе смысл заключительного события: со мной произошло то, что называют: женился. Друг мой милый! я могу сожалеть только о том, что во мне не хватает уже молодости и восхищения, чтоб вознаградить милую и добрую и нежную женщину за ее любовь и доверие. <...> И я и Женька не оставляем, однако, надежды в сентябре быть в Одессе. Жду, родной, твоего слова. Ты ведь, надеюсь, с радостью возобновишь знакомство с Генриетткой — девочкой из коллектива. Сейчас она — взрослая женщина с ироническим настроением ума, верным вкусом и юношеской прелестью линий. Волна волос, спадающая на лицо, оставляет для мира только один большой пристальный и спокойный глаз»⁵.

С. Бондарин и Г. Адлер. 1931

Дружба Гехта и Бондарина, возникшая еще в начале двадцатых в Одессе, продолжалась всю жизнь. Мария Николаевна Тарасенко впоследствии стала женой Ильи Ильфа⁶.

Евгения Николаевна и Афанасий Ивановичи Григорьевы — в 1910-е годы жили в Одессе, позднее (в середине 20-х) переехали в Харьков. В их семье после ухода отца на фронт несколько лет жил С. Бондарин. Сохранилась доверенность, датированная 18 января 1917 года: «Сыну моему <...> Сергею Бондарину <...> причитаются квартирные деньги и на наем прислуги <...> Упол-

номачиваю вас означенные деньги получать ежемесячно. Доверенность эта принадлежит Афанасию Ивановичу Григорьеву»⁷.

В письме Л. Недоли-Гончаренко С. Бондарину: «Завтра устраиваем у Григорьевых торжественные блины с выпивкой. Будем вспоминать все»⁸

Алексей Михайлович Борисов — одесский журналист, писатель. Начал литературную деятельность в 1910-е годы, регулярно печатал стихи и рассказы в одесских журналах. Участник литературной организации «Потоки Октября», остался в Одессе. Поддерживал отношения со всеми «потоковцами», в его архиве сохранились письма разных лет от С. Олендера, О. Кольчева и др.

Письма Гехта 1923—1930 годов, адресованные его близкому другу С. Бондарину, содержат описание московского быта и литературной жизни. Письма к Г. Адлер (сентябрь — декабрь 1923) носят более личный характер.

Публикуются с сохранением орфографии и пунктуации.

Примечания

¹ Подробнее о «Коллективе художниц» см.: Ильф А. И. Илья Ильф в Одессе. 1897—1922. // Путешествие в Одессу. — Одесса, 2004. — С. 94—100.

² «<...> зимой двадцатого года было проведено много интересных вечеров у раскаленной печурки, которая нещадно дымила, за стаканом глинтвейна, сваренного Ильфом <...>. Вино одновременно служило и пищей. Очень редко удавалось найти кукурузу, которую жарили тут же, в казанке. В беседах, шутках, импровизациях в подражание нравам Монмартра проходили вечера, наполненные поэзией. Частыми гостями здесь были Э. Багрицкий, Л. Славин, С. Гехт, М. Тарловский». — Городецкая Н. А. Три письма Ильи Ильфа // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публ. / Одесский государственный литературный музей. Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 117.

³ Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. — М., 1971. — С. 168. (У Бондарина искажено название; правильно — «Коллектив художниц»).

⁴ Гехт С. Вместе. // Литературный современник. — 1941, № 1. — С. 93.

⁵ Письмо С. Бондарина А. Дунаевскому из Москвы в Одессу от 28 августа 1931.

⁶ Подробнее о ней см.: Ильф А. И. Илья Ильф в Одессе. 1897—1922 (глава «Иное стояло за дверью») // Путешествие в Одессу. — Одесса, 2004.

⁷ Собрание С. З. Луцка.

⁸ Письмо Л. Недоли-Гончаренко С. Бондарину из Харькова, 1926. — ОЛМ, Р-1968.

1. Марии Тарасенко

30 апреля 1923

Дорогой друг, Маруся! (Ильф вам пишет в телеграмме «девочка»).

Странное чувство руководит мной, когда я пишу к вам эти строки. Для меня, материалиста (по установленной квалификации) все, казалось бы, должно быть ясно. Но что же поделаешь? Должен ли я писать, имею ли я право перед самим собой. Глупо ли это и пр.? — Не знаю.

О чем я говорю, вы догадаетесь (отчасти) по заключительным строкам этого письма.

Итак — живу на Тверской и в Замоскворечье (как приходится), обедаю с Сережей на Воздвиженке или на Никитской (как приходится), посещаю кое-какие редакции. Познакомился с Асеевым и Маяковским.

Последний отзывался о нас хорошо, хотя я по направлению не подхожу. Он взял у Сережи одну вещьцу для Лефа (ежемесячник). Я сдал для журнала (ежемесячник) Ингулову одну вещь небольшую. Это и очерки в «Огоньке» дают мне возможность держаться здесь. У Сережи дела обстоят хуже. Одними стихами здесь даже Асеев и Пастернак не живут. Нужно быть газетчиком и журналистом. Сереже это не удастся. Мне удастся (не сомневаюсь) напечатать в дальнейшем же будущем рассказ (новый) в «Накануне» или в «Красной Ниве» и стихи

М. Тарасенко. 1923

в еженедельниках. Но особенно рассчитывать на это не приходится. Необходима полухроникерская, полужурналистская работа. Хорошее впечатление произвел на меня Асеев (прекрасный человек). Маяковский менее (фанфарон), хотя разговор у меня был с ним солидный и положительный. Весна здесь чудовищная. Снег и грязь. Солнца почти не видать. Была у меня на днях встреча, от которой у меня волосы встали дыбом (буквально). Вспомнил старое и убоялся до смерти его возобновления (см. на обороте).

Удалось кое-что купить здесь. (Белье, брюки, рубашки, носки.) Был в театре Мейерхольда (Великодушный рогоносец). Был с Сережей в Румянцевском музее. Бегаю целые дни, как затравленный. Расстояния приходится делать колоссальные. От меня до Мыльниковых свыше часа ходьбы. Бываю у них редко. Сейчас сижу у них. Илья только что получил от вас письмо (высланное 25-го). Он написал плотный ответ (двойная оплата) и идет сейчас отправлять вам телеграмму. В телеграмме четыре слова «Девочка я вам верю».

Да, Маруся, странно и непонятно. Илья очень славный человек, и я тоже **очень** славный человек. Оба мы ютимся (в конце концов) на чужбине (это так и есть), и чувства у нас настоящие. Правды заслуживает каждый из нас. Что еще, дорогой друг? (Илья пишет «Девочка»). О семнадцати башнях писать не буду, о Кремлях и Китай-городах писать не буду, о Мак-Кее писать не буду и о сутолоке столичной — также. Суэта! Илья ушел, оставив меня с большим Олешей, Катаев где-то с Мусей в гостях. Окончу эти строки и пойду повидаться с Медведевым, который видел Сережу и, узнав о моем пребывании в Москве, просил меня весьма зайти к нему. Это письмо Вы получите вместе с письмом Или. Его гораздо увесистей. Взвесьте (буквально и в переносном смысле), как говорил мой учитель, Аркадий Александрович, умерший от чахотки и никогда не любивший женщины. До свидания. Жду ответа. Гехт.

Мой адрес: г. Москва. Тверская 5, кв. 39 (б. Лоскутная гостиница). Магид — для Гехта.

Познакомился с... Маяковским... Он взял у Сережи одну вещичку для Лефа... — «Редакция ЛЕФа помещалась в одной из комнат Дома печати. Я предложил редакции свое стихотворение, пришел за отве-

том. Мне сказали, что стихи у главного редактора Маяковского, что он должен быть с минуты на минуту, <...> я узнал, что стихи Маяковскому понравились». — Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. — М., 1971. — С. 140.

Сереза — Сергей Бондарин.

Асеев — Николай Николаевич Асеев (1889—1963), поэт.

Пастернак — Борис Леонидович Пастернак (1890—1960), поэт.

...сдал для журнала (ежемесячник). — Вероятно, имеется в виду журнал «Красная новь».

Ингулов — Сергей Борисович Ингулов (Райзер) (1893—1939), партийный работник, журналист. В 1920 году был секретарем Одесского губкома КП(б)У. В 1923-м — ответственный секретарь ЦБ секции работников печати. В. Катаев вспоминал, как они с М. Булгаковым придумали новый журнал. «Мы <...> отправились в Главполитпросвет, где работал хорошо известный мне еще по революционным дням в Одессе товарищ Сергей Ингулов, наш общий друг и доброжелатель, <...> сам в прошлом недурной провинциальный фельетонист». — Катаев В. Алмазный мой венец. — М., 1994. — С. 222—223.

...рассказ (новый) в «Накануне»... — Рассказ Гехта «Пятница» был опубликован в газете «Накануне».

«В Москве находилась контора «Накануне», куда мы и сдавали свои материалы, улетавшие в Берлин на дюралевом «юнкерсе» <...>, а потом тем же путем возвращавшиеся в Москву уже напечатанными в этой сменовеховской газете. Мы все подрабатывали в «Накануне». — Там же, с. 224—225.

«Как-то пришел в редакцию робкий молодой человек с запиской от Валентина Катаева. Он сутулился от застенчивости и торопился объяснить свое появление, протягивая катаевскую записку. Много лет спустя Семен Григорьевич Гехт напомнил мне, что Катаев в своей записке рекомендовал его рассказ. Рассказ этот был прочитан землякам Гехта — Катаеву и Илье Ильфу — и очень понравился. Рассказ назывался «Пятница» и вскоре был напечатан в приложении к „Накануне“». — Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. — М., 1968. — С. 131.

В 1996 году рассказ был повторно опубликован в Одессе Г. Л. Малиновой («Вестник региона», 24 февраля).

Мыльников переулоч — адрес В. Катаева.

...с письмом Или. — Иля — Илья Ильф. В семейном архиве сохранилось около семидесяти писем И. Ильфа к М. Тарасенко 20-х годов. Книга готовится к изданию в Москве А. И. Ильф.

Мак-Кей — лицо неустановленное.

Катаев где-то с Мусей в гостях. — Очевидно, имеется в виду жена В. Катаева.

12 мая 1921 года в городском ЗАГСе сделана запись о женитьбе Валентина Катаева, 1897 г. р. на Людмиле Гершуни (ГАОО, Р-8085, оп. 1,

д. 88, л. 27). Ее имя в дальнейшей биографии писателя не встречается. «Рассказывают, что первой женой Валентина Петровича была одесситка с Нежинской — художница Анна Сергеевна Коваленко. Вместе они жили и в Москве в знаменитом Мыльниковом переулке; их квартира состояла из двух комнат в разных сторонах коридора». — Гридин В. Курьезы Катаева (различные случаи из его жизни) // Венюк Валентину Катаеву. К 100-летию со дня рождения. — Одесса, 1998. — С. 163. На третьей странице книги В. Катаева «Бездельник Эдуард: Рассказы» (Л.: ГИЗ, 1925): «Посвящается Анне Сергеевне Катаевой». О ком именно идет речь в письме — непонятно.

Медведев — Михаил Александрович Медведев, художник, бывал в «Коллективе художниц» в 1921 году. «Душою общества был ласковый и остроумный Михаил Александрович Медведев, седовласый художник, знавший Париж, Мюнхен, Вену». — Бондарин С. Прикосновение к человеку. — М., 1973. — С. 196. Позднее Медведев перебрался в Москву. Сохранилось его фото, сделанное И. Ильфом (Илья Ильф — фотограф. 1930-е годы. — М., 2002. — С. 159).

Магид (Магит) — лицо неустановленное. В заметке «Среди молодежи работников искусств» в газете «Известия» № 915 от 22 декабря: «<...> с докладом о рабочей печати молодежи, культ-просвет. работе и ликвидации неграмотности выступил т. Магит. Приказано ликвидировать неграмотность к 1 марта и тесно связаться с „Молодой гвардией“». Других данных нет.

2. Сергею Бондарину

26 мая 23 г.

Итак — дорогой Сережа — дела мои идут по-прежнему. С Казиным отношения наладились, но с деньгами туговато. Получил я у них всего — 250 р. Но есть надежда на выкачивание оттуда некоторых сумм. О твоих стихах он мне скажет лишь через 4 дня.

Сообщи немедленно. Меры (к получению денег для тебя) буду принимать все. Твой очерк передам сейчас Зозуле. Навряд ли он пойдет. Ты успел уже забыть (удивляюсь тебе) — об 1) актуальности и 2) о снимках. На тех бульварах, по которым мы шатались вдвоем, и где я теперь шатаюсь, большей частью один, зелени теперь — завались. Не узнаешь.

Не пиши мне о море и липовой тишине — спрячь это. Сообщи подробно о твоих делах литературных — вообще и любовных, в частности или — наоборот.

Продолжаю в «Огоньке». Написал два рассказа 1) Трамвай и 2) Превращение.

Второй — большой, запутанный и удачный рассказ, — по всеобщему признанию.

Если написал что-либо, — пришли. Сообщи планы.

В ближайшем письме помни об актуальности и пиши о существенном.

На учет еще не взялся. Много работал — очень. Теперь отдохну. Вижу Резникова. Он, кажется, устраивается в Гудке. Хотя говорит об отъезде в Фастов. Слушал Ал. Толстого (повесть). Купаюсь — бреюсь. На Цветной не хожу.

Твой Гехт.

Р. S. Передай Эдуарду письмецо.

Письмо написано карандашом на листке бумаги в линейку с двух сторон.

Р-102, КП-1379

С Казиным отношения наладились... — Казин Василий Васильевич (1898—1981) — поэт. «Я помню редакцию «Красной нови» <...>. Из угла в угол ходит по комнате <...> низкорослый молодой человек. Это Василий Казин, заведовавший в редакции отделом поэзии». — Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. — М., 1971. — С. 129.

Твой очерк передам сейчас Зозуле. — Зозуля Ефим Давыдович (1891—1941) — прозаик. Сотрудник одесских журналов в 1910-е гг. В Москве был членом редколлегии журнала «Огонек», работал в издательстве «Огонек» и редакции журнала «Прожектор».

Продолжаю в «Огоньке». — Первая публикация С. Гехта в журнале появилась 6 мая.

Вижу Резникова. — Резников Анатолий — поэт, один из организаторов литературного кружка «Потоки Октября», «молодой рабочий воспхозупра».

«<...> 50-й вечер чтения <...> остановился на творчестве членов кружка, среди которых есть, несомненно, с большим талантом, это <...> Анатолий Резников, поэт и прозаик». — Михайлов Б. Литературный кружок «Потоки» // Зритель. — Одесса, 1922, № 10. — С. 10.

«Из числа беллетристов выступили Анатолий Резников с отрывками из недавно написанной им повести «Цветаев». Автор принадлежит к школе А. Белого, ставящей себе целью ритмической прозой передавать, сливая воедино, переживания, идущие вглубь, и действия извне». — Известия. — 16 декабря 1922, № 910. — С. 3.

«В Одессе существуют кружки: 1) «Потоки». Это пролет[арские] поэты и писатели — порядочная пакость, но есть один талантл[ивый] парень, — Резников». — Письмо Кирсанова Григорию Давидовичу. [1922—1923]. — ОЛМ, Р-974.

«Чье сердце не пылать готово
При виде Толи Резникова»

Тарасенко М. «Потоки» (дружеские укоры). — Силуэты. — 1923, № 6—7. — С. 18.

«Проехал мимо дома номер три на улице Дальницкой, где жил одно время в семье влюбленного в дочь железнодорожника Толи Резникова еще не признанный в столице Багрицкий». — Гехт С. В гостях у молодежи. — М., 1960. — С. 163.

Слушал Ал. Толстого (повесть). — Толстой Алексей Николаевич (1883—1945), прозаик, драматург. Эмигрировал в 1919 году, вернулся в Советский Союз в 1923-м. «<...> распространился слух, что тогда-то и там-то он прочтет свою новую повесть «Рукопись, найденная в мусоре под кроватью» <...> Должно отметить большой успех Толстого, выступившего с докладом и повестью в политехническом музее». — Оливер Твист (В. Катаев). Алексей Толстой в Москве. // Накануне. — 1932. Цит по: Малинова Г. «Накануне»... закрытия. // Вестник региона. — Одесса, 11 ноября 1995.

Передай Эдуарду... — Багрицкий Эдуард Георгиевич (1895—1934), поэт, родился в Одессе.

3. Эдуарду Багрицкому

26 мая – 23 г.

Не приходится, дорогой Эдуард, удивляться тому, что не пишете. Зная вашу чудовищную лень, которая — будет день — съест вас живьем (с салом и с калом), оставив только каблуки от сапог и след от бекеши.

Не пишу на ваш адрес — потому что не уверен, что вы уже опять где-либо на Черноморской.

Сообщите о ваших делах.

Как заработки? внешняя литературная жизнь? замкнутая работа? и пр. Мне здесь неплохо. Написал 2 новых рассказа 1) Трамвай и 2) Превращение. Общество хвалит и пр. Кое-что буду печатать. Получил в ежемесячнике некоторый аванс. С Шенгели = 0. Ерунда, конечно.

Думаю ли вернуться? Нескоро — пожалуй. Да и то не надолго. Основаться думаю здесь — возможности есть. Как с вашим переездом? Что Рубинштейн?

Мне Зозуля показывал письмо Бабеля — упорно не хочет печататься в Москве. Кстати, в сегодняшнем Огоньке (№ 9) есть его — «Смерть Долгушева». Надеюсь, вы не забыли моего адреса.

Все-таки — Тверская 5
кв. 39 Магит для Гехта.

Приветствуйте.

Целую Лиду и Севу.
ваш Гехт.

Письмо написано карандашом на листке бумаги в линейку с двух сторон. P-386, КП-1375

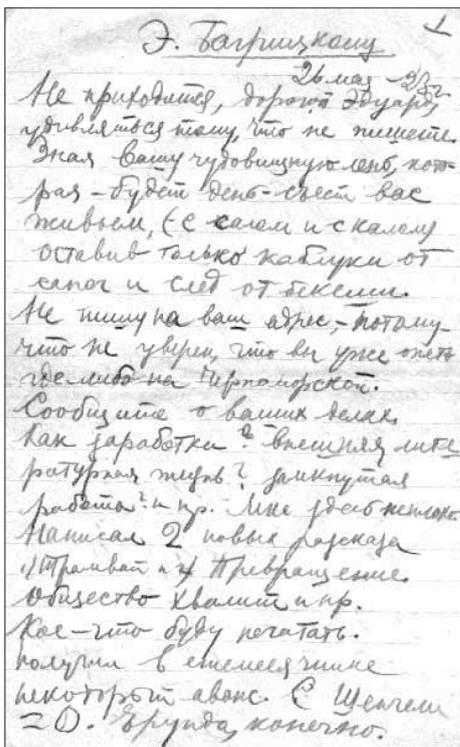
Шенгели — Шенгели Георгий Аркадьевич (1894—1956), поэт.

Что Рубинштейн? — Александр Львович Рубинштейн, одесский поэт, автор книг «Майя» (Од., 1919), «Ветер с юга» (Од., 1922).

«Состоявшийся 11 декабря литературно-художественный вечер, устроенный поэтом Рубинштейном, свидетельствует о настоящем оживлении художественной литературной жизни Одессы. Присутствовали «потоковцы», члены литкружка ИНО, представители академии художеств и актеры массодрама. Наибольшее впечатление на слушателей произвела поэма А. Рубинштейна «1918-й год», написанная образным и сильным языком, но страдающая длиннотами. <...>. Вечер нужно, несомненно, признать заслуживающим внимания». — Е. М. Литературный вечер // Известия. — 16 декабря 1922, № 910.

«Я познакомился с Эдуардом осенью 1922 года. <...> Он жил тогда в Лермонтовском переулке, в подвале, носил старенький, но эффектный кожанок, галифе, перешитые из юбки, и альпинистские сапоги. <...> Когда старенькая одежда его истрепалась, он долгое время не мог выйти из дому, у него не было штанов. Был устроен литературный вечер с тем, чтобы доход пошел на обмундирование Багрицкого». — Гехт С. Рассказ о поездке с Эдуардом Багрицким в Белоруссию // «Год двадцать второй», альманах 14. — М., 1938. — С. 461.

«Преподаватель совпартшколы и поэт А. Л. Рубинштейн решил устроить большой литературный вечер в клубе милиции с тем, чтобы

Письмо С. Гехта Э. Багрицкому от 26 мая 1923

весь сбор поступил на обмундирование Багрицкого. Все взялись за это дело, вечер состоялся, успех был полный, а над кассой — аншлаг. Женская комиссия — жена Эдуарда и жена Рубинштейна — пошли с выручкой на базар и купили там ему много вещей». — Гехт С. Вечера в железнодорожном клубе // Э. Багрицкий: Альманах под редакцией Влад. Нарбута. — М., 1936. — С. 241.

...*письмо Бабеля*... — Бабель Исаак Эммануилович (1894—1940) — писатель, родился в Одессе.

...*в сегодняшнем Огоньке (№ 9) есть его — «Смерть Долгушева»*. — Рассказ И. Бабеля был опубликован в журнале «Огонек» № 9, 27 мая 1923.

П. Незнамов вспоминал: «Первый свой рассказ в Москве Бабель напечатал в «Огоньке». Его воспроизвели там в нелепом оформлении, на правах почти что «смеси», притом с мешанскими виньетками. Бабель пришел на квартиру в Водопьяный и вместе с Маяковским посмеялся над тем, какую ему «свиньютку» подложил «Огонек». — Незнамов П. В. Маяковский в двадцатых годах // Маяковский в воспоминаниях современников. — М., 1963. — С. 370. В примечаниях сказано, что автор ошибся, и история с виньеткой относится к публикации в журнале «Прожектор» № 23, 16 декабря 1923.

Магит — см. комментарий к письму 1.

Целую Лиду и Севу... — Жена и сын Э. Багрицкого — Лидия Густавовна Суок и Всеволод Багрицкий (1922—1942). «Жена Багрицкого, Лидия Густавовна, худенькая молодая женщина в учительских, очень серьезных очках <...>. Вслед за матерью в комнату ворвался смуглый, весь исцарапанный <...> чертенок, очень похожий на отца и очень повзрослому разговаривающий». — Мунблит Г. Давние времена. // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973. — С. 142.

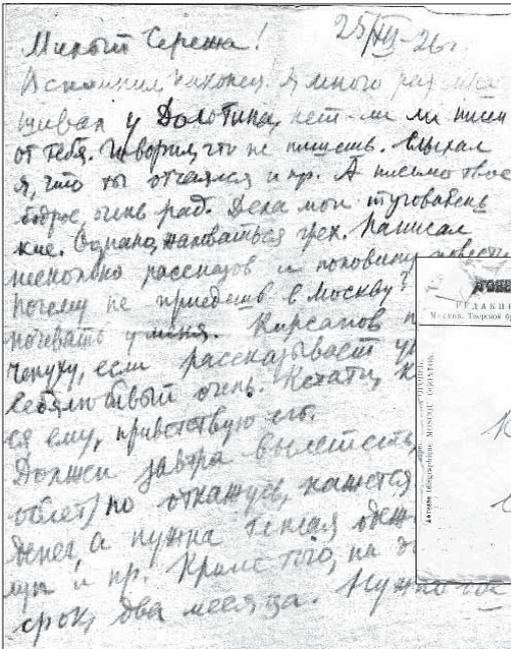
4. Сергею Бондарину

25/XII-26 г.

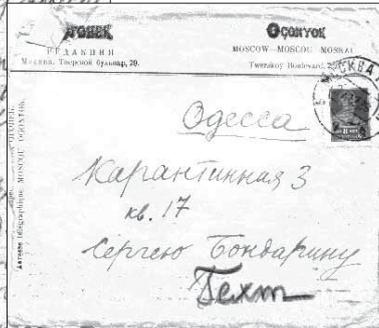
Милый Сережа!

Вспомнил, наконец. Я много раз спрашивал у Долодина, нет ли писем от тебя. Говорил, что не пишешь. Слышал я, что ты отчаялся и пр. А письмо твое бодрое, очень рад. Дела мои туговатенькие. Однако, жаловаться грех. Написал несколько рассказов и половину повести. Почему не приедешь в Москву? — можешь ночевать у меня. Кирсанов порет чепуху, если рассказывает ужасы. Себялюбивый очень. Кстати, кланяйся ему, приветствую его.

Должен завтра вылететь, (агитоблет) но откажусь, кажется. Нет денег, а нужна теплая одежда, тулуп и пр. Кроме того, на долгий срок, два месяца. Нужно обещать, что не сбежишь.

Письмо С. Гехта
С. Бондарину
от 25 декабря 1926

Напиши яснее о Владивостоке. Служба? любовь? или другое что.

С кем встречаешься в Одессе? Здесь зима мягкая, мне не холодно в моем летнем пальто. Перевожу сейчас для Бабеля 2-ой том Шолом-Алейхема. Если получу скоро деньги, то поеду в Одессу. Хочется пошляться. Пьешь ли ты и часто и что и много ли?

Олендер бедствует, он стал похож на Колычева. Кстати, ты не видел его, что он? Напиши.

Эдуард тоже собирается в Одессу. Если мы застанем тебя там, можно устроить вечер с лекцией, чтением и демонстрацией туманных картин.

Я по тебе стосковался, хочется повидаться, потолковать. Если хочешь, приезжай.

Очень интересует меня твоя повесть. Не можешь ли ты ее выслать? Через два дня отошлю назад. И стихи пришли, если хочешь.

Отвечай немедленно.

твой Гехт

Текст письма написан простым карандашом на сложенном вдвое листе. Конверт — фирменный журнала «Огонек». Адрес — «Одесса, Карантинная 3, кв. 17, Сергею Бондарину». Текст написан коричневыми чернилами, фамилия Гехт наведена поперх синим карандашом.

Р-71, КП-1378

Долотин — литератор, одессит. «Последние дни <...> провожу за городом — в Кунцево. <...> Здесь много знакомого народу: Багрицкий, Олендер, Грибоносков, Казачинский, Долотин и т. д. — я у Долотина, который снимает обвеваемую ветрами виллу в два-три квадратных аршина. Его пронизательные хозяева воткнули в крышу виллы деревянную лиру, должно быть в знак того, что здесь обитают музы» (из письма С. Бондарина А. Дунаевскому от 7 июня 1926 из Москвы в Одессу. — ОЛМ, Р-901).

«Долотину привет. Скажи ему, что письма его к Неделе однообразны и особенных литературных достоинств за ними нет. Все-таки поцелуй его от меня и потяни за чуб. Пусть купит роговые очки и вязаный жилет. Это в Москве способствует всеобщему уважению» (из письма С. Кирсанова С. Бондарину [1925] из Москвы в Одессу. — ОЛМ, Р-82).

Кирсанов — Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972), поэт. Родился в Одессе, был знаком с Гехтом по литературному кружку «Потоки Октября».

Перевожу сейчас для Бабеля 2-ой том Шолом-Алейхема. — «Я редактирую и перевожу последние томы Мопассана и Ш[олом] Алейхема» (из письма И. Бабеля Т. Ивановой от 7 июля 1926. — Иванова Т. О том, где и когда были созданы пьеса «Закат» и сценарий «Беня Крик» (по письмам Бабеля) // И. Бабель. Воспоминания современников. — М., 1972. — С. 172).

Олендер бедствует... — Олендер Семен Юльевич (1907—1969), поэт, переводчик. Родился в Одессе, был знаком с Гехтом по литературному кружку «Потоки Октября». В 1926 году — сотрудник газеты «Комсомольская правда».

«Несчастливого Олендера одесские гении засыпают своими произведениями, и он, как человек деликатный, только тем и занимается, что ходит по редакциям, получая их обратно с надписями: „возвратить!“» (из письма Э. Багрицкого Э. Фурманову, Москва, январь 1926. — Цит. по рукописи. — ОЛМ, Р-579, КП-3603. Впервые опубликовано: Э. Багрицкий. Письма // Литературное наследство. — Т. 74. — М., 1965. — С. 436—437).

«Семен был молодой поэт <...> начисто не умеющий позаботиться о себе, что очень печалило всю одесскую колонию». — Мунблит Г. Давние времена // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973.

«Изредка — в гонорарные дни — я позволял себе роскошь обедать в ресторане Филиппова и слушать вечерний концерт цыганского хора. То, что я тратил в один такой счастливый день, могло бы мне хватить до следующей полочки. Но я был щедр и не задумывался о будущем».

А задумываться надо было! Я понимал, что если и дальше стану строить свое благополучие на весьма редких гонорарах, толку не будет». — Олендер С. Веселый Эдуард // Октябрь. — 1967, № 4. — С. 188.

...похож на Колычева. — Колычев Осип Яковлевич (1904—1973), поэт. Родился в Одессе, был знаком с Гехтом по литературному кружку «Потоки Октября».

Эдуард тоже собирается в Одессу. — «Носятся слухи, что Воронский, Бабель, <...> и я в начале апреля будем в Одессе» (из письма Э. Багрицкого Т. Тэсс, Кунцево, 10 марта 1927. — Э. Багрицкий. Письма // Литературное наследство. — Т. 74. — М., 1965. — С. 440). Поездка не состоялась.

5. Сергею Бондарину

5/1-28

С новым годом, Сережа!

Ура! ты едешь!

О тебе в последнее время ходят разные слухи. Говорят, что ты стал мощным украинским поэтом и заседаешь где-то в Наркомосвіті или в этом роде.

Почему Ленинград?

Впрочем, мы поговорим обо всем здесь. Письма, разумеется, буду хранить. А тебя жду с нетерпением.

Сообщи, когда и каким приездом приедешь.

У Эдуарда есть телефон (!) «Кунцево 61». Он лечит свою астму, а Сева стреляет галок из монте-кристо. Сема Кирсанов, кажется, в Одессе. Не видно его. Впрочем, все новости узнаешь на месте.

Итак, жду. Целую.

твой Гехт.

Вера кланяется тебе.

Письмо написано карандашом с одной стороны листа на бумаге в линейку.

P-72, КП-1380

К письму приложена записка:

Сергей!

Очень хочу тебя видеть. До 9 ч. буду в «Правде» в отделе «Листок РКИ» (4 этаж). А позже позвони Вере (1-55-55) и скажи ей, где ты будешь. Я тогда туда приду.

Гехт

Текст написан фиолетовым карандашом. На обороте рукой С. Бондарина написано карандашом: «1-ая Тверская-Ямская, дом 31 кв. 4 (Гольберг). Вход с Вас. пер. напротив церкви. Звонить 1 раз».

Эдуард — Э. Багрицкий.

...*Сева стреляет галок из монте-кристо.* — Всеволод Багрицкий. «О <...> сыне, вооруженном до зубов — за поясом торчали два пистолета, а из-за плеча выглядывало дуло винтовки, — было сказано: Этот юный бандит — мой сын». — Лиснянский М. Любимый поэт // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973.

Вера кланяется... — Жена Гехта — Вера Михайловна Синякова (1895 (1904) — 1973).

С. Бондарин писал А. Дунаевскому 25 июля 1926: «Мое последнее время, вообще, посвящено кочевкам по интересным местам Харькова. Бывал в усадьбе сестер Синяковых — девушек знакомых в литературе своей близостью к славным именам Асеева, Петникова, Хлебникова, Пастернака — и др. Как тебе известно, одна из них замужем за Гехтом» (ОЛМ, Р-888).

Сестры Синяковы — Мария, Надежда, Вера и Ксения сыграли значительную роль в истории российского футуризма.

«Синяковых пять сестер. Каждая из них по-своему красива. Жили они раньше в Харькове, отец у них был черносотенец, а мать человек передовой и безбожница. Дочери бродили по лесу в хитонах, с распущенными волосами и своей независимостью и эксцентричностью смущали всю округу. В их доме родился футуризм. Во всех них поочередно был влюблен Хлебников, в Надю — Пастернак, в Марию — Бурлюк, на Оксане женился Асеев». — Брик Л. Из воспоминаний. // Альманах с Маяковским. — М., 1934. — С. 67.

«Я помню, как Бурлюк и Маяковский рисовали портрет сестры Веры. <...> Маяковский ухаживал за сестрой Верой». — Синякова М. «Это человек, ищущий трагедии...» / Вопросы литературы. — 1990, апрель. — С. 264, 265.

В. Хлебников посвятил сестрам поэмы «Три сестры» (1920) и «Синие оковы» (1922). О Vere он писал:

И волосы темного хлеба
Волнуются, льются назад. <...>
Те волосы — золота темного мед,
Те волосы — черного хлеба поток. <...>
И полумать и полудитя.

(«Три сестры». — Хлебников Велимир. Творения. — М., 1987. — С. 272, 274)

О, Синяя!..

Ваши семнадцать лет какую звездочкой сверкали.

(«Синие оковы». — Там же, с. 376)

С. Бондарин. Рисунки М. Синяковой. 1937/38

Б. Ефимов вспоминал, как он присутствовал на первом чтении В. Маяковским поэмы «Про это» на квартире в Водопьяном переулке: «Кольцов, который был очень дружен с Маяковским, взял меня с собой на первую читку поэмы «Про это». Помню огромную квартиру, переполненную людьми, нестройный гомон голосов. <...> После чтения началось обсуждение, живое, страстное. В разгар дебатов девушка, рядом с которой я случайно очутился, неожиданно предложила мне сыграть в шахматы. Мы устроились в сторонке у окна и погрузились в игру, тихо между собой беседуя.

— Скажите, — спросил я, — вы поняли все, что читал Владим Владимыч?

— Я уже второй раз слушаю, — был неясный ответ.

— Вера Михайловна, — сказал я, проникшись к ней доверием, — вы тут как будто свой человек, научите, умоляю, что примерно надо ответить, если кто-нибудь вздумает спросить мое мнение?

В ее узких глазах мелькнула лукавая искорка.

— Надо сказать, — произнесла она с серьезным видом, — здорово это Маяковский против быта».

Ефимов Б. Из книги «Сорок лет» // Маяковский в воспоминаниях современников. — М., 1963. — С. 320.

6. Сергею Бондарину

Дорогой Сережа!

Не сердись!

Я так же аккуратен, как и ты.

Это письмо — предварительное. На днях напишу более обстоятельно.

Мне как-то грустно. Очень повлияла гибель В. М.

Встречаюсь с Бабелем, Эдуардом и еще тремя-четырьмя хорошими людьми — и все. Олешу встречаю только в местах публичных. К его прекрасному пивному пророчеству я — увы! — привык. Суета — даже с павлиньими перьями — меня утомляет.

Служу.

Написал кое-какие вещицы, которые очень хотел бы тебе почитать. Они как бы заветные. Печатать их не буду — вряд ли возможно. Летом соберусь и закончу свой арабийский роман. Он наполовину написан. Меня что-то не тянет к нему.

Бабель великолепен. Действует на меня замечательно.

Почему бы тебе не заехать в Москву? Тем более — лето.

Я пишу письмо в редакции. У меня сидят посетители. Напишу завтра.

Целую. Твой Гехт

9 [исправлено из 8]/V-30 г.

На обороте надпись: «С. Бондарину от С. Гехта». Письмо написано с одной стороны листа фиолетовыми чернилами.

P-101, КП-1377

...гибель В. М. — Имеется в виду самоубийство Владимира Маяковского 14 апреля. Н. Асеев вспоминал: «В воскресенье 13 апреля 1930 я был на бегах <...>. Сестра жены Вера, остановившаяся в нашей комнате <...> сообщила мне, что звонил Маяковский. Но, прибавила она, как-то странно разговаривал. Всегда с ней любезный и внимательный, он, против обыкновения, не поздоровавшись, спросил дома ли я; и когда Вера ответила, что меня нет, он несколько времени молчал у трубки и потом, вздохнувши, сказал: «Ну что ж, значит, ничего не поделаешь!» <...> Вера была несколько даже обижена, что он ограничился только этой фразой и положил трубку». — Асеев Н. Воспоминания о Маяковском // Маяковский в воспоминаниях современников. — М., 1963. — С. 393.

Олеша — Олеша Юрий Карлович (1899—1960), писатель. С 1902 по 1921 год жил в Одессе. Сослуживец Гехта по газете «Гудок».

...аравийский роман. — Вероятно, речь идет о повести «Пароход идет в Яффу и обратно». Книга вышла в 1936 году.

Я пишу письмо в редакции. — В 1930 году Гехт был секретарем редакции журнала «На суше и на море».

7. Сергею Бондарину

Сергей!

Хочу тебя видеть. Если ты можешь сейчас приехать в Москву, приезжай немедленно. Я прямо требую твоего приезда — конечно, в том случае, если это тебе не повредит в быту, т. е. в делах материальных.

Я бы выехал к тебе на несколько дней, если бы не поступил недавно на службу. Бросить ее сейчас не могу ввиду напряженности бюджета. Калужский говорил мне, что у тебя сейчас перерыв. Поэтому — раздобудь деньги на билет в Москву и езжай! На обратную дорогу и прочее достанем здесь. Ты, кстати, сможешь заработать деньги в журнале, где я работаю. Калужский говорил мне про твои очерки. Кроме того, можно вместе придумать и выполнить нужный рассказ.

Мне как-то грустно. Не думай ради бога, что я раскис и прочее. И пожалуйста — никому о грусти моей не говори.

Если можешь выехать в день получения письма, — выезжай, чего там. Москва — Ленинград — ведь это трамвайная поездка.

Есть о чем поговорить, Сергей. Олешу (это я о твоих делах) выдаю редко и случайно. У него не бываю никогда, даже не знаю, где он живет. Он так же шумен, пышнословен, взвинчен, параден и прочее. Настоящих разговоров с ним избегаю. Он все время помнит о зрителях и слушателях и театрализует любой разговор.

Это я пишу неспроста. Приедешь — увидишь — поговорим.

твой Гехт

Мой служебный телефон 55-46, а адрес (служебный же) Новая площадь 6 — изд. «Молодая гвардия». Это место тебе достаточно известно.

9/V-30 г.

С. Г.

Письмо написано карандашом на листе бумаги в линейку.

P-100, КП-1376

...поступил недавно на службу. — См. комментарий к предыдущему письму.

Калужский — лицо неустановленное. Несколько раз упоминается в письмах А. Дунаевского к С. Бондарину 20-х годов.

8. Генриетте Адлер

15 сентября 23

Милый друг, Генриетта!

Ваше письмо я получил пятью днями позже, чем следовало. Это случайность, которая более не повторится.

Я очень рад, что вы ответили сейчас-же, не оттягивая времени.

Я только теперь обретаю право на отдых и работу. Все время я метался в горячке и тревоге.

Уезжая из Одессы, я не снялся с учета, здесь-же три месяца не был нигде прописан — пахло обидными неприятностями. Ныне все это великолепно улажено. Я вполне легален, у меня все бумаги и пр.

По сегодняшний день (простите за излишние пожалуй детали, но ведь я пишу о себе — так установлено) я не имею отдельной комнаты. Она будет у меня только через неделю или (в крайнем случае) через 12 дней.

За комнату приходится уплатить сразу слишком солидные деньги и неудивительно, что произошла столь долгая заминка.

Я нигде не служу, ибо не хочу. Предлагали кое-какие должности по газетам — отказался.

Но работаю много. Успел уже хорошо зарекомендовать себя в лучших журналах и деньги вообще — в пределах, конечно, добываю легко.

Я сейчас связываюсь с одним хорошим театром, буду писать пьесу, веселую комедию, очень и очень веселую — непременно!

А вы грустите.

Но я не могу писать ободряющих, утешающих слов, ибо нет ничего глупее, чем утешать человека, который грустит. Но мне было (надо сознаться) больно читать эти полу-отвлеченные, полу-пессимистические (плохое словцо, зато со смыслом) строки.

В Москве — бабье лето. Но по утрам уже легкие морозы и к вечеру надо одевать пальто. Снега, пожалуй, уже на носу. Что ж,

Г. Адлер. Конец 1920-х

тем лучше. Есть такая восточная (полу-персидская, полу-еврейская) поговорка: «Все к лучшему — вообще и это к лучшему — в частности». Какая жуткая и вместе с тем крепкая-крепчайшая поговорка.

Кстати: вам письмо передала Тоня. Я вручил его ученику Одесск. акад. Фурману, так как не знал вашего точного адреса. Тони я в Москве не видел. Мы с Илей были у ней дважды — не нашли.

[Зачеркнуто: Приветствуйте всех]

В ожидании вашего письма (совсем по канцелярски — что ж)
Гехт

Текст написан с двух сторон листа коричневыми чернилами.
Р-970, КП-9198

...я не имею отдельной комнаты. — «Олеше и Ильфу дали узкую, как пенал, комнату при типографии «Гудка». Гехт жил где-то в Марьиной роще среди холодных сапожников». — Паустовский К. Книга скитаний. — М., 1964. — С. 36.

...деньги вообще — в пределах, конечно, добываю легко. — Ср.: «Мы были в то время очень очень молоды — Семен Григорьевич Гехт и я. И, как все молодые литераторы в начале двадцатых годов, очень бедны.

Оба часто печатались в газетах и еженедельниках, но это нисколько не избавляло нас от мучительного безденежья. Гонорары были ничтожны. Стоило получить гонорар — и даже у бережливого Гехта он улетучивался с пугающей быстротой». — Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. — М., 1968. — С. 380—381.

...*письмо передала Тоня*. — Антонина Трепке, дочь одесского архитектора Вольдемара Трепке. В 1920 году — одна из участниц «Коллектива художниц». Позднее переехала в Москву, в 1924-м семья эмигрировала во Францию. И. Ильф встретился с ней в Париже. Открытка с рассказом о встрече хранится в семейном архиве А. И. Ильф. Г. Адлер говорила, что позднее Тоня жила в Америке.

...*ученику Одесск. акад. Фурману*... — лицо неустановленное. Одесское художественное училище в те годы часто меняло статус и название; одно время называлось Одесской академией.

Иля — Илья Ильф.

9. Генриетте Адлер

30 сентября – 23 г.

Милый друг, Генриетта!

Ваше письмо печально.

Вам скучно в сонной Одессе, где справа — Гершуненко, а слева — Кирсанов. Еще бы!

Вообразите — я вчера стоял на Лубянке у городской кассы за билетом в Одессу. Не достал и... передумал. И так, у вас нет комнаты в Москве. Это во-первых. Далее: комната здесь стоит 500 р. золотом — денег много. [*Зачеркнуто*: Это все по-боку]

Если бы вы [*зачеркнуто*: согласились] позволили и мне думать об этом — я бы приложил к этому делу свои старания. Думаю — не без удачи. Есть еще совершенно простой выход из положения. Это — линия наименьшего сопротивления — тихий Петербург.

В Петербурге имеются комнаты. Кстати: я поручил Ильфу, уехавшему туда вчера, узнать все подробности найма, а также район.

Или Москва, и только — Москва? Впрочем — об этом потом. Я ведь не получил еще права подробно говорить об этом, да и не только подробно. А потому жду вашего ответа.

Гехт

Неожиданный, но совершенно не печальный *post-scriptum*. [*Зачеркнуто*: Возможен] Предстоит мой призыв в территори-

альные войска. Это совершится месяц спустя. Но это для меня — сущие пустяки. Мой обиход он, этот призыв, нарушит не очень. Обязанностей, конечно, куча, да нам не привыкать стать.

В общем: отвлечение несущественное

Текст написан фиолетовыми чернилами на двойном листке в линейку.

P-939, КП-9166

Гершуненко — актер, режиссер. Упоминания о нем в одесской периодике встречаются с начала 20-х годов. «Режиссером и кинодеятелем М. Г. Гершуненко открыт новый способ смывания киноплёнки, бывшей в употреблении...». — *Вісті-Известия Одесского Губ. Исполкома и Губернск. Комитета КП(б)У.* — 24 июня 1921, № 763. — С. 4.

«Я <...> состою чл[еном] правл[ения] Произв[одственных] Маст[ерских] Синтетич[еского] Театра. Мы открываем театр в Красн[ом] Факеле и первые произведения будут: «Веселая смерть» Евреинова, «Ошибка Смерти» Хлебникова (он умер), «Стенька Разин» Гершуненко» (из письма С. Кирсанова Григорию Давидовичу [1922—1923]. — ОЛМ, P-974).

«[Был] создан «Синтетический театр», где целый год ставилась одна и та же пьеса одесского «левого» драматурга Михаила Гершуненко». — Олендер С. Веселый Эдуард // Октябрь, 1967, № 4. — С. 191.

«[Кирсанов] носився з ідеєю створення нового синтетичного театру, який кінець кінцем і був створений. Режисером і драматургом театру став Гершуненко. Гершуненко, чоловік величезного зросту, взимку ходив завжди у тигровій куртці. Поряд з ним Сьома Кірсанов здавався карликом». — М. Осипович. — Комсомольська іскра. — Одесса, 1973, 25 січня.

О нем же в воспоминаниях Бондарина с искажением имени и фамилии: «Григорий Майстренко, режиссер-синтетик, человек, среди нас наиболее внушительный <...> снедаемый желанием поставить на синтетической сцене свою пьесу-буфф в духе Маяковского о революционной Мексике. Одесситы хорошо знали этого длинноногого верзилу. Его несуразная долговязая фигура — летом в актерской блузе с бантом, зимою — в тигровом полупальто, всегда без шапки, с лохматой головой — быстро мелькала по Дерibasовской. <...> жена Майстренко, немало терпящая от расточительного энтузиазма мужа и его сообщников, тихая женщина, содержит скромный салон мод. В задней комнате салона, случалось, мы пировали...». — Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. — М., 1971. — С. 141.

...Ильфу, уехавшему туда... — в Петрограде в Академии художеств училась Мария Тарасенко.

10. Генриетте Адлер

18 октября 23 г.

Милая Генриетта!

Вот уже три дня, как я здесь. В Киеве я стоял всего сутки и это не сошло даром. Тучные штрафы высосали из меня немало бодрости. Но — по-боку. Сегодня холодно. Здесь Бабель. Он читал в Доме печати — огромный успех. Будет издаваться. Шляемся с ним по Москве. Торный путь: выставка, пивные, пригороды, редакции. Завтра стадом отправляемся в Камерный театр — «Жирофле-Жирофля» (ослепительный спектакль).

К Хасису (хотя он и Генрих) не пойду. Есть почта, а я себя уважаю — да, Генриетта, и не люблю ходить по пустякам — простите, Генриетта. И еще: Хорошо, что вы тогда не пришли на вокзал. Ибо это было тяжело для меня. Я был робок, как нищий, назойлив, как автор, и жалок — жалок — нет сравнения.

Пишите, Генриетта, о планах и делах. Пишите о переезде — думаю, что ничего не изменилось. Кланяется вам Ильф, который рядом — он не заглядывает (100 процентов такта).

Пишите по Катаевскому адресу, но обязательно так: Валентину Катаеву для Гехта. [*Зачеркнуто*: Иначе могут возникнуть недоразумения.]

С военными делами у меня благополучно. Обязанности будут, но не очень. Тяжелым бременем не навалятся.

Выставка закрывается. Но я сумею заходить на ее территорию после закрытия.

Приезжайте — и я буду добросовестным гидом.

Гехт

Текст написан коричневыми чернилами с двух сторон листа. Конверт — фирменный редакции иллюстрированного журнала «Огонек». Адресован: «Одесса, ул Петра Великого 25, Генриетте Адлер». Обратный адрес: «Москва, Чистые пруды, Мыльников пер. 4 кв 2. В. Катаеву для [Гехта]».

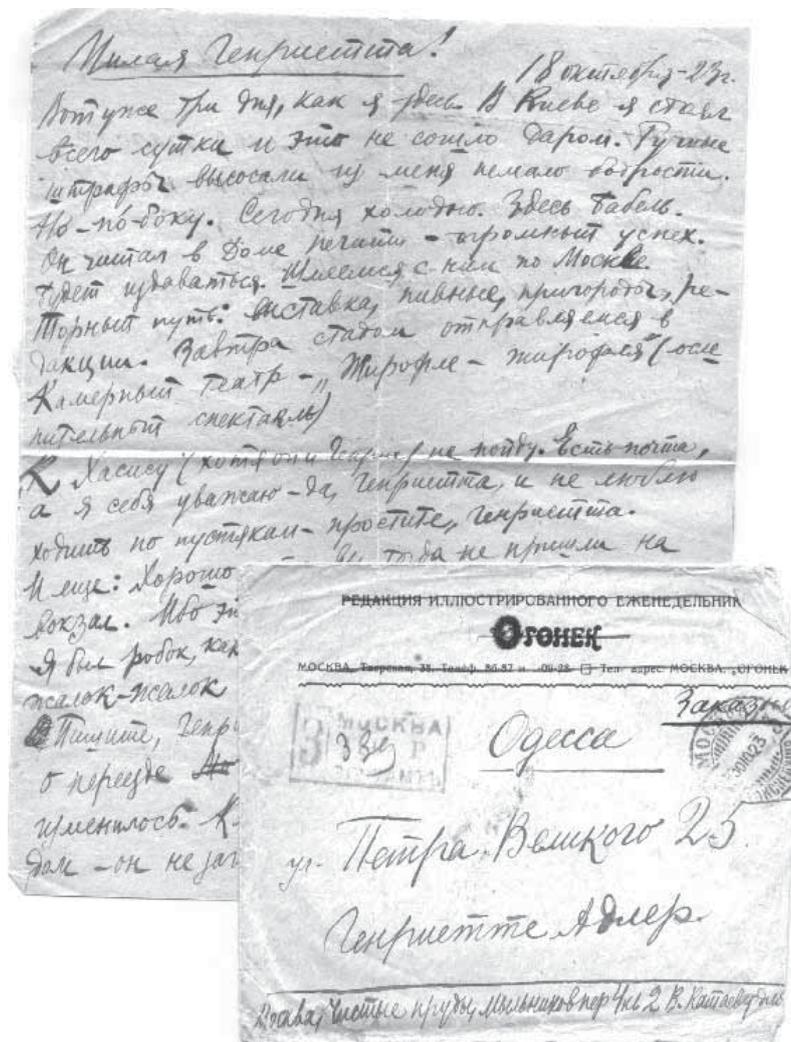
P-934, КП-9161

Вот уже три дня, как я здесь. — Гехт вернулся в Москву после поездки на юг. В журнале «Огонек» № 28 за 7 октября появляется его очерк «Алешки», подписанный «Письмо С. Гехта».

Тучные штрафы высосали из меня немало бодрости. — Ср. рассказ И. Ильфа «Железная дорога»(1923): «<...> меня будут штрафовать,

штрафовать, штрафовать, пока не кончится путь или пока я не умру. <...> Штрафы сыпались, как полновесные пощечины». — И. Ильф. Рассказы и фельетоны // Путешествие в Одессу. — Одесса, 2003. — С. 74.

Здесь Бабель. Он читал в Доме печати... — Это выступление не учтено в хронике У. Спектора.

Письмо С. Гехта Г. Адлер от 18 октября 1923

Будет издаваться. — Первая книга И. Бабеля — «Рассказы» вышла в январе 1925 в издательстве «Огонек» (Б-ка «Огонек», № 5).

Шляемся с ним по Москве. — Ср. воспоминания о И. Бабеле: «Покинув пивную, пошли бродить. Шли бульварами, сперва по Сретенскому, затем по Рождественскому, <...> поднялись к Страстному монастырю». — Гехт С. У стены Страстного монастыря в летний день 1924 года // Наш современник. — 1959, № 4. — С. 229—233.

И. Эренбург писал: «Рукописи неопубликованных произведений Бабеля исчезли. Записки С. Г. Гехта напомнили мне о замечательном рассказе Исаака Эммануиловича «У Троицы». Бабель мне его прочитал весной 1938 года; это история гибели многих иллюзий, история горькая и мудрая». — Собр. соч. в 9-ти томах. — Т. 8. — М., 1966. — С. 497.

Хасис — лицо неустановленное.

Пишите по Катаевскому адресу... — Наиболее известным и устроенным в бытовом отношении из одесситов был тогда Валентин Катаев. Часто письма в Москву посылали на его адрес — Мыльников переулоч, 4 (на конверте указывая: «Катаеву для Гехта», «Катаеву для Ильфа»).

«<...> в одном из них — Мыльниковом — поселился я, приехав в Москву, а следом за мною через мою комнату прошли почти все мои друзья, ринувшиеся с юга, едва только кончилась война, на завоевание Москвы». — Катаев В. Алмазный мой венец. — М., 1994. — С. 201.

«Он [Катаев] приходил к нам в Москве с кучей шуток — фольклором Мыльникова переулоча, ранней богемной квартиры одесситов». — Мандельштам Н. Я. Воспоминания. — М., 1989. — С. 268.

Выставка закрывается. — Имеется в виду Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка 1923 года в Москве. В журнале «Огонек» № 21 за 19 августа сообщалось об открытии «Союзной сельскохозяйственной выставки».

11. Генриетте Адлер

29 октября

Милая Генриетта!

Ваше письмо написано Вами 22-го и выслано 25-го. Не делайте этого больше впредь — очень и очень прошу вас об этом. Если вы не будете отвечать сейчас-же, мои письма не будут письмами человека к человеку — Гехта к Генриетте, а корреспонденциями. Но я не хочу быть корреспондентом — хватит с меня. Простите меня, Генриетта, за ультра-нахальное письмо — я калялся уже вдоволь. Ваше письмо, которое на этот раз было таким крепким, таким жизненным и умным — верьте мне — это ваше письмо растрогало меня до слез. Мне сейчас очень груст-

но — ей-богу! — мне, таскавшему мертвецов, жарившему ежей, горькому сироте — а это так! А это так, милая, милая Генриетта! Здесь уже зима, в лужах лед, в Лефортове ветер, на Тверской — холод — брр...

Надо купить теплую фуфайку и зимние перчатки и зимнее белье. Но даже если я буду иметь все это — мне будет тоскливо.

Генриетта, 5-го октября я приехал проверить себя — проверил — да — как обойти этот риф — впрочем не надо обходить во все — я люблю вас.

У вас будет материал для следующего письма — не так-ли? Вы можете, к примеру, сказать — да, вы можете, к примеру, сказать — нет, вы можете, наконец, сказать несколько неопределенных слов — ах, Генриетта!

Несколько слов о себе.

Я хороший человек. Честное слово! Я вчера кончил рассказ «Марафет». — Уже продал его.

Не хочу халтурить и заработки мои малы.

На днях сниму комнату в Покровском-Стрешневе (трамвай № 13) — мы снимаем 3 комнаты — я и Олеша. Он для Ольги Суок и для себя. Я — для себя. Если пожелаете приехать на некоторое время, сумею предоставить вам эту комнату, так как я могу еще жить в Сокольниках у Бабеля.

Мы с ним — с Бабелем — шатаемся, его хорошо приняли, он издает книгу, обедает у Маяковского и пр. и пр.

Мне с ним очень хорошо — все-таки он очень славный человек и прекрасный писатель.

Я заговорил о приезде — но об этом потом. Вторая страничка моего грустного письма даст вам солидный материал для ответа. Пишите немедленно. Я надоел Мусе, спрашивая ее утром и вечером о письме.

Вы должны меня простить — я хороший малый — спросите у калужских мужиков, с которыми я имел дело и у московских литераторов, которые мне надоели. «Венеру Бродскую» я вам пришлю на днях.

Пришлю кое-что и свое — думаю, что это для вас будет безынтересно.

Иля болен. Он получил от Маруси тревожное письмо. Она поссорила с его братом и чуть-ли не хотела ехать в Одессу. Ду-

маю — уладится. Я у него бываю ежедневно, так-как исполняю отчасти роль сиделки.

Пишите опять по Катаевскому адресу.

29/Х — вечером.

Гехт, который ожидает ответа.

Текст написан чернилами на пяти страницах.

Р-93, КП-2445/1

...5-го октября я приехал проверить себя... — Вероятно, речь идет о встрече во время поездки Гехта в Одессу (см. комментарий. к предыдущему письму).

...вчера кончил рассказ «Марафет»... — Первая публикация не установлена. Вошел в книгу «Рассказы» (1925).

Не хочу халтурить и заработка мои малы. — Ср. с письмом от 15 сентября: «деньги вообще — в пределах, конечно, добываю легко».

...для Ольги Суок... — Ольга Густавовна Суок, жена Ю. Олеси, средняя сестра Лидии Багрицкой. Младшей сестрой была Серафима, жена В. Нарбута, после войны — жена В. Шкловского.

Я надоед Мусе... — Вероятно, жена В. Катаева. О ней упоминается в письме от 22 ноября к Г. Адлер и от 30 апреля к М. Тарасенко.

Он получил от Маруси тревожное письмо. — В это время М. Тарасенко училась в Петрограде в Академии художеств.

Она поссорилась с его братом... — Имеется в виду старший брат Ильфа, художник Михаил Арнольдович Файнзильберг. «Тогда он [Ильф] буквально вырывает Марусю из родительского дома и отправляет ее в Петроград, под крыло к брату Михаилу». — Ильф А. И. Илья Ильф в Одессе. 1897—1922 // Путешествие в Одессу. — Одесса, 2004. — С. 123. М. Файнзильберг — псевдонимы Mi-fa, МАФ (1896—1942), участник Свободной мастерской (1918), как и Н. Соколик, преподавал в «Коллективе художниц». В 1921 году уехал в Петроград, позднее жил в Москве. Умер в эвакуации в Ташкенте.

«В студии [имеется в виду студия художника Ю. Р. Бершадского, в которой размещалась Свободная мастерская осенью 1918 года. — А. Я.] часто устраивались вечеринки, на которых активно выступала дружившая с нами поэзия, центральное место принадлежало <...> Эдуарду. <...> Одну из песенок, которую он сочинил, мы долго распевали.

<...> Кто волосами пламенеет
Как Вифлеемская звезда?
Ужель Файнзильберга Михея
Не узнаете, господа? <...>

Нюренберг А. Слово художника // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973. — С. 72.

«Зачастил брат Ильфа, художник Маф — Михаил Арнольдович, за глаза больше известный под именем Миша Рыжий». — Бондарин С. Прикосновение к человеку. — М., 1973. — С. 196.

«<...> вечно бездомный и неустроенный художник, <...>. прозванный за цвет волос рыжим. <...> когда он идет по улице своей

И. Ильф и М. Файнзильберг. 1927

нервной походкой и размахивает руками, то он похож на манифестацию». — Катаев В. Алмазный мой венец. — М., 1994. — С. 289.

«Рыжий Миша и семейство мышей в белой туфле. Ему было жалко их убивать, и он стал их подкармливать». — Петров Е. Записные книжки // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах. — № 3. — Одесса, 2000. — С. 166.

« <...> повторю краткий рассказ о своих довольно трудных обстоятельствах. Выпал я из Москвы без вещей и вы должны понять, что без белья, без одежды, в разорвавшихся башмаках трудно, очень трудно жить. Прожил я четыре месяца в сыром нетопленном подвале. Здоровье мое от этого не улучшилось. Мне необходимо вырваться и для этого, оказывается, нужны деньги. Тысяча рублей, собранных среди друзей и редакций, сделала бы великое дело. Отработать их я — согласен. Теми способами, какие вы найдете нужным.

Простите, Женя, за все прощенное — жизнь человека бидующего и голодающего не подлежит совершенно оглашению» (письмо М. Файнзильберга Е. Петрову из Ташкента от 13 апреля 1942. — ОЛМ).

Пишите опять по Катаевскому адресу. — См. комментарий к предыдущему письму.

12. Генриетте Адлер

12 ноября

Милая Генриетта!

Мне нужно передать три корреспонденции Стаху для Од[есских] Изв[естий]. Не хочу послать на адрес редакции — боюсь,

что пропадет. Устройте так, чтоб письмо к нему и 3 очерка попали в его руки. Его адрес — **Пушкинская 7 Б. Е. Стах**

Вы не в обиде на меня?

— думаю, нет. — а?

Дело в том, что он просил присылать; мне это большого труда не стоит, а расчет прямой.

11¹/₂ суток тому назад выслал вам письмо, думаю к тому времени, когда вы будете иметь это, содержание того уже будет вам известно.

Впрочем.

Гехт

Текст написан коричневыми чернилами с одной стороны листа.

Р-937, КП-9164

... *передать... Стаху...* — Стах-Гереминевич (Герминович) Борис Евстафьевич (1894—1953), в начале 20-х завагитпропом Одесского губкома. С сентября 1925-го по июль 1928 года — директор театра Держдрамы, в середине 1928-го был назначен директором театра им. И. Франко в Киеве. Стах и его жена были дружны со многими писателями, в их семье хранился конармейский дневник Бабеля.

«Милые Стахи — где-то они ютятся теперь? Вот тоже судьба семьи! После роскошной жизни крупного сановника в экспроприированных квартирах одесских буржуев с хрустальными и фаянсовыми клозетами, сколько пришлось им, беднягам, ютиться с дочкой по чужим квартирам и щелям! И все же удивительно, как это бывшего губернского агитпропа не запрятали в казенную щель после того, как удалось Борису потихоньку перестать платить членские взносы и так бочком-бочком потихоньку улизнуть из партии». — Бондарин С. Капкаринские записки (Фрагменты) // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публ. / Одесский государственный литературный музей. — Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 218—219.

«1927. Стах — директор и основатель Украинской Держдрамы. (Пишут о всех и вся. Но его ни разу не упомянули, как основателя, хотя, печатая первую афишу, не удастся заклеить в центре его портрет и фамилию как первого директора. Но это не суть важно. Пес с ними!) Работает в качестве 2-го администратора (1-й Чацкий) некий тип — жулик невообразимый и подхалим, гешефтмахер! Однажды утром, когда я собиралась на пляж (эх, житуха была!) вдруг вваливаются грузчики и привозят нам [*Прписка сверху*: на Пушкинскую 7, кв. 14] совершенно роскошную спальню из карельской березы с перламутровыми инкрустациями. Дворцовая, не дворцовая мебель — но чудо из чудес: 2 огромные низкие, мягкие (!!!) кровати, плат. шкаф на подкладке из красного дерева,

внутри зеркало и полочка для косметик (!), туалет с бездной ящичков и полочек, с трехстворным зеркалом, 2 кресла, 2 ночных столика, пуфик перед трюмо и голубой пушистый ковер.

— Распишитесь в получении.

Расписалась и опомнилась от изумления и закрыв открытый до этого рот, решила, что Стах наконец «поумнел» и достал себе *[дальнейший текст не сохранился]*» (письмо Т. Стах Г. и С. Бондариним, 60-е, собрание С. З. Лущика). В этом же письме ранее: «я заканчиваю воспоминания Миндлина о людях, близких мне по духу и так... Цветаева, Катаев, Олеша, Гехт».

...для Од. Изв. — «Заместитель редактора «Известий» Юрий Михайлович Золотарев, работник агитпропа губкома Борис Евстафьевич Стах, кому приписывали романтическое происхождение от литовских королей, и Исаак Эммануилович Бабель вели организационную и редакторскую работу по изданию литературных страниц в «Известиях». — Бондарин С. Прикосновение к человеку. — М., 1973. — С. 62.

13. Генриетте Адлер

20/XI-23 г.

Милая Генриетта!

Я очень, очень рад. Вы приезжаете? И так — вы приезжаете — чудесно! Снег будет — пока его нет — дождь и грязь, — но он будет. Его будет более чем достаточно. В воздухе пахнет им, он может пойти каждый час, каждую минуту.

Генриетта, я любопытен. Что это за новости? Кроме того я сочинитель. Как? действующие лица не знают о своих действиях и прочее?? Ведь это сюжет — подумайте — сюжет!

Ту мою вещь, которую я хотел вам прислать, я сдал в печать.

А у меня только грязный черновик. Приедете — почитаем вместе.

Итак — Соболя по боку! Он уехал и уже нами основательно забыт.

Это письмо мое, Генриетта, будет очень коротким. Я должен сейчас улаживать дела с военным столом.

Завтра я напишу подробнее — мне хочется говорить много, очень много, а сейчас мне нужно бегать выяснять, регистрироваться и прочее.

Иля написал вам письмецо, просит передать вам — делаю это.

Генриетта, вы безнадежно вклеились в мой обиход. Я чертовски много думаю о вас, я вижу вас во сне, я хочу вас видеть наяву.

Я хочу вас видеть наяву!

Нас ждут { московские кинематографы
пивные
кремли
площади

и московские друзья и московские знакомые! И я! — впрочем об этом уже было говорено мною впереди.

Целую вас, Генриетта и жду с адским нетерпением ответа.

Гехт

Текст написан коричневыми чернилами с двух сторон листа.

Р-187, КП-2445/2

...*Соболя по боку!* — имеется в виду не писатель Андрей Михайлович (1888—1925), который был в Одессе в 1919—1921, а художник Наум Федорович Соболев (1898 — после 1966). Он учился в студии Ю. Р. Бершадского, посещал «Коллектив художниц». Упоминается в статье о культурной жизни города в 1918 году: «Художественная жизнь Киева в разгаре. Приехавший оттуда художник Соболев <...>». Участвовал в выставках Товарищества независимых художников 1918 и 1919 годов. В середине 20-х стал театральным художником, работал в Харьковском театре музыкальной комедии. В архиве С. Бондарина хранились два каталога выставок с автографами Н. Соболева: «Дорогому Сереже в день радостной встречи после непродолжительной разлуки. Н. Соболев. 16 ноября 1957» (Выставка произведений театральных художников УССР. Каталог. — М., май — июнь 1954) и «Дорогим друзьям Генриетте и Сереже с глубоким уважением и нежной любовью. Январь 1966. Н. Соболев» (Наум Федорович Соболев. Каталог выставки творив. — Х., 1965).

В фондах ОЛМ хранится письмо Н. Соболева Г. Адлер и С. Бондарину от 11 января 1963 с отзывом на книгу С. Бондарина «Чудесное мгновение» (НВ-14289).

14. Генриетте Адлер

22 ноября

Милая Генриетта!

Я сейчас на почтамте. Замерзшая рука с трудом выводит буквы. Холодно.

Я смотрел вчера вечером «Капризы мисс Мей» с Мери Пикфорд. И что-же? В некоторых местах маленькая Пикфорд похожа на вас. Это нашел не я, а Илья. Он пришел позавчера вечером.

– Гехт, – сказал он, – вы хотите увидеть сейчас Генриетту?

– ??

– Отправляйтесь на Арбатскую площадь в кино б. Художественный.

– Ах, – протянул я, догадываясь, – вот что...

– Да, – ответил он тоном полпреда, раздувая ноздри, – вот оно что!

Я не побежал к Арбатским воротам, потому что было уже около 12 и кончался последний сеанс.

Вчера я просидел зато весь вечер. У меня теперь уйма забот о всевозможных регистрациях и я бегаю затравленной крысой по Москве.

Я успел уже поругаться с двумя редакциями, теперь я имею дело с другими тремя редакциями – Москва – провинция большая и жить в ней весьма забавно.

Милая, дорогая, родная Генриетта, ваше последнее письмо доставило мне много радости. Я получил его 19-го. Я как раз был у Катаева. Сидели: Катаев, Муся, Иля и я.

Катаев захлестывал Мусю экспансивными поцелуями (он это делает с 4-х часов дня до часу ночи – публично).

Илбня сидел мрачный – нет писем и всё такое. Я сидел тоже мрачный – день был чересчур неприятный. И вот – легкий стук в передней комнате. Письмо грохнуло о жесть, ящик свистнул, почтальон ушел.

– Друзья, письмо! – сказал Катаев.

– Это от мамы! – крикнула Муся.

– Это мне! – процедил сквозь зубы Иля.

А я молчал.

Иля бросился к ящику, выловил письмо и произнес вяло.

– Это для Гехта.

А я-то был рад. Я ожидал, что это письмо будет хорошим. Я обладаю (на двадцать коп.) пророческим даром. Чудесно, Генриетта!

Я хотел бы, что это письмо не было вами получено, ибо это означало бы...

Это означало бы, что вы выехали, что вы в пути, что вы миновали Круты и Нежин, что вы пересекаете Черниговщину, что ваш состав ползет, замедляя ход, по слабым мостам через Десну, че-

22 ноября

Милая Генриетта!

Я сейчас на почтальне. Замерзшая
рука с трудом выводит бу кве.
Холодновато.

Я смотрю вверх вверх и капризно машу
Мей с Мери Пикфорд. И кто-то же?
В некоторых местах маленькая Пик-
форд поворачивает на вас. Это кажется
мне так. Она пришла по вечерам
всереда.

— И кто-то скажет — вы хотите увидеть
сейчас Генриетту?

— ??

— Отправьте письмо на Арбатскую
площадь в кино Б. Кудряшевский.

— Ах — кричат все и, тогда скажут — вот
это...

— Да — ответьте им, что они не могут
разрешить поговорить — вот это то!

Письмо С. Гехта Г. Адлер от 22 ноября 1923

пот из Мери»: «Обычно Пикфорд играет две роли в последовательном порядке. В начале — нежную и строптивую замарашку, а под конец картины — девицу, успешную в антракте между пятой и шестой частью получить прекрасное воспитание в английском вкусе». — И. Ильф. Рассказы и фельетоны // Путешествие в Одессу. — Одесса, 2004. — С. 283.

Муся — см. комментарий к письму М. Тарасенко.

...на ул. Петра Великого... — Г. Адлер жила в Одессе на улице Петра Великого, 25.

рез маленькую, узкую
Десну — ах, Десна, дни
мой, слезы мои!

Но если вы еще там, на ул. Петра Великого, в темном дворе, где каменные плиты и дикий виноград, если вы еще там, напишите точнее, подробнее о вашем переезде сюда, в Москву.

Милая, дорогая,
родная Генриетта, целую вас и жду ответа.

Гехт

Текст написан фиолетовыми чернилами на двойном листе в линейку. Р-928, КП-9155

Мери Пикфорд — популярная американская актриса, одна из звезд немого кино (1893—1979). Ср. рассказ Ильфа «Комп

15. Генриетте Адлер

25 ноября

Что это такое, Генриетта!

Это даже не чудовищное недоразумение. Я никому ничего не говорил, неужели вы мало знаете одесских сплетников.

Когда-то я считал Славина другом — теперь он для меня мертв — и когда-то мы в дружеской, товарищеской беседе, я сказал ему: [*зачеркнуто*: она мне близка] «Да, я ее люблю». Речь шла о вас. И это всё. Но ведь ничего не говорилось о вашем отношении ко мне и даже о том, знаете ли вы это. Они нагло оклеветали меня. Я никого не хочу более знать. — я им ничего, абсолютно **ничего** не говорил и не писал. Я не хочу более знать даже Софью Наумовну, которая, — мне так казалось, — так хорошо относилась ко мне.

Что за чудовищнейшие, невероятнейшие разговоры о комнате и пр.

Генриетта, это похоже на меня?

Ради бога, Генриетта, не верьте ни одной сплетне — поймите ведь: достаточно было этим зловредным болтунам видеть нас вместе, чтобы воздвигнуть монбланы клеветы и дряни.

Генриетта, вы заставили меня писать истерические, недостойные меня строки. Ради бога, телеграфируйте мне! Хотя бы одно слово, Генриетта!

Генриетта, если вы считаете еще меня своим другом, потребуйте у Или позорящее меня письмо назад.

Но мои бывшие друзья — ах!

Почему они это делают, неужели из зависти ко мне вообще, так я ведь ничего не имею. Зла я им также никакого не сделал.

Но как вы поверили???

Генриетта, телеграфируйте, как бы там ни было.

Я оплеван вами совсем, совсем напрасно — что это такое, Генриетта, — я не заслуживаю этого, Генриетта.

Мне страшно. И эти намеки, хитрые и ядовитые и этот тон, ах, Генриетта, Генриетта!

Гехт

Текст написан коричневыми чернилами с двух сторон листа.

...считал Славина другом... — Славин Лев Исаевич (1896—1985), писатель. Родился в Одессе. Знаком с Гехтом по «Потокам Октября».

Софья Наумовна — жена Л. Славина.

16. Генриетте Адлер

25/XI 1923

ЧТО ЭТО ТАКОЕ ГЕНРИЕТТА НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ГОВОРИЛ НЕ ПИСАЛ НЕУЖЕЛИ МАЛО ЗНАЕТЕ ОДЕССКИХ

СПЛЕТНИКОВ РАДИ БОГА НЕ ВЕРЬТЕ КАК ПОВЕРИЛИ ВОПРОС ОПЛЕВАН СОВСЕМ НАПРАСНО ЗАЧЕМ ЯДОВИТЫЕ НАМЕКИ ТАКОЙ ТОН Я НЕ ЗАСЛУЖИЛ ДОСТАТОЧНО ЗЛОВРЕДНЫМ БОЛТУНАМ ВИДЕТЬ ВМЕСТЕ ВОЗДВИГНУТ МОНБЛАНЫ КЛЕВЕТЫ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ НЕМЕДЛЯ ОТВЕТ ЖДУ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ПОТРЕБУЙТЕ НАЗАД ИЛЬФА ПОЗОРЯЩЕЕ МЕНЯ ПИСЬМО ХОТЯ ОДНО СЛОВО АДРЕСУ КАТАЕВА = ГЕХТ

На обороте телеграммы чернилами написан текст: «Москва. Чистые пруды Мыльников переулок 4/2 Катаеву Гехту. Облейте голову холодной водой. Славин говорит, что Вы дурак. Целую. Генриетта. Одесса, ул Коминтерна 25. Адлер».

Д-351, КП-9195

17. Генриетте Адлер

28 [ноября 1923]

ЧУДОВИЩНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ МЕНЯ НАГЛО ОКЛЕВЕТАЛИ СЛАВИН НАГЛЫЙ ЛЖЕЦ СОВЕРШЕННО НИЧЕГО НИКОМУ НЕ ГОВОРИЛ НЕ ПИСАЛ ЖДИТЕ ПИСЬМА = ГЕХТ

18. Генриетте Адлер

Генриетта!

Это было несколько месяцев тому назад. Я шел по Неглинному проезду. Я был очень плохо одет. Я подошел к торговцу и взял одну грушу.

— Сколько?

Он сказал.

Я уплатил ему. Груша оказалась плохая — я ее переменял.

— Вы взяли две, — сказал он с недоверием, — у меня не хватает двух.

Он обвинял меня в воровстве — я был плохо одет.

Ах, Генриетта, вы сделали то же самое!

Вы обвинили меня. Но ведь тот меня не знал. Генриетта, неужели все это похоже на меня?

Прошу об одном — телеграфируйте ответ.

Гехт

[*Печатано карандашом*]:

Я отправил две телеграммы. Я не могу опомниться. Я получил коварнейший удар в спину. Меня предали и продали. Почему

Искреннейше!
 Это было несколько
 месяцев тому назад.
 Я шел по Косминскому
 саду. Я был очень плохо
 одет. Я подошел к торговцу
 и взял одну рубашку.
 — Сколько?
 Он сказал.
 Я уплатил ему. Рубашка
 оказалась плохой — я ее
 переменял.
 — Как вранья две, — сказал
 он с недоверием — у
 меня не хватает двух.
 Он ~~подвинул~~ меня
 в воробействе — я был
 плохо одет.
 Ах, Искреннейше, вы ждали
 только этого!
 ВМоделируете. 1912

Письмо С. Гехта Г. Адлер
 [между 27 ноября и 6 декабря 1923]

МАЮ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ МРАК ХАОС СЛЕПОТА НЕ НАХОЖУ
 ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖДУ ОТВЕТА = ГЕХТ

ваше доверие, Генриетта, оказа-
 лось на их стороне, а не на моей.

Как бы то ни было, извести-
 те меня скорей.

Я буду ждать ответа на теле-
 графе, на почтамте — не молчите.

Текст написан коричневыми чер-
 нилами, приписка карандашом с
 двух сторон листа.

P-935, КП-9162

19. Генриетте Адлер

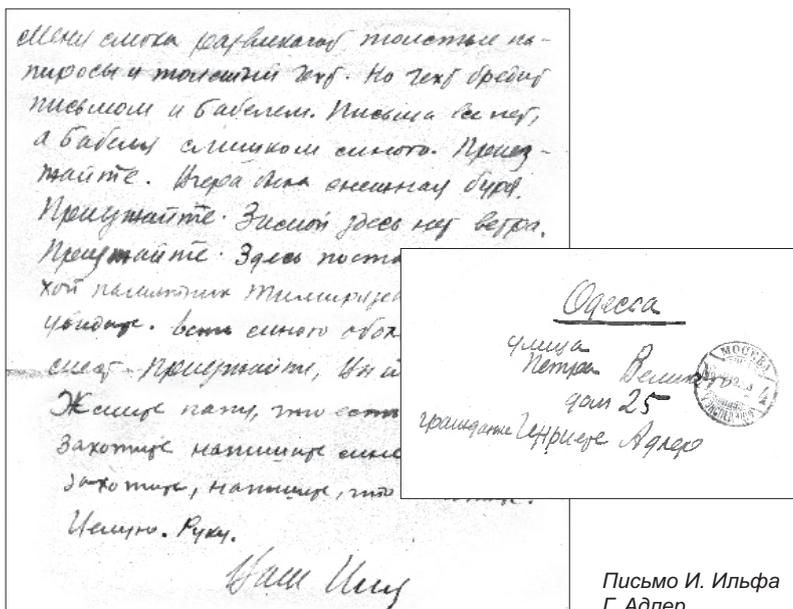
6/XII 1923

КАК ПОНИМАТЬ ОТСУТ-
 СТВИЕ ПИСЬМА ИЗ ТЕЛЕ-
 ГРАММ НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛ КАК-
 ОМ СМЫСЛЕ ВОПРОС ЛИК-
 ВИДИРОВАН ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ
 МОЛЧАНИЕ ОТКАЗОМ ДРУЖ-
 БЕ ВООБЩЕ ВОПРОС НЕТ ХУ-
 ЖЕ НЕВЕДЕНИЯ ВОСКЛИЦА-
 НИЕ ВЫНУЖДЕН БЫТЬ ИС-
 ТЕРИЧЕСКИ НАЗОЙЛИВЫМ
 ГЛУПЦОМ НИЧЕГО НЕ ПОНИ-

Сохранились два письма И. Ильфа к Г. Адлер. В одном из них — от 1 декабря 1923 описана история с телеграммами Гехта: «Дорогая Генриетта. Я написал ответ немедленно. Вы его не получили и уже не получите. Виноват Гехт. <...> Я просил Гехта отправить письмо. Но он посылал телеграммы. А мое письмо лежало на столе. <...> Я прочел свой ответ. Он был написан серьезно и мне стало смешно. К тому же Вы уже получили целый веник телеграмм. <...> Итак, телеграммная горячка Гехта кончилась. Его лихорадка заставила меня сначала печально улыбаться, потом я улыбался весело, а еще потом попрощался с Гехтом. Я поехал на вокзал, он поехал на почтамт. Теперь он больше всего интересуется почтальонами. Вид этих почтенных людей заставляет его сердце шататься. Но вашего письма нет. И Гехт, совершенно печаль-

ный, ест свою яичницу. От горя он стал обжорой. Он потолстел от горя. Отчего же вы не пишете, Генриетта. Пишите. Иначе он получит заворот кишок, умрет и его будет хоронить Зозуля. Это похороны третьего ранга. Ему все сочувствуют и он ест среди соблезнующих вздохов. Я так мало понимаю во всем, что случилось, что не могу об этом писать, боясь попасть не в тон. Простите и все-таки пожалейте меня. Ей-богу, я ничего не понимаю. Во всяком случае, Гехт чист и атакует телеграф не без основания». Частично опубликовано: Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. — М., 1971. — С. 169. Впервые полностью опубликовано: Городецкая Н. А. Три письма Ильи Ильфа // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публ. / Одесский государственный литературный музей. Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 115. Рукопись хранится в ОЛМ.

20. Генриетте Адлер

8 декабря – 23 г.

Только сейчас получил ваше письмо. Я увидел Тоню только сейчас. Она сидит рядом. Иля тоже. Мы пьем пиво. Тоня задержала письмо на 9 дней. До сих пор мы ее не видали. Итак — туман расплзается. Все-таки вы мне не верите. У Славина я, конечно, прошу извинения — многое бывает. Но вы ошиблись,

дорогая Генриетта, в моих расчетах — я не имел брачных намерений. Мне очень тяжело писать. Смешно, Генриетта: я, Гехт, постоянный кочевник, и вдруг — И вдруг — женитьба. Я слишком легок и слишком вольнодумен, легкомысленен — что-ли. Я не могу закрепить себя заработком и пр. Блеф! Но, Генриетта, — так или этак — я сохранил о вас очень хорошие воспоминания. Моя привязанность к вам началась тогда, когда этот самый Эдуард сплел в Москве — у Катаева — первую клевету о вас — тогда, Генриетта — клянусь памятью матери — тогда вы стали мне близки.

Если вы не чувствуете, что я близок вам, напишите последнее, милое, прощальное письмо.

Я привык к печали — я пью ее ведрами — но я не хочу ее, дорогая. Вы ответите сейчас же.

Вы проанализируйте себя. Вы дважды сказали — может быть. За этим должно следовать, либо — да
либо — нет.

Для меня пока вопрос невыяснен.

Я пишу вам, милая Генриетта, с необыкновенной нежностью.

Мне хуже всего, если я вас обидел, если я вас втесал в историю, которая вам **сейчас** ненужна и неприятна.

Неприятности произошли помимо моей воли — поверьте хоть этому.

Ах, Генриетта, мне может быть придется расстаться с вами — это зависит от вас — мы расстанемся друзьями — не так-ли?

Когда-нибудь, не сейчас, я расскажу вам все.

Я жду вашего ответа.

Ваше ближайшее письмо будет либо последним, либо — корреспонденции из города Одессы я не хочу.

И не хочу матери в вашем лице.

У вас глубоко ложный взгляд, Генриетта!

Подумайте и ответьте.

Жду с глубочайшим нетерпением.

Гехт

Передайте Славиным это письмо.

Текст написан фиолетовыми чернилами на двойном листе в линейку.
Р-938, КП-9165

Тоня — Антонина Трепке.

...я, Гехт, постоянный кочевник... — Ср. стихотворение «Бытие» — Силуэты, 1923, № 4:

От младенческих весен бродягою быв,
Мне ль бродяжьего можно избежать удела?

21. Генриетте Адлер

9-XI-24

Милый Генриетт!

Ваше мужественное письмо меня очень порадовало. То, что Вы живы и очевидно здоровы, доставляет мне искреннее удовольствие, то что Вы ругаетесь как извозчик — тоже.

Вы просите меня дать Вам адрес кого-нибудь, кто, несмотря на то, что Вы элемент, мог бы Вас запихнуть (как Вы легкомысленно выражаетесь!) в какоенибудь художественное предприятие. Я дам Вам пару, без гарантий успеха, но все же советую их использовать.

Еще на берегах Черного моря, где мы с Вами гуляли, я давал Вам сердечные советы избрать дорогу театрального художника. Думаю [дальнейший текст не сохранился]

Г. Адлер. Фото И. Ильфа, 1931.

Рис. С. Бондарина, 1930-е

Текст написан красными чернилами на листе бумаги с одной стороны.

P-969, КП-9197

...несмотря на то, что вы элемент... — Имеется в виду формулировка тех лет «нетрудовой элемент», связанная с происхождением или родом занятий.

**22. Письмо Сергея Бондарина, Семена Гехта
и Генриетты Адлер
Евгении и Афанасию Григорьевым**

Мои дорогие!

Пользуюсь случаем, что забрел к нам Гехт, и прошу его присоединиться к моей цидулке.

Гехт и сам давно хочет вам написать. Он немножко удивлен, каким образом вы узнали себя в его очерке.

У нас очень холодная весна и не очень успешная в деловом отношении. Ну, ничего! Таков уж круг жизни. Будет и по дргуому.

Как ваше здоровье?

Всем привет! и от Жени.

Ваш Сергей.

Здравствуйте, уважаемые и дорогие Евгения Николаевна и Афанасий Иванович!

С удовольствием вспоминаю о своем посещении вашего уютного и гостеприимного дома. Я действительно любопытствовал, как попал к вам номер журнала «Знамя»; кто-нибудь, должно-быть, вам сказал, верно?

Желаю вам всяческих благ, а главное, оставаться всегда такой же дружной и жизнерадостной и любознательной супружеской парой.

Ваш С. Гехт

10/V 58 г.

Дорогие Евгения Николаевна и Афанасий Иванович!

И я присоединяюсь к этой общей цидулке. Новостей у нас особых нет – все помаленьку. Холодно.

Вот вам шлет привет Клара. Она теперь совсем кругленькая. Желаю здоровья и благополучия.

Целую вас. Жена

Текст написан синими и фиолетовыми чернилами на двух страницах сложенного вдвое листа бумаги.

Р-915, КП-9140

...узнали себя в его очерке. — Очерк «Харьков» был опубликован в январском номере журнала «Знамя» в 1958 году.

...вспоминаю о своем посещении вашего уютного и гостеприимного дома. — Речь идет о поездке С. Гехта в Харьков.

Клара — лицо неустановленное.

23. Алексею Борисову

Здравствуй, Алексей!

Поздравляю и я с праздником 1 мая тебя и близких твоих. Желаю долгой и разумной жизни — с той же славной улыбкой на лице и в душе. Надеюсь на встречу в летнюю пору.

Твой С. Гехт

Дата по штемпелю: 30.4.60. Текст написан синими чернилами на открытке. Адресован: «Одесса Степовая ул. 48 кв. 20 Борисову Алексею Михайловичу». Обратный адрес: «Москва, ул. Кирова 21 кв. 3 С. Гехт». Р-1607, КП-16111

*Публикация и комментарии
А. Л. Яворской*

А. И. Ильф

ФАЗИНИ: ОДЕССА — ПАРИЖ

Немногие знают об одесско-французском художнике и фотографе, работавшем под псевдонимом Сандро Фазини. Что нам известно, кроме нескольких строчек в биографическом словаре художников русского зарубежья?

Он появился на свет 23 декабря 1892 года по старому стилю (5 января 1893 года по новому) в Киеве, в семье богуславского мещанина Арье Файнзильберга. Одесситы считают его своим: детство и юность художник провел в Одессе. Он был старшим, родители звали его Саня, Саша, Александр.

Напомним: Александр оказывается прирожденным художником. Но родовая фамилия не устраивает людей искусства: она тяжела и неблагозвучна. «Братья Ф.» прибегают к псевдонимам. У Александра — псевдоним «с итальянским акцентом»: Сандро Фазини (S. Fasini). У Михаила — «музыкальный»: Ми-ф (Mifa), потом — МАФ. Илья присоединяет к трем буквам имени первую букву фамилии и становится Ильфом. Своей фамилией удовлетворен лишь младший, Вениамин, оставшийся за бортом литературы и искусства.

Начиная с мая 1911 года, Сандро сотрудничает в популярном одесском журнале «Крокодил». Почти в каждом номере появляются его рисунки, заставки, виньетки, карикатуры, фотоэтюды — иногда до десяти работ одновременно. Он иллюстрирует знаменитые поэтические альманахи 1915–1917 годов («Седьмое покрывало», «Авто в облаках», «Чудо в пустыне»), пишет декорации к авангардным спектаклям, расписывает интерьеры литературно-поэтических кабаре. «В России, — вспоминает он позже, — в прошлые, конечно, годы, у меня была известность, и я зарабатывал большие деньги. ...Я никогда не был последним и всегда выделялся».

В 1917 году Фазини примыкает к Обществу независимых художников, участвует в их выставках. Рецензенты называют его «кубистом», насмешничают: «В детстве, по недосмотру няньки, ударился темечком о кубики...» Он пишет стихи в манере раннего Маяковского, называя их «поэзо-экссессами»:

Письма и иллюстрации (кроме оговоренных случаев) — из архива А. И. Ильфа.

Семейство Файнзильбергов — родители и четверо сыновей. В центре — Александр (будущий Фазини), слева — Михаил (будущий Мифа), справа — Илья (будущий Ильф), в платье — Вениамин. Одесса, 1906 или 1907

Александр Файнзильберг (первый слева). Одесса, 1910-е

...Разве не приятней,
Что на каждой крыше трубы
Грубо квадратные
Вытягивают губы.
Боже мой,
Радуйтесь, что это я на валторне
Ухищряюсь ногой
Играть так проворно...

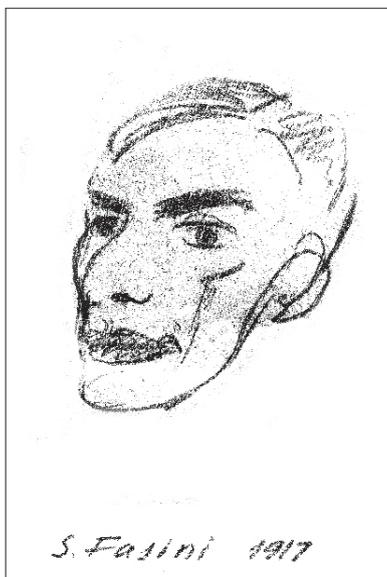
Впрочем, поэзия оказалась не его стихией. «Мои литературные таланты совершенно бесследно пропали с того момента, когда я, лет 15 тому назад, имел неосторожность написать пару-две стихотворений», — признавался он в 1934 году.

Рисунки Фазини обильно публиковались в одесских сатирических журналах «Фигаро», «Бомба» и «Яблочко» (1917–1918). Тогдашний образ художника запечатлен в стихах:

...Душою, кистью и пером
Фазини ультра-современный
В искусстве красочно-своем.

Из воспоминаний Евгения Окса: «Я видел, как он писал акварелью обнаженную красавицу — очевидно, для некоего одесского коллекционера. В то время художнику было трудно заработать. Фазини презирал своих братьев. Он был одет изысканно и носил котелок. Не достаивал разговора!»

При большевиках он работал в Югроста. Валентин Катаев в повести «Трава забвенья» припоминает «громадный щит-плакат под Матисса работы художника Фазини — два революционных матроса в брюках клеш, с маузерами на боку на фоне темно-синего моря с утюгами броненос-

Сандро Фазини. Автопортрет. 1917

цев». Писатель причисляет художника к «настоящим мастерам — острым и современным» («Уже написан Вертер»). Именно старший брат внушил Ильфу мечту о Франции, любовь к ее литературе и искусству.

Когда в Одессе настали «окаянные дни», художник эмигрировал. В начале 1922 года он пишет из Константинополя своему американскому дядюшке — просит прислать ему вызов: «К сожалению, сейчас нельзя делать выбора, и выбирать Россию сейчас как поприще — значит выбрать смерть. Представить себе, что такое Россия теперь, человеческому уму невозможно. Это нужно увидеть собственными глазами, и только тогда можно понять. Если бы я был один, это еще не страшно, я еще, может быть, протянул полгода или больше, но там мама, папа, братья, и при одной мысли, что их скоро ждет участь тех, которые умирали на виду у всех, без всякой помощи, эта мысль мне совершенно невыносима. И Вам тоже, я думаю, трудно будет примириться с тем, что Ваш брат умирает от того, что вот уже два года ему нечего есть, и если я еще буду ждать, пока в России можно будет жить, этим я обрекаю своих родных на неминуемую смерть. Поверьте, что это не слова, это самая ужасная правда». Душераздирающие строки.

Но с Америкой не получилось, и Фазини обосновался в Париже. В городе его мечты тоже оказалось нелегко. В 1927 году отец извещает младших сыновей: «Получил от Сани письмо, из которого заключаю, что его дела незавидные». Тем не менее к началу 1930-х годов его живопись, балансирующая на грани абстракции и сюрреализма, пользовалась успехом. Современные французские искусствоведы называют Фазини «одним из исключительно интересных мастеров Парижской школы». Его работы экспонировались в Осеннем Салоне, Салоне Тюильри и Салоне Независимых, висели бок о бок с полотнами Клее, Люрса и Пикассо в галерее Вавен-Распай. Об этой последней выставке Фазини писал отцу: «Я имел успех и даже продал две картины из пяти, которые выставил, что для меня имеет огромное значение в том смысле, что хозяин этой галереи мною теперь интересуется, и если ничего не помешает, то в будущем смогу заниматься только живописью и даже оставить службу, где я работаю теперь по утрам. Это тот момент, которого я ждал все

эти годы». Он готовится к персональной выставке, собирается выставить «картин 20–25 и довольно больших». Его парижские друзья — те же, что и в Одессе: художник-авангардист Сигизмунд Олесевич и поэт-романтик Перикл Ставров.

Илья Эренбург, подружившийся с Ильфом и Петровым, когда они приехали в Париж осенью 1933 года, вспоминал, что Ильф «разыскал своего брата, художника, давно уехавшего из Одессы, тот старался посвятить Ильфа в странности современного искусства». Братья не виделись больше десяти лет. «Нашел Сашу, — докладывает Ильф в Москву 19 ноября 1933 года, — искал целый день и, наконец, через хозяина галереи Вавен, где он выставляется, получил его адрес и телефон. Оказалось, что он живет в пяти минутах от моего отеля. Ну, он старый, задумчивый, немножко облезлый, похожий на папу безумно. <...> Дела у него не идут, как у всех здесь. Но он живет неплохо. Живопись его я еще не смотрел. Это будет на днях». И в другом письме (от 30 декабря 1933) сообщает: «Был с Сашей на выставке сюр-эндепандансов, видел и его живописи, очень элегантные и весьма сложные». Впрочем, Ильф просит передать знакомым московским художникам, что в Париже «живописью уже не интересуются, то есть интересуются весьма мало, а покупать совсем не покупают».

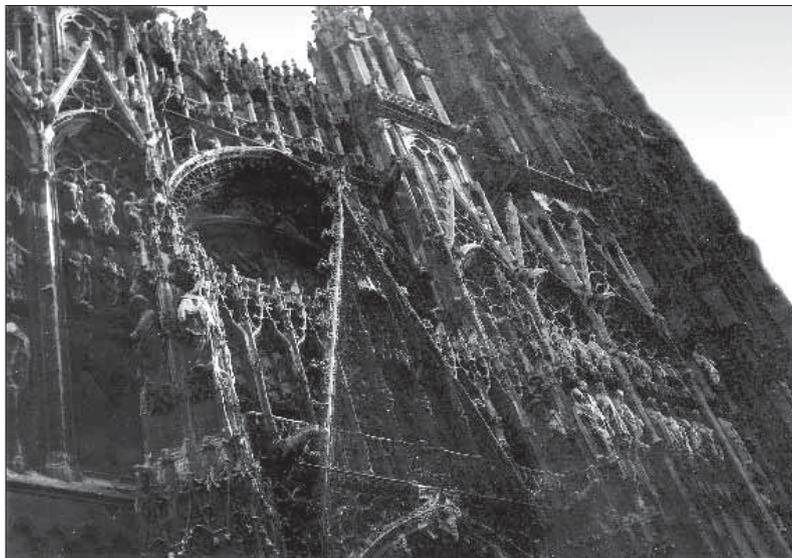
Увы, живопись Фазини не сохранилась ни в Одессе, ни во Франции. Известно, что в декабре 1919 года одесский коллекционер Перемен вывез морем в Яффу более двухсот полотен двадцати пяти одесских художников-авангардистов, в том числе работы Фазини (ныне в собрании тель-авивского музея). Все парижские работы уничтожены нацистами. Однако — нечаянная радость! — недавно я получила из Америки фотографии двух картин, которые в 1934 году автор подарил своей американской кузине, навестившей его в Париже. Одна из них, с фигурой турчанки в чадре, написана в Константинополе (датирована 1922 годом); на второй — парижский вид (начало 1930-х).

«Он занимается фотографией, и очень хорошо», — радуется Ильф, сам страстный фотограф, и дарит брату камеру Rolleiflex. Фазини оценил подарок по заслугам: «Я Rolleiflex'ом очень доволен и чувствую, что скоро, скоро начну им делать хорошие фотографии на пластинки». Его друзья напишут потом Ильфу: «Воспользовавшись чудовищной и явно неестественной способностью нового аппарата фиксировать все даже ночью,

он снимает друзей, знакомых, обстановку, в театре и на улице, днем и ночью», или «Саша без памяти фотографирует и для этого мечется по всей Европе. Был в Бельгии, теперь мотнулся в Испанию». Фотосъемки «со все время хлопающим Rollei-flex'ом» дают реальную возможность зарабатывать деньги: «Саше поручили заснять целый ряд фабрик, производящих разные химические продукты и имеющих свои отделения в нескольких странах, — писала Ильфу в Москву жена Фазини. — Пригласили его как художника-фотографа **модерниста** с тем, чтоб все было готово к будущему году к выставке в Брюсселе, где его и „повесят“. В июле месяце [1934 года] он снимал фабрики около Парижа, затем поехал в Бельгию, где был в трех городах и тоже хлопал...» В другом письме она сообщает, что муж «получил приказ, довольно лестный, отправиться в Эльзас и Лотарингию похлопать Вашим, принесшим ему счастье аппаратом».

В начале января 1934 года вместе с авторами «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» в Москву отбывают не только снимки Ильфа и Петрова в Париже, сделанные Фазини, но и десятка два великолепных крупноформатных фотографий.

Руанский собор. Фото Фазини. 1934

Среди них — Эйфелева башня-великан в пасмурный день: «По-прежнему башня Monsieur Эйфеля заглядывает в окно, насквозь продрогшая, — замечает Фазини в письме. — По-прежнему подмигивает по вечерам...»

Рекламные фотографии говорят сами за себя. Чистая, эффектная работа. Зоркий взгляд. Необычные ракурсы. Необычный выбор натуры. («Длинные трубы с дымом и без дыма. В результате получаются фотографии, которые впоследствии могут документально доказать мое якобы нетрезвое состояние, настолько трудно трубе и дыму удержаться в прямоте»). Фотографии Фазини регулярно печатаются в парижском еженедельнике «Vu» за подписью Al Fas. В 1937 году его художественные фотоработы с успехом экспонировались на Международной парижской выставке.

Братья переписываются. Фазини суховат, лишен сентиментальности, однако и в Париже остается по-одесски ироничным. Из письма Ильфу: «О твоей «двенадцатикратной мебели» слышал уже давно. Вернее, читал о них в одной из здешних русских газет. Хвалили за веселый нрав. О французском же издании тоже слышал недавно. Опять-таки в одной из литературных французских газет видал объявление с похвальной рекламой. Качество книги уподобляется достоинству других книг, в свое время написанных Ломоносовым, Пушкиным, Лермонтовым, Григоровичем и другими».

После смерти Ильфа в апреле 1937 года переписка обрывается, а потом происходит самое печальное: 16 июля 1942 года Фазини с женой Азой были арестованы французской полицией. Концлагерь Дранси под Парижем, депортация из Франции 22 июля 1942 года. Оба погибли в Освенциме.

ПИСЬМА ФАЗИНИ

1. Фазини — Натану Файнзильбергу/Файнсилверу в США

Constantinople 23 апреля 1922

Дорогой дядя Натан,

вчера, наконец, я получил Ваше письмо от 30 марта. Я очень обрадовался ему и прослушал его (к сожалению, я не знаю еврейского языка) с большим вниманием. Все то, что Вы говорите о жизни в Америке, мне очень понятно, и я думаю, что на многие из Ваших замечаний Вы уже, вероятно, нашли себе ответ в моем письме к Вам отсюда, которое, вероятно, уже получено Вами. Я себя нисколько не обманываю и прекрасно понимаю, что никому не может доставить удовольствия, когда ему на голову свалится человек, которого, как будто, надо будет содержать. Меньше всего я хочу этого. И если у меня не было бы уверенности в том, что я сам смогу себя прокормить, я не стал бы Вас беспокоить. Я достаточно взрослый человек, чтобы отдавать себе ясный отчет в том, что я собираюсь делать. К сожалению, сейчас нельзя делать выбора, и выбирать Россию сейчас как

поприще — значит выбрать смерть. Вам, за отдаленностью от России, это, я думаю, трудно себе представить. Но представить себе, что такое Россия теперь, человеческому уму невозможно. Это нужно увидеть собственными глазами, и только тогда можно понять. Если бы я был один, это еще не страшно, я еще, может быть, протянул бы полгода или больше, но там мама, папа, братья, и при одной мысли, что их скоро ждет участь тех, которые уже умирали на виду у всех, без всякой помощи, эта мысль мне совершенно невыноси-

Натан Файнзильберг. 1900-е

ма, и Вам тоже, я думаю, трудно будет примириться с тем, что Ваш брат умирает от того, что вот уже два года ему нечего есть, и что если я еще буду раздумывать, собираться что-либо сделать или ждать, пока в России можно будет жить, то этим я обрекаю своих родных на неминуемую смерть. Такое положение было полтора месяца тому назад. Я уехал, оставив родителей больных, крайне истощенных, преждевременно состарившихся от тяжелого, им непривычного труда. Оставил их без уверенности в том, что они проживут еще месяц. Поверьте, что это не слова, это самая ужасная правда. Вот почему я не мог выбирать или бояться тяжелой жизни в Америке.

Что в Америке жизнь трудна, что там идет жестокая, каждодневная борьба за существование, я знаю давно и к этому подготовлен. Будучи по профессии художником и зная хорошо это ремесло и испытав в течение многих лет тяжесть труда, я хочу надеяться, что сумею устроиться и в Америке. В России, в прошлые, конечно, годы, у меня была уверенность, и я зарабатывал большие деньги. В Америке, где на все большая конкуренция, такие деньги, конечно, сразу иметь трудно, но я никогда не был последним и всегда выделялся. Все это дает мне основание думать, что я не буду Вам в тягость. Конечно, на первое время мне трудно будет, вероятно, обойтись без Вашей помощи, но это только на самое короткое время, и Ваша помощь должна быть только временной. Мне трудно, конечно, выразить Вам мою благодарность за всю ту помощь, которую Вы мне оказываете и, я вижу по Вашему письму, искренне хотите оказать. Такие вещи трудно передаются словами, и я надеюсь при встрече с Вами и ближайшем знакомстве заслужить Вашу любовь и уважение.

Вчера я отправил Вам вторую телеграмму, в которой сообщаю, что нами уже получены визы. Так что Ваши хлопоты о нас для въезда в Америку значительно упростились. Здесь о нас хлопотали у американского консула видные представители английской колонии, которые нас хорошо знают, и, благодаря их хлопотам и поручительствам за нас, мы получили разрешение на въезд в Америку в более короткий срок, чем обычно на это уходит, если хлопочут из Америки. Так что Вам придется только удостоверить при нашей высадке в Нью-Йорке, что мы есть именно те, за которых мы себя выдаем, т. е. Ваши родственни-

ки, и что Вы за нас, в свою очередь, ручаетесь. Конечно, очень важно, чтобы Вы, дядя, или Ваши братья, или же, в крайнем случае, Котлов, встретили нас при приезде. Затем я Вам сообщаю в телеграмме, что высланные Вами мне деньги до сих пор еще не прибыли. К сожалению, это так, и совершенно не понятно, почему. Ни в Вашей телеграмме, ни в письме нет указаний, на какой банк Вы их выслали. Я несколько раз уже справлялся во всех тех банках, на

С. Фазини. Турчанка. Константинополь, 1922. Из собрания Рут Файнсилвер-Кон. Хартфорд, США

которые обыкновенно переводят деньги из Америки, но никаких извещений там еще нет. Нет ничего также и в консульстве. Это все меня очень беспокоило, так как мне хотелось на эти деньги послать что-либо домой. Здесь узнать, почему деньги не прибыли, нет возможности, это можете узнать только Вы в том банке, через который послали.

Я и на этот раз просил Вас выслать деньги телеграфно, потому что здесь не следует задерживаться. Жизнь здесь очень дорогая, дороже, чем где бы то ни было, и время проходит совершенно бесплодно, так как заработков для художников здесь никогда не было и нет. Такой уж это город.

Теперь относительно Альтермана. Ничего обязательного, конечно, в моей просьбе помочь и ему, для Вас, по-моему, нет. Если у Вас есть возможность сделать это и без большого труда, то я думаю, что Вы, дядя, сделаете это. Если же нет, то тоже в

этом греха большого не будет. Как-нибудь вывернемся из этого положения. Если Вы можете выложить для него сумму, нужную на переезд — хорошо. Если же нет, я сам ликвидирую в Америке часть его вещей, о которых я Вам уже писал, вышлю ему эти деньги, и тогда придет и он. Помощи там на месте ему нет никакой, а в особенности денежной. У него есть в Америке родственники, но он не знает их адреса. О его родственниках нужно узнать в Нью-Йорке — 441 Brooklyn, William's Av. Ева Френкель. Эта Френкель должна знать, где находится Миша Воскобойников, он (Альтермана) двоюродный брат. Альтерман Григорий (Гдаль) 32 лет, уроженец местечка Верба Дублинского уезда Волынской губернии. Я, Файнзильберг Александр (Саул) 30 л. Уроженец Киева. Это те сведения, которые нужны Вам для документов. Лучше всего, конечно, было бы, если за нас обоих могли поручиться Вы, если Вы это только считаете возможным для себя. Вот, собственно говоря, кажется, все, что мне нужно было...

Прислано в 1992 году моей кузиной Франсез Файнсилвер-Блюментол, живущей в Хартфорде, штат Коннектикут. Окончания письма нет.

Котлов — предположительно свойственник Файнзильбергов.

Григорий (Гдаль) *Альтерман* (1888—1958) — коллега Фазини, деливший с ним в 1919 году художественную мастерскую и тоже уехавший в Париж. В 1930-е вернулся в Россию.

2. Фазини — отцу, Арье Беньяминовичу Файнзильбергу, в Одессу

Предположительная датировка – начало 1929 года

Дорогой папа.

Прости меня, что я тебе так долго не отвечал, но в последнее время так занят, как еще никогда.

Мне нужно было приготовить целый ряд картин для той частной галереи, в которой я уже выставлял полтора месяца тому назад. Я имел успех и даже продал две картины из пяти, которые выставил, что для меня имеет огромное значение в том смысле, что хозяин этой галереи мною теперь интересуется, и если ничего не помешает, то в будущем смогу заниматься только живописью и даже оставить службу, где я работаю теперь по утрам. Это тот момент, которого я ждал все эти годы, и поэтому ты сам себе должен представить, до какой степени мне нужно

Арье Файнзильберг. Одесса, 1928

было приналечь на работу и до чего это отнимало все время у меня. Так что на сей раз не особенно сердись на меня за столь длительное молчание.

Будь добр и узнай у Миши, послал ли он свои картины, как он этого хотел, в «Салон Независимых», который был в начале этой зимы. Дело в том, что, несмотря на то что он помечен в каталоге, я вещей его там не нашел, что, конечно, не удивительно, так как картин в этом году было что-то около шести тысяч, и когда чего-либо не знаешь с виду, то найти почти невозможно, в особенности если к

тому же и подпись неразборчива. Все же мне кажется, что если бы они были, я все же их нашел бы. Так что узнай, пожалуйста, послал ли он их, а если не послал, то почему?

Если у меня с этой галереей что-либо оформится в благоприятном смысле, то вероятно, к осени мне придется устроить свою выставку, для чего мне нужно будет иметь картин 20–25 и довольно больших, а времени у меня так немного, что вряд ли в этом году я смогу отправиться куда-либо на каникулы, и отдых мне сейчас представляется чем-то очень еще далеким.

Крепко целую тебя и желаю тебе всяческого благополучия. Мой искренний привет Мойсею и Аннете.

Твой Саня

Я уже дважды писал в Америку, но ответа до сих пор не получил. Получаешь ли ты письма от братьев? Кланяйся от меня Мише, Иле и Ньюме.

Пиши мне: Mre Varengoltz 27, rue de l'Aude 27 Paris (14^e).
Pour Alexandre

Арье Бенъяминович Файнзильберг, 1863—1933.

Галерея — Vavin-Raspail. 28, rue Vavin, Paris (6). Владелец галереи — Max Berger.

Миша — Михаил Файнзильберг (1895—1942), брат Фазини, художник.

Мойсей — М. Котлов, брат покойной жены Арье Файнзильберга (скончалась в 1922 году). *Аннета* — его жена.

Илья — Илья Ильф (1897—1937). *Нюма* — Вениамин Файнзильберг (1905—1988), брат Фазини.

3. Фазини — Ильфу

Предположительная датировка – лето или осень 1929 года

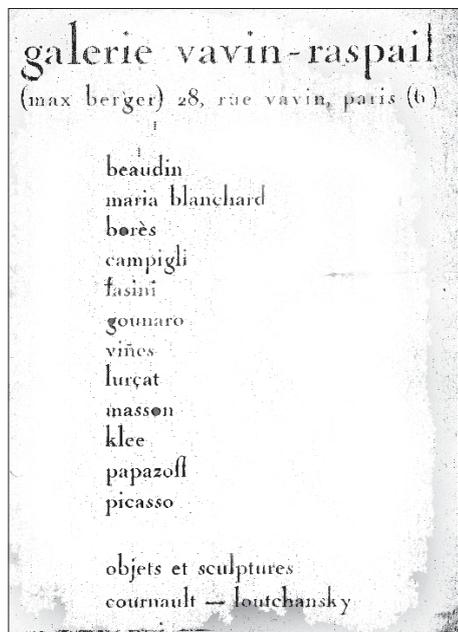
Дорогой Илья.

Получив твое письмо, я немедленно же полагал тебе на него ответить, но с тех пор уже оттек изрядный кусок времени, и как видишь, я тебе пишу только сегодня. Помимо моей обычной письменной немощи, я на этот раз при всех моих добродетельных намерениях все-таки сильно запоздал.

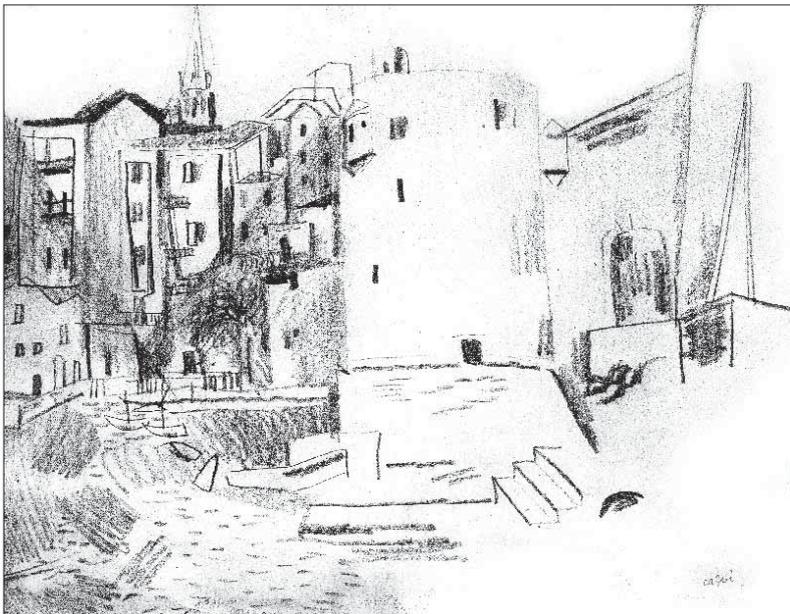
Дело в том, что я твое письмо получил в довольно неблагоприятных для ответа условиях — точно в момент, когда я готовил эскизы для получения одного спешного заказа. Ответить не мог. Получив заказ, я немедленно уехал к морю на десять дней

и омрачать эту природу несвязным письмом решить долго не мог. Вернувшись, приступил к выполнению заказа и в течение 15 дней законным образом об ответе не думал, после чего наступила обычная письменная немощь.

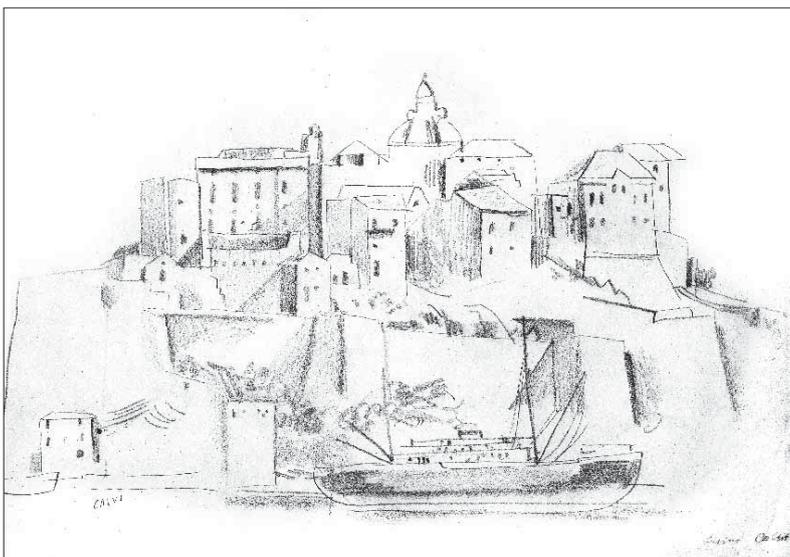
Сегодня наконец совесть, поджав окончательно мне глотку, вышвырнула меня на середину письменного стола. Пишу. Что мне очень трудно из-за полного отсутствия навыка излагать свои ощущения знаками иными, чем линейными или цветовыми. Звуковыми же на таком

Афиша галереи Vavin-Raspail. 1931

Кальви на Корсике. Рисунки Фазини. 1932

расстоянии — дело напрасное.

О твоей «двенадцатикратной мебели» слышал уже давно. Вернее, читал о них в одной из здешних русских газет. Хвалили за веселый нрав. О французском же издании тоже слышал уже недавно. Опять-таки в одной из литературных французских газет видал объявление с похвальной рекламой. Качество книги уподобляется достоинству других книг, в свое время написанных Ломоносовым, Пушкиным, Лермонтовым, Григоровичем и другими. Сам я еще ее не читал, мне обещали французское издание. Если же ты можешь мне ее выслать, буду очень доволен.

У Фазини. Слева направо: жена Ставрова, Фазини, Ильф, П. Ставров, Аза, неизвестная. Париж, ноябрь 1932

Что касается меня или моей выставки, то собирался ее устраивать этой осенью, но пока еще этот вопрос окончательно не решен, во всяком случае я к ней усиленно готовлюсь. Дело в том, что осенью же открывается второе издание нового Салона, в котором я принимаю деятельное участие и в который я должен буду послать много работ, так что возможно, что в связи с этим я должен буду устроить свою выставку несколько позднее.

Писателя Бриана не знаю и не слышал о нем ничего, но знаю, что есть такой М. Briand, председатель Совета министров, но занимается ли он литературой, не знаю, слышал, что он страстный рыболов.

Твой Саша

Что Миша, Ньюма?

Привет твоей неведомой мне жене.

Мой новый адрес: М. Berenholz 27, Rue de l'Aude 27 Paris (14^e)

4. Аза — Ильфу

Paris 19/I 34

Ильф дорогой.

Спешу переотправить Вам письмо, переброшенное на нашу улицу. Разрешила себе *смародифовать* соблазвившие меня почтовые знаки.

Как же Вы перекатились через все коридорчики, столбы и перекрестки, очень интересно было бы знать.

Наша жизнь начинает входить в норму, но что-то мой Саша как будто загрустил, хотя снаружи и не видать, из-за густой бороды, очевидно. Уж очень Вы нам подошли, а тут так скоро от груди пришлось отлучить, вот молоко и свернулось. И некуда деться со своей теплой нежностью и никто не протелефонирует, что протелефонирует вечером, а вечером что утром, а уходя или проходя, не пожмет где-то кусочек пальца, наискось невзначай руки кусочек, всего улыбнувшись. Это довольно-таки жестоко так налететь, соблазнить и, возможно, даже без взаимности. Хотя «ЧУДОВИЩЕ» я Вам не прощаю.

Печку потушила, весна на первом этаже, а поэтому надо Вам с Марусей подумать, как это Вы к нам к лету приедете. Я уже разработала платонически план устройства помещения, драпировки. Вот Сашка все откладывает, по семейной лени, и не сносит вниз тахту из своей «схимницы»-лаборатории, и стоит она там точно так, как Ваш матрац на *дрожках* [козлах? — А. И.]. Он (матрац), мы, Атлантический океан, а затем Средиземное море зовем и ждем Вас, а пока успеха Вам во всем, а Вашей чудной женушке мой самый ласковый поцелуй. Я все-таки радуюсь, что Вы с нею и у себя в Москве, где все так хорошо и спокойно.

Оглушайте поручениями, если у Вас будет оказия.

Перикл рассказывает, что Albin Michel хочет издать «Золотого теленка» при условии, чтоб ему были уступлены все права, и что количество тиража остается на его усмотрение. Губа не дура. Он предлагает определенную сумму. Периклу и мне она кажется недостаточной. Перикл, конечно, сам Вам обо всем подробно сообщит. Я забежала вперед.

Сердечно Ваша Аза.

Только что получила два письма для Вас и Петрова с разрешением на въезд в Англию, так как текст получается внушитель-

ный, то отсылаю отдельно эти письма и первое, о котором писала в начале моего письма.

А.

Аза (Роза) Канторович — жена Фазини.

Маруся — Мария Николаевна (1904—1981), жена Ильфа.

Перикл, он же Пира, Ставров (Ставропуло) (1895—1955) — одесский поэт, живший во Франции.

5. Фазини и Аза — Ильфу

30.01.1934

PARIS / DEPART

Дорогой Иля,

так как от тебя нет писем, я полагаю, что ты уже в Москве и уже совершенно вошел в свою повседневную колею и писем от тебя, несмотря на красивую бумагу, можно и не ждать.

Пира уже тебе, наверное, писал о похождениях «Золотого теленка» со всеми подробностями. Переводить вашу книгу будет Llona. Этот необычайно рослый дядя прекрасный переводчик, и если он с русского переводит так же, как с испанского и английского, то вам писать больше нечего, а прямо давайте ему переводить. Но дело в том, что оба эти языка ему как родные. Он южный американец. Что же касается русского языка, то он, конечно, его еще не знает и Пира дает ему буквальный перевод. К тому же он уже переводил Гоголя и, кажется, хорошо.

Теперь, что касается ваших портретов, то их в «Lu» послал давно, но мне там сказали, что так просто без всякого повода они их поместить не могут, но как только они получают обещанную статью, то за этим никакой остановки не будет. Об этом тоже тебе уже, наверное, написали или напишут.

«Золотого теленка» я еще не прочел и когда теперь прочту неизвестно, и так как Пира полагает, что ему придется возиться над имеющимся у него экземпляром месяца с два, то после этого его читать я не смогу из чисто гигиенических соображений. Принимая во внимание то, что Пира Пирамидис имеет обыкновение читать лежа, за едой и в ватерклозете, никакой ассенизационный обоз микробов побороть не сможет.

Мише я до сих пор, конечно, ничего не написал и настоящую причину этому бездействию не нашел, но я думаю, что ты

своими рассказами достаточно ясно все проиллюстрировал, и моя бледная письменность мало что к этому сможет добавить, тем более что мои литературные таланты совершенно бесследно пропали с того момента, когда я, лет 15 тому назад, имел неосторожность написать пару-две стихотворений. С тех пор какая-то огромная чернильница опрокинулась мне на душу и писать не дает.

У нас здесь все обстоит по-прежнему. По-прежнему башня Monsieur Эйфеля заглядывает в окно, насквозь продрогшая. По-прежнему подмигивает по вечерам, прислушиваясь к унылому выстукиванию ring-rong'овых мячей.

На днях родится новый, пятикратный миллионер, а Боннур своей великолепной машиной раздавил в Ниме мальчишку. Другой же, его коллега-мельник купил Форда за 65 франков и, кажется, доволен.

Я тоже Rolleiflex'ом очень доволен и чувствую, что скоро, скоро начну им делать хорошие фотографии на пластинки. Он еще не перешел, что это дело недалекого будущего.

Если надоумишься написать, напиши о здоровье жены. Что Миша? В Москве ли Ньюма? Что Петров на зуб кладет?

И вообще кланяйся всем и каждому. Пиши.

Твой любящий тебя Саша

Фазини. Париж. Первая половина 1930-х. Из собрания Рут Файнсилвер-Кон. Хартфорд, США

От Азы

Дорогие друзья и подруженька красивая.

Надо думать, что Вы получили два конверта, пересланные мною; в одном было мое собственноручное письмо, а в другом 3 письма из Von Hotel'я.

Повидались ли Вы с Камионской и понравилась ли она Вам, какие результаты? Я была «серьезно» больна — грипп с бронхитом с колитом и с температурой 40. Саша перепугался и совсем запутался, ухаживая за мной. Пока ползаю по комнатам тенью от слабости и злости, что *страшно попаршивела на лицо*, но Саша добро улыбается, и я стараюсь утешить себя, что не очень опротивела ему.

Мне так бы хотелось получить письмо от Вашей жены, мне кажется, что я ее очень люблю. Она, наверное, хорошая, если Вы с такой нежностью всегда вспоминали о ней и бесконечно обо всем, что ей могло бы доставить удовольствие. Я теперь такая бедненькая слабая, что она не откажет мне в удовольствии. Прошу сказать Михаилу Арнольдовичу, что мы с Сашей часто говорим о нем, и хотя я его не знаю, но помогаю Саше вспоминать.

Ну, бувайте здоровы.

Aza

Llona — Виктор Ллона — переводчик (совместно с П. Ставровым) «Золотого теленка» на французский язык.

«*Lu*» — левый парижский еженедельник, издатель — Люсьен Вожель.

Петров — Евгений Петров (Катаев) (1902—1942), соавтор Ильфа.

6. Фазини — Ильфу

Fvrier 15 - 1934

Дорогой Иля.

«МОЛУЧИЛА ТВОЯ ПИЗЬМО» (как выражается некая италианка по-русски) и не сразу ответил потому, что ждал приличного вдохновения и комфортабельных чувств.

Очень рад тому, что вы так хорошо закончили свое путешествие. Недаром украинцы говорят: «Як ковбаса та й чарка, так мын тся и автогенна сварка».

Твое письмо, несмотря на всю его краткость, достаточно мало красноречиво, и трудно по нем сообразить, получил ты наших три письма или нет. Или же ты отвечаешь на каждое третье.

Получил ли ты то мое письмо, в которое я вложил фотографию, изображающую тебя в ресторане «Uniprix» и около?

Рядом с поэтическим и трогательным описанием нашего лифта ты высказываешь немаловажную надежду на какие-то *вакансы*.

Что это, только рыхлая литература или же настоящее реальное желание пристроить свои промерзшие кости к непрочной базе средиземных песков?

Я всякие поэтические намеки о качестве экваториальных и солнечных лучей принимаю как личную и неприличную обиду, так что выражайся ясно!

Помимо прочих и довольно многочисленных вещей, о которых ты не пишешь, ты ничего не сообщаяешь о том, какое новое впечатление ты произвел на всех окружающих тебя и как кто к тебе принохивался.

Часто ли и обильно ли ты щеголяешь непонятными и иностранными словами?

И вообще!

У нас все по-прежнему. По-прежнему дважды в неделю избиваем друг друга ring-pong'ом. По-прежнему Пира пыхтит над

Ильф с отцом. Москва, 1930

переводом «Тельца», хотя по существу важно не то, **как** «он» его переведет, а «куда». Но Пира человек упрямыства и пока что ходит гордый, бледный и беременный своими трудами.

На прошлой неделе, в течение нескольких вечеров и после обеда парижане решили бунтовать и взялись за это дело настолько серьезно, что теперь не хватает 26 парижан и почему-то одного грека.

За всеми этими событиями прозевали пятого избранника рациональной лотереи, так его и не обнаружили, несмотря на то что деньги он уже успел получить. За отсутствием беглого героя прославилось кафе, в котором он купил билет. В шестом отрезке прошли под 5.000.000 сразу пять молочных разносчиков и одна милосердная сестра. Но и им, кроме миллионов, было мало.

Спешно прекращаю переписку, так как получил сейчас твою книгу и немедленно погружаюсь. Когда вынырну, напишу опять.

Прилагаю при сем пять фотографий. Прошу тебя всячески приветствовать свою жену и родных братьев.

Крепко целую.

Пиши. Твой Саша

...получил сейчас твою книгу... — первое издание «Золотого тельца».

7. Аза — Ильфам

Paris 17 Fvrier

Дорогие Мусьячи, я бы очень хотела, чтоб Вы эту прищепку как «Абрамовна» где-нибудь по дороге не забыли повесить на какую-нибудь высохшую ветку раз и навсегда и крепко, так как она режет мое сентиментальное чувство к вам.

Горжусь Вами и оказанным Вам приемом в Варшаве. И вообще Вы у нас знаменитый симпатяга, *куда ни тронь*, кроме очевидной неувязки по части подтверждения **трех** нами посланных писем, что приводит меня в смятение, так как в виде багажа в одном из писем были Вы и Etoile, потом Вы и бар, теперь посылаю опять Вас. Прямо какая-то *фотоженная синематографическая стар*, а не наш просто милый Ильф.

Наша уважаемая *вуетюра* низко кланяется Вам, приседая на уже все четыре продранные шины и подмигивая вконец раз-

ряженной батареей, радуется выскочившим Вашим намекам о возможности повезти Марусю и Вас на юг, значит, быть предвзвешенно отправленной в институт красоты.

Между прочим, воздух в Париже стал чище из-за отсутствия всех такси, а все потому что цену на бензин повысили, что справедливо не понравилось ни мне, ни мальчикам, которые бегали сзади и портили воздух, ни владельцам зажигалок. (Какой язык! Будьте добродушны, сегодня он тяжело подвешен почему-то и вообще тоже, без кокетничанья, увы!) Теперь можно видеть в метро парижан в цилиндрах (если Сашка мой не врет).

Провинциалы же, прибывающие из *gar* Montparnasse, с шестидесятью сундучками, блуждают аж за Синеаком в поисках допотопных фиакров, черт знает из-под какой ржавой рухляди извлеченных на божий свет. Если этим курьезным пассажирам надо ехать по ту сторону Сены, то *кош*, кстати, тоже в клеенчатых цилиндрах, не дают занести ногу, ссылаясь на бессилие своих кляч. Факт со свидетелем.

Где же все-таки хоть махонькое письмо от Вашей Маруси, интересно было бы посмотреть не только на ее почерк. С Вашим я тоже еще очень мало знакома, так как кроме единственного письма мы от Вас ничего больше не дождались. Начинаются упреки — это вторая стадия любви.

Полученная книга вызывает рукопашную между Александром и мной, я совершенно knock-out — он одолел, завладел, вперся, пожирает, поглощает вместе с котлетами дома, и с кафе-кремами в кафе. А я молча глотаю внутри себя чистые слезы и живу только тем, что облизываюсь Вашей подписью на книге. Ужас!

Переводя дословно с французского, остаюсь со всеми своими комплиментами, соображениями и изысканными поклонами, дорогая Madame, Вам и Вашему супругу, а на ушко целую Вас.

Немножко *мышыгине* Aza
(теперь Ваш черед перевести это Марусе)

Гар (*gare*, *фр.*) — вокзал.

Синеак («*Sinéas*») — маленький кинематограф, куда любил ходить Ильф.

Коше (*cocher*, *фр.*) — извозчик.

Knock-out (*англ.*) — нокаутирована, побеждена.

Мышыгине (*идиш*) — сумасшедшая.

8. Фазини и Аза — Марусе Ильф

2.03.1934

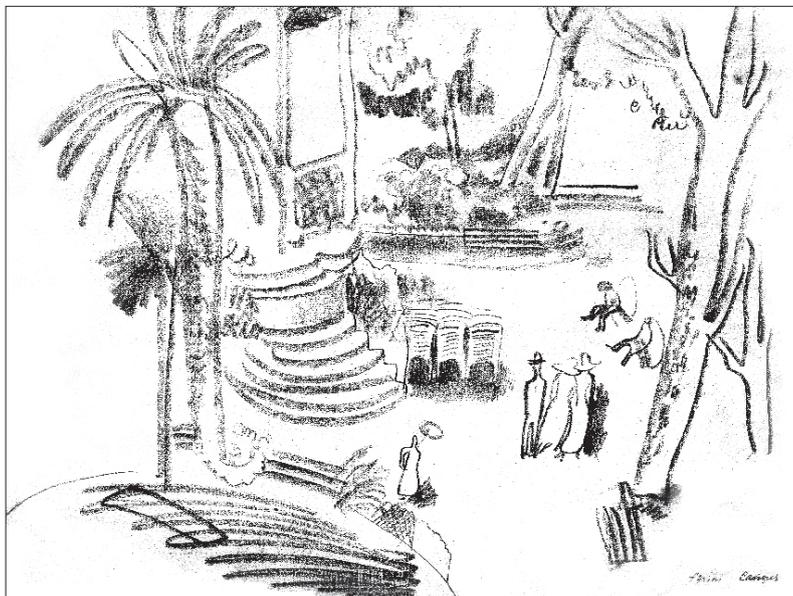
Милая родственница, я очень обрадовался Вашему письму. Очень рад также тому, что Иля повеселел. Считаю, что Вам для подкрепления чувств и здоровья необходимо проделать с Илей, а в крайнем случае и без него, небольшое путешествие. Юг, море и мы вместе.

Искренне Ваш Саша

От Азы

Дорогая сестричка Маруся.

Спасибо за милое слово, я все ждала письма Саша, чтоб отправить Вам и свое вместе, но Саша одолевает с энтузиазмом тринадцатую страницу письма к Михаилу Арнольдовичу, целый трактат об искусстве. Он так запутался и все и весь перепачкался, что у меня нет надежды, не выкупав его, дожидаться окончания. Вы страшно милая, Маруся, и все, о чем Вы пишете. Я очень рада, что все вещи Вам понравились, жаль только, что

Канны. Рисунок Фазини. 1934

надо было так спешить при выборе, чему я немало волновалась, не то все было бы лучше подобрано и изучено (!). Надеюсь, что мы наверстаем это этим летом, когда Вы с Илей приедете сюда. Я так крепко это хочу, что мне больно думать о невозможности. Скажите да? Я уже разглаживаю летние брюки Саши, всегда должны напоминать лезвие ножа, так как решила, что он должен окончательно Вас покорить. Получили ли Вы 4 наших письма и 7 фотографий (в общем)? Вы ничего об этом не пишете, и я волнуюсь. Бесконечное спасибо Иле за присланную книжку. В нашем семейно-дружеском обиходе теперь пестрят «теленочные» плагиаты и вообще мы очень горды Илей, его очаровательностью и талантом. Мне приятно было узнать, что он стал веселее и легкомысленнее, как раз подходящее настроение, чтобы хорошо взяться за работу.

Надеюсь, что Вы окончательно поправились и скоро опять нам напишете.

Что подельывает Петров, прошу поклониться ему от нас.

Мой горячий привет Михаилу Арнольдовичу. Вас обоих крепко целую.

Aza

9. Фазини — Ильфу

Дорогой братец.

Надеюсь, что Миша на этот раз удовлетворен. Я пишу мало, но много после подобного письма нормальному человеку полагается 3 месяца *вакансов*, а мне 6. С другой стороны, все кругом пишут огромные романы. Только на днях в кафе одна дама рядом со мной демонстрировала другой, тоже перезрелой поэтессе свой роман под названием «Суслик». В первом томе 500 страниц, на последней рождается герой. Подруга облегченно вздохнула: как это хорошо, можно начать с конца.

Боннур на днях обзавелся новой роскошной машиной, но поспешил на шофера и немедленно раздавил об дерево ее, жену и дочку, сам остался цел.

У французов есть поверье, что если потрогать горб горбатого человека, то это приносит счастье. В один из вечеров, когда происходил розыгрыш, на пл. Трокадеро появился горбач, который за один франк позволял погладить горб. Охотников ока-

залось много. К сожалению, пошел дождь и атмосферные осадки сильно повлияли на форму горба. Самозванца потащили в участок. Горб отцепили и вместе с ним 400 франков.

На Эйфелевой башне с некоторых пор по вечерам освещается термометр длиной в 140 метров, а так как французы имеют обыкновенную страсть для измерения температуры вставлять оный в задний проход, то спрашивается, кому это понадобился такой огромный.

Последние 5 мил. выиграла деревенская бакалейщица под Марселем, Madame Дрозд. Ее разбудили ночью, разбудили владельца кафе и потом всю деревню. Madame Дрозд предложила 10.000 франков на распитие шампанского. На вопрос репортера, что она намерена сделать с остальными деньгами, ответила, что еще не знает.

Второй игрец — мальчик с Севера, после двенадцатидневной и ночной осады сдурел со всей своей семьей и укрылся в Марселе в каком-то подвале. Болен тяжелым нервным расстройством, мечтает купить 10-сильную машину, но не смеет выйти на улицу.

Крепко кланяйся жене, Мише и Нюме и не посылай заказных писем — будят на рассвете.

Сильно целую.

Твой Саша

10. Аза — Ильфу

Paris 20 Mars 1934

Дорогой Ильф.

Давно от Вас ничего не было, а поэтому, значит, надо писать. Между прочим, непрошено вмешиваюсь в Ваши будущие расчеты с Пирой по поводу «Теленка». Конечно, все это только между нами и навсегда. Кому будет сдана общая сумма за права и авторские? Пире? Или ему только за перевод, а остальное будет *депозировано* на Ваше имя? И кем, главное?

Мы с Сашей на неоднократные расспросы Пире, приедете ли Вы летом, говорили, что если не Вы приедете, то Маруся, которой пригодятся эти деньги здесь. Советую Вам не обходить молчанием в письмах к Пире этот вопрос, а требовать, чтоб та сумма, которая Вам причитается, была бы непосредственно вне-

сена Albin Michel'ем в банк на Ваше имя. Поняли? Любя очень Пиру, мы все-таки знаем его легкомыслие в денежных расчетах и т. д., а потому я позволила себе напомнить Вам об этом.

У нас все по-прежнему, весна с градом, и тянет «сесть на землю». Выходит специальный номер «Vu», посвященный мадам, Саша делает для них фотографии. Получил ли Миша его письмо?

Целую Вас нежно обоих. Как здоровье Маруси, надеюсь, что ответ на ее письмо она получила.

Aza

На Пасху куда-нибудь уедем с уважаемой *voiture*'ой на несколько дней со знакомыми.

«Vu» — иллюстрированный парижский еженедельник, публиковавший, кроме обычных фотографий, множество фотомонтажей.

11. Фазини и Аза — Ильфу

Avril 9 – 1934

Дорогой братец.

Письмо твое получили. Я очень *профоган* твоими краткими лирическими отступлениями, я и сам к тебе питаю всякие нежности, думаю о тебе, пожалуй, больше чем часто и вообще очень доволен тем, что у меня такой занятый братец, а не какой-то говнюк, который крадет велосипеды.

Толстяку Berger все твои новости и пожелания передал, и он, сияя, слюнявит от радости. Хотя чему, собственно, он радуется, непонятно. Галерею он закрывает и, по всей вероятности, переедет на родину к своим швейцарам. Пока что продолжает писать свой роман-реку, главными героями которого назначил Бабеля, кантатрису Назимову и меня, из русской жизни. Вначале эти печальные герои действовали в «Конной армии», потом повеселели в обществе «12 стульев» и «Золтеленка». Дальше, очевидно, будут действовать в других каких-то хороших романах и странах. Река-роман, как видите, бездонная, и все это, к счастью, по-немецки.

Улицу нашу, кажется, собираются вывернуть наизнанку, так как ее сверлят и швыряют в течение последних 15 дней, что нас изрядно отвлекает своим грохотом от другого и более постоянного сопения паровозов. Зато машинистам приятно, всегда есть кипяток и всегда могут чай заварить.

Напротив, у нас весна стоит хорошая и до сегодня теплая, с небом рваным, в блестящих облаках. На праздники мы уезжали на три дня. Прodelали 1200 kil. и вообще даже хотели жаловаться на жару.

Пира с женой уехали в Гренобль. Грек на радостях надел легкое ластиковое пальто и сгоряча попал на лыжный спорт, где ему холодно и скользко. Маруся же находит, что на такой склизкой почве флиртовать еще удобнее, и никакие, конечно, пуговицы ее натиска не выдержат.

Олесевич по-прежнему и ежедневно от двух с половиной до 3-х с половиной же напивается в куполях *кафэскремом*, в чем я ему довольно часто сопутствую.

Впрочем, недавно он, почти без очков, прочитал все 12 ступев и приступает к теленку, хотя ему, вероятно, будет обидно насчет ксендзов. Нравится очень.

Ping-pong действует по-прежнему, хотя по временам превращается в настоящий американский гвалт, но покамест это у меня существенный и верный способ заставлять друзей и знакомых потеть и иногда даже краснеть.

Вот, кажется, и все. Что касается «Лу», то дело обстоит так. Путерман мне сказал, что напишет вам. Потом, что написал уже. По моим глазам он понял, что по его глазам я понял, что он, конечно, врет, тогда он поправился и сказал, что написал очень маленькое письмо. Я его успокоил тем, что маленькие письма иногда пропадают. Во всяком случае он меня уверил, что условия остаются прежними, как только они получают вашу статью, они ее пропечатают. В прошлый раз я забыл тебе об этом написать.

Надеюсь, что Маруся здорова и заражается твоим благодушием и что мы скоро ее увидим. Кланяйся беглому Мише и др. братьям. Петрову, Катаеву и Бабелю мои лучшие пожелания и привет.

Целую. Твой Саша

От Азы

Дорогие.

Мне надо знать, приедете ли Вы на *вакансы* или надо еще начать плакать, мы об этом все время говорим, не хочется ехать без Вас.

Мои дамы с весной сделались щедрее, и я встаю в 7 ч. утра, часто работая до 8 ч. вечера. Очень устаю и даже вытянулась.

Вы нас заинтриговали *самовыскаживающейся* рулеткой, а мы ее и не видели.

Для сведения Маруси: шляпки дамские теперь носят обнажая совершенно затылок, на манер гнезда, перевернутого на одно ухо. А если надо дополнительные новости, то сообщите, можно ли Вам послать последний номер «Vu», посвященный мадам, в котором есть, кстати, и фотографии Al Fas'a.

Жду с нетерпением фото Ваши и Миши — надо же с ним познакомиться, а пока целую его, как бы он ни сопротивлялся, так как вижу, что он у Вас буйный.

Целую Вас и маленькую Марусю крепко, очень крепко.

Aza

Простите Сашенькины помарки — он никогда никому не пишет.

Исаак *Бабель* (1894—1940) — писатель-одессит. «Конармия» была напечатана в 1926 году.

Маруся, Мар-Ивановна — Мария Смирская, жена П. Ставрова, художница и поэтесса.

Сигизмунд (*Sigma*) *Олесевич* (1891 — после 1934) — художник, друг Фазини еще по Одессе.

Иосиф *Путерман* (1885—1940) — французский журналист, издатель, выходец из России.

Катаев — Валентин Катаев (1897—1986), писатель, брат Е. Петрова.

12. Фазини и Аза — Ильфу

11.06.1934

Дорогой Иля,

не имея ответа на свое последнее письмо, пишу тебе в надежде на то, что ты все же его получил и если не ответил, то тому есть довольно солидная причина.

Закоренелая лень тоже принадлежит к числу великих добродетелей.

Так как лето, приближаясь, уже заканчивается, то поневоле приходится мечтать о том, на каком солнцепеке можно подшевле поджарить свою печенку и не эти ли размышления лишают тебя письменных способностей!

«Золотой теленок» выйдет, по всей вероятности, осенью вместо того, чтобы печататься теперь же в еженедельнике, что, по-моему, значительно лучше как по сезону, так и по представлению книги. Лично я терпеть не могу романов-фельетонов из-за того, что приходится прерывать чтение там, где полагается, а не когда засыпаешь.

Я опять недавно перечел «З. Т.» и уже не впопыхах, как в первый раз, и нахожусь теперь в окончательном восторге, настолько мне эта книга представляется значительной.

Посылаю тебе одновременно № «Vu». Кланяйся всем и пиши.
Твой Саша

Мы хотим поехать в Канны приблизительно 15-го — 20-го июля, найдем комнату с кухней. Хорошо было бы две комнаты, но не знаем, кого поселить во второй.

Приветствую и целую.

Aza

Кузина Blanche вчера отчалила в Америку, просила кланяться до скорого свидания.

Blanche — Бланш (1904—1994), дочь Натана Файнзильберга, американская кузина братьев Ф.

13. Открытка от четы Фазини и Ставровых

Cannes, 14 июля 34 г.

Сим удостоверяю, что Саша по преступной небрежности не сообщил Вам о письме (?) от 1-го июня от Alb. Michel'я о гонораре. А засим чернокожий привет бледнокровным северянам!

Пира

Дорогие ИльфыПетровводкины. Поймите, что двадцать дней потения в Бельгии, 15-дневные припарки в Каннах и предполагаемый визит Испании со все время хлопающим Rollei-flex'ом мне окончательно забрали все чувства под мышками, и я окончательно попал под пагубное влияние женских полов. Писать и потеть вместе невозможно.

Ваш Саша

Когда мой мужской пол уедет в Испанию, сообщу Вам подробности заданной Сашей загадки. Привет.

Aza — женского пола.

Единственно, что удалось сохранить нетронутым — это небольшое место под купальным костюмом. Привет.

Маруся

14. Фазини и Аза — Ильфу

1 Septembre 1934

Дорогой Иля,

давно не получаю от тебя никаких писем. Потому ли, что ты не отвечаешь или я не пишу, я еще не выяснил, но сегодня вдруг почувствовал настолько заостренную необходимость тебе написать, что даже забыл о том, что я профессиональный лентяй на письма.

Вероятнее всего, это «Cinéas», мимо которого я сегодня прошел после долгого отсутствия.

Вчера приехал. Завтра уезжаю опять на несколько дней. После чего поеду в Испанию и в Италию. Все на сроки очень недолговременные и по делу. Хлопать Rolleiflex'ом.

Пейзажи, которые я наблюдаю, можно свободно разглядывать на каких-нибудь Прохоровских, Дальницких и проч. Костецких улицах. Длинные трубы с дымом и без дыма. В результате получают фотографии, которые впоследствии могут документально доказать мое якобы нетрезвое состояние, настолько трудно трубе и дыму удержаться в прямоте.

В промежутках мы с Азой поспешно поджаривались в Каннах, чутко прислушиваясь к скоропалительному твяканью Мар-Ивановны и к университетскому хрюканью Периклеса.

За отсутствием морского прибоя даже молчаливые англичане кажутся русскими громкоговорителями.

«Нас было много — но нас было слишком», если переводить точно и понятно.

Чувствую, как на старости паспортов сделаюсь малокомфортабельным сплетником. Больно уж люди заговаривают. Слова не дают вставить, и все сами авторы и сами же восторженные

критики. А в общем плохо передают древние и уже никакому утыгу не поддающиеся анекдоты.

Как видишь сам, трудно быть только философом. Другим — только крайние удобства...

Ping-pong'ом болеем менее хронически, но другое, острое заболевание — это бильярд.

Нужно же наконец заняться чем-либо серьезно! Перикл и тут ухитряется тайком надбавить себе пару очков и сбавить десяток сантимов.

Sigma горюет где-то, в горах, и горько плачет. Жена его в других горах, гордо-неприступная, как харьковская колбаса.

О делах ваших печатно-издательских я довольно невнятно прошелся в своей последней открытке из Ниццы. Получил ли ты ее? Более подробно тебе напишет сама Аза.

Напиши о себе более и менее кратко-подробно. Как здоровье Маруси? С каким успехом вы провожали лето и где? Что Миша и его мало-капиллярный и младший брат? Сколько весит теперь Ж. Петров и что вы расписываете вместе?

Кстати, Боннур закончил благополучно свой последний миллион, развозя из Ниццы в автомобиле выводок голеньких девиц, рекламируя уже на растроченные деньги им монтированное «Review»: на днях доразбил, уже окончательно, свою роскошную машину. Сам же еле из-под нее выкарабкался. Он, очевидно, пронюхал ваш готовый сценарий. Теперь если он умрет, ему уже не на что себя похоронить.

Кланяйся всем и пиши.

Твой любящий Саша

От Азы

Дорогой Ильф и Марусевич!

Если почитать письмо Прышкина, то кроме баловства никакой пользы Вам; все мне оставляет одни поручения дописать Вам. Покушал хорошо, а мне посуду мыть. Но так как я добрая жена и хорошая сестра и хочу, чтоб Вы меня похвалили, то вот отчет:

Саше поручили заснять целый ряд фабрик, производящих разные химические продукты и имеющих свои отделения в нескольких странах. Пригласили его как художника-фотографа

модерниста с тем, чтоб все было готово к будущему году к выставке в Брюсселе, где его и «повесят». В июле месяце он снимал фабрики около Парижа, затем поехал в Бельгию, где был в трех городах и тоже хлопал, затем 30-го июля на нашем Fiat'e и с Victoria (друг-трудработница) мы поехали в Cannes, сняли квартирку и отравлялись помидорами и другой зеленью, от которых я и Саша болели нестерпимо желудками, в которых как будто грызлись щука с собакой, и мозги наши никак не могли стать на место. Загорали на конкурс, ежедневно делали экскурсии по побережью и в горы. Друзья заказали машину и требовали, чтоб Саша исполнял свой долг извозчика, иначе обижались и дулись, но все кончилось благополучно. 10-го июля Саша из Канн уехал опять снимать в фабрики в двух городках под Марселем, вернулся в Канн через несколько дней, откуда должен был поехать прямо в Испанию и Италию, но никак не мог получить визы в Ницце. Скакал каждый день из Канн в Ниццу к консулам и измотался страшно. Я исполняла роль секретарши и писала 10 писем в день во все направления. Саша почти меня угробил с посылаемыми отчетами дирекции в Париж, в Брюссель и т. д. и с нескончаемыми телеграммами и телефон. в консульство. Решили плюнуть на это дело и вернуться в Париж, чтоб тут хлопотать о визах, так как выяснилось, что надо будет здесь ему еще съездить в Швейцарию после Испании и Италии. C'était trop.

У моего Прышкинзона от таких встрясок голова заткнулась, и немудрено: куда ему, привыкшему работать в «тиши кабинета», одолеть столько стран и **тысячи** снимков, и дисциплину, на которую он всю жизнь гордо плевал, и никаких бараньих рогов. Каждый день он собирался плюнуть, но я не дала, и мы сели в Fiat, делали 90 kils в час и на следующий день приехали обалдевшие прямо в дирекцию, где выложили «все начистоту» и честно, и сейчас же Саша, в ожидании пока *состряпаются* тут визы, получал приказ, довольно лестный (О, мои отчеты!) отправиться в Эльзас и Лотарингию похлопать Вашим, принесшим ему счастье аппаратом. Вот он завтра и уезжает под Метц и вернется, вероятно, через неделю или 10 дней, а пока я побегаю по трем консульствам, как будто и не уезжала из Cannes. Так что *вакансы* были не из важнецких, устали очень, и придется здесь

в Париже слиться с природой в дождь, когда сейчас в Каннах чудное солнце, оставили и возможность нырять.

Пира вручил нам четыре тысячи, которые я храню, я думала, что по уговору следовало больше. Как Вы находите?

Целую Вас и Марусю. Пишите о себе скорее и любите нас.
Ваша Aza

Он... пронюхал ваш готовый сценарий. — Речь идет о киносценарии, написанном Ильфом и Петровым в Париже.

C'était trop (фр.) — это уж слишком.

15. Аза — Ильфу (открытка)

Paris 30 Septembre 34

Дружище Ильф!

Очевидно, Вы не руководимы чувством задолженности и не хотите нам рассказать, как и при чем Вы живете. Не имеем от Вас никаких откликов — ни письменных, ни sonog'ных. Но так как мы не окончательно прекратили нашу издательскую деятельность, то нам все-таки обидно.

Наш dit Fasini все время в бегах и стоит на грани двух событий — недоезда и переезда. Вернувшись из Швейцарии, проскочил теперь в Италию, вернется через несколько дней и поплывет в Испанию. Как видите, положение мое тяжело артиллерийское и Пенелопское, тем более что он требует сообщений — есть ли от Вас письма. Не находите ли Вы, что он умеет преувеличивать события, и мне стыдно за него. Если от Вас в кратчайший срок не будет ответа, значит, Вы нас похоронили, и будем только питаться приветами, посылаемыми Вами через Ставропулоса. Все-таки целую и Вас и Марусю.

Aza

16. Ответ парижского почтового отделения на телеграмму Ильфа, отправленную Фазини с сообщением о приезде, но не заставшую их в Париже

(принята в Москве 3 сентября 1935 в 9 часов утра)

A MOSCOU DE PARIS 2 25 ДОСТ НАЩОКИНСКИЙ ПЕР 3
КВ 34 И ИЛЬФ:

=7813 LEUX ALEXANDRE FASINI 37 RUE DEPART PARTI
SANS LAISSER D'ADRESSE=

«Александр Фазини... выехал, не оставив адреса».

17. Фазини и Аза — Ильфу

Открытка из Италии, адресованная в Москву

7/IX 35 *Nervi*

Дорогой Ильф, твое письмо мы получили с большим опозданием. Мы будем на Саргі, когда ты приедешь в Париж, к нашему огорчению. Никак не успеем туда к этому сроку. Сейчас мы отправляемся в банк, и если только не выйдет затруднений с пересылкой денег из Италии, ты их получишь к твоему приезду. Наведайся ко мне на квартиру, где ты у консьержки найдешь подробное письмо.

Твой Саша

Целую перецелуясь Вас, Марусю и Сашеньку.

Aza

Подробности посещения Парижа в 1935 году см.: Илья Ильф. Записные книжки. Первое полное изд. / Сост. и коммент. А. И. Ильф. — М., 2000. — С. 421, 422. Поэтому они увиделись только на обратном пути (Ильф писал в письме к М. Н. Ильф от 17 января 1936: «„Маджестик” придет в Шербург, наверное, числа двадцать восьмого, в Париже я посмотрю Сашу весьма недолго, ну три дня...»).

Сашенька — полугодовалая дочь Ильфов.

18. Аза — Ильфу

Предположительная датировка – конец октября 1935

A. Fasini

37, rue du D part, Paris (14^e) France

Дорогой Иля [рукой Фазини; далее – рукой Азы – А. И.].

Считаю своим долгом отчитаться.

После многообещающей Вашей телеграммы из Москвы с обещанием писать прошло два года замкнутого молчания. Было обидно. Не знали, что Вы собираетесь сюда к лету, когда мы обыкновенно отсутствуем. Вы не предупредили даже, что, может быть, Ваши 4 тысячи спокойно дремали в сейфе банка.

Поехали в Италию с ограниченным кредитом и с безграничным восторгом. После границ восторг помутнел: бензин и масло оказались больше чем вдвое дороже, нежели во Франции. Финансы наши трещали и *самопёр* также. Саша днями лежал под ним, постукивая арсеналом молотков, и плевался, но бензин и масло не прибавлялись, а лиры утекали. Надо было спешить делать снимки (удирая из города в город), которые нас прокормили бы зимой, когда лимоны не цветут. В Nervi, где гостили у нашего приятеля первые две недели по приезде в Италию, получили Ваше письмо из Москвы, посланное нам туда из Парижа, с **большим опозданием**, числа 10-го сентября, так как до этого нашего адреса не знали. В нем Вы неопределенно сообщаете, что собираетесь выехать в Америку и пробудете всего несколько дней в Париже, но что, в свое время, обо всем сообщите **точно**, и что хотели бы получить свои деньги, хотя боитесь, что мы где-нибудь на *вакансиях* и поэтому **напишете еще**. Мы были уверены, что Вы уже в Париже. Саша потерял сразу голову и нос и совсем залез в фотографический аппарат и под машину. А мне надо было действовать, так как боясь, что Вы уже выехали в Париж, не успеете получить от нас денег. [*Приписано*: Письмо Ваше мы получили 10-го сентября, и в нем Вы пишете, что выезжаете в Москву тоже 10 сентября. Доехать до Парижа из Италии уже никак нельзя было успеть]. Французских денег у нас с собой совсем не было, и вообще на всю поездку осталось очень мало. Я несколько дней в горячке ездила из Nervi (маленький пляж) в Генуа и обратно, чтобы поспешно менять нелегально лиры на франки с риском познакомиться с задворками дуче. Наш приятель и я всякими неправдами устроили пересылку Вам денег в конверте, которые, я боялась, будут конфискованы, но другого выхода не было, так как, получив в лирах, что тоже запрещено пересылать, Вы бы потеряли почти половину. А принимая во внимание, что мы еще в начале приезда в Италию поменяли все наши франки на лиры, а затем обратно — картина нашего разорения ясна, но я сделала все, что полагалось, думая только о том, чтоб деньги были в Париже ко дню Вашего приезда. Саша послал Вам одновременно на всякий случай письмо в Москву, чтобы Маруся знала, что деньги переведены, из чего Вы видите, что мы не знали даты Вашего приезда в Париж и скорее думали,

что Вы уже там. Мною же было послано несколько писем нашему приятелю Andr Schneider, чтоб он разместил их у нашей консьержки, на дверях нашей квартиры и у Пиры и чтоб ежедневно навещал и телефонировал Пире, чтобы не опоздать с вручением денег. Думали, конечно, и о Петрове. Денег этих Пире я не хотела доверять. Andr в продолжение почти трех недель три раза в день справлялся у Пиры и на rue de D part, приехали ли Вы. Между прочим, пожатия Вашей руки, которого он так радостно ждал не только потому, что он Ваш поклонник, но и потому что он восторженно симпатизирует всему, что делается в U.S.S.R., он так и не дождался... но не обиделся. Итак, если бы мы даже выехали немедленно в Париж, бросив наш план делать снимки в намеченных городах, для чего в сущности и предприняли всю эту поездку по Италии (думая, что она окупится позднейшими заказами), то с нашей старой клячей раньше чем через неделю или больше все равно не доплелись бы! Потом, поразмыслив, мы решили, что не застанем Вас уже в Париже («Выехать из Москвы полагаем числа 10 сентября»). Отослав Вам деньги, нам пришлось оставаться в Nervi больше, нежели предполагалось, что было скучно и досадно. Но другого выхода не было, так как я письменно вынуждена была просить одолжить мне по секрету от Саши, чтобы дать ему возможность поехать хотя бы в Рим и на Капри, чтоб сделать часть задуманной работы.

Мы сократили нашу поездку до минимума во всех отношениях и приехали в Париж с одной лирой и, как оказывается, со слов Марии Ивановны — накануне Вашей посадки на Normandie 30 сентября. Вот это было досадно очень, так как если бы мы знали, что Вы не выехали из Москвы 10-го сентября, а гораздо позже, то оставались бы на Капри не пять дней, а всего день и таким образом успели бы Вас повидать здесь. Но чья вина в этом, Иля, и как Вы могли так злостно обидеться, о чем прожужжали довольно ядовито нам уши греки, а теперь и Blanche написала. Я думала, что я героически себя вела, а оказалось, что мы просто свиньи. При моей чувствительности и нежном отношении к Вам все это ужасно, подавляюще действует на все мои перепонки. Punctum.

Blanche пишет, что Вас восторженно всюду принимают, чему мы очень радуемся, и что Вы были в Hartford'e, познакомив-

пись со всеми фамилиями, и что Вы купите автомобиль у дядьки, в котором поедете в Hollywood, затем из Калифорнии обратно в Нью-Йорк и на Кубу. А в Париж когда?

Вашего адреса мы не знаем, Blanche тоже не сообщает, а потому посылаю это письмо ей. Дайте Петрову прочесть это письмо, если хотите, хотя его мы, кажется, никак не обидели. Клянюсь ему сердечно. Нравится ли Вам Америка?

Целую много раз, какие известия Вы имеете от Маруси и, главное, от маленькой Сашеньки, как ее здоровье? Воображаю, как Вы должны скучать по малютке, я бы не выдержала.

Ваш друг и сестра,
любящая Аза

Я получила от Пиры в свое время только 4 тысячи франков. Может быть, Вы были недовольны, если Вам следовало больше, но больше он не вручал мне.

Punctum (нем.) — точка.

19. Фазини и Аза — Ильфу

1 Novembre 1935

Дорогой Иля,

помимо огорчений и сожалений, вызванных твоим приездом и нашим отсутствием, шлем тебе тысячу пожеланий и успеха.

В силу некоторых, греческих кривотолков, которым я покамест, до получения от тебя подробнейшего письма, еще не придаю никакого значения, надо полагать, что ты чем-то лихо недоволен. Те же греческие губки утверждают, что ты был мрачно недоволен нашим отсутствием и вообще...

Не имея привычки оправдываться даже в тех случаях, когда я явно виноват, я все же вместо обычных стратегических нападок позволю себе привести несколько доводов в свое оправдание.

Некоторые симптомы твоего недовольства довольно кисло отпечатались хотя бы в том, что ты не оставил ни полслова писанного или устного. Даже через тех же греческих глашатаев...

Итак, ни адреса, ни письма из Америки и никакой другой род контакта, столь необходимых для выяснения и объяснения всякого рода чувств...

Почему мы отсутствовали?

Потому что не имели никаких точных дат о дне твоего приезда. Потому что ты сам имел неосторожность написать, что пробудешь очень мало времени в Париже и что только на обратном пути останешься подольше...

Потому что мы были далеко, в Италии, и еще потому что машина, на которой мы полагали ездить взад и вперед, ездил только на нас и совсем не в том направлении, которое могло бы нас обнадежить...

Все это взятое вместе с той невнятной открыткой, которую мы получили от Марьи Ивановны и которой не разъяснили следующие письма Andr , заставили нас предположить, что все одно мы к сроку никак не приедем.

Вот почему мы все остатки моторной энергии уложили на то, чтобы переправить вам деньги, что представляло собой немалые трудности, для той же машины, которая имеет обыкновение пить керосин, как верблюд без доньшка.

Денег французских у нас с собой не было: высылать деньги из Италии и в особенности такую крупную сумму как четыре тысячи франков в эту эпоху уже было запрещено. Менять, конечно, было и убыточно, и хлопотливо, и еще более хлопотливо хлопотать...

Но мы заранее приняли в соображение, что если ты не увидишь нас, то во всяком случае увидишь «денег».

Как это делается, на мало знакомом языке, в мало знакомой стране с деньгами, которые явно хотят утратить знакомство с тобой и твоими родными, это вопрос той иностранной техники, с которой разбираются только пузатые банковские чиновники...

Кстати, поскольку вопрос зашел о деньгах, я очень хотел бы, чтобы ты сообщил мне — отвечает ли полученная тобой сумма в четыре тысячи франков тем расчетам о гонораре за перевод вашей книги тем условиям, о которых тебе в свое время должен был писать Пира.

Так как ты мне никаких поручений на этот счет не давал, а грек увиливал от каких-либо формальных заявлений насчет переговоров с издателем, то я до сих пор нахожусь еще в недоумении и не знаю, подложил ли он мне какую-нибудь свинью или еще подложит. Так что очень прошу тебя не забыть мне написать об этом, для успокоения...

Кончая с деловой частью письма и с самозащитой тоже, сильно надеюсь, что для тебя не представит большого труда сократить навет молчания и написать подробнейшее письмо, тем более что Петрову уже давно, вероятно, неловко и неудобно полное прекращение писательской деятельности.

Что заставило вас так неожиданно перебраться в Америку?

Сообщи массу подробностей о дочери с женой (с фотографией) и вообще...

Только что получили письмо от *Blanche*, сильно пахнущее кислой капустой, которое подтверждает наши догадки о твоей печальной сердитости. (Так что смотри в начале.) Аза сильно расстроена и оправится только по твоём приезде из Америки.

Если ты с Петровым в самом деле решили поехать собственноручно по Америке — то не могу воздержаться от бесплатного совета:

Ездить быстро и неосторожно на автомобиле очень легко. Нужно только давить правой ногой на левую педаль, все остальное уже давится автоматически. Гораздо труднее ездить осторожно. Займитесь этой частью перевозки. Впрочем, это покамест единственный способ приезжать туда и обратно.

Крепко целую.

Твой Саша

Искреннейший привет Петрову, *Blanche* и др.

От Азы

Милый Иля, я если не в истерике от всех этих неприятностей, то только потому что не хочу огорчать Сашеньку. Тем более, что Вас мы так любим, и я хотела все лучше сделать, а вышел один конфуз и загвоздка в наших отношениях. Поскорее пришлите *ответку* и скажите, что Вы все поняли и любите нас, иначе не живется спокойно. Целую и жду Вашего поцелуя.

Ваша Аза

20. Фазини и Аза — Ильфу

25 февраля 36

Дорогой Илюшкинд.

Начав письмо с кляксы и помарок, я сразу упал духом и никак не могу тебе объяснить, почему я с таким опозданием вы-

сылаю твои письма и журналы. С другой стороны, поджидая обещанного тобой письма с подробными сведениями о твоём самочувствии. Надеюсь сильно, что твои опасения оказались преувеличенными и ты уже спрятал термометр в дорожный чемодан. Обязательно напиши, что тебе сказали врачи, если ты только советовался с ними. Работаешь ли и что вы думаете сделать с американскими впечатлениями? Пришел ли ты уже в себя или еще продолжаешь наступать по привычке на магазины? Напиши обо всем подробно. Что касается греков, то они дуются, раздувая греческие губки. У нас все по-прежнему, вперемешку с дождем, градом и проч. слякотью.

В грустях по твоему столь краткому пребыванию и сквозному проезду я в течение некоторого времени чувствовал себя как-то *вышибленным из рельс*. Сейчас все вошло уже в колею, и я жду следующего приезда: надеюсь, скорого. Во всяком случае, не далее как через два года.

Сообщи также, благополучно ли вы доехали?

Извини за короткое письмо, но я столько писал в последнее время, что нажил себе что-то вроде «раматиза» головы и руки.

Целую. Твой Саша

Приветы: Марусе
Сашеньке и от меня
Мише в квадратуре круга.
Нюме Aza
Е. Петрову
тебе и проч.

От Азы

Спасибо, что переслали посылку, только напутали с туфлями и, кажется, со *сьютором*, так как по описанию Марии Яковлевны туфли она получила в клетку и сьютор с железными пуговицами и какой-то маленький, так что он ей даже на пупик не налезает. Но ничего, она продаст его и купит что-нибудь другое, как я ей написала. Думаю, что на почте постарались. Если Вы получите из Одессы свидетельство от Марии Яковлевны о смерти Канторовича или от кого-нибудь другого, то если возможно, засвидетельствуйте его во французском консульстве в Москве и будьте таким хорошеньким выслать мне его. Если за-

свидетельствовать никак невозможно будет, то пошлите мне его так. Сколь я благодарна буду, об этом можете сами догадаться. Сашеньке мои нежные поцелуи.

Вашей жене и Вам также.

Aza

21. Фазини — Марусе Ильф

7 мая 1937

Дорогая Маруся,

мы получили Ваше письмо и книгу почти одновременно. Если я сам до сих пор ничего не писал Вам, то это только потому, что я не находил нужных слов. Только с Вашим письмом я по-настоящему осознал весь ужас того, что произошло. О смерти Или я узнал на другой же день, 14-го в половине второго дня, по радио. Я почти никогда не слушаю радио днем. В этот день я почему-то открыл его. Я услышал конец какой-то английской телеграммы и вслед за этим, немедленно, французский пост объявил о смерти Или. Это было так внезапно, так оглушающе, что я даже не был в состоянии верить или сомневаться в том, что я услышал. В тот же день вечером я нашел заметки в газетах «Temps» и «Ce soir».

Я постоянно думал об Иле, а в последние дни особенно часто. Я мечтал о том, что он приедет сюда, как когда-то мне обещал, с Вами, с ребенком. Такие люди, как Иля, никогда не уходят, не уезжают совсем. Они всюду оставляют по себе часть себя. Улицы, по которым мы с ним бродили, до сих пор насыщены им. Маленькое синема, что подле меня и в которое Иля так любил ходить, всякий раз, когда я прохожу мимо него, заставляет меня особенно интенсивно думать о нем.

Я мало знал Илю юношей. Я узнал его по-настоящему только здесь, в первый его приезд. Я Илю не только полюбил, я влюбился в него. В нем столько было очарования. Иля меня восхищал своим умом, совершенством своего характера, и если я когда-либо испытал настоящее чувство гордости, то именно в этот период нашей близости.

Уже в первый раз, когда он пришел ко мне, я отнесся с некоторой подозрительностью к румянцу на его щеках. Мне казалось, что я не помнил его таким, но он был так бодр, так весел и разговорчив, когда мы оставались одни, что я скоро перестал

обращать на это внимание. Конечно, он иногда пугал меня своей нервозностью, вспышками какой-то чрезмерной нежности. Но это были мгновения. Во всяком случае, в течение этого месяца он ни разу не жаловался на свое здоровье, несмотря на то, что жизнь он здесь вел достаточно утомительную. Днем, в большинстве случаев, мы с ним бегали по городу. Вечером он всегда бывал куда-либо приглашен и приходил ко мне после 12 ночи. Оставался поздно и бесконечно рассказывал. Мне еще о стольком хотелось расспросить, о чем только он мне мог рассказать. Я все откладывал, все надеялся на то, что он приедет на более продолжительный срок, и с Вами, что мы поедem к морю, где не будет никаких визитеров, ни беготни. Никак я не думал, что все это так быстро, так ужасно кончится.

Когда Иля вернулся из Америки, я пошел встречать его на вокзал. Я нашел, что он похудел, мрачноват, но не чрезмерно. Мне казалось, что он должен был все же устать от такого длительного путешествия. Я отвез его в отель, и так как мне нужно было забежать на минутку домой, то Иля попросил меня принести ему термометр. Я спросил его, не простужен ли он: «Не знаю, что-то нездоровится».

Когда я вернулся, мы отправились в ресторан. При сильном свете Иля мне показался гораздо более похудевшим и усталость его более острой, но весь вечер он был очень оживлен и много говорил об Америке.

Не помню, было ли это на другой день или через день, мы с Илей пошли погулять. Гуляли не дольше обыкновенного, и вдруг он помрачнел, стал жаловаться на усталость и захотел вернуться. Тогда мне показалось, что эта внезапная усталость была следствием небезосновательного испуга. А произошло вот что. Когда мы с Илей пересекали Тюильри, с проезжавшего мимо нас грузовика сорвался огромный мешок угля и упал так близко у ног Или, что все прохожие испуганно шарахнулись в сторону. И было отчего — такой мешок несомненно весит пудов 7–8, и попади он на Илю, без сильного увечья не обошлось бы. При той впечатлительности, которой отличался Иля, этот случай не мог пройти для него незаметно.

Когда мы вернулись в отель, Иля прилег. Вечером они с Женей должны были куда-то пойти, но Иля отказался и не пошел.

Лежал, все время измеряя температуру, которая у него была нормальная, но тут я впервые заметил, что Иля кашляет как-то нехорошо, частым суховатым кашлем. Настроение у него сделалось ужасное, все время возился с термометром, жаловался на усталость, боится, что у него туберкулез, что врачи в Нью-Йорке советовали прекратить путешествие.

Напугал он меня страшно, так как я понимал, что здесь дело не только во мнительности. Я умолял Илю остаться еще на несколько дней, отдохнуть, посоветоваться со здешними лучшими врачами-специалистами, успокаивал его как мог, зная, что здесь в лечении легочных больных сделали огромный прогресс. Иля ничего не хотел слушать. Ему страшно быть так далеко от Москвы без Вас, без Сашеньки. Все мои уговоры ни к чему не привели.

На другой день я обо всем этом очень серьезно говорил с Женей. Женя меня в течение двух часов уверял, что у Или никакого туберкулеза нет. Правда, первый врач в Америке (кажется, женщина), который Илю выслушивал, будто бы говорил об этом, но будто бы это предположение было опровергнуто радиографич. снимками второго врача, специалиста по легочным болезням.

Не знаю, дорогая Маруся, что обо всем этом думать, мне, как и вам, мало понятны соображения врачей, скрывающих правду. Может быть, здесь Илю и спасли бы. У меня не было никаких оснований не верить Жене, он меня так искренне уверял, что положение Или не опасно, но все же я остался с очень тягостным чувством и страхом за Илю.

Рассуждать об этом теперь уже более чем поздно, и все же мучительно рассуждаешь. Вы, так же как и я, знаете, что никакое утешение не даст Вам забыть Илю. У Вас есть Сашенька, берегите ее и себя. Вы приедете сюда с нею, возможно ли это?

Ваш любящий Саша

*Публикация и комментарии
А. И. Ильф*

А. Н. Полторацкая

ЖОРЖ СИМЕНОН — ПОКЛОННИК ОДЕССЫ

Известный бельгийский писатель Жорж Сименон (1903–1989) — автор более чем 400 романов, 20 книг-воспоминаний, большого количества репортажей, среди них и об Одессе тридцатых годов. Его произведения переведены на сорок языков. По его романам создано 52 кинофильма, 24 телефильма и театральные постановки. Он был членом двух академий и почетным членом нескольких университетов, лауреатом десятков международных премий.

Переписка с Жоржем Сименоном началась с первых дней создания Одесского литературного музея в 1978 году. В результате в фондах музея появились письма, книги с автографом, трубка писателя.

Ж. Сименон с братом. 1910-е

Жорж Сименон родился 13 февраля 1903 года в Льеже. Уже в 1919 году в возрасте 16 лет он начинает работать репортером в местной газете, где и печатает несколько своих сказок. Через три года переезжает в Париж. Начало его творчества отличалось завидной плодовитостью: более 10 тысяч сказок было опубликовано на страницах французских газет. Это качество он сохранил до конца своих дней.

По просьбе писателя Жозефа Кесселя Сименон пишет для журнала детектив, серию новелл, где впервые появляется имя Мегрэ. Когда Сименону было 26 лет, он оборудовал в голландском городке Делфзейле маленькую ях-

ту под рабочий кабинет, сел за стол и, не останавливаясь, написал первую повесть «Питер-латыш» о комиссаре, никак не предполагая, естественно, что Мегрэ делается столь знаменитым. 20 февраля 1960 года в Делфзейле был открыт памятник комиссару Мегрэ.

По словам мадам Свингс — главы Фонда Жоржа Сименона (автор данной статьи встретила с ней в музее Жоржа Сименона в Льеже¹), когда писатель садился за роман, он не знал, какие события ожидают его героев. Он импровизировал каждый день, был не только создателем персонажей, но и их «сопереживателем». Даже начиная последнюю главу, Сименон не знал, кто истинный преступник и каковы мотивы его преступления. Прежде чем сесть за роман, он составлял список имен будущих героев, фамилий их жен, любовниц, знакомых, детей, выписывал данные на всех родственников, даже самых дальних. Обязательно заранее собирал адреса, номера телефонов. Последняя глава бывала для него особенно трудной и напряженной.

Жорж Сименон не прекращал писать романы до 70 лет. Затем он стал публицистом.

«Когда я решил прекратить писать романы, я решил дать интервью одному журналисту в Лозанне. Ему я объявил, что мне исполняется 70 лет. Статья этого журналиста была переведена во всем мире. Посыпались телеграммы, письма, бесконечно трещал телефон. Ко мне направились целые бригады телевизионщиков. Я был в отчаянии. Тогда я заявил своему журналисту, что это мое последнее интервью и что я становлюсь публицистом. Так я стал свободным человеком, таким, как все»².

Нужно заметить, что публицистика увлекала его с середины двадцатых годов. С 1928 по 1946 год Жорж Сименон объездил всю Европу: Францию, Бельгию, Голландию, Норвегию, Италию, Польшу, Латвию, а также СССР (Одесса и Батуми), Турцию и Африку. Свои путешествия оплачивал гонорарами от публикаций репортажей. К 100-летию со дня рождения писателя в Лозанне было обнаружено 3000 фотографий, снятых самим Сименоном во время путешествий.

Из писем, романов, мемуаров, сборника «Мои учения. Репортажи 1928–1946 гг.» (Париж, 2001), изданного к столетию

Сименона, следует, что Жорж Сименон побывал в Одессе два раза — в 1933 и 1965 годах. Первый раз Сименон приехал в Одессу вместе с женой, художницей Тижи.

Ж. Сименон с женой. Одесса, 1933

«Жорж Сименон прибыл в г. Одессу из г. Стамбула 20 мая 1933 года как французский журналист на итальянском пароходе «Квиринале», по национальному паспорту № 38906. Виза № 63620 выдана иностранным консульством в г. Стамбуле до 20 июня 1933 года. Вместе с ним прибыли: его жена; гражданка США — Алисон Хьюз-Хол (Алиса Халь), 1898 г. р., родилась в Манчестере, репортер-журналист; Ада Миндлин, 1875 г. р., туристка, доктор.

Иностранцы поселились в гостинице «Лондонская». Жорж Сименон занял номер 35. Для передвижения по г. Одессе он использовал интуристский «Линкольн». Ж. Сименон интересовался жизнью простых людей. В его окружении всегда собирались группы заинтересованных граждан, которых он фотографировал.

25.06.1933 года на п/х «Грузия» Жорж Сименон убыл в г. Батуми, где намеревался пробыть до 01.07.1933 года. Из Батуми должен был отправиться в Константинополь»³.

Репортажи об Одессе были впервые опубликованы в нескольких номерах французского еженедельника «День» в 1934 году⁴. Впечатления о визите в СССР легли в основу книги «Люди в доме напротив» (Париж, 1934). Действие романа происхо-

дит в Батуми. Автор отражает созданную сталинским режимом удушливую атмосферу в стране.

Во второй раз писатель повторил это путешествие вместе с детьми и внуками в 1965 году.

«Россия вошла в мою жизнь страной своеобразной и яркой»⁵, — писал Жорж Сименон. Много впечатлений вынес писатель от этой поездки, так как воочию убедился, какие существенные изменения произошли в этих приморских городах.

«Я приезжал в Одессу два раза, второй раз с детьми и внуками. У меня об этом городе прекрасные воспоминания. Больше всего меня поразили улицы, засаженные деревьями в цвету, и в предместьях города маленькие домики, очень веселые и разноцветные»⁶ (из письма от 26 сентября 1978 г., Лозанна, Швейцария).

В письме от 8 ноября 1978 г. Сименон сообщает, что на страницах своего автобиографического романа «Педигри (Моя родословная)» он рассказывает об одесситке Фриде Ставицкой, которая проживала в семейном пансионе его матери. «Фрида Ставицкая с 1910 по 1914 год была связана с руководителями будущей революции, и бельгийская полиция часто допрашивала мою мать по этому поводу. Незачем говорить, что моя мать ничего не говорила о том малом, что она знала, а также о Ленине, с которым Фрида состояла в переписке».

Следует напомнить, что в начале двадцатого века в Льеже (в одном из крупнейших центров Бельгии), где жизнь была сравнительно дешевле, чем в Париже или Лондоне, училось более двух тысяч иностранцев. После поражения первой русской революции среди них было много поляков и русских. «Я видел, как они жили. Я жил вместе с ними», — вспоминал в одном из интервью Жорж Сименон. «Их организация «авансировала» им по 30 франков в месяц, которые они должны были возвратить по окончании учения. Не знаю, отдаете ли вы себе отчет в том, что представляли эти 30 франков в месяц. На эти деньги оплачивалась комната, — впрочем, у них часто была одна комната на несколько человек, — чай и одно крутое яйцо в сутки. Они проводили вечера за дискуссиями о революции и литературе. Благодаря им я прочел Пушкина, Достоевского, Гоголя, Чехова, им я обязан формированием своих взглядов»⁷.

В многочисленных интервью Жорж Сименон не упускал случая подчеркнуть свою любовь к русской классической литературе и влияние, оказанное ею на его развитие как писателя. Творчество Достоевского он считает явлением, равным по размаху театру Шекспира, ибо Достоевский, «как Шекспир, коснулся почти всех состояний души человека», ибо он «сгусток человечности, которая вдруг прорвалась в двух десятках романов-шедевров». И именно у Достоевского, «в той или иной мере повлиявшего на всех писателей современности», Сименон берет «новую, сложную трактовку понятия вины».

«Однако наибольшее влияние оказал на меня Гоголь, — рассказывал в интервью Жорж Сименон. — Мне кажется, это самый великий писатель. А повесть Максима Горького «Мать» побудила меня после смерти матери написать книгу. Она посвящена ей, к ней и обращена... Из общения с русской прозой я вынес главное — стремление понять человека, а поняв его, лучше познать самого себя. Ведь именно этим отличались Гоголь, Толстой, Чехов, Горький. Я пытаюсь следовать русским писателям: иду от познания своих героев к познанию самого себя»⁸.

Вновь вернемся к роману «Педигри». Сименон подробно описывает первую встречу с Фридой. Он отчетливо помнит тот день, когда в их дом вошла девушка в простом черном костюме. У нее были гладко зачесанные волосы и бледное строгое лицо с большими черными глазами. Она сняла самую дешевую комнату в пансионе. По словам квартирантки, отец ее был сельским учителем и уже пять лет как находился на сибирской каторге. А она сама, по определению автора, принадлежала к группе нигилистов. Позднее стало известно, что Ставицкая получала скудное пособие (50 франков) и на эти деньги оплачивала свое жилье, учебу в университете на медицинском факультете, а также покупала учебники и еду. Она была чрезмерно горда, так как отказывалась даже от тарелки супа и чашки кофе, предлагаемых ей матерью Сименона. Девушка не признавала предметов уюта и вынесла из своей комнаты вазочки и цветы. Сименону запомнились только книги, конспекты и одна фотография, где на фоне убогого домишки стояла бедно одетая пожилая женщина с детьми. Писателю запомнился диалог между Фридой Ставицкой и ее матерью. Он приводит его в своем романе.

«Элоиза [ее прототипом была Анриетта Сименон, мать писателя — А. П.]:

— Это правда, мадемуазель Фрида, что в вашей стране люди готовят революцию? Скажите, что же вы устроите на месте того, что есть? Может, все богатые станут бедными, а бедные будут командовать?

Она не понимает ледяного презрения своей квартирантки. Она смеется нервным смешком, когда та бросает:

— Богатые бедными не станут. Мы их поубиваем.

— И вы способны сами кого-нибудь убить?

— Да.

— Вы рассчитываете стать после революции важной особой?

Фрида вздыхает.

— В вашей стране люди все говорят, говорят, они умеют только говорить да смеяться. Вы мало голодали»⁹.

В те годы в семью Сименона часто наведывалась полиция, уведомленная запросами о русских эмигрантах, поступившими из российского департамента полиции, и пересланными на них в Бельгию секретными материалами. Особенно интересовались Фридой Ставицкой и теми иностранцами, которые посещали ее и других жильцов. За ними был установлен негласный надзор. Подтверждает этот факт запрос Сименона в ЦГАОР СССР [Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР — А. П.] по этому поводу. Из полученной информации следовало, что херсонский губернатор в 1915 году запрашивал в департаменте полиции сведения о Ставицкой, которая с 1910 по 1914 год находилась в Бельгии. После революции о ее судьбе ничего не удалось установить. В письме от 8 ноября 1978 г., направленном в Литературный музей, Сименон писал: «В Одессе мне сказали, что она стала народным комиссаром, и больше о ней я ничего не узнал». Запрос автора данной статьи в Государственный партийный архив СССР остался без ответа. Можно предположить, что она, как и многие деятели революции, погибла в годы репрессий.

Жорж Сименон на протяжении всей жизни вспоминает о Фриде Ставицкой. «Я никогда не думал, что на свете есть такие женщины», — писал он.

Он радовался контактам, установленным с Одесским литературным музеем, о чем свидетельствуют строки из книги Э. Л. Шрайбер «Жорж Сименон. Жизнь и творчество».

«С 1978 г. у Сименона установился постоянный контакт с Одесским государственным литературным музеем. Он направил ему несколько своих книг и трубку, подобную тем, что предпочитает курить сам комиссар Мегрэ. 10 апреля 1978 г. Сименон писал сотрудникам музея о том, что с радостью снова приехал бы в Советский Союз и, конечно же, цветущую Одессу, где побывал дважды. Но, к несчастью, врачи запрещают ему путешествовать»¹⁰.

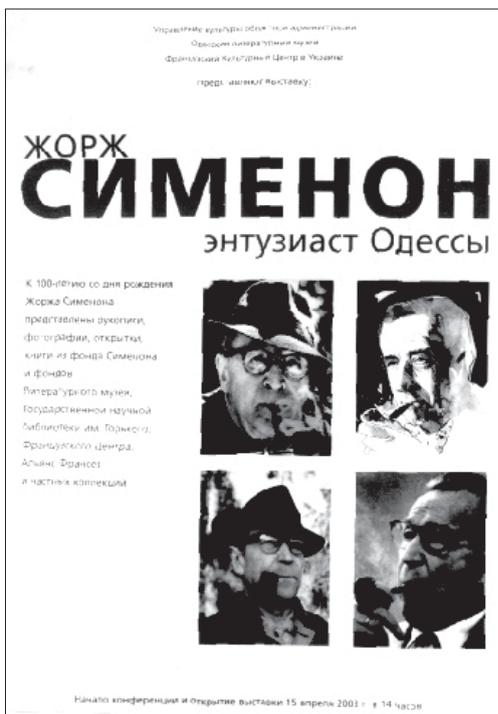
В 2003 году, к 100-летию со дня рождения писателя, сотрудниками Литературного музея была создана выставка «Жорж Сименон — энтузиаст Одессы» (в переводе с французского «энтузиаст» означает «поклонник»). Эти слова были написаны на одной из фотографий, направленной им в адрес ОЛМ. На выставке экспонировались материалы:

- из семейного архива Жоржа Сименона (предоставлены сыном писателя Джоном Сименоном, Литературный музей получил право на первый показ);

- из Фонда Сименона (Льеж, Бельгия);

- из архива СБУ Одесской области (подтверждающие приезд писателя в Одессу);

- из фондов Литературного музея,

Афиша выставки

- из Одесской государственной научной библиотеки им. М. Горького;
- из французского информационно-методического центра в Одессе;
- из частных коллекций (Одесса).

О пребывании в Одессе Жоржа Сименона бельгийской телекомпанией «Норд» совместно с Одесской киностудией был снят документальный фильм (идея Фредди Бонмариажа, режиссер Жан-Клод Рига). В титрах создатели фильма высказали благодарность Литературному музею за научную концепцию и предоставление материалов. Этот фильм прошел по экранам европейского телевидения в июле 2003 года.

При изучении архива Николая Алексеевича Полторацкого (отец автора статьи)¹¹ был сформирован комплекс материалов (письма, книги, рукописи) «В. В. Сухомлин. Т. И. Лещенко-Сухомлина». Василий Васильевич Сухомлин, сын народника, эсер, член Генерального совета Интернационала, в 1907 году по приговору Одесского военного окружного суда был сослан в Сибирь, бежал за границу, где прожил 50 лет, главным образом во Франции. Работал французским журналистом, переводил многих русских и советских авторов («Тихий Дон» Шолохова, «Анну Каренину» Льва Толстого, рассказы Бабеля, Эренбурга, Алексея Толстого и др.). Вернувшись на родину в 1948 году, продолжал работать во французской и советской прессе. Был избран членом Союза советских писателей. Незадолго до смерти, в 1967 году, написал книгу «Гитлеровцы в Париже».

Татьяна Ивановна Сухомлина – известная исполнительница старинных русских романсов, автор воспоминаний «Долгое будущее», первая переводчица Жоржа Сименона на русский язык. Воспоминания Татьяны Ивановны написаны в форме лирического дневника и охватывают большой исторический период с середины 30-х, когда, после долгих лет жизни за границей, она вернулась в СССР, до 80-х годов. Довольно часто в повествование вводятся фрагменты воспоминаний о годах, проведенных в США, Испании, Франции. Особое место отводится повествованию о сталинских лагерях, в которых она находилась с 1946 по 1952 год (шесть месяцев она провела в одиночной камере Лефортовской тюрьмы). Хочется вспомнить один из приездов Татьяны Ивановны в Одессу в 1983 году.

«Я бы приехала в Одессу, в город моего раннего детства, в город, где жили Сухомлины. Пела — хорошо, радостно пелось! На дне рождения у Наташи Полторацкой¹²».

В этот вечер на даче Полторацких говорили о многом, потом коснулись работы автора в музее и переписки с Жоржем Сименоном, с которым Татьяна Ивановна была лично знакома. Она любезно согласилась выступить перед сотрудниками музея. Т. И. Сухомлина рассказывала только о своих впечатлениях от встреч с Жоржем Сименоном, о его розовом домике в Лозанне, о прекрасном швейцарском ландшафте. И ни слова о себе. Конечно, надо было попросить Татьяну Ивановну рассказать о ее жизни в Америке, Франции, Испании, России. О втором муже, известном скульпторе Дмитриии Филипповиче Цапине и его окружении, о Василии Васильевиче Сухомлине, за которого она вышла замуж, вернувшись из воркутинской ссылки в 1954 году. Наконец, попросить ее спеть. Ведь она прекрасно пела русские романсы и пользовалась огромным успехом. Но тогда и в голову не приходило, что она, Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина, чем-то отличается от других. Она органично вписывалась в круг знакомых старшего поколения — людей образованных, стойких, энергичных, жизнерадостных, людей, наделенных внутренней свободой. Многие из них получили образование за границей и вернулись на Родину, чтобы поделиться своими знаниями и культурой. Ими много было пережито, но они, не забывая прошлого, жили настоящим и сохраняли радость общения и любовь к людям. Вполне естественно, что Татьяна Ивановна стала не только переводчиком произведений Жоржа Сименона, но и впоследствии его другом.

Предлагаем отрывок из воспоминаний Т. И. Сухомлиной «Мои встречи с Жоржем Сименоном» из архива Н. А. Полторацкого.

«Когда в 1959 году Д'Астье де ле Вижери, друг моего мужа, В. В. Сухомлина, приехал получать к нам в СССР премию мира, он привез мне очередную книгу Сименона «Президент», сказав, что считает ее лучшей книгой Сименона. Иностранное издательство заключило со мной договор, и вышла книга с четырьмя повестями под об-

щим названием «Желтый пес». С тех пор в нашей стране стали печатать книги Жоржа Сименона. В 1976 году я получила от Сименона письмо с просьбой прислать ему для коллекции мой перевод «Президента», и у нас завелась переписка. В 1978 году я поехала в Швейцарию и, конечно, написала Сименону, живущему в Лозанне, что очень хотелось бы повидать его. Я получила в ответ приглашение приехать такого-то числа. Первое наше свидание в марте 1978 года я запомнила как удивительно приятное. День выдался светлый, веселый, как праздник. Сияло солнце, Альпы и Монблан как на ладони. Озеро Лемен, которое на этом конце называется Женевское озеро, лежало тихо, как зеркальное отражение голубого неба. Тепло! Весна.

Машина подъехала к скромному домику розового цвета. Дверь открыла приветливая темноволосая женщина по имени Тереза¹³. Она ввела меня в просторную светлую комнату, почти без мебели. Навстречу мне, улыбаясь, шел Сименон. Посреди комнаты стояли два больших кресла, в которые мы сели. Окно во всю стену смотрело на зеленую лужайку. В центре ее высился могучий развесистый кедр, по траве прыгали воробьи, как две капли воды похожие на своих московских собратьев.

Между нами сразу же установился контакт. Не было ни малейшей позы, натянутости. В Сименоне ни тени высокомерия, важности. Он прост, приветлив и серьезен. Воцарилась душевная теплота и дружелюбие. Он среднего роста, светлый шатен, худощавый, элегантный. У него приятное моложавое лицо, улыбка искренняя и поэтому пленительная, очень умные, внимательные карие глаза. В 1978 году ему исполнилось 75 лет, но выглядит он гораздо моложе. Заговорили о его книгах. Он сказал, что по утрам он диктует на диктофон воспоминания, мысли, но романов не пишет. Сименон подарил мне свою фотографию и книгу «Письмо к матери» с надписью «Моей первой переводчице в России в память о ее визите в мой розовый домик с моим восхищением ее *виталитэ* [жизнестойкостью]».

На прощание мы обнялись, как старые друзья, с ним и его подругой. Счастье, когда переводчик видит в своем авторе не только прекрасного писателя, но и прекрасного человека».

О популярности произведений Жоржа Сименона можно судить и по открытке из архива Н. А. Полторацкого, направленной ему в 30-е годы грузинским князем Иламазом Дашкилиани по адресу: 1, Imp. de Vanves, Malakoff (Seine).

Открытка И. Дашкилиани Н. Полторацкому, 1937

«A bord du Trait¹⁴

18.8.37

Не знаем точно куда идем — предположение: Дреур — Руен — Бордо. Очень маленький карго¹⁵. Капитан угрюмый — лейтенант вежливый — «второй» (second) очень любезный — что-то шаржируем и дешаржируем¹⁶, атмосфера романов Simenon.

Hommages autour de vous. Affectation Ilamas D.¹⁷

А что говорит Н. Л.¹⁸ относительно убийства усташей¹⁹.

Исследование творчества Жоржа Сименона продолжается, и, весьма вероятно, будет найдено еще не одно звено в цепочке связей писателя с нашим городом.

Примечания

¹ В сентябре 2001 г. по приглашению автора проекта «Компьютерная версия фото Жоржа Сименона» Фредди Бонмариажа я посетила Льеж и ознакомилась с экспозицией музея и материалами фонда Жоржа Сименона.

² Simenon Georges. Un homme comme un autre [Человек как все]. — Paris, 1975. — P. 8.

³ На запрос администрации Литературного музея № 1-19-84 от 13.10.2001 в адрес Управления СБ Украины в Одесской области получена справка № 10/456 от 12.04.2002 по материалам архива Управления СБ Украины в Одесской области по факту пребывания Жоржа Сименона в Одессе в 1933 г.

⁴ 23 статьи были опубликованы в еженедельнике «День» [Le Jour], 4—15, 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29 апреля, 1, 3, 5, 8 мая 1934 г.

⁵ Семенов Ю. Россия вошла в мою жизнь страной своеобразной и яркой // Литературная газета. — 1980. — 9 января.

⁶ Здесь и далее приводятся письма к А. Полторацкой (рукописный фонд ОЛМ).

⁷ Шрайбер Э. Л. В гостях у Жоржа Сименона // Литературная газета. — 1970. — 20 мая.

⁸ Модестова Н. А. Комиссар Мегрэ и его автор. — Киев, 1990. — С. 32.

⁹ Simenon Georges. Pedigree [Педигри. Моя родословная]. — Paris, 1948. — P. 32.

¹⁰ Шрайбер Э. Л. Жорж Сименон. Жизнь и творчество. — Ленинград, 1983. — С. 215.

¹¹ Полторацкий Николай Алексеевич (1909—1991), церковный деятель, преподаватель-переводчик. Родился в дворянской семье Курской губернии, в 1925 эмигрировал во Францию. Окончил в Париже Высшую школу экономических и коммерческих наук ESSEC, переводческое отделение юридического факультета Парижского института права. Работал в издательстве «Атье» [Hatier]. Одновременно состоял ответственным секретарем Благочиннического совета Русской православной церкви во Франции, под юрисдикцией Московского патриархата. Технический секретарь бердяевской Религиозно-философской академии (РФА). Начальник Братства Св. Фотия (1946—1948). Участник Русского студенческого христианского движения (РСХД). Участник движения Сопротивления. В 1946 принял советское гражданство, вернулся в СССР и был направлен на работу в Одесскую духовную семинарию, работая одновременно переводчиком в иностранном отделе внешних церковных отношений Московского патриархата. В архиве Н. А. Полторацкого собраны материалы (документы, рукописи, фотографии, доклады, книги, письма и открытки), освещающие культурно-общественную и повседневную жизнь дореволюционной и послереволюционной жизни России и Франции 20—40-х годов, а также советский период с конца 40-х по 90-е годы XX столетия.

¹² Полторацкая Наталья Филипповна — преподаватель, переводчик.

¹³ Тереза — гражданская жена Жоржа Сименона.

¹⁴ На борту «Тре».

¹⁵ Маленькое судно.

¹⁶ От французского «charger» — грузить, «decharger» — разгружать.

¹⁷ «С почтением ко всем вам. Любящий Иламаз Д.»

¹⁸ Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965) — русский философ XX в., основатель интуитивизма в России. Система Л. явилась в XX в. единственной последовательной философской системой, по большей части согласующейся с православной церковностью. Она основана на видении мира как царства свободных и любящих друг друга деятелей. В 1922 вместе с другими представителями общественной мысли выслан за пределы страны.

¹⁹ Усташи — члены хорватской фашистской организации. Буквально — «повстанцы».

Библиография

1. Simenon Georges. Mes apprentissages. Reportages [Мои учения. Репортажи]. 1931—1946. — Paris, 2001.

2. Simenon Georges. Pedigree [Педигри (Моя родословная)]. — Paris, 1948.

3. Сименон Ж. Я диктую: Воспоминания. — М, 1984.

4. Шрайбер Э. Л. Жорж Сименон. Жизнь и творчество. — Ленинград, 1983.

5. Модестова Н. А. Комиссар Мегрэ и его автор. — Киев, 1990.

6. Шрайбер Э. Л. В гостях у Жоржа Сименона // Литературная газета. — 1970. — 20 мая.

7. Шрайбер Э. Л. Вновь с Жоржем Сименоном // Литературная газета. — 1988. — 10 февраля.

8. Затонский Г. Вновь с автором романов о комиссаре Мегрэ // Литературная газета. — 1969. — 5 марта.

9. Семенов Ю. Россия вошла в мою жизнь страной своеобразной и яркой // Литературная газета. — 1980. — 9 января.

10. Лещенко-Сухомлина Т. Долгое будущее: Воспоминания. — М, 1991.

11. Лещенко-Сухомлина Т. Долгое будущее: Воспоминания. — М, 1993.

12. Simenon Georges. Un homme comme un autre [Человек как все]. — Paris, 1978.

13. Архив семьи Полторацких.

14. Митрополит Антоний Сурожский. Труды. — Москва, 2002.

Т. Ф. Фоогд-Стоянова (Амстердам)

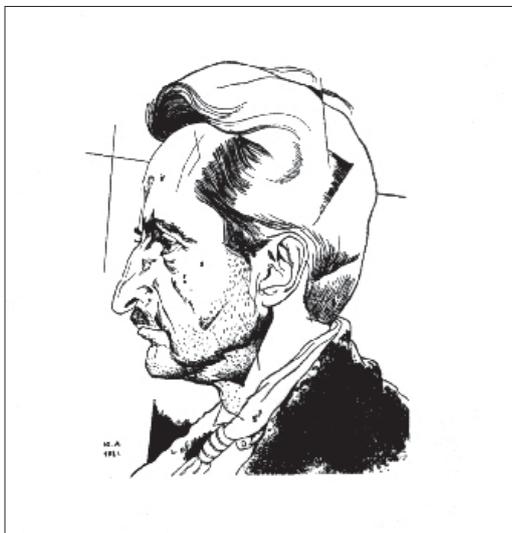
ПИСЬМА ВЛАДИМИРА АЛЕКСЕЕВИЧА ПЯСТА

Отрывки из книги

Я знала Владимира Алексеевича Пяста с 1933 по 1940 год. Знать его я, конечно, *не* знала. Он жил в Одессе в Рождественском переулке, 7, снимал комнату у известной в те годы семьи Инглези. Моя мама¹ познакомилась с ним у Дерibasов² на их субботках. Пяст часто стал бывать у нас на Нежинской. Я каждое утро занималась у мамы музыкой, но жила у Скроцких³, и мы с ним очень редко виделись. Иногда ездили вместе зимой на море в Аркадию или в Отраду. И там гуляли. Владимир Алексеевич любил всякого рода спорт. Он написал книгу о плавании. Всегда ездил на скачки. Повел нас с Натой⁴ однажды на футбол на стадион, который находился у Куликова поля. Второе мое посещение футбольного матча имело место в той же Одессе. И только потому, что в 1962 году голландская команда «Блау-Вит» играла со СКА.

На полном серьезе Владимир Алексеевич уговаривал маму протянуть через нашу единственную комнату канат, чтобы мы с Натой могли на нем учиться балансировать.

О Владимире Алексеевиче я знала больше от мамы. До конца жизни он не переставал быть темой ее ежедневных воспоминаний. Всегда находился

В. Пяст. Портрет работы Ю. Анненкова. 1921

предлог что-нибудь рассказать о нем. Причем, смеясь и как бы в лицах представляя его чудачества, мама относилась к нему как-то благоговейно, хотя годы, которые она провела с Пястом, проходили далеко не просто. И не только по материальным причинам и из-за отсутствия своего угла в Москве. Если мама оставалась в Одессе, то Владимир Алексеевич всегда почти находил приют в Столешниковом переулке у Сергея Игнатьевича Бернштейна⁵, известного языковеда-фонолога, с которым их соединяла крепкая дружба и вопрос о произнесении поэтами стихов. В начале двадцатых годов Бернштейн создал богатейшую фонотеку, записав голоса тогда еще здравствующих поэтов. Мне посчастливилось слышать несколько таких записей: Маяковского, Есенина, Багрицкого, Блока.

В середине шестидесятых годов в Москве была издана пластинка «Говорят писатели». Приблизительно в те же годы я навестила Бернштейна. Он хотел передать несколько хранившихся у него писем (моих и моей сестры) к В. А. и несколько пустых коробок из-под папирос «Казбек» и «Сальве», где были записаны Пястом результаты шахматных матчей, информацию о которых он составлял для какой-то московской газеты. Они хранились долгие годы у Бернштейна. И он был очень доволен, что наконец смог отдать их мне в полной сохранности. Сергей Игнатьевич рассказал, что в шестидесятом году его дом в Столешниковом претерпел капитальный ремонт. Все жильцы на какое-то время получили пристанище кто где. Но в подвальном помещении возможно было оставить кое-какие вещи. Туда же перенесли упакованные в коробках знаменитые валики с голосами поэтов. В скором времени оказалось, что большинство коробок было вскрыто и содержимое их чуть ли не молотками разбито!.. Немыслимо представить себе подобный вандализм. И трудно понять то учреждение, куда обращался Сергей Игнатьевич с просьбой дать приют этим невозместимым документам русского наследия, отказавшее ему в этом.

Я знаю, что валики с голосом Владимира Алексеевича тогда избежали этой страшной участи. Но попытки получить возможность послушать их не увенчались успехом. Однако в памяти сохранились и живут еще отзвуки пястовского голоса, когда он учил меня декламировать пятую главу «Онегина», «Песню про

купца Калашникова» и многое другое, что я слышала у нас на вечерах, когда приходили гости. Владимиру Алексеевичу нужна была аудитория, и он почти всегда пользовался просьбой почитать стихи. Он был мастер и никогда не считался с возможностями, то есть невозможностями, коммунальной квартиры. А голос его гремел...

В одном из писем он рассказывает:

«С предвзятыми взглядами отнесясь к маминому писанию и думая, что она преувеличивает, Вы, очевидно, не поверите тому, что она напишет Вам про то, как выказалось жюри относительно моего выступления. Когда выйдет из печати статья об итогах Лермонтовского конкурса⁶, написанная членом жюри С. В. Шервинским⁷ (поэт; беллетрист; переводчик; он схож со мною, но сам не читает, а учит других), надо будет постараться достать этот № журнала и послать Вам. Спасибо Вам за пожелание участия в третьем туре. Но я, хоть во второй – выступив со сверхмерным напряжением связок, при наличии врача в жюри (голос мне отказывался повиноваться) – и принят, но вряд ли в нем [...] выступить смогу... Вот какая беда случается со мною – увы, не в первый раз в жизни... А в сентябре этого года, 1939, мой голос звучал, как никогда в жизни...»

(Из письма от 13 марта 1939 г.)

Сосредоточиваясь сейчас на тех годах, когда Пяст вошел в нашу жизнь (1933–1940), я вспоминаю только один – назову его «период семейной жизни»: июль и август 1939 года в Москве. Владимир Алексеевич снял для нас всех квартиру на Солянке, 5. Найти ее стоило труда, потому что, кроме всяких удобств, там должно было быть фортепиано, чтобы я не пропускала занятий по музыке. Следили, чтобы я ни дня не манкировала положенными двумя часами занятий. Никаких переговоров на этот счет не было, это разумелось само собой! А ведь по плану надо было как следует познакомиться с Москвой и ее окрестностями, надо было ходить на концерты в консерваторию, узнать Третьяковку, где почти рядом, в Лаврушинском переулке, была запланирована стройка кооперативного дома писателей, куда уже поступали от Пяста взносы.

В квартире на Солянке мы прожили лишь один месяц. Потом было найдено подобное помещение в Лопухинском переулке. И опять с фортепиано. А вместо Третьяковки мы стали ходить в Музей западной живописи на Кропоткинской (как тогда называлась Пречистенка), где в те годы находилась богатая коллекция импрессионистов. Потом, во время войны, вероятно, импрессионисты попали в запасники. И лет двадцать пять тому назад, если не ошибаюсь, они стали наконец выставляться на Волхонке в музее имени Пушкина.

Музей на Пречистенке, картины Мане, Моне, Ренуара, Гогена, Дега так поразили меня своей непохожестью на живопись Третьяковской галереи, что я с удовольствием неоднократно ходила туда одна, благо музей находился в пяти минутах ходьбы от Лопухинского переулка. Я помню в одном из залов три или четыре картины Моне Руанского собора, написанные в различные моменты дня, где четкость и объемная форма его фантастически менялись. Казалось, что солнечный свет, а особенно *воздух*, окутывающий собор, позволяют нашей фантазии представить себе те изменения в общем образе собора, которым он подвергался в течение своей долгой жизни со времени создания — начала XIII века.

В одиннадцатилетнем возрасте, когда я впервые увидела В. А., мне было не разобраться в своем отношении к нему. Он каким-то образом меня притягивал к себе своей загадочностью. Мы никогда не целовались при встрече. А встречи были очень редкие. С самого начала он обращался ко мне на «вы» и разговаривал со мной на редкость вежливо. Никогда не говорил просто так, ни о чем, как это обычно бывает между людьми. Он не бывал ни у кого из наших родственников.

У мамы было несколько друзей мужчин. Были и поклонники. Они навещали маму в нашей единственной оставшейся комнате, «гостиной», и никогда допоздна не засиживались. В те годы жизнь была суровая: улицы не освещались, зимы были холодные, гололедные. Одиноких прохожих то и дело раздевали, могли и убить... Владимир Алексеевич бандитов не боялся, причины не было: он ходил в отрепьях. К себе в Рождественский добирался поздно, да еще садился часа на два работать. А перед сном всегда долго сидел в кресле, обдумывая прошедший день...

Вспоминается Татьянин день 1935 года: сильный мороз, наша «гостиная» уже несколько часов отапливается двумя примусами. Пяст, довольный, приходит днем из Торгсина с огромным жареным гусем, закусками, громадными апельсинами и... полбутылкой вина! Ожидается человек десять гостей. Когда появляются Дерibasы и мама с гордостью и радостью показывает им роскошный стол, Анна Николаевна возмущается: «Как, только полбутылки вина?! Теперь вы согласны, Клавдия Ивановна, что он сумасшедший?!» Наконец все собрались, сели за стол наслаждаться небывалым в те годы ужином. Вдруг, с высоты своего дерibasовского величия, не обращая внимания на именинницу и ее маму-хозяйку, Анна Николаевна обращается к Пясту, который был не в курсе ее недавнего возмущения: «Простите меня, дорогой Владимир Алексеевич, перед вашим приходом я негодовала, как вы могли на все общество принести только полбутылки вина! Всем досталось лишь по полрюмки. Но теперь я должна сказать, что вино это — чудо: его более чем достаточно. Простите меня!» Вот что значит быть аристократкой!

С приходом к нам Пяста в доме появились незнакомые книги. Во-первых, испанцы, в издании «Academia»: Лопе де Вега, Тирсо де Молина и неведомые никому модернисты, такие как Эмиль Верхарн⁸, Сергей Соловьев⁹, Брюсов, Блок, Белый, первые сборники Ахматовой — «Четки» и «Белая стая», все в дореволюционных изданиях, три сборника Пяста — «Ограда», «Львиная пасть», «Третья книга лирики», в берлинском издании Гржебина¹⁰.

Здесь можно вспомнить анекдот, не раз слышанный мной от мамы. На вопрос, знает ли она Андрея Белого, мама со всей своей трогательной непосредственностью ответила: «Нет, Владимир Алексеевич, Белого я не знаю. Зато знаю Сашу Черного...» Мама не стыдилась пробелов в своем образовании, но у нее было поразительное чутье к красоте, глубине и истинности литературных творений. Владимир Алексеевич очень ценил ее вкус и гордился ею.

В одном из томиков Блока я обнаружила сокровище: с двух сторон исписанный рукой поэта листок бумаги. Я училась тогда в десятом классе. Нам преподавали по программе «советскую

литературу». Она начиналась Блоком. И вот на листке, оказавшемся в книге, на одной стороне Блок написал посвященное Пясту стихотворение, «дедикацию, уделившую Пясту частицу бессмертия» (Р. Тименчик¹¹).

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!
Хорошо в лугу широком кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, —
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах поутру идти!

А на другой стороне — знаменитую «Незнакомку», принесшую славу Блоку сразу же после своего появления.

Так стала я обладательницей, недостойной, разумеется, сокровища, держать в руках которое мне не могло и присниться. Я боготворила Блока, я не представляла себе человека, более достойного, чем Блок, этого звания! Мне казалось, что, завладев этим листочком бумаги, я прикоснулась ко всему, мне далеко еще не известному тогда, что написал Блок... Десятки раз перечитывая два этих стихотворения, я воображала, что слышу голос поэта. Я не могла его слышать. Ведь я ничего не понимала. Кроме, может быть, двадцати стихотворений, я тогда ничего еще не прочла. Ни его статей, его дневников, ни его писем — ничего об его отношении к людям. Я не могла представить себе его лицо. На блоковском портрете Серова, копия которого появилась у нас в «гостиной», просуществовала там двадцать пять лет, а теперь уже сорок как висит в Амстердаме, мне он не нравился. А вот голос Блока мне тогда, в школьные годы, «слышался»! Я узнавала что-то, читая об этом у Пяста:

«У него глубокий — «природой поставленный» — голос. Смелость, благородство и вместе мягкость — рыцарство — в каждом проявлении»¹².

По приезде в Одессу Владимир Алексеевич вел жизнь более чем скромную, которая соответствовала жизни большинства населения в голодной и холодной Одессе, в связи с проводимой на Украине коллективизацией. Однако Пяст сразу же вошел в среду людей науки, литературы и искусства: он стал постоянным гостем на дерибасовских субботах, где кроме одесской культурной элиты постоянно бывали приезжие музыканты, художники и артисты столиц. Назову лишь нескольких, с кем я там встретила ребенка. Это Мейерхольд¹³ со своим театром, долго гастролировавшим весной 1935 года в Одессе. Это Доливо-Соботницкий¹⁴, искусствовед, оригинальный камерный певец, профессор московской консерватории; Юрий Олеша¹⁵, подолгу застревавший в Одессе; Владимир Софроницкий¹⁶, большим поклонником которого был Пяст, водивший меня тогда на его концерты.

Само собой разумеется, что, упоминая имена таких замечательных людей, мне и в голову не приходит говорить о приятном, «культурном» времяпрепровождении, но о жизненной потребности находиться в той атмосфере, дышать тем воздухом, в котором человек, призванный творить, в состоянии работать, не теряя ни минуты из отпущенного ему времени.

Владимир Алексеевич был всегда в форме, я никогда не видела его раздраженным или нетерпеливым. Он был всегда начеку. Поэтому меня так ранили описания его страшных лет, когда, например, получив два-три полена для отопления своей комнаты в Доме Искусств, он нес их голодный, в каком-то оборванном плаще, а на ногах — в прикрученных веревками остатках обуви, на Васильевский остров, где жила его жена с двумя детьми, чтобы хоть как-нибудь ей помочь. Он отдавал им весь свой нищенский паек и сам неизвестно чем питался.

На подобные «анекдоты» о жизни Пяста в тот ужасный период я наталкивалась неоднократно. Переворачивая страницы мемуаров, я уже заранее боялась, что вот увижу сейчас четыре знакомые буквы фамилии и прочту что-нибудь тяжелое, но не найду ни слова о том, как сложилась его жизнь дальше. Фигура

Пяста, ставшая в мемуарной литературе двадцатых годов притчей во языцех, почти всегда лишена человеческого тепла и сочувствия. Я вдруг поняла, чего мне в этих пристрастных воспоминаниях не хватает: слов из блоковских текстов. Каждый раз, когда Блок записывает в дневниках или записных книжках, что с Пястом опять неблагополучно, он употребляет слова «милый» или «бедный»...

Слава Богу, что в детстве нас с Натой пощадила судьба: мы ничего не знали о состоянии здоровья и жизни Владимира Алексеевича до его приезда в Одессу. Я думаю, что во многих отношениях последние годы жизни были для него своего рода освобождением и «восхождением», когда его перестала терзать болезнь, но работоспособность была огромна и многогранна. Разумеется, мне была известна какая-то часть его работы, но все же...

Были заново отредактированы и изданы комедии Тирсо де Молина и Лопе де Вега в издательстве «Academia». Был переведен и издан в 1938 году роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Весной 1935-го приехал с гастролями в Одессу Всеволод Мейерхольд. Пяст был знаком с ним с давних времен, с 30 декабря 1906 года, когда Мейерхольд поставил в театре Комиссаржевской блоковский «Балаганчик», сыграв в нем Арлекина. Теперь же, зная, что Пяст в Одессе, он надеялся привлечь его к постановке «Бориса Годунова», которую уже начал обдумывать и собирался приурочить к пушкинским торжествам 1937 года. К той же дате было приурочено открытие нового грандиозного, по идеям Мейерхольда возводимого ГосТИМа¹⁷. Пресса все время писала о нем. Театр строился на две тысячи зрителей, без занавеса и кулис, действие должно было происходить на выдвинутой в зал овальной площадке, 34 метра в длину и 16 – в ширину. Ее окружали амфитеатром места для зрителей. Открытие театра должно было ознаменовать новую эру в театральном искусстве.

4 июля 1935 года из Одессы Мейерхольд отправил В. С. Глинскому¹⁸, помощнику директора ГосТИМа, следующее письмо:

«Мною сданы два заказа поэту В. А. Пясту и взят перевод пьесы Лопе де Вега.

1. Прошу приготовить для участвующих в спектакле «Борис Годунов» партитуру экземпляра названной пьесы,

в которой Пяст должен отметить все особенности взятого Пушкиным для этой пьесы размера (пятистопный ямб с цезурой после второй стопы) и отклонения от канонической формы. На образец т. Пяст должен представить мне два-три места партитуры, после утверждения которых он приступит к составлению всей партитуры в целом.

2. «Отелло» Шекспира. Мною предложено ему два варианта работы: либо переработка перевода Вейнберга¹⁹, либо новый перевод наиболее ответственных мест названной пьесы. Выбор одного из вариантов т. Пяст произведет в ближайшие дни.

3. Приобретается мной перевод пьесы Лопе де Вега «Таковы сумасшедшие в Валенсии».

Прошу Вас (сегодня в 2 часа дня Пяст будет у Вас) договориться с ним о гонораре по трем объектам. Набросать предварительный договор. Выдать аванс в размере по Вашему усмотрению.

4-VIII-1935

Вс. Мейерхольд»²⁰

Что касается так и не осуществленной постановки «Бориса Годунова», в архивах, в письмах Мейерхольда к Прокофьеву есть поразительный материал о работе над ней, которая продолжалась с напряженной интенсивностью не только режиссером, но и всем его коллективом в течение почти пяти лет. В письме к Прокофьеву — 10 печатных листов — Мейерхольд предельно корректно и детально, следуя сценам-картинам, объясняет композитору, какую музыку и где он хочет в спектакле услышать. И ограничивает по секундам время звучания: 37 секунд, 50, 15—20 секунд и т. д.²¹

Прокофьев успел до конца выполнить свою работу и 16 ноября 1936 года сыграл в театре все музыкальные куски, о которых просил его Мейерхольд. Музыка вызвала всеобщий восторг.

Работой Пяста, тоже полностью выполненной, Мейерхольд был весьма доволен. Считки начались 4 апреля 1936 года. Громов²² рассказывает:

«Поэт В. А. Пяст, тонкий знаток поэзии и закономерностей поэтического творчества, человек большой эрудиции, особенно в пушкинском стихосложении, провел с нами огромную кропотливую работу.

Передо мной толстая общая тетрадь. В нее вклеены все страницы «Бориса Годунова». И все они, от первой до последней, размечены условными значками Пяста для обозначения цезур коротких и цезур с обязательной паузой, просто пауз и пауз особенно выделенных. Здесь значки для ударений, усиления и ослабления, повышения и понижения голоса и т. д. с примечаниями музыкальных терминов. Глядишь на эти 108 страниц и диву даешься: сколько времени, терпения и сосредоточенности понадобилось, чтобы провести эту работу от начала до конца! Откуда брались силы на это?! Объяснения находишь только в одном: в той огромной увлеченности, которая родилась у актеров от мощного размаха замыслов Мейерхольда и от его восторга по поводу этой разметки текста. На всех считках и репетициях В. Э. горячо говорил о том, какое значение он придает работе над Пушкиным по этим разметкам...»²³

Любовь Владимира Алексеевича к искусству стиха и проникновение в его материю, соединенные с незаурядным знанием западноевропейской литературы и поэзии, привели к тому, что он почти перестал писать в двадцатых и тридцатых годах стихи (исключение составляет «Поэма о городах»), да и время стало не то... Он занялся литературными переводами, переводил со шведского языка, с новогреческого, с английского и французского. Но его больше всего вдохновляла работа над драматургией испанского Возрождения, где у него не было конкурентов.

Большим достижением и радостью для Владимира Алексеевича стала его работа над трагедией в стихах Сервантеса «Нумансия», которая вообще мало кому известна, но люди знающие сравнивают ее с великими трагедиями древних греков. Написана «Нумансия» так называемым одиннадцатисложным белым стихом, в некоторой степени соответствующим нашему пятистопному ямбу. Она написана труднейшей формой октав и терцин. При всех стихологических трудностях передача смысла дана с предельной точностью.

С большой отдачей и энтузиазмом работал Пяст над переводом Сервантеса, и работа потребовала от него необычайной силы воли. Он начал работу уже будучи прикованным к постеле

ли — у него был рак легких. Работа усложнялась тем, что не было полного текста! В Москву, то есть в Голицыно, где мама с Пястом снимали две комнаты в доме у какого-то железнодорожника, приехала летом сорокового года Ната помогать маме ухаживать за больным. Я же оставалась в Одессе, готовясь к приемным экзаменам в консерваторию. Так вот, Ната регулярно ездила на электричке в Москву в Ленинскую библиотеку и, не зная языка, потихоньку переписывала недостающий текст. Слава Богу, перевод был закончен в июле и сдан в набор. Он вышел в издательстве «Искусство».

Письмо Пяста Наталье Филипповне Стояновой

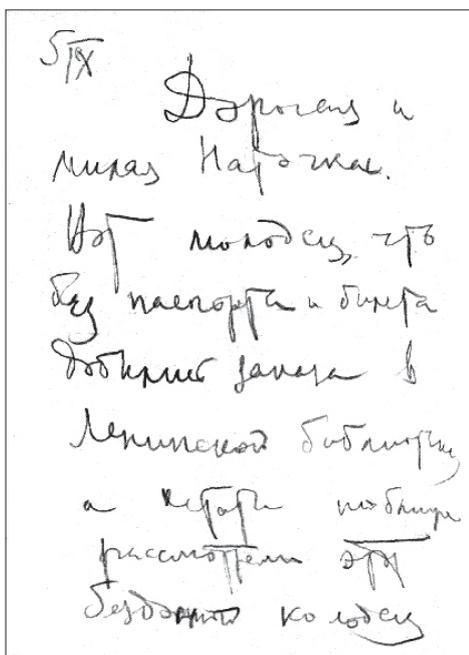
5/X

Дорогая и милая Наточка.

Вот молодец, что без паспорта и билета добились заказа в Ленинской библиотеке, а кстати поближе рассмо-

трели этот бездонный колодец знаний, из которого Вы, надеюсь, будете черпать впоследствии целыми ведрами.

Вы — такая милая девочка, что я вполне полагаюсь на свое убеждение в том, что из Вас выйдет настоящий ученый, и Вы оставите вклад в науку и в этот бездонный колодец человеческих знаний, одно из отверстий в который — Ленинская библиотека. Но что еще лучше, в Вас будет всю жизнь живо сердце чистое и любящее. Я уверен, что Вы завтра добьетесь свидания: не

Письмо В. Пяста Н. Полторацкой. 1936

имеют права не пропустить приезжую к тяжело больному близкому родственнику, тем более, что Вы нарочно приехали, чтобы со мной видеться и мне помогать. И немало мне оказали помощь, как взрослый уже человек. Люблю я Вас бесконечно.

Но надо все же писать по-русски всегда грамотно. До свидания, Наточка. П.

[Письмо публикуется впервые. – А. П.]

В Одессу Ната вернулась с экземпляром «Нумансии». Плохо уже слушавшейся рукой Владимир Алексеевич сделал нам надпись. Наполовину чернилами, наполовину карандашом: «Таточке и Наточке. В. П. Радости мои, детки мои славные! Из всех крошек – самые главные. В. П.»

Письма поэта Владимира Алексеевича Пяста, родившегося в 1886 году в Петербурге и умершего в 1940 году близ Москвы от рака, охватывают период 1938–1940 годов. Они (за исключением одного письма) написаны подростку и не представляют чисто литературного интереса. Все-таки, изданные вместе с его «Посмертными распоряжениями и просьбами» в виде приложения, они могут создать картину определенного периода жизни поэта.

(В 1935 году в Одессе В. А. Пяст познакомился с моей матерью, Клавдией Ивановной Стояновой, и незадолго до смерти женился на ней. Этим объясняются его заботы и надежды относительно моего будущего, моей предполагаемой профессии, которым, к сожалению, не суждено было осуществиться).

Первые стихотворения Пяста появились в 1905 году, за ними последовало несколько сборников – «Ограда», «Львиная пасть», «Третья книга лирики», «Поэма в ногах». Зная, что в течение десяти лет, с 1905 по 1915 год, Пяст был в близких отношениях с Александром Блоком, нельзя не почувствовать влияния Блока (и Вячеслава Иванова) в его первых стихотворениях. Но уже в них Пяст старается найти свое собственное отношение к миру и жизни. Ради удобства его привыкли относить к символистам. Вот как он характеризует себя сам: «К символистам я не принадлежу, а я без направления модернист, считающий себя импрессионистом, а следовательно реалистом». Характер сти-

хотворений Пяста более или менее эгоцентричен, и чтение их требует от читателя известной концентрации, а действительное понимание их — развитого поэтического вкуса, благодаря чему за Пястом закрепилось прозвище «поэта для поэтов».

В 1923 году появились ценные его «Воспоминания о Блоке». К 1909 году относятся статьи о символистах — Брюсове, Андрее Белом, Вячеславе Иванове. В 1929 году вышла книга воспоминаний «Встречи». Не мешает упомянуть, что он редактировал для «Всемирной литературы» в 1919 году переводы Стриндберга, издал в 1931 книгу «Современное стиховедение», подходя в ней к законам стиха с формалистической точки зрения, в 1922 году написал очерк о поэзии Л. А. Мея. До сих пор его перевод «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле считается лучшим. Особо стоят и высоко ценятся переводы в стихах Тирсо де Молина и Сервантеса.

Примечания, главным образом сведения о датах жизни и смерти упоминаемых в письмах лиц, даны в тех местах, где сколько-нибудь можно было предположить, что названные имена неизвестны читателю. В некоторых случаях найти нужные данные не удалось, и они в примечаниях не обозначаются.

Публикацию подготовила
А. Н. Полторацкая

Т. Ф. Фоогд-Стояновой письма В. А. Пяста к ней и к ее матери К. И. Стояновой передала мемориальному музею Андрея Белого (Москва).

Примечания

¹ Стоянова Клавдия Ивановна, урожд. Морозова (1890—1973) — третья жена В. А. Пяста.

² Дерibas Александр Михайлович (1856—1937) — директор Одесской публичной библиотеки, писатель; Дерibas Анна Николаевна, урожд. Цакни (1879—1962) — жена А. М. Дерibasа, первым браком была замужем за И. А. Бунинным.

³ Скроцкий Аркадий Иванович (1881—1957) — врач-педиатр, профессор; Скроцкая Александра Ивановна, урожд. Морозова (1882—1961) — жена А. И. Скроцкого.

⁴ Полторацкая Наталья Филипповна, урожд. Стоянова (1925—2000) — преподаватель, переводчик английского языка, сестра Т. Ф. Фоогд-Стояновой.

- ⁵ Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892—1970) — известный филолог.
- ⁶ Конкурс чтецов-декламаторов.
- ⁷ Шервинский Сергей Васильевич (1892—1999) — писатель, переводчик.
- ⁸ Верхарн Эмиль (1855—1916) — бельгийский поэт, драматург и критик.
- ⁹ Соловьев Сергей Михайлович (1885—1941) — поэт, литературный критик, впоследствии католический священник.
- ¹⁰ Гржебин Зиновий Исаевич (1877—1929) — книгоиздатель.
- ¹¹ Тименчик Роман Давидович — профессор Иерусалимского университета.
- ¹² Пяст В. А. Воспоминания о Блоке. — СПб., 1923.
- ¹³ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — театральный актер, режиссер, руководитель театра имени Мейерхольда.
- ¹⁴ Доливо-Соботницкий Анатолий Леонидович (1893—1964) — камерный певец, доктор искусствоведения, профессор Московской консерватории.
- ¹⁵ Олеша Юрий Карлович (1899—1960) — писатель, жил в Одессе с 1902 по 1921 год.
- ¹⁶ Софроницкий Владимир Владимирович (1901—1961) — выдающийся пианист.
- ¹⁷ Государственный театр им. В. Э. Мейерхольда.
- ¹⁸ Глинский Владимир Семенович (1888—1938) — помощник директора ГосТИМа.
- ¹⁹ Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908) — поэт, переводчик.
- ²⁰ Мейерхольд В. Э. Переписка. / Сост. В. П. Коршунова и М. М. Ситковская. — М., 1976. — С. 340.
- ²¹ Письмо В. Э. Мейерхольда С. С. Прокофьеву. // Творческое наследие В. Э. Мейерхольда. — М., 1978. — С. 392.
- ²² Громов Виктор Александрович (1899—1975) — театральный актер, режиссер.
- ²³ Громов В. А. Замысел постановки. // Творческое наследие В. Э. Мейерхольда. — М., 1978. — С. 359.

Л. А. Мельниченко

«МИШКА ВЕРНУЛСЯ В ОДЕССУ»

60-летию освобождения Одессы посвящается

В заголовок статьи вынесено название малоизвестной песни, написанной после освобождения Одессы от фашистских захватчиков, состоявшегося 10 апреля 1944 года. Песня «Мишка вернулся в Одессу» стала продолжением очень популярной в годы войны песни «Одессит Мишка», написанной тем же автором – Владимиром Дыховичным осенью 1941 года, когда Одесса была оставлена врагу.

История этих двух песен напрямую связана с историей нашего города. Поэтому, чтобы как можно полнее ощутить эту связь, нужно вернуться к событиям тех далеких лет.

22 октября 1941 года газета «Красная Звезда» опубликовала статью «Правда о борьбе за Одессу». Автор статьи – участник обороны Одессы, командующий сухопутными войсками Приморской армии генерал-майор И. Петров – очень скупо сообщает о причинах, побудивших Верховное командование сдать город врагу: «Первоначально Одессу было решено эвакуировать еще 6 октября. Эвакуация, как уже сообщалось, была продиктована стратегическими соображениями. Командование Красной Армии нашло, что войска, защищающие город, выполнили свою задачу и могут быть переброшены на другие участки фронта...»¹

В другой статье – полкового комиссара Л. Бочарова «69 дней героической обороны Одессы», опубликованной 19 октября 1941 года в газете «Правда», мы находим дополнительную информацию: «...Одесса оставлена нашими войсками после того, как она выполнила свою задачу: сковать как можно больше вражеских войск, измотать их, нанести сокрушительные удары по их живой силе и технике. Одесса стала для неприятеля Верденом, под которым не одна румынская дивизия нашла себе могилу...»²

В эти же дни было составлено «Воззвание Одесского обкома КП(б)У и облисполкома с призывом развернуть борьбу против фашистских захватчиков», где дается более полное объяснение причин, по которым защитники Одессы вынуждены были оставить город:

«...Славные защитники Одессы показали волнующие примеры беззаветной любви к Родине, к родному городу, проявляя массовое бесстрашие и коллективный героизм.

Однако теперь в связи с изменившейся обстановкой, в условиях длительной осады, Одесса слишком далеко отстоит от питательных баз и потеряла свое прежнее стратегическое значение. В силу этого Советское правительство и Главная Ставка решили оставить г. Одессу, отозвав войска на другие участки фронта»³.

Оборона Одессы длилась с 5 августа по 16 октября 1941 года. Последние военные части покинули Одесский залив в 4 часа утра 16 октября. Защитники Одессы, среди которых было много одесситов, с тяжелым сердцем оставляли город. Измотанные в кровопролитных боях, самоотверженные и мужественные люди не могли сдержать слез, стоя на палубах кораблей, покидавших Одессу.

Вечером этого же дня в город вошли румынские войска...

Нетрудно представить себе, какие чувства вызвала эта новость у всех, кому была дорога Одесса. А особенно — у одесситов. «Одесский консул» Леонид Утесов так вспоминал об этом времени: «Мы гордились Ленинградом, гордились Москвой и оплакивали Одессу, сраженную в неравной борьбе. Поэт Владимир Дыховичный написал тогда же песню «Мишка-одессит», композитор Михаил Воловац сочинил музыку, а я, взволнованный событиями, запел: «Широкие лиманы, зеленые каштаны...»⁴

С тех пор прошло много лет. Ушли из жизни Леонид Утесов, принесший славу «Одесситу Мишке», и авторы песни Владимир Дыховичный и Михаил Воловац. Почти не осталось в живых тех, кто пел и слушал эту песню на фронте. Но песня и сегодня так же известна и любима, как в те военные годы, годы огромных потерь и бесчисленных страданий, когда вместе с бойцами она прошла страшными дорогами лихолетья, дорогами, изрытыми бомбами и снарядами, усеянными похоронками и искалеченными телами, орошенными слезами боли утрат и радости побед.

Эта песня жила с поколением, на долю которого выпали неслыханные испытания и невзгоды, и заняла особое место в его

эмоциональной памяти. А эта память, в свою очередь, передалась их детям и внукам. Сегодня «Одессита Мишку» исполняют новые поколения артистов, и, возможно, только они и небольшое число любителей этой песни знают, кто ее написал. А уж о том, что есть продолжение песни о Мишке-одессите, вернувшемся в освобожденную Одессу, известно лишь узкому кругу исследователей.

Все это и явилось определяющим в решении собрать максимум известной на сегодня информации – как по истории создания обеих песен, так и об их авторах.

Сразу оговорюсь, что по ряду объективных причин настоящее исследование не может считаться всеобъемлющим и завершенным. Главная причина – отсутствие необходимых документов в Одесском областном архиве, а также в библиотечных и музейных фондах. Ведь речь идет в основном о материалах военного времени. Кроме того, личные архивы интересующих нас авторов хранятся в Москве, что также затрудняет их исследование.

Если же обратиться к источникам более позднего периода, то здесь можно столкнуться с рядом противоречий, требующих не только дополнительного изучения, но и документально подтвержденных разъяснений.

Вот несколько примеров. В 1975 году в Москве был издан солидный сборник песен о войне «В боях и походах». Это единственная известная мне сегодня книга, в которой помещены обе песни Владимира Дыховичного – «Ты одессит, Мишка» и «Мишка вернулся в Одессу»⁵. Причем тексты песен даны со ссылкой на авторов и с указанием первых публикаций, но без нот. И здесь читатель сталкивается с неожиданной информацией об авторах песни.

Так, в комментариях к тексту «Ты одессит, Мишка» сказано: «Автор текста Владимир Дыховичный. Музыка Модеста Табачникова».

В другом серьезном издании, в Большом Энциклопедическом словаре, говорится, что Модест Табачников – автор около 300 песен, «в том числе «Давай закурим», «Одессит Мишка», «У Черного моря», «Я музыкой живу»⁶.

Но каждый, у кого хранятся пластинки с этой песней в исполнении Леонида Утесова, может прочитать фамилии авто-

ров: М. Воловац — В. Дыховичный⁷. Более того, в своих воспоминаниях Леонид Утесов тоже указывает на Михаила Воловаца как на автора музыки, но, к сожалению, не дает о нем никакой дополнительной информации⁸. О Модесте Табачникове же Утесов пишет следующее: «...Композитором Табачникова сделала Великая Отечественная война. Именно во время войны написал он свою первую песню «Давай закурим»... Она стала одной из самых популярных, она сразу легла на душу и легко выдержала испытание временем. ...Песни Табачникова всегда привлекали своей мелодичностью и гармонической структурой. В каждой из них есть особый, свойственный Табачникову стиль и, главное, широкая доступность. Они так и ложатся на память. Кто из вас не напевал про себя или в компании «Маму», «У Черного моря», «Нет, не забудет солдат»?..»⁹

Как видим, здесь нет ни намека на то, что Табачников является автором музыки песни «Одессит Мишка». Во всяком случае, той, которую исполнял Утесов.

Однако в газете «Большевицкое знамя» от 7 ноября 1945 года в очерке «Песни о родном городе», подписанном композитором М. Табачниковым, читаем: «Проходя после долгой разлуки по улицам родного города, я ловлю себя на мысли: где бы я ни был, светлый образ Одессы всегда был темой моих фронтовых песен.

Первую песню о войне я написал вместе с поэтом-фронтовиком Ильей Френкелем. Называется она «Давай закурим». Все фронты пели вместе с нами — солдатами Южного фронта.

Нас опять Одесса встретит, как хозяев.

Звезды Черноморья будут нам сиять...

И в последующих песнях — «Мишка-одессит», «Московская песенка», «Песня возвращения», «Одесса ждет» — я неизменно пел о моем городе...»¹⁰

Итак, уже со слов самого Табачникова следует, что он написал музыку к песне «Одессит Мишка». Если учесть, что к 1945 году эта песня в исполнении Леонида Утесова приобрела широкую популярность и на фронтах, и в тылу, то возникает естественный вопрос: кто же автор музыки — Воловац или Табачников? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к другим источникам.

В газете «Вечерняя Одесса» от 19 октября 1981 года была опубликована статья Евгения Голубовского «Песня остается с человеком». В ней рассказывается история песни «Давай закурим» и называется первый исполнитель этой песни — одессит Аркадий Воронцов. Эта же фамилия упоминается в письме Табачникова одесскому писателю Владимиру Лясковскому: «...Если ты помнишь, на фронте первым пел мои песни Аркаша Воронцов...»¹¹

В сборнике «Русская советская эстрада. 1930—1945. Очерки истории» читаем: «...Песня «Одессит Мишка» исполнялась до Утесова, но популярность приобрела только в его исполнении»¹².

Итак, если сопоставить вышеизложенную информацию, то можно прийти к выводу, что Модест Табачников тоже написал музыку на слова Владимира Дыховичного «Мишка». Только исполнял ее не Леонид Утесов, а Аркадий Воронцов, и она... не стала популярной. Подтверждением этому может служить и статья в журнале «Музыкальная жизнь», посвященная 60-летию Модеста Табачникова, в которой приведен список самых популярных песен композитора¹³. Песни «Одессит Мишка» в ней нет.

И, наконец, в книге А. Сохора «Русская советская песня» представлен развернутый обзор песенного творчества советских авторов, где в том числе идет речь и об авторах песни «Одессит Мишка» — М. Воловаце и В. Дыховичном. Более того, и песня, и ее авторы были подвергнуты серьезной критике. В обзоре говорится и о песнях М. Табачникова, но нет никаких указаний на то, что он также написал музыку к этой песне. Хотя здесь же упоминается еще один автор музыки «Одессита Мишки»: «На этот же текст В. Дыховичного написал песню Б. Терентьев»¹⁴.

И последнее. В сборнике «Песни в боях за Украину» помещен текст песни «Ты одессит, Мишка», после которого в комментариях сказано:

«Автор текста — поэт Владимир Дыховичный. Музыка написана порознь композиторами Модестом Табачниковым и Михаилом Воловацем»¹⁵.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: три композитора написали три мелодии к тексту Владимира Дыховично-

го. Но мы знаем эту песню в исполнении Леонида Утесова, а написал к ней музыку Михаил Воловац.

Итак, Михаил Воловац. Узнать о нем и о его творчестве удалось не много. Во-первых, в разных источниках его фамилия пишется по-разному: Воловац или Воловац. Я отдаю предпочтение второму варианту, доверяя воспоминаниям людей, знавших его. Во-вторых, я не нашла ни одного справочного издания, в котором бы говорилось о Михаиле Воловаце. Поэтому не могу указать даже его отчество, не говоря уже о каких-либо биографических данных.

Известно, что он был музыкантом в оркестре Леонида Утесова, где в театрализованных программах выступал в амплу комика-резонера. Из книги Юрия Дмитриева «Леонид Утесов» узнаем, что в концерте «Десять лет джаза», поставленном в 1939 году, исполнялся романс «Пара гнедых» на слова Апухтина, музыкальную обработку которого сделал Воловац. А спустя год романс «Пара гнедых» в исполнении Леонида Утесова был записан на пластинку.

Юрий Дмитриев называет Воловаца первоклассным композитором-аранжировщиком и рассказывает о нашумевшей в 1947 году программе «Москва», специально подготовленной оркестром Утесова к 800-летию города. Сценарий и текст этой оркестровой фантазии написал Александр Арго, а музыкальный монтаж и обработку сделал Михаил Воловац¹⁶.

В комментариях к Антологии советского джаза Глеб Скороходов говорит о пианисте Михаиле Воловаце как о «композиторе и одном из талантливых аранжировщиков джаза Л. Утесова»¹⁷. Подтверждением этому могут служить пластинки с джазовыми композициями, записанные в конце 30-х годов, а также пластинки с популярными песнями в музыкальной обработке Воловаца: «Черноморочка» (Е. Жарковский – П. Панченко), «Парень кудрявый» (Г. Носов – А. Чуркин), «Тайна» (В. Сидоров – А. Д'Актьиль)¹⁸.

Кроме того, были записаны пластинки с песнями, где Воловац выступает в качестве композитора. В 1938 году он вместе с А. Д'Актием написал известную и сегодня песню «Му-му», которую исполнял Леонид Утесов вместе со своей дочерью Эдитой. Затем были песни «Музыканты» на слова В. Тодди (исполняла

Эдита Утесова), «Партизанская тихая» и «На этом свете» на слова А. Арго (исполнял Леонид Утесов) и, наконец, «Одессит Мишка». В 1944-м Воловац и Дыховичный написали еще одну песню — «Молчаливый морячок», — ее исполняли Эдита и Леонид Утесовы¹⁹.

В публикации С. Беличенко и В. Котельникова «Очерки истории джаза в Новосибирске» мы находим еще один факт, достойный упоминания: «Вадим Иванович Суховерхов, известный сатирик, режиссер и бесменный ведущий джазовых концертов, с детских лет изучавший и коллекционировавший джаз, достоверно подтверждает, что в 1949 году в Доме Красной армии (в Новосибирске — *Л. М.*) проходили полузакрытые концерты джаз-секстета пианиста из оркестра Утесова Михаила Воловаца, который после выступлений играл еще и танцы. Мало кто из меломанов города знал об этом, хотя это был один из редких музыкантов в стране, который джаз знал и играл профессионально»²⁰.

О Владимире Дыховичном тоже написано не так уж много, и большая часть информации посвящена его пьесам, созданным в соавторстве с Михаилом Слободским. Все, что удалось о нем найти, так это фрагментарные упоминания как об авторе пьес в книгах об артистах эстрады, а также рецензии на спектакли — как правило, отрицательные и, наконец, биографический материал, помещенный в справочных изданиях.

В Краткой литературной энциклопедии говорится: «Дыховичный Владимир Абрамович... русский советский писатель-сатирик. Работал инженером-геологом, был актером. В 1940 написал комедию «Свадебное путешествие» (опубликована в 1955). В годы Отечественной войны сотрудничал во фронтовой печати на Северном и Балтийском флотах. С 1945 постоянно выступал в творческом содружестве с М. Р. Слободским... Комедии, водевили, фельетоны, сатирические стихи Дыховичного и Слободского осмеивают мещанство, обывательщину, карьеризм, чуждые советским людям взгляды»²¹. И далее дан перечень изданных сборников пьес и фельетонов.

Российская Еврейская энциклопедия дает более широкую информацию о Дыховичном: «Окончил Геологоразведочный институт, работал инженером-геологом в Донбассе, на Кавказе, Памире. Затем учился в театральной студии А. Д. Дико-

го, по окончании студии работал на эстраде чтецом. Во время финской войны выезжал на фронт в составе 1-го фронтового эстрадного ансамбля ВГКО, читал на концертах стихи своего друга К. М. Симонова, исполнял собственные фельетоны и песни. Постепенно начал писать и для других артистов. В годы войны входил во фронтовую бригаду Л. Б. Мирова. Вскоре был приглашен в Московский театр миниатюр, писал для М. В. Мирановой и А. С. Менакера. В 1942 во фронтовом филиале Театра им. Евгения Вахтангова был поставлен его водевиль «Свадебное путешествие»... В 1943 в Ленинградском театре комедии поставлена пьеса «Братишка». Начиная с пьесы «Факир на час» (1945), Дыховичный почти 20 лет работал в соавторстве со Слободским. Помимо пьес ими написано много произведений для эстрады... — сочиняли и отдельные эстрадные номера, и целостные программы»²². Затем идет такой же список изданных книг.

В отличие от Литературной энциклопедии, где говорится, что Дыховичный является русским писателем-сатириком, Еврейская энциклопедия называет его лишь драматургом. И только в справочнике Союза писателей СССР на 1959 год читаем: «Дыховичный Владимир Абрамович — поэт, драматург»²³.

На первый взгляд, может показаться, что никакой существенной разницы нет в том, что обе энциклопедии не назвали Дыховичного поэтом. Возможно, авторы энциклопедий исходили из того, что у поэта должны издаваться поэтические сборники. Ну а тот факт, что Дыховичным было написано определенное количество стихотворных текстов, часть из которых легла в основу песен, — не столь уж и важен²⁴. Вероятно, по этой же причине составители энциклопедий не указали Дыховичного как автора слов популярной и сегодня песни «Мишка», известной, правда, под другим названием — «Одессит Мишка».

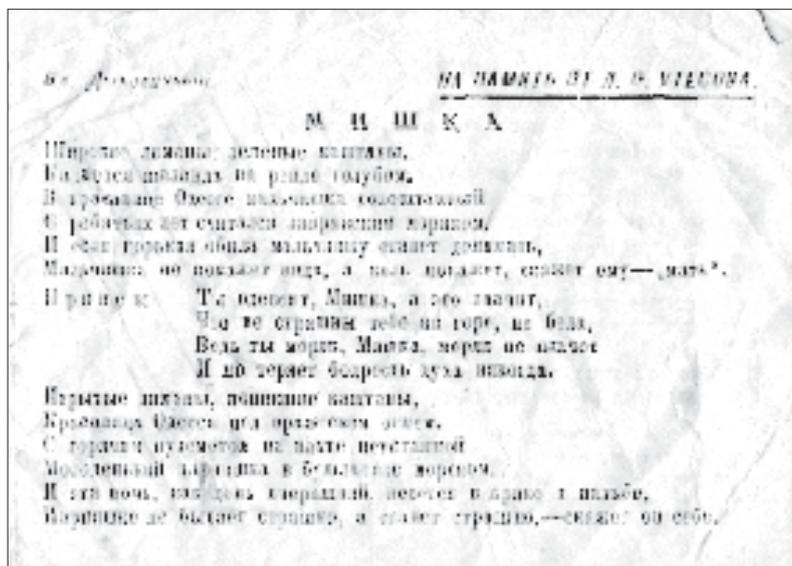
Более того, обе энциклопедии не упомянули о таком факте в его биографии: он был арестован в 1950 году — в период борьбы с космополитизмом — и сослан на 3 года в лагерь. Был освобожден только после смерти Сталина²⁵.

Если обратиться к истории написания песни «Мишка», то здесь появляется ряд вопросов, на которые мне не удалось обнаружить документально подтвержденные ответы. И первый из них — когда была написана песня? Из разговора с сыном Ды-

ховичного — Иваном Владимировичем стало известно, что его отец очень часто приезжал в Одессу — и до, и после войны. У него здесь не было родственников, но было много друзей, и он очень любил Одессу. Исходя из этого, можно утверждать, что толчком к написанию «Мишки» послужили события, произошедшие осенью 1941 года, когда наши войска оставили Одессу.

Самая первая публикация текста песни, известная мне сегодня, находится в пригласительном билете на концерт джаз-оркестра Леонида Утесова. Билет двойной, небольшого размера, отпечатан на тонкой бумаге низкого качества, поэтому изображение текста одной стороны билета проступает на обороте²⁶.

Несмотря на небольшой размер, пригласительный билет содержит не только необходимую информацию о концерте, но и полный текст песни. Подобная компоновка билета достаточно непривычна: вместо репертуара оркестра, или перечня наиболее популярных песен и произведений, или, скажем, просто фрагмента из этой же, полюбившейся многим, песни дан ее полный текст, с указанием автора слов и дарственной надписью от исполнителя. И называется она просто «Мишка». Текст на билете выглядит так:

Брошюры всех стран соединяются

**Государственный
джаз-оркестр РСФСР
под управлением
Л. О. УТЕСОВА.**

Утесов, артист, композитор — большой талант. Его одаренная труппа, применяет все новейшие приемы техники джазовой музыки, выдвигает большие возможности и формирует нестандартные ансамбли ансамбли.

(По директиве А. Мехлиса).

Пригласительный билет

Уважаемый товарищ!

Коллектив Государственного джаз-оркестра РСФСР под управлением Л. О. УТЕСОВА приглашает Вас на шефский концерт, который состоится _____ марта 1942 г.

Начало в _____ часов.

Тип. № 11. Напечатано в Одессе, вых. № 425

Воспроизведу текст песни полностью:

МИШКА

Широкие лиманы, зеленые каштаны,
Качается шаланда на рейде голубом.
В красавице Одессе мальчишка голоштаный
С ребячьих лет считался заправским моряком.
И если горькая обида мальчишку станет донимать,
Мальчишка не покажет вида, а коль покажет, скажет ему мать:

Припев: «Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

Изрытые лиманы, поникшие каштаны,
Красавица Одесса под вражеским огнем.
С горячим пулеметом на вахте неустанной
Молоденький парнишка в бушлатике морском.
И эта ночь, как день вчерашний, несется в крике и пальбе,
Парнишке не бывает страшно,
а станет страшно – скажет он себе:

Припев.

Изрытые лиманы, поникшие каштаны
И тихий, скорбный шепот приспущенных знамен,
В глубокой тишине – без труб, без барабанов –
Одессу оставляет последний батальон.
Хотелось лечь, прикрыть бы телом родные камни мостовой,
Впервые плакать захотел он, но комиссар обнял его рукой.

Припев.

Спокойные лиманы, зеленые каштаны
Еще услышат шелест развернутых знамен,
Когда войдет обратно походкою чеканной
В красавицу Одессу победный батальон.
И уронив на землю розы – знак возвращения своего, –
Парнишка наш не сдержит слезы,
но тут никто не скажет ничего.

Хоть одессит Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда,
Хоть моряк Мишка, моряк не плачет,
На этот раз поплакать, право, не беда²⁷.

Можно предположить несколько причин, по которым текст песни был помещен в пригласительный билет. Первая — та, что песня послужила своеобразной визитной карточкой одессита Леонида Утесова. Вторая причина — ее популярность.

Если исходить из второго предположения, то здесь объяснение может быть только одно: популярность песни была настолько велика, что часто после концертов зрители обращались к Утесову с просьбой — записать для них текст песни. Включив же его в пригласительный билет, Утесов таким образом удовлетворял желание многих слушателей.

Об этом, кстати, пишет и сам Утесов: «И в мирное время, а особенно во время войны много писем приходило от военных. Они сообщали мне впечатления от концертов, просили исполнить ту или иную песню, прислать слова, написать заметку во фронтовую газету»²⁸.

Следует также отметить необычность самого факта существования пригласительных билетов на концерты в годы войны. Ведь известно, что промышленность всей страны в первую очередь работала на удовлетворение нужд фронта, а тыл обеспечивался по остаточному принципу. В данном же случае речь идет о концертах, которые оркестр Утесова давал в глубоком тылу, находясь в эвакуации, где, вероятно, и были отпечатаны пригласительные билеты. Об этом свидетельствует дата на билете — апрель 1942 года.

Отправной точкой для такого предположения могут служить воспоминания самого Утесова: «Понемногу Москва пустела. Вовсю развертывались эвакуация учреждений и предприятий. Театров тоже. Нас отправили в Свердловск. ...После Свердловска нас направили в Сибирь, потом на Дальний Восток. А в 1942 году на Калининский фронт. Но теперь я уже был не просто Леонид Утесов, а Леонид Утесов с приставкой в афише з. а. р., что означало заслуженный артист республики. Это звание мне присвоили в июне 1942 года»²⁹.

Основываясь на воспоминаниях Утесова, можно сделать вывод, что настоящий пригласительный билет был выпущен в

период гастролей оркестра в тылу зимой – весной 1942-го. То есть до поездки на фронт летом 1942 года.

Подтверждение этой гипотезы мы находим и в книге Юрия Дмитриева:

«Закончив выступление в «Эрмитаже», Утесов и оркестр отправились на гастроли по городам Урала, Сибири и Дальнего Востока. Это была трудная поездка; кроме концертных залов почти ежедневно выступали на заводах, в шахтах, на военных кораблях, в казармах.

И ежедневно интенсивно шли репетиции, разучивали новые песни: «Будьте здоровы, живите богато» (с новым текстом), «В землянке» (муз. К. Листова, сл. А. Суркова), «Одессит Мишка» (муз. М. Воловаца, сл. В. Дыховичного), «Темная ночь» (муз. Н. Богословского, сл. В. Агатова) и другие»³⁰.

В письме к одесскому исследователю Михаилу Пойзнеру Леонид Утесов писал: «...Песню «Одессит Мишка» написали поэт Дыховичный и композитор М. Воловац. Оба они, к сожалению, умерли. Песню эту я пел в 1942 году...»³¹

Из всего вышесказанного можно сделать заключение, что песня была написана в конце 1941 года, когда фашистские войска были остановлены под Москвой. Утесов стал исполнять ее в начале 1942 года. А уже к апрелю того же года песня приобрела достаточно широкую популярность.

Как это ни парадоксально звучит, но подтверждением ее популярности может служить и Отчет с заседания президиума оргкомитета Союза советских композиторов СССР, проходившего 27–29 апреля 1942 года, правда, с оговоркой: на заседании эта песня была подвергнута критике. Справедливости ради следует сказать, что ругали не только эту песню, однако сам факт критики в адрес авторов песни, бесспорно, свидетельствует о ее широкой популярности. Если бы это было не так, то критики просто-напросто не обратили бы на нее внимания.

Вот что писала газета «Правда», помещая отчет с заседания: «Фронт требует песни о больших человеческих чувствах... В первую очередь песня должна отразить человеческие чувства, связанные с войной, с борьбой против ненавистного врага, с гневом и яростью против поработителей»³².

Когда читаешь эти строки, создается впечатление, что «фронт требует» лишь таких песен, в которых тема патриотиз-

ма и любви к Родине может быть выражена только ораторскими призывами и торжественными клятвами. И в них должны звучать лишь «большие человеческие чувства», выражающие «гнев и ярость против поработителей».

А как же простые человеческие чувства всех тех, кого война разлучила с близкими людьми, с родным домом, с любимым городом? Неужели песни, в которых поется именно об этом, не свидетельствуют о патриотизме? Неужели мысли о разлуке со всем, что дорого каждому человеку, не пробуждали острое желание поскорее увидеть свой дом, освобожденный от оккупантов, и разве это, в свою очередь, не вызывало стремление победить врага? И неужели такие простые и одновременно проникновенные слова могли хоть кого-нибудь оставить равнодушным?

Изрытые лиманы, поникшие каштаны
И тихий, скорбный шепот приспущенных знамен,
В глубокой тишине — без труб, без барабанов —
Одессу оставляет последний батальон.
Хотелось лечь, прикрыть бы телом
родные камни мостовой,
Впервые плакать захотел он,
но комиссар обнял его рукой...

Когда Утесов исполнял этот куплет и завершал его своими словами: «Брось, Мишка, брось», в его голосе слышалось искреннее, с трудом сдерживаемое рыдание. Об этом же пишет и Юрий Дмитриев: «Утесов рассказывал, что, когда он пел: «Ты одессит, Мишка...», он чувствовал, что говорил собственные слова, порой забывая, что он артист, и успокаивал не только Мишку, но и самого себя»³³.

Песня «Одессит Мишка» в исполнении Утесова была одной из самых популярных на фронте. ГлавПУР армии и флота даже разослал пластинку с этой песней во все воинские части и на боевые корабли³⁴.

Можно привести не одно подтверждение тому, какой накал патриотических чувств вызывала эта песня у солдат. Обратимся к воспоминаниям Леонида Утесова:

«Особенно дороги для меня такие, например, сообщения: «Одессит Мишка», — написал один майор, — заставляет разить врага наповал оружием, нет оружия — руками, перебиты ру-

ки — зубами». Бойцы другой части сообщали, что «Одессита Мишку» и «Барона фон дер Пшика» солдаты называют «утесовскими минометами»³⁵.

Много писем получал Утесов в те годы, но большинство из них было от одесситов:

«Уже не первый месяц пою я эту песню, уже 262 одессита, носящие имя «Михаил», прислали мне письма, и вот однажды я получаю еще одно, удивительное письмо...

«Здравствуйте, дорогой и многоуважаемый Леонид Осипович. Вам пишет это письмо гвардии красноармеец, который Вас слушал 30 сентября 1942 года в Комсомольском театре (речь идет о театре имени Ленинского комсомола в Москве — Л. М.). ...Вы вчера исполнили одну песню «Одессит Мишка». Не знаю, кто эту песню сочинил и где он взял материал для нее. Но я знаю, что эта песня только про меня, ибо кто последним ушел из Одессы — это я. Я оставил там мать, я оставил там свою любовь, я оставил все, что мне было дорого в моей жизни. И вот, когда я услышал эти слова Ваши, у меня загорелись глаза, я стал весь дрожать, у меня потекли слезы, ибо я не в силах был удерживать их. ...Прошу Вас выслать мне эту песню и с этой песней я буду еще больше бить гадов, чем бил до сих пор. Буду мстить за нашу красавицу Одессу. Мой адрес: действующая красная армия ППС 736 п/я одиннадцатый гвардейский батальон минеров. Бендерскому М. Б.»³⁶

Вероятно, совсем другие чувства вызывала эта и подобные ей песни у критиков, писавших об «идейно-эмоциональной ограниченности «песен о любимом городе»... отражавших очень узкие, порою мещанские представления о жизни. Соответственно с этим и композиторы использовали в них нередко интонации бытовой музыки мещанского характера — сентиментального салонного вальса... чувствительного танго... фокстрота «Мишка-одессит» М. Воловаца»³⁷.

Кроме того, «фокстрот „Мишка-одессит“» вошел в ряд тех песен, которые ругали еще и за то, что в них «проникли чуждые советскому слушателю интимные «домашние» настроения, слезливая сентиментальность и надрыв. Эти песни, в которых композиторы не сумели отказаться от эстрадных штампов, неуместных при обращении к новым важным темам, и воплотить

типические качества советских людей, подверглись резкой критике советской общественности»³⁸.

Нет смысла сегодня полемизировать с авторами подобных критических статей – время сделало это за нас, расставив все по своим местам. Эти высказывания приводятся совсем с другой целью. Во-первых, напомнить то идеологическое давление, которое испытывали на себе творческие люди, и ту обстановку, не считаться с которой они не имели права. Во-вторых, определить причины, побудившие автора слов Владимира Дыховичного написать продолжение популярной песни. А также попытаться понять, почему она так и осталась никому не известной.

Что касается причин, которые подтолкнули Дыховичного к написанию нового текста песни, то их, на мой взгляд, несколько. Первая и основная – это обязательная реакция на критику, прозвучавшую со столь высокой трибуны, как газета «Правда». Автор, которого критикуют, не имел права отмолчаться и никак не отреагировать на замечания. И неважно, в какой форме это будет выражено. Судя же по интонационному содержанию новой песни «Мишка вернулся в Одессу», она-то и стала ответом Владимира Дыховичного на критику «Мишки».

Вот текст новой песни о Мишке:

МИШКА ВЕРНУЛСЯ В ОДЕССУ

Одесские лиманы! Горящие каштаны!
Победоносный грохот развернутых знамен.
Врывается в Одессу, в свой город долгожданный,
Последним из Одессы ушедший батальон.
Вперед, матросы и солдаты!
В жестоком уличном бою
Вам Мишка с поднятой гранатой
Поет родную песенку свою:

«Ты одессит, Мишка! Земля родная,
Одесса ждет тебя, победа тебя ждет:
Ты моряк, Мишка, мы путь твой знаем,
Великий путь, победный русский путь вперед!»

Широкие лиманы, одесские каштаны
Он памятною ночью с тоскою покидал,

За них он принял муки, морозы, зной и раны.
Поклялся он вернуться, и клятву он сдержал.
Мальчишку в маленьком бушлате
С трудом Одесса узнает
В суровом пламенном солдате,
Что твердым, сильным голосом поет:

«Ты одессит, Мишка! Земля родная,
Одесса ждет тебя, победа тебя ждет.
Ты моряк, Мишка, мы путь твой знаем,
Великий путь, победный русский путь вперед!»

Широкие лиманы! Одесские каштаны!
На запад батальону еще идти в поход.
С победою желанной, к Одессе долгожданной
С востока он вернулся и с запада придет.
Ему идти дорогой длинной
С врагом заканчивать расчет.
Мы знаем, Мишка и под Берлином
Свою родную песенку поет³⁹.

Как видим, этот текст отвечает на все замечания, высказанные в адрес первой песни. Здесь присутствуют и призыв: «Вперед, матросы и солдаты!», и пафосная уверенность: «Великий путь, победный русский путь вперед!», и многое другое, что требовалось от авторов, писавших песни о войне. А главное — нет той «слезливой сентиментальности», которая так раздражала критиков в первой песне.

Вот, кажется, и автор осознал свои ошибки, и с точки зрения идеологии новая песня была написана правильно, однако... она так и осталась никому не известной.

Рискну предположить, что причиной этого как раз и стала идеологическая правильность текста. Нельзя сказать, что новая песня была намного хуже первой. Нет. Но она получилась какой-то плакатной, мало отличающейся от большинства таких же ура-патриотических песен. И самое главное, на мой взгляд, в ней исчезло то душевное тепло, те доверительные, почти домашние интонации первой песни, которые так сближали автора и исполнителя со слушателями.

Приведенный выше текст нового варианта песни был впервые опубликован 26 апреля 1944 года сразу в двух газетах — «Мы победим» и «На разгром врага»⁴⁰. Что указывает еще на одну, главную, причину, по которой Владимир Дыховичный написал продолжение песни «Мишка»: 10 апреля 1944 года Одесса была освобождена от фашистских захватчиков.

Понятно, что такое радостное событие вдохновило не одного Владимира Дыховичного, но и многих других поэтов, посвятивших освобожденному городу свои стихи и песни. Можно было бы привести ряд известных имен писателей, откликнувшихся на это событие. Но это совсем другая тема, и она не входит в диапазон настоящего исследования.

11 апреля 1944 года фронтовая газета «Красноармеец» опубликовала переработанный текст песни «Мишка», автором которого был младший сержант А. Колесников. Обновленный вариант песни он написал в конце марта 1944 года. «По сводкам Совинформбюро было ясно, — вспоминал он, — что скоро войска Третьего Украинского фронта освободят Одессу. Это нас радовало и волновало. В нашем духовом оркестре служили и одесситы — Юрий Третьяк и Леонид Бабкис. Бывать в Одессе до войны мне и многим из нас не доводилось, но вокруг только и было, что разговоров об этом прекрасном солнечном городе. Каждый день к радистам набивалось полно нетерпеливых послушать сводку с Одесского направления. Я тоже поддался общему волнению, послушал в клубе пластинку Утесова «Одессит Мишка» и тут же сделал переделку текста»⁴¹. Колесниковский вариант песни назывался «Ты одессит, Мишка!»:

Песчаные лиманы, цветущие каштаны,
Качается шаланда на рейде голубом
.....⁴²

Гвардейцу-сталинградцу являлась легким сном.
И если от тоски и горя
Едва он мог себя сдержать, —
Он вспоминал Фонтан и море
И как, бывало, в детстве скажет мать:

«Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.

Ведь ты моряк, Мишка, – моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

Изрытые лиманы, горящие каштаны
Хранил в душе парнишка, идя в смертельный бой.
Овеян грозной славой был мститель неустанный,
Гвардеец-пулеметчик в тельняшке голубой.
От Сталинграда до Каховки
Пронес в неслыханной борьбе
Свой гнев и силу и сноровку,
И в трудный час он говорил себе:

«Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка, – моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

И в каждый новый город ворвавшись ураганом,
В огне пожарищ видя разрушенный квартал,
Безлюдные лиманы, разбитые фонтаны
Невольню с болью в сердце парнишка вспоминал.
Нахмутив лоб в морщинах грубых,
Едва-едва слезу сдержал,
Сжав кулаки и стиснув зубы,
Парнишка тихо сам себе шептал:

«Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка, – моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

Бульвары и лиманы сквозь слезы, кровь и раны
Услышали вновь шелест развернутых знамен,
Когда ворвался штурмом в Пересыпь и Фонтаны –
В страдалицу Одессу гвардейский батальон.
И, уронив на камень розы –
Знак возвращения своего,
Не смог сдержать гвардеец слезы,
Но не сказал никто тут ничего.

Хоть одессит Мишка, — а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда,
Хоть и моряк Мишка, — моряк не плачет, —
Но в этот день заплакать, право, не беда.

И подпись: «Младший сержант А. Колесников»⁴³.

Упомянутая выше фронтовая газета «На разгром врага» 12-й армии Третьего Украинского фронта опубликовала 10 апреля 1944 года текст первой песни Дыховичного под названием «Ты одессит, Мишка». Текст опубликован под рубрикой «Споём, товарищ!», и к нему дано примечание:

«Эту песню сложили об Одессе в конце 1941 года советские люди — песню о «Мишке-одессите»...

Эту песню поет и любит наша Родина, весь наш народ. Одесса — наша, родная, живой кусок нашей священной советской Родины.

Красная Армия, громя немецко-фашистских захватчиков, штурмом овладела Одессой. Кошмар немецко-румынского хозяйничанья в Одессе кончился. Настал радостный и счастливый, долгожданный день освобождения красавицы Одессы!»⁴⁴

В те апрельские дни, 60 лет назад, накануне освобождения Одессы, советские самолеты разбрасывали над городом листовки, озаглавленные «Ты — одессит, а это значит...». Помимо текста первой песни о Мишке-одессите, листовки содержали такое же примечание, как и в газете. Правда, в листовках оно было пространнее, с призывами бить врага, и начиналось с обращения «Товарищи одесситы!»⁴⁵

Когда же в Одессу вошли советские войска, одесситы впервые услышали песню «Мишка». Ведь на фронтах ее знали еще с 1942 года, благодаря концертам и киноконцертам Леонида Утесова, а также пластинкам, записанным в 1943-м. А Одесса услышала ее только в апреле 1944 года. Исполнял ли Утесов вторую песню — «Мишка вернулся в Одессу» — мне не известно, но думаю, что исполнял. Однако пластинку с этой песней он не записал.

Примечания

¹ Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник документов и материалов. — Одесса, 1947. — Т. 1. — С. 274.

² Там же. — С. 270.

³ Там же. — С. 267.

⁴ Утесов Л. Спасибо, сердце. — М., 1976. — С. 329.

⁵ Названия песен даются по книге «В боях и походах: Сборник текстов песен, посвященных войне». — М., 1975. — С. 248.

⁶ Большой Энциклопедический словарь. — М., 1998.

⁷ Первая пластинка была выпущена в 1943 году под названием «Мишка» (М. Воловац — В. Дыховичный). Исполняет Л. Утесов. Вторая пластинка вышла в том же году, но уже называлась «Одессит Мишка» (М. Воловац — В. Дыховичный). Исполняет Л. Утесов.

⁸ Утесов Л. Спасибо, сердце. — М., 1976. — С. 329.

⁹ Там же. — С. 403—404.

¹⁰ ОГНБ им. Горького.

¹¹ Письмо М. Табачникова В. Лясковскому. ОЛМ, Р-1734.

¹² Русская советская эстрада. 1930—1945. Очерки истории. — М., 1977. — С. 245.

¹³ Журнал «Музыкальная жизнь». — 1973 — № 13.

¹⁴ Сохор А. Русская советская песня. — Л., 1959. — С. 253.

¹⁵ Песни в боях за Украину. Сборник. — К., 1984. — С. 72.

¹⁶ Дмитриев Ю. Леонид Утесов. — М., 1982. — С. 162.

¹⁷ Антология советского джаза. Пластинка. Всесоюзная студия грамзаписи. Записи 1937—1940 гг.

¹⁸ Неизвестный Утесов. Дискография песен Л. Утесова / Составитель Г. Скорохов. — М., 1995. — С. 183.

¹⁹ Там же. — С. 185, 194—195.

²⁰ Беличенко С. А., Котельников В. П. Очерки истории джаза в Новосибирске. www.jazz.nsk.su.

²¹ Краткая литературная энциклопедия. — М., 1966. — Т. 2. — С. 830 // «Дыховичный Владимир Абрамович. Родился 12 (25) марта 1911 года в Москве. Умер 24 июня 1963 года в Ростове-на-Дону, похоронен в Москве».

²² Российская Еврейская энциклопедия. — М., 1994. — Т. 1. — С. 449.

²³ Союз писателей СССР на 1959 год. Справочник. — М., 1959. — С. 218.

²⁴ В. Дыховичный — автор текстов песен «Солдатский вальс» (муз. Н. Богословского), «Два Максима» и «Морской козел» (муз. С. Каца), цикла песенок об Андриюше (исполнял А. Менакер) и др.

²⁵ www.hitvideo.ru

²⁶ ОЛМ, НВ-13465.

²⁷ Текст «Мишки» приводится по тексту пригласительного билета, с исправлением орфографических и пунктуационных ошибок.

²⁸ Утесов Л. Спасибо, сердце. — М., 1976. — С. 445.

- ²⁹ Там же. — С. 318.
- ³⁰ Дмитриев Ю. Леонид Утесов. — М., 1982. — С. 146.
- ³¹ Письмо написано в 1976 году. Коллекция М. Пойзнера.
- ³² Сохор А. Русская советская песня. — Л., 1959. — С. 253.
- ³³ Дмитриев Ю. Леонид Утесов. — М., 1982. — С. 146.
- ³⁴ Раззаков Ф. Досье на звезд: Правда, домыслы, сенсации. 1934—1961. — М., 1998. — С. 12.
- ³⁵ Утесов Л. Спасибо, сердце. — М., 1976. — С. 445.
- ³⁶ Там же. — С. 329. — Письмо приводится с сокращениями.
- ³⁷ Сохор А. Русская советская песня. — Л., 1959. — С. 297—298.
- ³⁸ Там же. — С. 253.
- ³⁹ Текст песни приводится из фронтовой газеты «Мы победим», 26 апреля 1944.
- ⁴⁰ Газета «Мы победим» от 26 апреля 1944 г. ОЛМ, НВ-7066. — Ссылка на газету «На разгром врага» от 10 апреля 1944 г. — по книге «В боях и походах». — М., 1975. — С. 248.
- ⁴¹ Из пояснительной записки к экспонату. ОЛМ, П-197.
- ⁴² Третья строчка находится на сгибе газеты, поэтому прочитать ее невозможно.
- ⁴³ Текст песни приводится из фронтовой газеты «Красноармеец», 11 апреля 1944 года. — Фонды Одесского краеведческого музея, ПИ-1930.
- ⁴⁴ По кн.: В боях и походах: Сборник текстов песен, посвященных войне. — М., 1975. — С. 248.
- ⁴⁵ Листовка «Ты — одессит, а это значит...», 1944. — ОЛМ, НВ-2160/2.

БИОГРАФИЯ В ПИСЬМАХ

Пять писем Б. А. Лавренева одесскому адресату

Среди 114 экспонатов, хранящихся в фондах ОЛМ, которые связаны с именем Бориса Андреевича Лавренева, много личных вещей писателя, книг, документов, переданных музеем его вдовой Елизаветой Михайловной Лаврениной¹. Но поступившие в фонды пять писем писателя одесскому адресату Любови Владимировне Кармалиной — единственные рукописи Б. Лавренева, хранящиеся в фондах ОЛМ². Письма отправлены из Москвы в период с января по май 1952 г. (от 19 января, 5 февраля, 21 февраля, 16 марта и 30 мая). Они хранились в Одессе у Тамары Леонидовны Жуковской³ и были подарены ею ОЛМ в 2000 г.

Борис Андреевич Лавренев родился в Херсоне в 1891 г. Окончил местную гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета. К студенческим годам относятся его первые литературные опыты; как и многие молодые писатели, начинал он со стихотворений. В 1915 г. Лавренев был мобилизован, окончил военное училище и послан на фронт артиллерийским офицером. В 1916 г. появляется его первое прозаическое произведение — повесть «Гала-Петер». Известность писателю в советское время принесла повесть «Сорок первый» (1924 г.), которая, наряду с пьесами «Мятеж» (1924 г.) и «Разлом» (1927 г.), сделала Бориса Лавренева одним из самых популярных советских прозаиков.

В литературу Лавренев вошел как писатель социалистического реализма, писатель советской действительности, обласканный правящей партией. Тем интересней и уникальней письма Бориса Лавренева Любови Кармалиной, которые открывают нам этого пролетарского автора «Разлома» и «Сорок первого» с новой, человеческой стороны. В этих письмах писатель рассказывает о своей жизни за тридцатипятилетний период, оценивает свою судьбу и судьбы своих близких. Письма — очень искренние и откровенные, а если учесть время их написания и то, что человека, которому они адресованы, Лавренев не видел 35 лет, то и просто смелые.

Дружившие в ранней юности, жившие в Херсоне, Борис Лавренев и Любовь Кармалина возобновляют свое знакомство по прошествии многих лет уже зрелыми людьми, со сложившимися судьбами и взглядами. Грустью и усталостью пронизаны строчки первого письма – от 19 января: «...Жизнь моя за эти 35 лет действительно была очень богата большими событиями, была очень полной и интересной, но сейчас я уже от этого

Л. Кармалина. Херсон, 1916

богатства немного устал и мечтаю от него убежать куда-нибудь в глушь, но, к сожалению, это лишь безнадежная мечта, которой не суждено осуществиться. Конечно, никуда меня от всех моих общественных и прочих обязанностей не отпустят, и территориальная грань моей «глуши» находится в 20 километрах от Москвы, на моей тихой маленькой даче, где я, как подбавляет стареющему сановнику, развожу розы и пионы и другие виды цветов».

«...Семья моя невелика. Папа умер в 1932 г. в Херсоне. В 1942 году там же погибла в дни немецкой оккупации мама. Сестер и братьев, как вы, наверное,

помните, у меня не было. Младший, любимый сын, Андрюша, необыкновенно одаренный мальчик, музыкант, художник, поэт, погиб 20 лет трагически и бессмысленно в 1947 году, и эта потеря меня подломила неизлечимо. Старший, Юрий, геолог с крупным именем в своей области – отрезанный ломоть, у меня с ним мало точек соприкосновения. И осталось нас двое – я и жена...» (письмо от 19 января).

Одно из писем (от 5 февраля) почти полностью посвящено судьбам общих друзей Б. Лавренева и Л. Кармалиной и судьбе ее мужа и друга юности Бориса Андреевича – Леонида Васильевича Тропина⁴.

«...Совершенно придавило меня известие о Лене. Вы знаете, я в глубине души как-то все время надеялся, что Леня с его характером, волей и умом благополучно обо-

Л. Тропин. Херсон, 1916

шел подводные камни трудных лет разрухи. Среди друзей юности Леня занимал в моем сердце особое место. Когда большинство из нас были еще детьми – Леня уже был сложившимся человеком очень ясного, целеустремленного склада, твердо знавшим, куда идти и что делать в жизни. ...И всегда мне казалось, что у него впереди большая судьба. И вот вместо этого такая бессмысленная, нелепая и обидная доля»⁵.

Из писем мы узнаем, что в первых числах марта 1952 г. Борис Лавренев приезжал в Одессу в клинику глазных болезней, к Владимиру Петровичу Филатову (письмо от 16 марта) на подсадочное лечение полиартрита глазного яблока и собирался приехать вторично в начале апреля (письмо от 30 мая). О своей болезни Б. А. Лавренев пишет так:

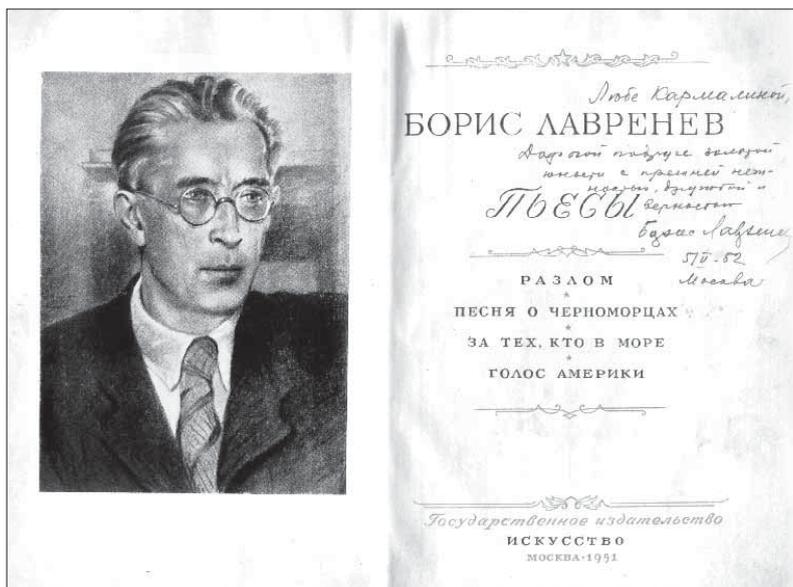
«...На здоровье пока не жалуясь. Немного беспокоят глаза (это по Вашей специальности)⁶. В 1943 г. в Баренцевом море меня сорвало воздушной волной от бомбы с палубы морского охотника и швырнуло в воду. А водичка была температурой в 1,5° ниже нуля, в воздухе же 28° мо-

роза. ...И проплавал я, пока меня вытащили на борт, всего минуты 4, но этого хватило, чтобы у меня обмерзло все лицо и глаза. ...И вот уже девятый год у меня периодически при переменах погоды набухают и наливаются кровью сосуды на белках глаз. Зрению не мешает, но вид в это время бывает отвратительный...» (письмо от 19 января).

Осуществился ли этот второй приезд Бориса Лавренева в Одессу — неизвестно, на этом письме переписка оборвалась. Любовь Кармалина получила в подарок книгу⁷ с очень теплой дарственной надписью автора: «Любе Кармалиной, дорогой подруге золотой юности, с прежней нежностью, дружбой и верностью. Борис Лавренев. Москва. 5.2.52 г.». Их общие воспоминания о юности на этом прервались. Через семь лет писатель ушел из жизни.

Для нас же эта переписка приоткрыла душу советского писателя Бориса Андреевича Лавренева.

Автограф Б. Лавренева на книге, подаренной Л. Кармалиной. 1952

Автор выражает благодарность Виктории Александровне Вонсович и Валентине Константиновне Сичкаренко за помощь, оказанную в написании этой статьи.

Примечания

¹ ОЛМ. Акт приема № 288 от 13 мая 1980 г.

² Переданы в дар. Акт приема № 43 от 17 октября 2000 г. (Р-2453, Р-2454, Р-2455, Р-2456, Р-2457).

³ Тамара Леонидовна Жуковская — дочь Любви Владимировны Кармалиной и Леонида Васильевича Тропина.

⁴ Леонид Васильевич Тропин — херсонский друг юности Б. А. Лавренева, муж Л. В. Кармалиной. По словам дочери — Тамары Жуковской, воевал на стороне белой армии, в 20-е годы бежал в Болгарию, дальнейшая его судьба неизвестна.

⁵ Данные о других людях, упоминающихся в письмах, на данный момент не установлены.

⁶ В документах Одесского государственного архива «Одесский НИИ тканевой терапии им. Филатова» (1944—1988 гг.) (Р-7779 оп. 1) никаких сведений о Л. В. Кармалиной как о сотруднике института не обнаружено.

⁷ Лавренев Б. Пьесы. — Москва, 1951 (фонды ОЛМ, КП-26558; КН-10430).

ПИСЬМА БОРИСА ЛАВРЕНЕВА ЛЮБОВИ КАРМАЛИНОЙ

1

19/1-52

Дорогая Любочка!

Я не хочу называть Вас Любовью Владимировной потому, что в моей памяти Вы навсегда остались Любочкой Кармалиной, тоненькой девушкой с теплыми, ласковыми глазами, живым характером (то что называется «заводилой»), которая, кажется, больше всего на свете любила «Лоби-Тоби» и нашу веселую, дружную молодую компанию.

Меня очень взволновало Ваше письмо, такое неожиданное, от которого сразу нахлынула волна самых хороших, светлых и чистых воспоминаний. Тем более взволновало, что в годы 1917–1923 я много раз пытался узнать хоть что-нибудь о Лёне и о Вас.

В последний раз я встретился с Леней именно в 17 году по дороге в Москву и с тех пор следы его и Ваши потерялись так надолго. Как это было давно, как давно! 35 лет! И как много не только воды, но и крови, молодости, здоровья утекло с тех пор, как мальчик в поиске бродил с неизменной и неразлучной книжкой мимо окон черноглазой девочки Любы по тихой Ганнибаловской в пронизанном солнцем зеленом дыму цветущих акаций. Вы не поверите, дорогой старый друг, как я рад сейчас, что Вы нашлись, что Вы живы, что еще существует в далекой Одессе милая частица забываемого детства и юношества.

Я не только хочу, я нашей дружбой обязываю Вас поподробнее написать о себе, о Лене, обо всех членах нашей жизни [неразб.] шайки. Может быть, Вы знаете что-нибудь и о судьбе Миши Андреевко? Буду рад каждой весточке о людях, с которыми так много связано и которых теперь на закате вспоминаешь особенно остро и нежно.

Что же сказать о себе? Жизнь моя за эти 35 лет действительно была очень богата большими событиями, была очень полной и интересной, но сейчас я уже от этого богатства немного устал и мечтаю от него убежать куда-нибудь в глушь, но, к сожалению, это лишь безнадежная мечта, которой не суждено осуществиться. Конечно, никуда меня от всех моих общественных и прочих обязанностей не отпустят, и территориальная грань

моей «глуши» находится в 20 километрах от Москвы, на моей тихой маленькой даче, где я, как подобает стареющему сановнику, развожу розы, пионы и другие виды цветов.

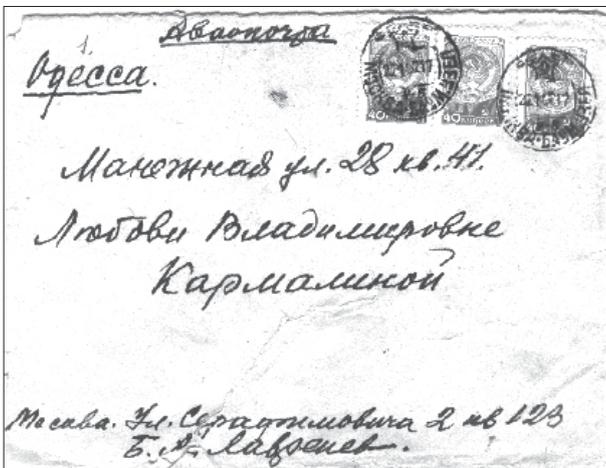
Семья моя невелика. Папа умер в 1932 г. в Херсоне. В 1942 году там же погибла в дни немецкой оккупации мама. Сестер и братьев, как вы, наверное, помните, у меня не было. Младший, любимый сын, Андрюша, необыкновенно одаренный мальчик, музыкант, художник, поэт, погиб 20 лет трагически и бессмысленно в 1947 году, и эта потеря меня подломила тяжело и неизлечимо. Старший, Юрий, геолог с крупным именем в своей области — отрезанный ломоть, у меня с ним мало точек соприкосновения. И осталось нас двое — я и жена. Как раз летом этого года будем тихо праздновать 25 лет совместной, дружной, неомраченной жизни.

Испечем на даче пирог с клубникой, зажжем 25 свечек и перейдем в последний период, который будет уже называться старостью.

Вот и вся моя семейная биография, как на ладошке.

По внешнему виду я еще немного напоминаю «стройного мальчика», только голова уже крепко посеребрилась. А так еще меня узнают еще на улице люди, с которыми я не виделся 20—25 лет. На здоровье пока не жалуюсь. Немного беспокоят глаза (это по Вашей специальности). В 1943 году в Баренцевом море меня сорвало воздушной волной от бомбы с палубы морского охотника и швырнуло в воду. А водичка была температурой в 1,5° ниже нуля, в воздухе же 28° мороза. К счастью, на мне был непромокаемый капковый комбинезон, и проплавал я, пока меня вытащили на борт, всего минуты 4, но этого хватило, чтобы у меня обмерзло все лицо и глаза. А так как я и до этого приятного купания был подвержен подагрическим явлениям, то подагра, разъярясь, кинулась на слабое место, и вот уже девятый год у меня периодически при переменах погоды набухают и наливаются кровью сосуды на белках глаз. Зрению не мешает, но вид в это время бывает отвратительный. Впрочем, это наименее увлекательное для Вас обстоятельство моей жизни, и не знаю, зачем я о нем расписался. Очевидно, по принципу, что у кого болит...

В родном Херсоне в последний раз был в 1944 году, когда обеспокоенный участием мамы ворвался в город на плечах у немцев с морской пехотой. Но, увы, нашел только маленький холмик на

задогмисе-
верное, киче
е ввиду
решае
ед, кровью
не мешаю,
ратной.
тшествое

дид Вас обстоятельство моей жизни и
не знаю зачем и о чем рассказыв. Очевидно,
по принципу, то у кого больше...

Вряд ли Врессой в последний раз были в 1949
году, когда обезопасившийся мамой
включил в поезд на такси у кешуев в мор-
ской пешеход. Ко, улы, нашей только мамин-
кий кемник на старом кизаблице, рядом
с мотной отуда, а о судьбе мамы, рассказав
ли осужившей в глывах ее друзей. Врессой
были в основном все, но абстрагировав графиче-
риковскими до такой степени, что в туе-
тлах велах и твэки кешуев Гилье кайде.

И так если сагамо гавько и давно, когда я
походил по обдоранковом, зрительном Галеншта-
ловской, Вишневской, Преображенской, Кольце-
кинской, Сударовской, Френской, так стала
сердце пашаудно невострагившего прошлого,
что в дал себе слово никогда больше в Кур-
сон не возвращаться.

1953
1954

Вот и все и все. Из наших кешуев в Москве
никогда были только малю адюканишная Вале-
до твободства. Не знаю-помните ли кто это.
Ваше же, дорогой мой
друг, и не пропадаете отсюда. Крепко Вас
обнимаю.

Сердечно Вам Бор. Лавренев.
Помните адрес: Москва, ул. Сергатишова
2 кв. 123.

Конверт и последняя страница письма от 19 января 1952

старом кладбище, рядом с могилой отца, а о судьбе мамы рассказали оставшиеся в живых ее друзья. Херсон был в основном цел, но обокраден братьями румынами до такой степени, что в пустых домах и иголки нельзя было найти. И так мне стало горько и больно, когда я походил по ободранным, грязным Ганнибаловской, Витовской, Преображенской, Потемкинской, Суворовской, Греческой, так сжало сердце памятью невозвратимого прошлого, что я дал себе слово никогда больше в Херсон не заглядывать.

Вот пока и все. Из наших херсонцев в Москве иногда вижу только моего однокашника Володю Пивоварова. Не знаю — помните ли Вы его. Больше нет никого. Пишите же, дорогой мой друг, и не пропадите опять. Крепко Вас обнимаю.

Сердечно Ваш Бор. Лавренев.

Пишите прямо домой: Москва «72». Ул. Серафимовича, д. 2, кв. 123.

КП-26559, Р-2453

2

Милый мой друг!

С ощущением большой и горькой боли читал я Ваше второе письмо. Совершенно придавило меня известие о Лене. Вы знаете, я в глубине души как-то все время надеялся, что Ленья с его характером, волей и умом благополучно обошел все подводные камни трудных лет разрухи. Среди друзей юности Ленья занимал в моем сердце особое место. Когда большинство из нас были еще детьми — Ленья уже был сложившимся человеком очень ясного, целеустремленного склада, твердо знавшим, куда идти и что делать в жизни. За это я не только любил, я очень уважал его. И всегда мне казалось, что у него впереди большая судьба. И вот вместо этого такая бессмысленная, нелепая и обидная доля.

По тому, что Вы пишете, я понял, что Вы сами не знаете достоверно, что же, в конце концов, с ним произошло и жив ли он. Хотя если бы был жив, то тем или иным образом дал бы о себе знать. Иной раз оглянешься назад и на пройденном пути насчитаешь столько невозвратимых потерь, что сердце сжимается и становится холодно. И мне очень больно, что моя надежда все-таки когда-нибудь встретиться еще с Леничкой стала

Милый мой друг!

В ощущении большой и горькой боли читаю в Вашем вчерашнем письме. Совсем недавно прибавило меня известие о Лёне. Вы знаете, в глубине души, как то все время надеялся, что Лёна с его характером выдержит и умам благополучно обойдет все патентованные камни пугливых лей разрядки. Среди друзей иногда Лёна занимал в моем сердце особое место. Когда болелись вы и нас были еще детьми - Лёна мне был светившимся человеком очень много, целеустремленного смелого, твердо знавшего, куда идти и что делать в жизни. За это я не только любил, я очень уважал его. И всегда мне казалось, что у него везде бы была сила. И вот внезапно этого такая бессмысленная, несправедливая и обидная смерть.

То самое, что вы пишете, в походы, что вы сами не знаете достоверно, что же, в конце концов, с ним произошло и жив ли он. Говорят, семь дней назад, то есть три недели назад вы бы о себе знали. Какой раз оглянешься назад и на пройденном пути находишь столько невообразимых потерь, что сердце становится и становится холодным. И мне очень больно, что мед надежда, вестники, когда либо вступают еще в Лёночку, стала безжалостной и неосуществимой. Но в походы имел он замечательное и светлое место.

В судьбе Андрея я знаю только, что в декабре 1977 года мне пришлось на несколько дней заехать в Ярославль и мне рассказали о его смерти. Но подражатели не были рассказаны и я не предполагал, что он кончил так по царски дико, да еще на глазах у Вас. Понимал, что это важно было на всей жизни его друзей, знакомых, воспитанников.

Что касается имени Андреев, то теперь мне ясно, что в Париже он вошел. Некая или некая сила, но вошел. Дело в том, что году в 35-м или 36-м он из моего круга, публиковавший в Париже, привез программу какого-то собрания, "Голос России"

бесплодной и неосуществимой. Но в памяти моей он занимает большое и светлое место.

О судьбе Андрея я знаю потому, что в декабре 17 года мне пришлось на несколько дней заехать в Херсон и мне рассказали о его смерти. Но подробности не были рассказаны и я не предполагал, что он кончил так гусарски дико, да еще на глазах у Вас. Понимаю, что это должно было на всю жизнь остаться ужасным воспоминанием.

Что касается Миши Андреенко, то теперь мне ясно, что до Парижа он дошел. Пешком или иным способом, но дошел. Дело в том, что году в 35-м или 36-м один из моих друзей, побывавший в Париже, привез программу какого-то обозрения «Folie Bergère». В ней было указано, что «peintre-decorateur» спектакля «Andrienko». Я уже тогда заподозрил, что это наш курносый Мишка, т. к. он всегда мечтал о Париже.

Теперь же я совершенно уверен, что это был именно он. Но больше я о нем ни разу не слышал. Очевидно, он, как полагаются в Париже, блеснул метеором, чтобы исчезнуть в неизвестности, как исчезали в Париже очень и очень многие, как только кончалась очередная мода.

Из нашей компании в моем поле зрения остался один только Ефимчик Левит. Я встретил его в Ленинграде в 30-м году, когда я жил там. Он был в то время рядовым дежурным врачом ленинградской скорой помощи, а сейчас он ее директор. Больше никого за все время не видел и не встречал.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам, дорогая Любочка, имеющуюся под рукой книжку моих пьес, не ради пьес, а потому, что в ней Вы можете увидеть меня таким, каким я был в 1947 году. С тех пор я изменился мало, только седины стало гораздо больше.

С Сережей Сильванским у меня была тоже странная история, хотя и не трагическая. Как-то в начале 40-х годов я получил в заказном письме на адрес Союза писателей маленькую книжонку под названием «Старый Херсон». Автором ее был Сережа, а иллюстрирована книжка была зарисовками херсонских мест, сделанными Андриенко в 1913—1914. К сожалению, при книжке не было никакого письма, на конверте не был обозначен адрес отправителя и я не имел понятия, где Сергей и что с ним. Вот еще одна потеря.

Любочка, милая, как же Вы забыли «Лобби-Тоби»? Ведь у Вас буквально глаза загорались, когда Вы видели эти замечательные конфекты. А для меня Ваше имя навсегда ассоциировалось именно с «Лобби-Тоби». И как жаль, что сейчас их с фонарем не разыщешь. Это тоже призрак юности, как многие призраки.

Должен сказать, что Ваше письмо придавило не только меня. Мы читали его вместе с Зайкой. Поясняю, Зайка моя жена. Собственно, зовут ее Елизаветой Михайловной, а «Зайка» осталась от детства, когда она была очень похожа на беленького зайчика. И хотя Зайка человек очень закаленный и крепкий, но, дочитав до истории Андрея Мышковского, она пустила слезу. Вполне ее понимаю. Нелегкая у Вас жизнь, мой дорогой друг.

Что рассказать о себе. Моя жизнь действительно прошла шумно, интересно, увлекательно, но и в ней было немало отравы всех сортов.

Все имеет свою оборотную сторону, и моя известность чем дальше, тем больше угнетает меня, потому что у меня совершенно нет времени для себя, Мое время принадлежит всяким общественным и иным нагрузкам до такой степени, что иногда хочется завывать, начать кусаться и сбежать куда глаза глядят, в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов, к чертовой бабушке, только бы не заседать, не терять в бесплодной и бессмысленной канители последние дорогие годы. Но бежать некуда. Всюду найдут и за шиворот приволокут обратно, да еще мордой об стол натолкнут за антиобщественные тенденции. Так и верчусь, как запущенная водяная мельница, скрипя колесами и безнадежно ругаясь.

Только и отрады, что удастся иной раз удрать на 3–4 дня на дачу, где нет заседаний, а главное, нет самого проклятого из всех достижений техники — телефона.

Касательно моих глаз дело обстоит так. В августе я написал письмо Вл. Петровичу, но его как раз не было в Одессе и мне ответили открыткой из Института с просьбой прислать мои лечебные документы, анамнез, диагноз и прочую мерзость.

Собирался я все это добыть из кремлевской клиники, но так за делами и не собрался. Но теперь на семейном совете решено, что мне нужно ехать к Филатову. В начале марта я провожу Зайку в Цхалтубо, а сам двинусь в Одессу, хотя бы уже потому, что непременно хочу увидеть Вас, поговорить не на бумаге, а душевно, хорошо, по-прежнему.

Поэтому сообщите мне — как называется сейчас бывшая Лондонская гостиница на бульваре Фельдмана, чтобы к выезду дать туда телеграмму из Сталинского Комитета о бронировании мне номера, а кроме того расскажите внятно, какие именно документы нужно везти с собой, чтобы ясно было, что со мной, и чтобы мне не пришлось делать снова лишние процедуры и анализы, которых я терпеть не могу, будь они прокляты.

Меня давно убеждают со всех сторон ехать к Филатову, рассказывая чудеса из чудес о результатах грязевого и подсадочно-го лечения полиартритов глазного яблока.

В конце концов, хуже, чем есть, быть не может, а мне эта проклятая болезнь очертела. Главное, что она никак не отражается на зрении, не дает болевых ощущений, но во время приступов глаза наливаются кровью и я становлюсь похож на бешеного кролика. Противно и никуда показаться невозможно. Рискну попробовать, с чем едят Филатова.

Крепко обнимаю Вас, мой друг. Зайка просит Вам передать, что она отлично все понимает и шлет Вам самый горячий и дружеский привет. Она у меня человек с большой буквы и совсем не похожа на обыкновенную жену. Будьте здоровы, дружок. Жду! Пишите.

Сердечно и всегда
Ваш.

5 февр. 1952

КП-26560, Р-2454

Л. Кармалина. Одесса, 1950

3

Дорогая Любочка!

Письмо получил. Большое спасибо за сведения. Рассчитываю 26-го выехать в Одессу и быть 28-го на месте. Поэтому расписываться не буду. Скоро увидимся, и тогда

нам хватит поговорить обо всем, начиная от юных дней и до сегодняшних.

Обнимаю и целую Вас, дорогой мой дружок. Будьте здоровы.

Ваш Б. Лавренев

21 февр. 1952

КП-29561, Р-2455

4

Дорогая Любочка!

Получил по возвращении из Барвихи Ваше письмо. Искренне удивился Вашему странному предположению по поводу моего молчания. Нет для него никаких причин. Просто я сидел полтора месяца в барвихинском санатории на положении заключенного с особо строгим режимом и мне категорически не давали бумаги, пера, карандашей, вообще всего, при помощи чего можно писать.

Да я и не настаивал на изменении режима потому, что действительно мне нужен был полный покой, чтобы привести себя в порядок, ибо от физики до нервов все расшаталось. Сейчас чувствую себя если не возрожденным, то во всяком случае нормальным.

Ваш рассказ о слепом музыканте меня не удивляет. Дело в том, что помогать слепым музыкантам хорошо только в антиментальных беллетристических рассказах типа Короленко. В жизни такие экземпляры не соответствуют своим литературным прототипам и обычно оказываются истинной и крепкой дрянью. Примите это к сведению и не занимайтесь благотворительностью. Вам впору помочь самой себе, а не утруждать себя расточением благодеяний субъектам, которые этого не стоят. Он еще отблагодарит Вас пакетом пакостей. И слава богу, если Вы от него отвяжетесь без ущерба для себя.

1-го июня я уезжаю на дачу, где и буду сидеть безвылазно до августа, когда Владимир Петрович вернется в Одессу и я приеду на вторичную подсадку. Собственно, он вернется в июле, но июль у меня занят всякими семейными торжествами, вроде дней рождений и именин, и в июле я выбраться не смогу.

Май в Москве был препаскудный, с холодами и дождями, и только теперь начинает как будто вступать в права лето. По

этой причине сад только начинает по-настоящему распускаться, одеваться листьями и бутонами. И нужно будет со всем этим повозиться, покопаться в земле.

Не делайте больше на мой счет скверных предположений. Я жив, почти здоров, Вас помню и забывать не собираюсь. Сердечный привет Тамаре и Вике.

Ваш Бор. Лавренев

30 мая 1952

КП-26562, Р-2456

5

Дорогая Любочка, мне чертовски не повезло. Ехал я совсем больной, а по приезде в Москву свалился окончательно. Где меня угораздило подхватить такую злобную ангину — понять не могу. Но с 9-го по 14-ое марта я просто задыхался от опухоли в горле и температура держалась очень высокая. Даже усиленные заряды пенициллина мало помогали, и вот только сегодня я начал приходить в человеческое состояние. Хоть глотать могу, а то лежал, как вытащенный на сушу карась с раскрытым ртом.

Мне думается, что я заразился еще по пути в Одессу в этом паршивом вагоне, которым заменили на скорую руку неисправный международный вагон, не продезинфицировав его. Л., уже в день приезда в Одессу я чувствовал себя неладно. Первая вспышка разыгралась с утра 4-го, потом отпустило, а с 7-го все навалилось снова. Словом, было очень кисло, и сейчас я так слаб, как будто провисел на балконе и из меня выколачивали палкой пыль.

3 дня назад звонил мне А. А. Парамонов, но я просил жену сказать, что я еще не приехал, т. к. не могу и не хочу никого видеть, пока не обрету нормального состояния. Потом сам позвоню ему.

20-го меня увезут на дачу, и до нового отъезда в Одессу я никуда носа не высуну. Думаю, что приеду между 8-м и 10-м апреля.

Приветствуйте от меня Тамару и Вику. Надеюсь, что в этот приезд я уже здоров и в форме и не будет никаких писем для тихой домашней встречи. Обнимаю Вас.

Бор. Лавренев

16.03-52

КП-26563, Р-2457

Публикацию подготовила **Н. Е. Михайлова**

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Божко Анна Игоревна — научный сотрудник, автор публикаций об одесской журналистике конца XIX — начала XX века. В музее с 1995 г.

Выскребенцева Светлана Тимофеевна — заведующая сектором литературы второй половины XIX века, создатель экспозиции музея, автор публикаций о литературной жизни Одессы конца XIX — начала XX века. В музее с 1979 г.

Голубовский Евгений Михайлович (р. 1936) — журналист, библиофил, автор публикаций по истории, культурологии, краеведению.

Давыдова Мария Савельевна — главный методист, создатель экспозиции музея, автор публикаций по истории украинской литературы и по теории музееведения. В музее с 1979 г.

Донцова Татьяна Евгеньевна — краевед, автор публикаций о литературной Одессе XIX—XX веков, книги «Молдаванка».

Закипная Галина Владимировна — заведующая сектором литературы первой половины XIX века, создатель экспозиции музея, автор публикаций по истории украинской литературы. В музее с 1978 г.

Ильф Александра Ильинична (*Москва*) — редактор, переводчик; в последние годы занимается публикацией творческого наследия И. Ильфа и Е. Петрова.

Каракина Елена Александровна — ученый секретарь, автор публикаций об одесской литературной школе 1920-х гг. В музее с 1982 г.

Куценко Ольга Константиновна — научный сотрудник музея-квартиры А. С. Пушкина, автор публикаций об одесском периоде жизни Пушкина. В музее с 1987 г.

Липтуга Татьяна Ивановна — директор музея, создатель экспозиции, автор публикаций о литературной жизни Одессы 1920—1970-х гг. В музее с 1978 г.

Луцик Сергей Зенонович (р. 1925) — краевед, библиофил, автор ряда книг и публикаций о культурной жизни Одессы начала XX века.

Майборода Людмила Владимировна — научный сотрудник, автор публикаций по истории украинской литературы. В музее с 1984 г.

Мельниченко Лилия Алексеевна — заведующая сектором современной литературы, автор публикаций о литературной жизни Одессы 1940—1980-х гг. В музее с 1984 г.

Михайлова Наталья Евгеньевна — главный хранитель. В музее с 1999 года.

Полторацкая Анна Николаевна — заведующая сектором зарубежной литературы, создатель экспозиции музея. Автор публикаций по зарубежной литературе. В музее с 1978 г.

Саврасова Инна Георгиевна — научный сотрудник. В музее с 2000 г.

Толстая Елена Дмитриевна (*Иерусалим*) — профессор Иерусалимского университета, специалист по творчеству А. П. Чехова, автор книг «Поэтика раздражения», «Мирпослеконца» и др.

Фоогд-Стоянова Татьяна Филипповна (*Амстердам*) — славист, научный сотрудник Амстердамского университета, автор статей о выдающихся современниках, опубликованных в зарубежных изданиях, и книг воспоминаний, вышедших в Одессе.

Хивренко Лариса Станиславовна — научный сотрудник, создатель экспозиции музея, автор публикаций о литературе первой половины XIX века. В музее с 1979 года.

Яворская Алена Леонидовна — заместитель директора по научной работе, автор публикаций об одесской литературной школе 1920-х гг. и украинской литературе 1920-х гг. В музее с 1984 г.

ИЗДАНИЯ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Одесский государственный литературный музей. Путеводитель. — Одесса: Маяк, 1986. — Тираж 50000 экз. — 144 с., ил.

Доротея Атлас. Старая Одесса, ее друзья и недруги / Сост. Л. В. Майборода, Г. В. Закипная. — М.: Ласми, 1992. Тираж 30000 экз. — 208 с., ил.

Книжкові обкладинки художника Михаила Жука: Каталог выставки / Сост. О. Лагутенко, С. Луцник. — Одеса: ОДЛМ, 1995. — Тираж 100 прим. — 56 с., ил.

Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций. — Вып. 1. — Одесса: Афина, 1997. — 240 с., ил.

Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину / Сост. А. Яворская. — Одесса: ОКФА, 1998. — 160 с., ил.

Наталья Крандиевская-Толстая. Свет уединенный / Сост. Е. Голубовский, А. Яворская. — Одесса: Друк, 1999. (Совместно со Всемирным клубом одесситов). — Тираж 100 экз. — 96 с., ил.

Одесса — А. Пушкину. 200-летию А. С. Пушкина посвящается: Сборник статей / Сост. Р. И. Бродавко. — Одесса: Принт Мастер, 1999. — 160 с., ил.

Вера Инбер. Цветы на асфальте / Сост. Е. Голубовский, А. Яворская. — Одесса: Друк, 2000. (Совместно со Всемирным клубом одесситов). — Тираж 150 экз. — 92 с., ил.

Анатолий Фиолетов. О лошадях простого звания / Сост. Е. Голубовский. — Одесса: Друк, 2000. (Совместно со Всемирным клубом одесситов). — Тираж 100 экз. — 96 с., ил.

Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций. — Вып. 2. — Одесса: Друк, 2001. — Тираж 700 экз. — 336 с., ил.

Где обрывается Россия... / Сост. А. Таубеншлак, А. Яворская. — Одесса: Оптимум, 2002. (Совместно с обществом «Мемориал»). — Тираж 1000 экз. — 492 с., ил.

Рассказы о музее: Сборник очерков. — Одесса: Пласке, 2002. — Тираж 1000 экз. — 200 с., ил.

Илья Ильф. Путешествие в Одессу / Сост. А. И. Ильф. — Одесса: Оптимум, 2002. — Тираж 300 экз. — 206 с., ил.

Путешествие в Одессу. Александра Ильф. Илья Ильф в Одессе. 1897—1922; Илья Ильф. Рассказы и фельетоны / Сост. А. И. Ильф. — Одесса: Пласке, 2004. (Совместно с ЗАО «Пласке»). — Тираж 2000 экз. — 368 с., илл.

Вениамин Бабаджан. Из творческого наследия. — В 2 т. / Сост. С. З. Лущик, А. Л. Яворская. — Одесса: Оптимум, 2004. — Тираж 300 экз. — 584 с., ил.

Татьяна Фоогд-Стоянова. Вспоминая Владимира Алексеевича Пяста. / Владимир Пяст. Десять писем / Сост. А. Полторацкая, Е. Мальцева. — Одесса: Друк, 2004. — Тираж 300 экз. — 120 с., ил.

Одесский литературный музей:

ул. Ланжероновская, 2, Одесса, 65026, Украина;

тел.: +38 (0482) 22-00-02, 22-33-70;

тел./факс: +38 (048) 731-46-85, (0482) 25-01-73

e-mail: litmuseum@yandex.ru

http://museum.odessa.net/litmuseum

Документально-наукове видання

ДІМ КНЯЗЯ ГАГАРИНА

Збірник наукових статей і публікацій

Випуск 3

Частина друга

Відповідальний редактор

Т. І. Ліптуга

Редактор

О. Л. Яворська

Літературний редактор

С. Б. Мітіна

Технічний редактор

С. Б. Кобринська

Підписано до друку 5.08.2004. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Гарнітура «Нью-Баскервіль». Папір офсетний. Друк офсетний.
Умов. друк. арк. 21,39. Наклад 1000 прим. Зам. № 914.

Видавництво ЗАТ «ПЛАСКЕ»

Одеса, вул. В. Арнаутська, 15, тел. (048) 7-385-385

Віддруковано з оригінал-макета в типографії «Моряк»

Одеса, вул. Рішельєвська, 26, тел. (0482) 22-34-84